

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2014

№ 3 (130)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2014

№ 3 (130)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
-
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю.Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Главный редактор
Т. В. Куш,
докт. ист. наук, доц.
- Заместители главного редактора
Е. П. Алексеев,
канд. искусствоведения, доц.
- Ю. В. Матвеева**,
докт. филол. наук, доц.
- Ответственный секретарь
Н. В. Мосеева
- Ответственные за направления
- История
Н. Н. Баранов,
докт. ист. наук, доц.
- Е. М. Главацкая**,
докт. ист. наук, доц.
- Ю. А. Русина**,
канд. ист. наук, доц.
- А. В. Шаманаев**,
канд. ист. наук, доц.
- Филология
О. В. Зырянов,
докт. филол. наук, проф.
- А. В. Маркин**,
канд. филол. наук, доц.
- А. М. Плотникова**,
докт. филол. наук, доц.
- Д. В. Спиридонов**,
канд. филол. наук, доц.
- Искусствоведение и культурология
Л. А. Будрина, канд.
искусствоведения, доц.
- Г. В. Гольнец**, канд.
искусствоведения, чл.-корр. РАН
- М. В. Капкан**, канд.
культурологии, доц.
- Л. С. Лихачева**, докт.
социол. наук, проф.
- Перевод на английский
Т. С. Кузнецова,
канд. филол. наук

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	8	<i>Борщ Е. В.</i> Крымский вояж Анатолия Демидова 1837 г.: от текста к иллюстрациям.....	90
К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ		<i>Сидорова О. Г.</i> Изображение Крымской войны в английской литературе	106
<i>Поршнев О. С.</i> «Вторая Отечественная»: общественные настроения в уральских губерниях в начальный период Первой мировой войны	10	<i>Баруткина М. О.</i> Гений места: Максимилиан Волошин и Киммерия	114
<i>Кантор Ю. З.</i> М. Н. Тухачевский и Ш. де Голль в лагере Ингольштадт в годы Первой мировой войны. Неизвестные страницы биографий	21	<i>Федякин С. Р.</i> «Уходящий берег Крыма» в произведениях Н. Туроверова, Б. Поплавского, Г. Газданова и В. Набокова	122
<i>Объедков И. В.</i> Пропагандисты русского военного ведомства в США (1915–1917).....	34	<i>Матвеева Ю. В.</i> Крымская «нота» Русского Зарубежья: на материале творчества писателей младшего поколения первой русской эмиграции.....	134
<i>Павленко А. П.</i> Конфликты офицеров с нижними чинами на Черноморском флоте (март 1917 – март 1918 гг.)	42	<i>Харитонов Д. В.</i> Самый актуальный писатель последнего времени, или Несколько соображений о романе-предсказании	144
<i>Симян Т. С.</i> Кайзеровская псевдохристианская милитаристская риторика 1910-х гг. в зеркале дадаистской и экспрессионистской критики.....	51	<i>Барковская Н. В.</i> «Околотов античного мира»: образ Крыма в стихах Майи Никулиной	151
КРЫМ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ		<i>Вепрева И. Т., Кутина Н. А.</i> «Крымские» санкции: культурный сценарий и его развороты	161
<i>Храпунов Н. И.</i> Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в.	58	ИСТОРИЯ	
<i>Приказчиков Е. Е.</i> Мифологические проекции путешествия Екатерины II в Тавриду 1787 г. в контексте государственного утопизма XVIII столетия (на материале мемуарно-эпистолярных источников).....	69	<i>Язовская О. В.</i> Трансформация мифологического наследия Японии в системе японской государственности	171
<i>Шаманаев А. В.</i> Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья	79	<i>Лебедева Г. Е., Мехамадиев Е. А.</i> Диакон Агапит и <i>Dialogus de scientia politica</i> : два концепта власти византийского василевса в VI в. (часть 1).....	182
		<i>Куц Т. В.</i> Сочинения Димитрия Кидониса как источник по истории зилотского движения в Фессалонике	191
		<i>Хоруженко О. И.</i> Печати князей Оболенских XIII–XVII вв. в публикации Ф. А. Бюлера.....	201

<i>Манькова И. Л.</i> Дозорная книга 1624 г. как источник для реконструкции православного ландшафта Тобольска.....	212	<i>Дергачева-Скоп Е. И.</i> Современное исследование творчества и литературной культуры старообрядцев	278
<i>Келлер А. В.</i> Становление и развитие ремесленного образования в Санкт-Петербурге XVIII — начала XX в.	227	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Мангилева А. В.</i> Белое приходское духовенство Российской империи: от сословия к профессии	241	Конференции	
<i>Черноухов Э. А.</i> Заведения общественного призрения в частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в.	249	Третий семинар по феноменологии творчества (<i>Т. А. Снизирева, А. В. Подчиненов</i>).....	285
<i>Крих С. Б., Метель О. В.</i> Формирование марксистского подхода к изучению религиозных феноменов в советской научной традиции (1920-е — начало 1930-х гг.)	256	Информация	
РЕЦЕНЗИИ		О работе диссертационного совета по историческим наукам Д 212.285.16 в 2013 году	288
<i>Кулбахтин С. Н., Черноухов Э. А.</i> Настольные монографии по истории горнозаводской промышленности Урала	270	Новые книги преподавателей и сотрудников исторического факультета	295
<i>Кравченко О. А.</i> «Тень и сущность, вещество и свет»: Э. По в зеркале русского символизма	273	ЮБИЛЕИ	
		К 90-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга (<i>Б. Б. Овчинникова</i>)	300
		Список сокращений.....	305
		Сведения об авторах	306
		Summary	310

TABLE OF CONTENTS

<p>From the Editors.....8</p> <p style="text-align: center;">ON THE 100TH ANNIVERSARY OF WORLD WAR I</p> <p><i>Porshneva O. S.</i> The Second Patriotic War: Public Sentiments in Ural Provinces during the Early Stages of World War ... 10</p> <p><i>Kantor Yu. Z. M. N. Tukhachevsky</i> and Ch. De Gaulle in the Ingolstadt Camp during World War I: Unknown Pages in Their Biographies 21</p> <p><i>Obyedkov I. V.</i> Propagandists of the Rus- sian Military Department in the USA (1915–1917) 34</p> <p><i>Pavlenko A. P.</i> Conflicts between the Officers and the Lower Ranks on the Black Sea Navy in March, 1917 – March, 1918..... 42</p> <p><i>Simyan T. S.</i> The Keiser Pseudo-Christian Military Rhetoric of the 1910s through the Prism of Dada and Expressionist Criticism..... 51</p> <p style="text-align: center;">CRIMEA AT THE CROSSING OF CULTURAL AND HISTORIC CONTEXTS</p> <p><i>Khrapunov N. I.</i> Alushta as a Crimean Paradise in the Accounts of Foreign Travelers of the Late 18th – Early 19th Century..... 58</p> <p><i>Prikazchikova E. Ye.</i> The Mythological Projections of Catherine II's Journey to Taurida in 1787 in the Context of State Utopianism of the 18th century (Referring to Memoir and Epistolary Sources)..... 69</p> <p><i>Shamanayev A. V.</i> Catherine II's and Alexander I's Journeys to Crimea and the Establishment of the System of North Black Sea Region Historic Preservation 79</p> <p><i>Borsch E. V.</i> Anatoly Demidov's Crimean Journey of 1837: from Text to Illustra- tion 90</p>	<p><i>Sidorova O. G.</i> The Depiction of the Cri- mean War in English Literature..... 106</p> <p><i>Barutkina M. O.</i> Genius Loci: Maximilian Voloshin and Cimmeria ... 114</p> <p><i>Fedyakin S. R.</i> <i>The Disappearing Shore of Crimea</i> in the Works of N. Turo- verov, B. Poplavsky, G. Gazdanov, and V. Nabokov..... 122</p> <p><i>Matveeva Yu. V.</i> The Crimean Note of the Russian Abroad (Referring to the Works of Writers of the Younger Generation of the First Russian Emigration) 134</p> <p><i>Kharitonov D. V.</i> The Most Topical Writing of Recent Time, or Thoughts on a Prophetic Novel..... 144</p> <p><i>Barkovskaya N. V.</i> The Outskirts of the Ancient World: the Image of Crimea in Maya Nikulina's Poetry 151</p> <p><i>Vepreva I. T., Kupina N. A.</i> Crimean Sanctions: a Cultural Scenario and Its Development..... 161</p> <p style="text-align: center;">HISTORY</p> <p><i>Yazovskaya O. V.</i> The Transformation of Mythological Heritage in Japanese Statehood..... 171</p> <p><i>Lebedeva G. E., Mekhamadiev E. A.</i> Deacon Agapetus and <i>Dialogus de Scientia Politica</i>: Two Concepts of the Byzantine Basileus (Part 1)..... 182</p> <p><i>Kushch T. V.</i> Works of Demetrios Kydones as a Historical Source on the Zealot Movement in Thessaloniki 191</p> <p><i>Khoruzhenko O. I.</i> Seals of the Obolensky Princely Family of the 13th–17th Centuries in F. A. Bühler 's Work..... 201</p> <p><i>Mankova I. L.</i> The Recording Book of 1624 as a Reconstruction Source of Tobolsk's Orthodox Landscape 212</p> <p><i>Keller A. V.</i> The Establishment and De- velopment of Handicraft Education in Saint-Petersburg between the 18th – Early 20th Century 227</p>
---	--

<i>Manguileva A. V.</i> The White Parish Clergy of the Russian Empire: from Estate to Profession.....	241
<i>Chernoukhov E. A.</i> Charitable Organizations in Private Ural Mining Enterprises in the 1 st Half of the 20 th Century.....	249
<i>Krikh S. B., Metel O. V.</i> The Formation of the Marxist Approach to the Study of Religious Phenomena in the Soviet Academic Tradition (1920s – Early 1930s).....	256

REVIEWS

<i>Kulbakhtin S. N, Chernoukhov E. A.</i> Table Books on the History of the Mining Industry of the Urals.....	270
<i>Kravchenko O. A.</i> “Matter and Light; Evinced in Solid and Shade”: E. Poe in the Mirror of Russian Symbolism.....	273
<i>Dergacheva-Skop E. I.</i> The Contemporary Study of the Creative Work and Lite- rary Culture of Old Believers	278

ACADEMIC CURRICULUM

Conferences

The 3rd Seminar on the Phenomeno- logy of Creative Work (<i>T. A. Snigi- reva, A. V. Podchinenov</i>)	285
--	-----

Information

On the Work of the Dissertation Council in History D 212.285.16 in 2013.....	288
New books of the lecturers and staff of the Historical Faculty (2013–2014).....	295

ANNIVERSARIES

For the 90 th birthday of Vladimir Fyodorovich Gening (<i>B. B. Ovchin- nikova</i>)	300
List of abbreviations	305
On the authors	306
Summary	310

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Когда мы хотим понять прошлое и настоящее — начинаем вопрошать культуру, пристально всматриваться в те множественные факты, смыслы и связи, которые чаще всего не лежат на поверхности, но так или иначе образуют глубинный рельеф коры исторического пространства. Чтобы знать, как и почему это пространство менялось и продолжает активно меняться, нужно знать его почву, те вулканические и осадочные породы, которые сохраняются во времени запасниками культуры. Только в этом случае появляется шанс прояснить многие непроясненные вещи и разрешить многие проклятые вопросы, только тогда становится очевидна связь времен и событий.

Об этой связи эпох, об этой важной и ответственной причинно-следственной цепи явлений нельзя не задумываться в год столетия со дня начала Первой мировой войны и в год воссоединения России и Крыма. Оба события вызвали и вызывают до сих пор сильнейший резонанс в мире, и хотелось бы верить, что культура еще не утратила своей роли «секретного фарватера», обеспечивающего верный курс пытливой человеческой мысли.

Первой мировой войне не повезло в отечественной историографии: произошедшая в 1917 г. революция стала не только порождением, но и в значительной степени отрицанием этой войны, практически полностью вытеснив ее из исторической памяти народа. Сегодня, когда весь мир отмечает столетие Великой войны (как ее называют наши прежние союзники) и наши историки вновь обратились к ее изучению, приходится, к сожалению, слышать в ее адрес такие справедливые эпитеты, как «неизвестная война», «забытые подвиги», «малоизвестные имена». Но рукою исследователя движет не только желание восстановить пропуски в исторической ткани времен Второй Отечественной войны (как ее называли в России в 1914 г.), но и понять смысл этого излома цивилизации, эхо которого продолжает звучать даже век спустя. Война стала тем рубежом, за которым мир просто не мог оставаться прежним. Завершилась «*Belle Époque*», наступила пора великих потрясений, до сих пор испытывающих человечество на прочность.

Тему Крыма в российской культуре можно назвать «вечной». Крым в русском интеллектуальном дискурсе — это пересечение смыслов и клубок аллюзий: земной рай и земля обетованная, восточная сказка и ожившая античность, открытая книга и загадка Сфинкса. Обретенный в конце XVIII в., Крым стал пульсирующей точкой на культурной карте России. Поэзия Серебряного века, литература белой эмиграции и советских писателей, полотна маринистов, научное изучение классических древностей щедро питались из крымских источников. Может, поэтому наше сознание никогда не воспринимало Крым как утраченную ценность. События «русской весны» только восстановили эту целостность ментальной карты.

Вслед за Ю. М. Лотманом мы уверены, что «культура есть устройство, вырабатывающее информацию», что «она есть антиэнтропийный механизм человечества». Именно поэтому наш научный журнал представляет в нынешнем третьем выпуске две большие рубрики, посвященные таким острым и животрепещущим для русской культуры темам.

К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(100)“1914/19” + 94(470.5)

О. С. Поршнева

«ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ»: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В УРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается влияние вступления России в Первую мировую войну на общественные настроения и поведение жителей Уральского региона. Показаны проявления стихийного и осознанного патриотизма разных слоев населения, истолкованы волнения запасных нижних чинов, проявления пацифистских и антивоенных настроений. Выявлены основные представления, определявшие восприятие войны образованным обществом, показан комплекс идей о войне как «Второй Отечественной».

Ключевые слова: Первая мировая война; мобилизация; патриотический подъем; манифестации; Вторая Отечественная война; германизм; благотворительность; волнения запасных.

Предпосылки Первой мировой войны формировались на рубеже XIX–XX вв. в условиях имперского противостояния великих держав, обострения межблоковых и межгосударственных противоречий. Самодовлеющим фактором внешнеполитического процесса в этот период стала коллективная психология народов и правящих кругов, «коллективные страсти», национальные чувства, которые способны были психологически подвести народные массы и правительства к восприятию войны как единственного способа осуществления «национальных целей» [Урибес, с. 38].

Первая мировая война стала беспрецедентной в мировой истории не только по своим масштабам, жертвам, разрушительным последствиям, но и по степени вовлеченности гражданского населения в военные усилия государства. Правительства ведущих европейских держав широко использовали в целях национальной мобилизации методы массовой политики и пропаганды, что отражало формирование в этих странах структур гражданского общества, феномена

массовой культуры. Как справедливо заметил С. Ферстер, без прямой поддержки гражданского общества переход к новому типу войны, наложившему отпечаток на целую эпоху, был бы невозможен [Ферстер, с. 25].

Для России вступление в большую войну представляло потенциальную опасность в ситуации незавершенности экономических и военно-технических реформ, революционного кризиса начала XX в. Германофильские настроения части правящей российской элиты, династические связи российского императорского дома, опасения в неадекватном истолковании массами антинемецкой агитации — все это также препятствовало ведению идейно-психологической подготовки к войне, ориентированной на массовые слои населения.

Идейное обоснование участия России в войне с германским блоком прозвучало в Высочайших манифестах Николая II от 20 и 26 июля 1914 г. об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией уже после вступления страны в войну 19 июля 1914 г. В них были обозначены причины и характер участия России в европейском конфликте: защита территории страны, ее чести, достоинства, положения среди великих держав, а также «единокровных и единоверных братьев-славян» [Царские слова к русскому народу, с. 1]. Этими документами был задан основной вектор официальной патриотической пропаганды, которая велась с позиций защиты своей земли, народа, его коренных интересов и ценностей от посягательств других держав. Составителям царского манифеста, как справедливо заметил Б. И. Колоницкий, удалось подобрать удачные образы, запоминающиеся слова, которые нашли отклик в сознании многих жителей империи. Там, в частности, говорилось: «Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце» [цит. по: Колоницкий, с. 84].

Два главных фактора определили формирование в массовом сознании установок восприятия начавшейся войны как справедливой, оборонительной, направленной на отражение германской агрессии: тот факт, что Германия первой объявила войну России, а также характер повода к войне, дававший России высокие моральные дивиденды защитницы несправедливо обиженной братской славянской страны. По всей стране: в городах, рабочих поселках, селах — в июле-начале августа 1914 г. прошли массовые манифестации и молебны, участников которых объединяли патриотические и религиозные настроения [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 14, ч. 7, л. 17; д. 73, ч. 7, л. 16; д. 90, ч. 7, л. 16; Палеолог, с. 73; и др.].

Председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко так описал стихийную манифестацию в Петербурге 20 июля 1914 г. в день выхода Манифеста о войне с Германией: «Огромная толпа собралась перед Зимним дворцом. После молебна о даровании победы Государь обратился с несколькими словами, которые закончил торжественным обещанием не кончать войны, пока хоть одна пядь земли русской будет занята неприятелем... После молебствия Государь вышел на балкон к народу, за ним Императрица. Огромная толпа заполнила площадь и прилегающие к ней улицы и, когда она увидела Государя, ее словно пронизала электрическая искра, и громовое “ура” огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями “Да здравствует Россия и славянство” склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед Царем на колени» [Родзянко, с. 104].

На Урале так же, как и по всей стране, вступление России в войну было встречено большинством населения патриотическим подъемом. Волна стихийного патриотического воодушевления захватила все социальные слои и группы населения: духовенство, интеллигенцию, служащих, торгово-предпринимательские круги, крестьянство, рабочих. В отличие от Русско-японской войны, когда либеральная интеллигенция занимала пораженческую позицию, в июле 1914 г. она поддержала правительство, подчеркивая справедливый, оборонительный характер начавшейся войны. Газета «Пермские ведомости» писала по этому поводу: «И земская Россия чувствует свою неразрывную связь с остальными русскими общественными элементами, ведь земский голос есть голос русской интеллигенции» [Пермские ведомости, 1914, 6 августа].

Патриотические манифестации прошли в городах, заводских поселках Урала, сопровождаясь молебнами о даровании победы, сбором пожертвований на нужды войны, отправкой патриотических телеграмм императору. В Оренбурге патриотическое оживление и приподнятое настроение царило с середины дня 17 июля, когда в городе стал распространяться слух об объявлении мобилизации, а спустя несколько дней, 22, а затем 27 июля, состоялись грандиозные патриотические манифестации [Оренбургская жизнь, 1914, 19, 24 июля]. 17 июля в Екатеринбурге стихийно возникла патриотическая манифестация, в которой приняло участие свыше тысячи человек, а на следующий день на улицах города вновь появились манифестанты с национальными флагами, пением патриотических гимнов, криками «Да здравствует Россия и Сербия!», «Да здравствует Англия и Франция!», «Долой Австрию!», «Долой Германию!», причем к 11 часам вечера в городе ходили уже две манифестации [ГАПК, ф. 65, оп. 1, д. 1416, л. 1; Зауральский край, 19, 20 июля]. 20 июля в Перми состоялась многотысячная патриотическая манифестация, продолжавшаяся до глубокой ночи [Зауральский край, 25 июля]. 20 июля в Вятке, несмотря на сильный дождь, на молебен и крестный ход собралось много народа. «Все собравшиеся пели “Спаси, Господи!”, многие плакали», отмечалось в газете «Северное слово». Вечером по инициативе студентов состоялась патриотическая манифестация. «Такого воодушевления публика Вятки не видела давно», писал корреспондент газеты [Северное слово, 21 июля]. 22 июля в Вятке повторилась патриотическая манифестация в еще большем масштабе [Северное слово, 26 июля].

Патриотические шествия и манифестации прошли также в Уфе, Верхотурье, Невьянске, Шадринске, Ирбите, Ижевске, Глазове, Слободском, Орлове, других городах и населенных пунктах Урала. Объявление Германией войны России вызвало живой отклик во всех общественных слоях, отчетливо проявился массовый интерес к развитию внешнеполитической ситуации, ходу военных действий. У расклеиваемых на столбах объявлений группы местных жителей обменивались мнениями по поводу совершающихся событий, спрос на военные телеграммы был очень высок. «Телеграммы о войне вы можете теперь увидеть в руках у мелких рыночных торговцев, извозчиков, дворников, приехавших в город крестьян», — свидетельствовала газета «Зауральский край» 24 июля 1914 г.

Всеобщая мобилизация в России в целом прошла успешно: 96 % подлежащих призыву явились на мобилизационные комиссии. Если до объявления общей

мобилизации численность вооруженных сил России составляла 1 423 000 человек, то после ее осуществления и проведения дополнительных призывов к концу 1914 г. в строю оказалось свыше 6,5 млн человек [Россия в мировой войне 1914–1918 гг., с. 18], около 75 % всех призванных в армию уже в первую неделю мобилизации составляли крестьяне [Беркевич, с. 13].

Преобладание патриотических настроений в период мобилизации было зафиксировано в отчетах уральских губернаторов об итогах ее проведения в Министерство внутренних дел. В телеграмме уфимского губернатора в МВД от 2 августа 1914 г. отмечалось: «Эта война намного популярнее войны с Японией, вызвала патриотический подъем, в котором растворились и исчезли не только революционные идеи, но даже партийные настроения; однако беспорядки все-таки имеются ...» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 81, л. 13]. Оренбургский губернатор сообщал директору Департамента полиции в телеграмме от 4 августа 1914 г., что мобилизация запасных по всей губернии прошла в большом порядке и при значительном патриотическом подъеме; особенно охотно собирались казаки, недоборов не было, а всюду заметен излишек... преступность упала до нуля, пьяных нигде не было» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 4, л. 1–2]. Пермский губернатор в отчете в МВД об итогах мобилизации от 27 июля 1914 г. сообщал: «С объявлением войны среди населения заметен большой подъем патриотизма, но это ничуть не значит, что рабочие массы сразу переродились, и что в случае каких-либо неудач на театре военных действий они снова не будут реагировать на это открытыми выступлениями в виде забастовок или каких-либо беспорядков» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 50, ч. 2, л. 93].

Мобилизация сопровождалась волнениями запасных нижних чинов из рабочих и крестьян, получивших значительный размах в целом ряде губерний, в том числе на Урале [Поршнева, с. 91–94, 134–135]. Произошло 50 выступлений в Пермской, Уфимской, Вятской губерниях, из них абсолютное большинство — 43 — в Пермской губернии. Причинами волнений стали: закрытие казенных винных лавок, инерция забастовочной борьбы предшествующего периода, проведение мобилизации в разгар полевых работ (не только крестьяне, но и рабочие на Урале имели земельные наделы). Определенную роль в возникновении столкновений на заводах сыграли общая неудовлетворенность рабочих условиями своей жизни, социальная напряженность в отношениях с заводской и местной администрацией, озлобленность части рабочих против «начальства» и властей. Успокоение в целом ряде случаев наступало после выдачи пособий семьям призванных для найма работников на период страды или обещания властей организовать уборку за счет средств земств. Поводами для недовольства мобилизованных служили также плохая укомплектованность сборных пунктов, низкое качество пищи, а среди татаро-башкирского населения — необходимость питания из общего котла во время мусульманского поста.

В советской историографии эти волнения квалифицировались как одна из наиболее ярких форм антивоенного движения [Беркевич; Попов], однако беспристрастный анализ документов позволяет поставить под сомнение эту оценку. Абсолютное большинство выступлений проходило в форме стихийных погромов, а главным требованием мобилизованных было открытие казенных

винных лавок перед отправкой их на фронт в условиях введения в стране «сухого закона» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 47, л. 1–4; д. 138, ч. 50, л. 3–4, 8–13, 17, 19, 23, 26, 28, 29; д. 138, ч. 81, л. 1, 4, 6, 7, 9, 12, 13; д. 138, ч. 15, л. 1, 2, 4]. Последний делал невозможным соблюдение традиционного ритуала проводов в армию, обязательного в понимании рабочих и крестьян.

Наиболее крупными были волнения на Лысьвенском и Надеждинском заводах, где проявились социальные и политические мотивы недовольства части рабочих. Например, рабочий Лысьвенского завода Иван Гуляев в день объявления мобилизации заявил: «Нас в первую войну (Русско-японскую. — *О. П.*) обманывали и теперь тащат обманывать. Настало теперь время, когда мы можем взять не только свободу, но и все, что нам завод должен» [ГАПК, ф. 65, оп. 1, д. 315, л. 97]. Запасные — рабочие этого завода Варов и Гольшев — во время беспорядков говорили: «Завтра полицию всю уьем за то, что во время бывшей забастовки мяли рабочих лошадьми» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 50, л. 29]. Бывший рабочий Лысьвенского завода из числа запасных, Майер, предъявляя от лица рабочих требования заводоуправителю Добровольскому о выдаче семьям двухнедельной заработной платы, заявил: «Мы отсюда не уйдем и лучше здесь помрем, чтоб дети и жены знали, где наши могилы, чем умирать Бог знает где» [ГАПК, д. 315, л. 96–100].

Говоря, по сути, о неразвитости гражданского, национального самосознания части рабочих как об одной из причин волнений, пермский губернатор И. Ф. Кошко объяснил произошедшие события тем, что «рабочие местных приисков крайне распропагандированы, население здесь вообще грубое, дерзкое, морально неустойчивое» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 50, ч. 2, л. 93]. Участники бунтарских акций могли по-разному относиться к монархии, вере, Отечеству, волнения мобилизованных рабочих не имели однозначной политической окраски. Весьма красноречиво характеризует отношение к традиционным ценностям следующий эпизод волнений в г. Осе Пермской губернии 19 июля 1914 г. В разгар волнений рабочих-сапожников начался молебен: сразу же установилась тишина и волнение приостановилось [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 50, л. 19]. Очевидно, что среди участников стихийных погромов, влившихся в ряды русской армии в 1914 г., были патриотически и даже монархически настроенные рабочие, недовольные своим социальным положением. Совет съездов горнопромышленников Урала в письме министру внутренних дел по поводу волнений мобилизованных подчеркивал «недопустимость резких разногласий между русскими людьми во время войны», выражая надежду на то, что «это последние вспышки... уральские рабочие образумятся» [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 50, ч. 2, л. 95].

После вступления России в войну активно, всеми средствами, объединенными усилиями государства и общества велась патриотическая пропаганда. В печати, в том числе ежедневных газетах, специальных популярных брошюрах, в лубочной литературе, кинематографе, театре, в церквях распространялись идеи справедливой, «священной» освободительной войны против германской агрессии.

Главным тезисом в патриотической пропаганде на Урале, как и по всей стране, стала идея о столкновении народов как неизбежном следствии полувековой политики агрессивного германского милитаризма. Практически все легальные издания Урала периода войны, в том числе либерального и демократического

характера, пропагандировали концепцию Отечественной войны России, желающей мирной жизни и поднимающей «меч против ножа». Наиболее распространенной аналогией Великой войны, «Второй Отечественной», как ее называли современники, как среди интеллигенции, так и в более широких слоях населения была Отечественная война 1812 года.

Пропагандистские образы и концепты не только формировали, но и отражали широко распространившиеся в начале войны представления о справедливой борьбе с германской агрессией, угрожающей миру и самому существованию народов. Не столько пропаганда, сколько реалии кровопролитной войны с сильным противником, психологический настрой на защиту Отечества в наибольшей степени способствовали формированию в общественном сознании образа справедливой освободительной войны.

Активную патриотическую позицию заняли представители всех конфессий Урала: православные, старообрядцы, мусульмане, иудеи, повсеместно проводившие молебны о даровании победы русской армии и сбор пожертвований на нужды войны [Зуральский край, 1914, 24, 26 июля; Уральская жизнь, 30 июля; Оренбургская газета, 1914, 8 августа]. «Когда наступил час защищать русскую землю от нападения дерзкого врага, инородческие массы слились воедино с коренным, русским населением, вступают с неменьшим пылом в ряды войск и идут на поле брани, готовые умереть за Россию», — писала демократическая газета «Уральская жизнь», где отмечалось, что после победы над врагом «гражданские и политические права всех без изъятия должны быть уравнены» [Уральская жизнь, 1914, 3 августа]. В то же время среди мусульманского населения Урала в связи с началом войны и особенно выступлением на стороне Германии мусульманской Турции проявились антирусские и панисламистские настроения [ГАКО, ф. 714, оп. 1, д. 1581, л. 1, 4; РГВИА, ф. 1720, оп. 7, д. 210, л. 24].

На Урале вступление в войну вызвало мощное движение благотворительности, в которое включились различные социальные слои: дворяне, промышленники, купцы, средние слои городских обывателей, земские служащие, крестьянство, студенчество. В июле-августе 1914 г. во всех четырех губерниях Урала прошли экстренные губернские и уездные земские собрания и чрезвычайные заседания городских дум и волостных сходов, на которых была не только сформулирована патриотическая позиция местных органов самоуправления в связи с началом войны, но и решен вопрос об изыскании средств из местных бюджетов на оказание помощи семьям призванных в армию воинов. Большое значение в поддержании крестьянских хозяйств, лишившихся работников, имело выделение земствами средств на проведение сельскохозяйственных работ, наем работников в хозяйства ушедших на фронт.

Пожертвования на войну различных общественных организаций и частных лиц приобрели массовый характер, по инициативе обществ Красного креста, великой княгини Елизаветы Федоровны, великой княжны Татьяны Николаевны и других проводились различные благотворительные акции: лотереи-«аллегри», спектакли, Дни союзных флагов, кружечные сборы, средства от которых поступали в пользу семей призванных и раненым воинам. На пожертвования создавались общественные лазареты, столовые, ясли-приюты, детские площадки, солдаткам выплачивался дополнительный к казенному паек. Действенный патриотизм

проявляли и крестьяне, жертвуя на нужды войны хлеб из хлебозапасных магазинов. Не остались в стороне от благотворительности и мусульмане Урала, его татаро-башкирское население, проживавшее преимущественно в Уфимской и Оренбургской губерниях [Уфимская жизнь, 1915, 10, 17 апреля, 23 мая; Оренбургская газета, 1914, 8 августа].

Отношение к войне уральцев, призванных в действующую армию, можно охарактеризовать по содержанию их писем на родину. За вторую половину 1914 г., по сообщениям военных цензоров, общий тон писем солдат-уральцев с фронта спокойный, проникнутый сознанием своего долга перед Родиной [РГВИА, ф. 1720, оп. 11, д. 2, л. 146, 148, 230, 262, 296, 333, 334]. Корреспондент газеты «Вятская речь», просмотревший около 300 писем простых солдат-крестьян Вятской губернии, в январе 1915 г. писал: «Общий тон писем бодрый... во всех письмах сознание собственного долга перед Отечеством, покорность воле провидения». «На все воля Божья», «Дело в руках Божьих, все закрыто, один Бог знает» — таковы типичные рассуждения солдат-вятичей с фронта в этот период войны [Вятская речь, 1915, 28 января]. В этих формулировках отчетливо отражалась крестьянская специфика восприятия войны как ниспосланного Богом испытания, стихийного бедствия, с которым невозможно бороться.

Патриотический порыв захватил и подростков: с первых дней войны в уральских газетах регулярно появлялись сообщения об исчезновении и поиске подростков, сбежавших на фронт, среди которых преобладали дети служащих, крестьян и полицейских. Характеризуя патриотизм простых людей, газета «Уральская жизнь» писала в августе 1914 г.: «Народ не нуждается в ободрении, ему не надо объяснять, что такое напавший на нас враг-германец» [Уральская жизнь, 1914, 28 августа]. Несколько месяцев спустя в другой публикации этой газеты был поставлен, однако, вопрос о недостаточности стихийного патриотизма масс для победы над врагом: «Народные массы чувствуют правоту союзников, но больше инстинктом». Автор говорил о необходимости «нести в народ понимание происходящего, истинных причин войны и ее значения... путем организации популярных лекций в городе и деревне, рассылки брошюр о значении германского милитаризма и причинах войны» [Уральская жизнь, 1914, 19 декабря].

Критические, пацифистские настроения, неприятие официальной пропаганды проявлялись главным образом в среде интеллигенции, членов радикально-революционных групп, а также, в немногочисленных случаях, — среди рабочих и крестьян. Как и по стране в целом, в рядах уральской революционной демократии произошел раскол на правых социалистов — патриотов, сторонников войны до победного конца, оборонцев, признающих необходимость обороны Отечества, исходя из войны как факта, и революционеров-интернационалистов, выступавших за гражданскую войну с правительством, против лозунга обороны. Первое течение стояло на идейной платформе, сформулированной Лондонской конференцией социалистов стран Антанты в феврале 1915 г., провозгласившей борьбу с милитаристской Германией священным делом демократии всех стран [Большевики. Документы по истории большевизма..., с. 241–242].

Для вовлеченных в социалистическое движение русских рабочих идея борьбы «европейской демократии» с «реакционной» Германией имела большое

значение, являясь обоснованием патриотических усилий, поддержки идеи национального единения во имя обороны от внешнего врага. «Сначала победа, потом революция» [Плеханов, с. 108], — этими словами Г. В. Плеханова можно охарактеризовать суть позиции части уральских социал-демократов, рабочих, интеллигенции, соединяющей патриотизм и революционный демократизм. Транслируя эту позицию, газета «Уральская жизнь» констатировала в сентябре 1914 г.: «Раскрепощение России от германской зависимости тесно связано с общим социально-политическим раскрепощением страны», со страниц этого демократического издания звучал призыв к национальному единению, «забыть все классово-промышленные счеты», исходя из того, что промышленный Урал призван сыграть важную государственную роль в условиях войны. В интересах мобилизации всех производительных сил необходимо, по мнению авторов газеты, использовать вызванный войной подъем духа [Уральская жизнь, 1914, 21 августа].

На страницах уральских периодических изданий летом-осенью 1914 г. широко пропагандировались взгляды Г. В. Плеханова по вопросам войны и мира, в частности, его открытое «Письмо-разъяснение», перепечатанное из газеты «Речь». Заявляя о принципиальном неприятии любой войны, Г. В. Плеханов подчеркивал, что интересы прогресса на стороне Антанты и виновник развязывания кровавой бойни должен быть наказан [Письмо-разъяснение Г. В. Плеханова].

Антивоенную позицию заняли представители леворадикального крыла социал-демократических и эсеровских организаций Урала, пропагандируя ее в нелегальных изданиях, прежде всего прокламациях и листовках. Однако сила патриотического подъема населения в связи с вступлением в войну была так велика, что прямо и последовательно, даже в нелегальной форме, пропагандировать антивоенные идеи ни в 1914, ни в 1915 г. революционеры не могли. Не была исключением в этом отношении и рабочая среда, наиболее подверженная социалистической пропаганде. Ярким показателем изменившихся в связи с войной настроений рабочих Урала является статистика забастовок. По наиболее полным данным, собранным в советский период, в январе-июле 1914 г. на Урале произошло 70 забастовок, во второй же половине 1914 г. — только 8 [Очерки истории коммунистических организаций Урала, с. 199] столкновений рабочих с предпринимателями на экономической почве.

По признанию большевика Н. П. Брюханова, одного из авторов прокламации «Правда о войне», она не получила широкого распространения, это была лишь попытка Уфимской группы социал-демократов сформулировать свою антивоенную позицию [ЦГАООРБ, ф. 1832, оп. 3, д. 128, л. 8]. Более того, антивоенные листовки в обстановке всеобщего патриотического подъема вызывали реакцию активного неприятия. В Оренбурге в районе размещения ополченцев был обнаружен сверток с прокламациями-памфлетами «Единение царя с народом», выпущенными в Уфе, в которых содержался призыв не верить царю, выступить с оружием в руках против своего правительства [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 47, л. 3]. Оренбургский губернатор сообщал, что «ополченцы сами представили их начальству и были крайне возмущены несвоевременным их появлением, циркулировал даже слух, что это дело местных немцев»; губернатор отмечал

при этом заметный среди местных социалистов патриотический подъем [ГАРФ, ф. 102, оп. 123, д. 138, ч. 47, л. 3].

Отсутствие антивоенных настроений в рабочей среде в начале войны фиксируют в своих воспоминаниях уральские большевики. Вот лишь некоторые свидетельства: Банин (Оренбург): «В 1914 г., во время объявления империалистической войны, рабочий класс Урала, увлеченный национально-патриотическими лозунгами, никакого выступления против войны не предпринимал» [Пролетарская революция в Оренбурге 1917 г., с. 8]; Токарев, Царегородцев (Вятка): «После объявления войны в Вятской губернии, как и по всей России, произошел взрыв патриотизма. В 1915 г. патриотический “угар” не рассеялся» [ИДНИКО, ф. 45, оп. 1, д. 88, л. 8, 9]; Н. П. Брюханов (Уфа): «Развитие широкого движения против войны было связано с ее последними периодами, больше всего с 1916 годом» [ЦГАООРБ, ф. 1832, оп. 3, д. 128, л. 8].

На Урале, как и по всей стране, в начале войны отмечался религиозный подъем, широкое распространение получила религиозная трактовка событий. Ее транслировали духовенство, неославянофилы, взгляды теоретиков которого — Е. Трубецкого, С. Булгакова и др. — пропагандировались в прессе, популярных брошюрах, лекциях. Часть образованного городского населения разделяли идеи неославянофильства и панславизма, «священной борьбы» двух «противоположных духовных начал»: славянства и германизма, в которой первое олицетворяет «культуру и божественную правду», второе — «грубую силу бронированного кулака». Наибольшее распространение подобные взгляды получили в Оренбургской губернии [Оренбургская газета, 20 июля, 13, 24 сентября]. В «Оренбургской газете» в статье «Народ — христианин» в октябре 1914 г. отмечалось: «На сцену мировой истории выходит славянство и во главе его, и вместе с ним, во главе всех народов Европы становится Россия. Скоро на весь мир будет провозглашена идея нравственного совершенствования и обновления, идея любви истинно христианской, самоотверженной, безбрежной» [Оренбургская газета, 14 октября].

В то же время часть общественных сил на Урале, прежде всего левые либералы и социалисты, ставили вопрос об истинных причинах войны, критикуя клише о борьбе славянства и германизма [Уральская жизнь, 1914, 28 октября]. Газета кадетского направления «Зауральский край», критикуя в одной из статей клише о «германизме», отмечает, что трудовой народ Германии не хотел войны, застрельщики ее — «военная клика и те верхи крупной немецкой промышленности, для которых политика захвата — излюбленное средство наживы» [Зауральский край, 1914, 6 декабря].

В 1914–1915 гг. в стране и на Урале распространилось представление о необходимости ликвидации «немецкого засилья», возникшее еще накануне войны, проявлялись националистические настроения. Так, в Невьянске Екатеринбургского уезда Пермской губернии 29 июля 1914 г. во время представления в цирке толпа выступила против «немца»-борца, символизировавшего Германию в представлении-схватке, что чуть не закончилось для него печально [Зауральский край, 1914, 26 июля]. В сводке Департамента полиции о настроениях населения Вятской губернии за май 1915 г. указывалось, что «на фабриках и заводах Вятской губернии отмечается неприязненное отношение к лицам, носящим немецкие фамилии»,

а «в Вятке существует настроение против оставления на государственной службе лиц немецкого происхождения» [ГАРФ, ф. 102 ДП, оп. 124, д. 108, ч. 15, л. 7]. В аналогичном обзоре Уфимской губернии отмечалось: «22 мая 1915 г. рабочие снарядного цеха Златоустовского завода выступили против служащих немецкого происхождения Э. Э. Линда и К. Х. Тринкмана, которые, якобы, умышленно не хотят увеличивать заработную плату» [ГАРФ, ф. 102 ДП, оп. 124, д. 81, ч. 2, л. 6]. Корреспондент газеты «Вятская речь» в статье «В вятской деревне» сообщал, что «крестьяне в разговорах называют немцев дьяволом, разрушающим храмы, ругающимся над святыми» [Вятская речь, 1915, 16 января]. Данное отношение было отражением традиционного, распространенного в русской крестьянской культуре стереотипа восприятия внешнего врага как «нехристя» и «антихриста», а с другой стороны, утверждалось под влиянием официальной антинемецкой пропаганды и реальных событий войны, например, разрушения немцами знаменитого Реймского собора во Франции, о чем сообщалось в газетах.

Национально-патриотические настроения уральцев обусловили стремление к «упразднению всего немецкого», возникли многочисленные предложения по переименованию г. Екатеринбурга, содержащего в названии немецкую частицу «бург», в обсуждении этого вопроса приняли участие даже представители Уральского общества естествознания [Казакова-Апкаримова, с. 95].

Постепенно, с лета 1915 г., слухи о подкупах должностных лиц немцами, немецких шпионах, предательстве постепенно становились одним из стереотипов массового сознания «низов», отражая складывание представления о «внутреннем немце», пособнике внешнего врага.

В то же время в регионе, где проживали многочисленные нерусские народности, отсутствовал массовый агрессивный шовинизм по отношению к представителям воюющих с Россией государств, их подданным, проживающим на территории края. Против проявлений национализма и шовинизма активно выступала уральская пресса [Пермские ведомости, 1914, 28 июля; Оренбургская жизнь, 1915, 27 мая].

Новая волна патриотического подъема прокатилась по стране и Уралу в марте 1915 г., когда в ряде городов (Оренбург, Вятка, Екатеринбург и др.), а также заводских поселках и селах возникли патриотические манифестации в честь взятия русскими войсками крепости Перемышль [Оренбургская жизнь, 1915, 11 марта; Уральская жизнь, 1915, 11, 14 марта]. Однако рабочих эта вторая волна патриотизма захватила уже в меньшей степени. Патриотический подъем начала войны к весне 1915 г. стал в их среде ослабевать под влиянием экономических трудностей, сильнее и быстрее всего ударивших по рабочим, а с апреля 1915 г. возобновилось забастовочное движение [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 6, л. 114].

Таким образом, вступление России в Первую мировую войну вызвало пробуждение патриотических чувств и национального самосознания населения Уральского региона. Наряду со стихийным народным патриотизмом формировался идейный, осознанный патриотизм образованных слоев. Уральская интеллигенция в своих выступлениях разрабатывала концепцию «Второй Отечественной» войны, анализировала характер, истоки и последствия мирового конфликта для страны, Европы и всего мира. Вместе с тем от патриотических настроений оказались в стороне принципиальные противники войны и правительства,

антироссийски и бунтарски настроенные представители населения, а восприятие войны массами определялось традиционалистскими установками.

Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Ист. зап. 1947. Т. 23. С. 3–43. [Berkevich A. B. Krest'yanstvo i vseobshhaya mobilizaciya v iyule 1914 g. // Ist. zap. 1947. T. 23. S. 3–43.]

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. М., 1990. 335 с. [Bol'sheviki. Dokumenty po istorii bol'shevizma s 1903 po 1916 god byvshego Moskovskogo Oxrannogo Otdeleniya. M., 1990. 335 s.]

Вятская речь. 1915. [Vyatskaya rech'. 1915.]

ГАКО. Ф. 714 Оп. 1 Д. 1581. [GAKO. F. 714 Op. 1 D. 1581.]

ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. [GAPK. F. 65. Op. 1.]

ГАРФ. Ф. 102. 4-е Делопроизводство. Оп. 123. 1914 г. [GARF. F. 102. 4-e Deloproizvodstvo. Op. 123. 1914 g.]

ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е Делопроизводство. Оп. 124. 1915 г. Д. 81, 108. [GARF. F. 102. DP. 4-e Deloproizvodstvo. Op. 124. 1915 g. D. 81, 108.]

Зауральский край. 1914. [Zaural'skij kraj. 1914.]

Казакова-Аркаримова Е. Ю. Гражданские инициативы городского населения Урала в начальный период Первой мировой войны // Изв. Урал. гос. эконом. ун-та. 2014. № 1 (51). С. 92–98. [Kazakova-Arkarimova E. Yu. Grazhdanskie iniciativy gorodskogo naseleniya Urала v nachal'nyj period Pervoj mirovoj vojny // Izv. Ural. gos. e'konom. un-ta. 2014. № 1 (51). S. 92–98.]

Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с. [Kolonickij B. I. «Tragicheskaya e'rotika»: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2010. 664 s.]

Оренбургская газета. 1914. [Orenburgskaya gazeta. 1914.]

Оренбургская жизнь. 1914. [Orenburgskaya zhizn'. 1914.]

Оренбургская жизнь. 1915. [Orenburgskaya zhizn'. 1915.]

Очерки истории коммунистических организаций Урала : в 2 т. Свердловск, 1971, 1974. Т. 1. [Ocherki istorii kommunisticheskix organizacij Urала : v 2 t. Sverdlovsk, 1971, 1974. T. 1.]

Палеолог М. С. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. 241 с. [Paleolog M. S. Carskaya Rossiya vo vremya mirovoj vojny. M., 1991. 241 s.]

Пермские ведомости. 1914. [Permskie vedomosti. 1914.]

Письмо-разъяснение Г. В. Плеханова // Памятники агитационной литературы РСДРП. Т. 6 (1914–1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. М. ; П., 1923. С. 28–29. [Pis'mo-raz'yasnenie G. V. Plekhanova // Pamyatniki agitacionnoj literatury RSDRP. T. 6 (1914–1917). Period vojny. Vyp. I. Proklamacii 1914 g. M. ; P., 1923. S. 28–29.]

Плеханов Г. В. О войне. Пг., 1917. 108 с. [Plekhanov G. V. O vojne. Pg., 1917. 108 s.]

Попов Н. Н. Выступления рабочих и крестьян на Урале во время июльской мобилизации 1914 года // Рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 годы) : сб. науч. тр. / УрГУ. Свердловск, 1985. С. 115–125. [Popov N. N. Vystupleniya rabochix i krest'yan na Urале vo vremya iyul'skoj mobilizacii 1914 goda // Rabochie Urала v period kapitalizma (1861–1917 gody) : sb. nauch. tr. / UrGU. Sverdlovsk, 1985. S. 115–125.]

Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. 368 с. [Porshneva O. S. Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2004. 368 s.]

Пролетарская революция в Оренбурге 1917 г.: к 10-летию Октябрьской революции. Воспоминания участников на вечерах Истпарта. Вып. I. Изд. Истпартотдела Губкома ВКП(б), 1927. 82 с. [Proletarskaya revolyuciya v Orenburge 1917 g.: k 10-letiyu Oktyabr'skoj revolyucii. Vospominaniya uchastnikov na vecherax Istparta. Vyp. I. Izd. Istpartotdela Gubkoma VKP(b), 1927. 82 s.]

РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 6; Ф. 1720. Оп. 7. Д. 210; Оп. 11. Д. 2. [RGVIA. F. 369. Op. 9. D. 6; F. 1720. Op. 7. D. 210; Op. 11. D. 2.]

Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002. 368 с. [Rodzyanko M. V. Krushenie imperii i Gosudarstvennaya Duma i Fevral'skaya 1917 goda revolyuciya. M., 2002. 368 s.]

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. 103 с. [Rossiya v mirovoj vojne 1914–1918 gg. (v cifrax). M., 1925. 103 s.]

Северное слово. 1914. [Severnoe slovo. 1914.]

Уральская жизнь. 1914. [Ural'skaya zhizn'. 1914.]

Уральская жизнь. 1915. [Ural'skaya zhizn'. 1915.]

Урибес Э. С. Современная французская историография Первой мировой войны (методология и проблематика) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 33–45. [Uribes E'. S. Sovremennaya francuzskaya istoriografiya Pervoj mirovoj vojny (metodologiya i problematika) // Pervaya mirovaya vojna: diskussionnye problemy istorii. M., 1994. S. 33–45.]

Уфимская жизнь. 1915. [Ufinskaya zhizn'. 1915.]

Ферстер С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 12–27. [Ferster S. Total'naya vojna. Konceptual'nye razmyshleniya k istoricheskomu analizu struktur e'poxi 1861–1945 gg. // Opyt mirovux vojn v istorii Rossii. Chelyabinsk, 2007. S. 12–27.]

Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914. 1 с. [Carskie slova k russkomu narodu. Vysochajshie manifesty ob "yavlenii vojny s Germaniej i Avstro-Vengrije. Pg., 1914. 1 s.]

ЦГАООРБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 128. [CGA OORB. F. 1832. Op. 3. D. 128.]

ЦДНИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 88. [CDNIKO. F. 45. Op. 1. D. 88.]

Статья поступила в редакцию 21.05.2014 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 355.257 + 929 Тухачевский +
+ 929 Де Голль

Ю. З. Кантор

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ И Ш. ДЕ ГОЛЛЬ В ЛАГЕРЕ ИНГОЛЬШТАДТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИЙ

Статья посвящена малоизвестным страницам биографий двух знаменитых деятелей политической истории XX в. — будущего президента Франции Ш. де Голля и будущего маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского. Повседневность их пребывания в плену, условия содержания в лагере для военнопленных офицеров «Ингольштадт» в период Первой мировой войны, особенности характеров и взаимоотношений, формирование политических взглядов прослежены на основе неизвестных документов из российских и германских архивов и мемуарных источников.

Ключевые слова: Первая мировая война; плен; офицеры; Шарль де Голль; Михаил Тухачевский; условия содержания; побег.

Одной из главных достопримечательностей баварского Ингольштадта, стоящего на берегу Дуная, является крепость, созданная по проекту Л. фон Кленце, где с 70-х гг. XX в. находится музей Армии. Мощные форты, построенные в первой

трети XIX в., как бы опоясывали город на расстоянии 10–12 км от его географической границы. Это кольцо фортов так и называлось — «пояс фортификаций»¹. Во время Первой мировой форты уже потеряли свое первоначальное стратегическое значение, и здесь размещался лагерь для военнопленных офицеров, считавшийся одним из самых суровых по условиям содержания. Прусское военное министерство небезосновательно считало, что побег из фортов Ингольштадта невозможен. Потому сюда из других немецких лагерей для военнопленных офицеров направлялись самые отчаянные беглецы-рецидивисты.

Самые знаменитые узники Ингольштадта XX в. — будущий президент Франции Шарль де Голль и будущий маршал Советского Союза Михаил Тухачевский. Если о пребывании де Голля в плену сохранились немногочисленные свидетельства его самого и его земляков, то об «одиссее» подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка М. Н. Тухачевском неизвестно практически ничего — материалы об этом периоде его жизни хранятся в баварских архивах. Поскольку этим двум героям военно-политической истории XX в. судьбой было уготовано вместе коротать будни немецкого плена, имеет смысл на основе документов и мемуарных источников реконструировать эти малоизвестные и в значительной мере взаимодополняющие страницы их биографий.

Тухачевский до Ингольштадта побывал в нескольких лагерях, о чем можно судить по досье на него, хранящемся в Баварском военном архиве. В лагере Штральзунд получил 6 дней ареста за конфликт с надзирателем; за попытку к бегству военный суд Галле 16 мая 1916 г. приговорил его к трем неделям «домашнего ареста». В лагере Бад-Штуер Тухачевский получил 14 дней «домашнего ареста» за отказ следовать служебным распоряжениям дежурного офицера. Еще 14 дней ареста — за «недозволенное отдаление от предписанного местонахождения» (попытка к бегству. — Ю. К.) [Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Strafbuchauszug», S. 3].

Уже вернувшись в Россию, Тухачевский в рапорте командующему Семеновским резервным полком, в котором служил, описал свои похождения с той же протокольной точностью. «В плен я был взят в немецкой атаке на участке нашей позиции у д. Пяечно. Оттуда с остановками я был перевезен немцами до солдатского лагеря Бютова, где временно провел три дня и был отправлен далее в Штральзунд в офицерский лагерь Денгольм» [Шабанов, с. 91].

Сохранилось прошение брата Тухачевского — Александра, направленное начальнику Петроградского окружного штаба. «В конце февраля текущего года брат мой, подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка... Михаил Николаевич Тухачевский попал в плен к германцам. В настоящее время я получил от него письмо из Штральзунда, где он ныне находится, с просьбой о ходатайстве перед Вашим Высокопревосходительством о выдаче причитающегося ему жалования на мое имя со времени последней выдачи ему оного. При сем честь имею покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство сделать зависящее от Вас распоряжение об ускорении вышеизложенной просьбы ввиду неотложных уплат по поручению брата. 28 мая 1915 г.» [РГВИА, ф. 291, оп. 1, д. 50, л. 18].

¹ До наших дней сохранился лишь один форт.

К этому времени «подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка» в Штральзунде уже давно не было. В упоминавшемся выше рапорте он писал: «Через два месяца я бежал с подпоручиком Пузино, переплыв пролив между Денгольмом и материком, и шел дальше на полуостров Дарсер-Орт, откуда, взяв лодку, думал переправиться по морю на датский полуостров Фальстер, до которого было всего 36 верст. Но случайно мы были оба пойманы через 5 ночей охраной маяка на берегу. После того как я отсидел в тюрьме и под арестом, я был через некоторое время отправлен в крепость Кюстрин, в форт Цорндорф². Через три недели я был оттуда отправлен в солдатский лагерь Губен... Через месяц... я был отправлен в лагерь Бесков. В Бескове я был предан военному суду за высмеивание коменданта лагеря, был присужден к трем неделям ареста и отбыл их. Из Бескова я был переведен в Галле, откуда через три месяца в Бад-Штуера 6 сентября 1916 г[ода] я убежал с прапорщиком Филипповым, спрятавшись в ящики с грязным бельем, которое отправляли в город для стирки. По дороге на станцию, в лесу, мы вылезли из ящиков, и так как немецкий солдат, везший белье, не был вооружен, то очень нас испугался и не мог задержать. После этого мы шли вместе 500 верст в течение 27 ночей, после чего я был пойман на мосту через реку Эмс у Зальцбергена, а прапорщик Филиппов благополучно убежал и через три дня перешел голландскую границу и возвратился в Россию. Поймавшим меня солдатам я объявил, что я русский солдат Михаил Дмитриев из лагеря Миндена, надеясь легко убежать из солдатского лагеря. Пока обо мне наводили справки, меня посадили в близрасположенный лагерь Бекстен-Миструп. Проработав там вместе с солдатами пять дней, я опять убежал со старшим унтер-офицером Аксеновым и ефрейтором Красиком. Через три ночи пути, удачно переплыв реку Эмс и канал, идущий вдоль границы (оба препятствия охранялись), я был пойман последней линией часовых к западу от Меппена, оба же солдата благополучно пробрались в Голландию. К этому времени я был уже настолько переутомлен, что не в состоянии был опять идти в солдатский лагерь, и потому, назвавшись своим именем, я возвратился опять в лагерь Бад-Штуер, проведя несколько дней в тюрьме в Меппене. В Бад-Штуере я отсидел три недели под арестом и был отправлен в крепость Ингольштадт, в форт IX, лагерь для бежавших офицеров» [Шабанов, с. 91].

В Ингольштадте, куда подпоручик Тухачевский прибыл 18 ноября 1916 г. из Бад-Штуера, его товарищем по форту IX был среди прочих капитан Шарль де Голль. Ингольштадтским братством гордились. Де Голль писал матери: «Поддерживающим обстоятельством в нашем положении является отличное товарищество, которое царит среди нас. Оно препятствует возникновению морального одиночества» [Treffer, 1982, S. 220]. Попав в другой лагерь, он печалился: «Я не жалел бы о том, что я сменил лагерь, если бы не отсутствие моих прекрасных товарищей» [Ibid., S. 223].

Французский публицист, приятель де Голля и Тухачевского Реми Рур, вспоминал, что капитан де Голль в глухом каземате, куда доносились снаружи лишь звуки шагов коридорных надзирателей, частенько рассказывал о реальных

² Сокамерником Тухачевского в лагере Цорндорф был Ролан Гарос.

боях, в которых он принимал участие, главным образом, в Шампани. Тогда же де Голль поделился с товарищами новыми планами — начатой работой над своей первой книгой «Разногласия у врага» [Treffer, 1982, S. 243]. Среди слушателей глав первого опуса французского капитана был русский подпоручик Михаил Тухачевский.

«Это был молодой человек, аристократически-раскованный, худой, но весьма изящный в своей потрепанной форме. Бледность, латинские черты лица, прядь волос, свисавшая на лоб, — придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода» [Fervacque, p. 13] — таким было первое впечатление, произведенное Тухачевским на обитателей форта IX. Франкофил Тухачевский органично вошел в среду французских офицеров-пленников — в большинстве своем аристократов. Тому способствовало и великолепное знание языка. На французском он с детства говорил, как на родном. «Он был очень симпатичным и охотно навещал своих французских товарищей... охотно рассказывал... о своем детстве в Пензе, родне, воспитании, о французской или итальянской бабке, и все это без меланхолии» [Treffer, 1982, s. 245]. Его дружба с де Голлем и Реми Руром была абсолютно закономерной. С де Голлем Тухачевского, несомненно, объединяло острое переживания происходящего, стремление к активной деятельности и радикализм. Оба молодых пленника стремились иметь суждение обо всем происходящем, в пользу чего говорили и широкий кругозор, и уверенность в себе. Не случайно французские приятели, шутя, «перекроили» фамилию «Тухачевский» на «Тушатушский», т. е. касающийся всего, обо всем имеющий мнение. Кстати одному из своих французских товарищей — капитану де Гойсу — Тухачевский помог бежать, откликнувшись за него на проверке, благодаря чему пропажа пленника была обнаружена не сразу, и он смог благополучно скрыться. Ставший впоследствии генералом, де Гойс и в 1930-е гг. с благодарностью вспоминал об «обаятельном и мужественном русском подпоручике» [Кантор, с. 10].

Форт IX лагеря Ингольштадт был одним из самых суровых по условиям в этой крепости. Бытовые условия считались весьма аскетическими. Каждому офицеру полагалась кровать с матрасом и подушкой, постельное белье и 2 одеяла. Стул и табуретка, устройства для подвешивания одежды и размещения пищевых продуктов (шкаф, тумбочка или комод), бак для мытья, сосуд для воды, полотенце, стол, ведро. Предусматривалось «достаточное отопление и освещение» [Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg, S. 36]. В каждом каземате размещались от 3 до 8 офицеров, что трактовалось представителями дипломатических миссий Красного Креста как «страшная скученность». Казематы форта IX имели, например, площадь 6×12 м каждый, т. е. 72 м^2 . В каждом — по 7 офицеров, т. е. на одного офицера приходилось по 10 м^2 . В фортах наряду с помещениями, где был только холодный душ, имелись и другие, в которых находились душ и ванна с холодной и горячей водой [Ibid., S. 39].

Содержание офицеров оплачивалось из их жалования в соответствии с чином, но изымать на эти расходы разрешалось не более половины денежного довольствия. Французским и бельгийским офицерам оставшаяся половина жалования выдавалась на руки, русские же не получали ничего — их жалование в Германию не переводилось. Они могли рассчитывать лишь на помощь из дома.

Особая тема — питание. Обеспечение военнопленных едой стало к 1915 г. проблемой из-за неожиданно большого числа пленных и блокады со стороны антигерманской коалиции. Согласно постановлению прусского военного министерства от 1 апреля 1915 г., каждый военнопленный получал ежедневно 85 г белков, 40 г жиров, 475 г углеводов — в общей сложности 2 700 ккал. Столько же полагалось немецким солдатам на фронте. Вначале общее питание военнопленных в отдельных лагерях было передано в частные руки. Но поставщики не выполняли обязательства, «доходило даже до недобросовестности — например, колбаса наполнялась мукой и водой, а молоко разбавлялось водой» [Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg, S. 50]. Была даже создана правительственная комиссия, которая проверяла качество продуктов, поставляемых «частниками». С 24 апреля 1915 г. лагерям была дана санкция на ведение собственного хозяйства.

Еда должна была быть «в достаточном количестве и питательной», «по возможности разнообразной». Однако из-за экономических проблем военного времени продукты дорожали, рацион скудел: пленным офицерам в 1915 г. стали давать только снятое молоко и исключили из их рациона белый хлеб. «Выпеченный из заменителей хлеб французы ели только “при необходимости”, отдавали его русским или выбрасывали...» [Ibid, S. 48]. Подобные «тяготы» не давали покоя французским пленникам, склонным даже проводить забастовки против некачественного питания. Куры сначала были только в форте «Принц Карл» и форте X, и узники остальных фортов восстали против такой дискриминации. С начала 1917 г. несущки появились во всех фортах: плен без свежих яиц, очевидно, превосходил все представления о прусской жестокости. После многократных обращений офицерам было разрешено в сопровождении конвойных и переводчика ходить в город за покупками, например, за фруктами.

Кухни имелись в каждой части лагеря Ингольштадт. Надзор осуществлял постоянный офицер или унтер-офицер. К работе на кухне привлекались и подключались подручные из «особо чистых военнопленных». Доверенные лица военнопленных обязаны были «постоянно быть на кухне и передавать возможные пожелания»... В ингольштадтском офицерском лагере не было столовых, офицеры питались в своих казематах, где они обслуживались ординарцами. Тарелки, ножи, ложки и вилки приобретались офицерами за свой счет.

Однообразие меню частенько вызывало нарекания пленных аристократов. Чтобы получить представление о причинах недовольства, процитируем меню.

Меню с 24.10 по 6.11.15

Воскресенье

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, жаркое из свинины с салатом и картофелем

Вечер: какао с джемом

Понедельник

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: рисовый суп, говядина с белокочанной капустой и картофелем

Вечер: сыр из саго, печеночный паштет

Вторник

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, говядина со шпинатом и картофелем

Вечер: рисовый суп и десертный сыр

Среда

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: рисовый суп, копченое мясо

Вечер: суп из саго, регенбургские колбаски с картофелем

Четверг

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, говядина с белокочанной капустой и картофелем

Вечер: суп из саго и сыр «Эмменталь»

Пятница

Утро: кофе с молоком и сахаром

Обед: кислые щи, говядина с зеленым салатом и картофелем

Вечер: печеночный паштет с картофелем

Суббота

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: суп-жюльен, голубой сазан с картофелем

Вечер: ореховый суп, регенбургские колбаски с картофелем

Воскресенье

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: кислые щи, говядина с картофелем

Вечер: какао с джемом

Понедельник

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, жаркое из свинины с салатом и картофелем

Вечер: суп из саго, селедка с картофелем

Вторник

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: кислые щи, говядина с капустой и картофелем

Вечер: ореховый суп и десертный сыр

Среда

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: суп из саго, жаркое из говядины с картофелем

Вечер: овощной суп, печеночный паштет с картофелем

Четверг

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, говядина с морковным пюре

Вечер: кислые щи, десертный сыр, картофель

Пятница

Утро: кофе с молоком и сахаром

Обед: суп из саго, говядина, овощное пюре и картофель

Вечер: кислые щи и колбаса

Суббота

Утро: кофе с молоком и сахаром

День: ореховый суп, морская рыба, с картофелем

Вечер: суп из саго и сыр «Эмменталь»

К этому рациону можно было приобрести и множество других продуктов: чай за 25 пфеннигов, какао — 80 пфеннигов за 250 г, бульонные кубики — 10 пфеннигов за штуку, томатный соус — 50 пфеннигов, селедка в томате — 90 пфеннигов за упаковку, лимонад — 12 пфеннигов за бутылку, вино, табак и сигареты и т. д.

Дополнительными источниками питания являлись «подарки» с родины или от благотворительной организации. С 1 февраля 1916 г. по 31 января 1917 г., например, пленные британцы получили 5 млн пакетов-подарков в среднем по 4,1 кг каждый, французы — 22,3 млн пакетов по 3,6 кг. Информации о русских в ингольштадтских материалах нет. Благотворительная помощь в виде посылок с одеждой первоначально отклонялась немецкой стороной, но в мае 1915 г. была разрешена с учетом развития обстановки...

Один из первых «подвигов» Тухачевского — участие в похищении сундука с картами местности и компасами, изъятыми лагерной охраной при обысках узников, готовивших побег или пойманных после него. Пикантности происшествию и адреналина злоумышленникам добавляло то, что сундук был похищен непосредственно из бюро коменданта Ингольштадта. Эта проделка, осуществленная русско-французским коллективом, осталась безнаказанной. Похищенное было тщательно спрятано в казематах, а обыск, впрочем, проведенный, по свидетельствам самих же обыскиваемых, лишь символически, результатов не дал [Treffer, 1980, S. 244].

На протяжении всего пребывания в Ингольштадте Тухачевский имел репутацию узника, доставляющего много хлопот. Как он сам впоследствии признавался однополчанам, это объяснялось желанием попасть в тюрьму, которая охранялась менее строго, чем лагерь, что увеличивало шансы побега. Сохранилось письмо Тухачевского, адресованное коменданту форта. Форма и содержание этого документа беспрецедентно не только по подчеркнутому несоблюдению субординации, но и по мотивировке недовольства:

«Сегодня, во время поисков подкопов, низшие чины Германской Службы отодрали занавески, защищающие меня от тяги из окна и разбросали все мои вещи на столе. По уходе они ничего не поставили на место и не устроили. Все это произошло в моем отсутствии, и когда я возвратился, я нашел все в ужаснейшем беспорядке.

Предполагая, что производство этих поисков не имеет целью устройство беспорядка, и считая такое отношение низших чинов к офицеру оскорблением, я письменно заявляю об этом, прошу разбора этого дела и ограждения меня в будущем от подобного произвола.

Подпоручик Тухачевский

20 марта 1917 года» [Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, S. 15].

Искать подкоп представители Германской службы охраны лагеря начали отнюдь не по наитию. Незадолго до того Тухачевский и его товарищи решили прорыть лаз. Они «ночью, раздвинув доски пола, рыли подкоп, днем тайно выносили землю. Кончилась эта попытка неудачей» [Никулин, с. 35]. Как не вспомнить меткое наблюдение одного из приятелей Тухачевского по форту IX: «В его поведении многое было навеяно литературой» [Fervacque, p. 79]. Потребность

в чтении в Ингольштадте удовлетворялась вполне — даже «книжный гурман» де Голль писал родным, что в форте оборудована хорошая библиотека [Treffer, 1982, S. 220]. Библиотеки в немецких лагерях, в том числе и в Ингольштадте, были организованы самими военнопленными с помощью благотворительных обществ. Офицеры, в основном пожилые, покупали за свой счет книги на сумму в среднем до 1 000 марок в месяц. В Ингольштадтском барачном лагере имелась читальня и библиотека. В фортах также были созданы библиотеки. Библиотека форта Орфф, например, располагала 750 французскими и 650 русскими книгами, форта VII — 1 100 книг, «в основном, романы, далее — исторические и философские произведения» [Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg, S. 78], преимущественно на французском языке. В библиотеках каждого форта имелся читальный зал, для освещения которого предусматривалась дополнительная доза керосина. В Ингольштадт поступали только журналы и газеты, лояльно настроенные к Германии или прошедшие цензуру.

Именно в плену Тухачевский всерьез увлекся политикой. Вот свидетельство его самого: «Впервые серьезно стал интересоваться политикой с Февральской революции, когда и началось мое знакомство с основами марксизма. Оторванный от России и имея лишь немецкие газеты, не дававшие полного представления о развитии революции, я сочувствовал в первые дни эсерам, но скоро отказ последних от принятия государственной власти в руки социалистов дискредитировал их в моих глазах. Тому же содействовало и знакомство с учением Маркса, последователем которого я становился» [ЦА ФСБ РФ. АСД Р-9000 на М. Н. Тухачевского, И.П. Уборевича и др. Т. «Судебное производство». Конверт «Записка о жизни от 27.09.1921»].

Тухачевский начал внимательно отслеживать деятельность большевиков в России. Агитационная литература, в том числе социал-демократическая, проникла в лагерь из Швейцарии. Проблем с изучением марксизма у Тухачевского, хорошо знавшего немецкий, не было. Да и программа, и брошюры с постулатами политической деятельности РСДРП также, вероятнее всего, попадали в Ингольштадт из Цюриха. Н. К. Крупская писала в воспоминаниях: «Еще когда мы жили в Берне, начата была и довольно широко поставлена переписка с русскими пленниками, томившимися в немецких лагерях. Материальная помощь, конечно, не могла быть очень велика, но мы помогали чем могли, писали им письма, посылали литературу» [Крупская, с. 276]. Первую — «лингвистическую» — смену настроений Тухачевского зафиксировали его французские друзья: «Хозяева называли меня по-прежнему “Ваше благородие”, но я их назвал “товарищами”», — рассказывал Тухачевский Реми Руру, вернувшись с обеда из соседнего каземата, где находились его русские приятели.

«Однажды, — вспоминал Рур, — я застал Михаила Тухачевского очень увлеченного конструированием из цветного картона страшного идола. Горящие глаза, вылезавшие из орбит, причудливый и ужасный нос. Рот зиял черным отверстием. Подобие митры держалось наклеенным на голову с огромными ушами. Руки сжимали шар или бомбу... Распухшие ноги исчезали в красном постаменте... Тухачевский пояснил: “Это — Перун. Могущественная личность. Это — бог войны и смерти”. И Михаил встал перед ним на колени с комической серьезностью.

Я захохотал. “Не надо смеяться, — сказал он, поднявшись с колен. — Я же вам сказал, что славянам нужна новая религия. Им дают марксизм, но в этой теологии слишком много модернизма и цивилизации. Можно скрасить эту сторону марксизма, возвратившись одновременно к нашим славянским богам, которых христианство лишило их свойств и их силы, но которые они вновь приобретут. Есть Дажь-бог — бог Солнца, Стрибог — бог Ветра, Велес — бог искусств и поэзии, наконец, Перун — бог грома и молнии. После раздумий я остановился на Перуне, поскольку марксизм, победив в России, развяжет беспощадные войны между людьми. Перуну я буду каждый день оказывать почести”» [Fervacque, p. 73–74]. Тухачевский в Ингольштадте увлекся резьбой, изготавливая забавные фигурки. Из плена домой в 1917 г. он привез любимые игрушки — вырезанных им из дерева маленьких идолов...

Монотонность лагерных будней может тяжело сказываться на состоянии психики, — констатировала комендатура Ингольштадта. «Миновала вторая пасха во время моего пребывания в плену. Не могу утаить от вас, что испытываю огромную невыразимую тоску», — признавался родным Шарль де Голль [Treffer, 1982, S. 221]. Переключки членили дни на части. В декабре 1914 г. в фортах VIII, IX, X переключки проходили в 9.00, 11.00, 14.00 и в 16.00, причем две из них — в казематах и две — во дворах фортов, «при неблагоприятной погоде» — под укрытием. Между проверками военнопленным разрешалась «ходьба». За нахождение вне каземата после 16.00 военнопленный мог быть наказан, вплоть до расстрела [Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg, S. 70]. В начале 1915 г. «психическая» проблема проявилась очевидным образом, в связи с чем были созданы условия для духовных и физических занятий военнопленных. «Вы часто спрашиваете меня, гуляю ли я. Да, по меньшей мере два часа в день, по территории форта... Как только позволит погода, я снова начну заниматься спортом», — писал де Голль матери [Treffer, 1982, S. 220].

В фортах существовал театр, в основном французский. Русский театр был лишь в одном форте. Но в нем могли играть и знавшие французский русские офицеры. К их числу относился и Тухачевский.

Любопытны воспоминания о лагерных спектаклях. Театральные вечера были большим событием. Зрители приходили в «безукоризненной униформе». В части каземата устраивался буфет, где угощались вином. Восторг зрителей вызывали женские роли. Сцена в этих случаях наполнялась запахами, порождающими выражение «женского начала во французском характере». Исполнители женских ролей были одеты в специально присылаемые французам и бельгийцам для этой цели с родины чулки, белье, дамские платья и т. д. «Дамы» в перерывах между действиями были окружены «кавалерами», которые сопровождали их «под ручку» в буфет. Наиболее успешные исполнители женских ролей удостоивались особого внимания и галантности, даже «целования ручки» [Treffer, 1982, S. 220].

Жизнь преподносила сюжеты, ничуть не уступавшие театральным — от фарса до драмы. Тухачевский — на первых ролях. Против него было возбуждено дело об оскорблении унтер-офицера. Инцидент носил трагикомический характер, что заметно даже по тексту донесения от 8 апреля 1917 г. «Унтер-офицер Ганс Абель в IX форте вечером 7 апреля в 9.00 предпринял предписанную переключку

в казарме левого крыла. Когда Абель проверял камеру номер 9, то обнаружил, что одного офицера нет. Потому он осмотрел всю камеру и нашел застеленную койку. Чтобы выполнить свои обязанности, он должен был убедиться в том, что на ней лежит именно тот офицер (которого он недосчитался на переключке. — Ю. К.). Абель осветил карманным электрическим фонариком одеяло койки бегло против лица данного офицера — лейтенант Тухачевский³. Тот немедленно закричал на Абеля: “Вонючий хам, пошел вон! Сукин сын, вон!” На что Абель спокойно переспросил: “Что вы сказали?!” Лейтенант Тухачевский снова закричал: “Вонючий хам, пошел вон! Сукин сын, вон!” Абель записал эти оскорбительные выражения и вышел из помещения» [Bayerisches Hauptstaatsarchiv München, Inf. Brig. № 119/1 von 1917 «Tatbericht», S. 1].

Дело было передано в суд ингольштадтской комендатурой 14 апреля. Тухачевского приговорили к шести месяцам тюрьмы.

Несомненно, вынесению жесткого приговора «поспособствовала» и устоявшаяся репутация Тухачевского: «Лейтенант Тухачевский — дерзкий молодой офицер, который дерзил унтер-офицерам и адресовал им оскорбительные реплики» [Ibid., Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Beleidigung», S. 5]. Как упомянуто в судебном определении, наказание Тухачевского имело еще и назидательный характер: некоторые пленные офицеры Ингольштадта «высокомерно и нагло» обращались с унтер-офицерами, служившими в лагерном охранном персонале. Узники попросту отказывались признавать лагерный регламент, в соответствии с которым охрана, включая низшие чины, являлась для них вышестоящим персоналом, которому надлежало безоговорочно подчиняться. Для того чтобы оградить унтер-офицеров от унижений со стороны пленных, суд вынес Тухачевскому «образцовый» — максимально жесткий — приговор, чтоб «другим было не повадно» [Ibid., Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, S. 21 (rück)-22].

Уже спустя три дня Тухачевский письменно информировал председателя ингольштадтского суда генерал-лейтенанта Лангнетцера:

В связи с объявленным мне приговором суда от 13 июля 1917 года, предусматривающим шесть месяцев тюрьмы за оскорбление унтер-офицера Абеля, я обращаюсь в Высший Военный суд Нюрнберга, поскольку я не был оправдан.

Лейтенант Тухачевский

Ингольштадт форт IX комната 15

16 июля 1917 года [Ibid., Inf. Brig. №119/1 von 1917, S. 23].

Ожидая, пока баварская судебная машина переверит в различных инстанциях дело об оскорблении унтер-офицера, заскучавший было Тухачевский стал героем еще одного конфликта, на сей раз — с комендантом лагеря генералом Петером. Гуляя по двору форта, Тухачевский столкнулся с ним. Увидев небрежно одетого, засунувшего руки в карманы русского лейтенанта, генерал замедлил шаг и спросил: «Почему вы меня не приветствуете — не отдаете честь?» Тухачевский молчал. «Немедленно выньте руки из карманов и отдайте честь!» Никакого внимания. «Лейтенант, вы увидите, что вам это дорого обойдется!» Тухачевский поднял

³ Русское звание «поручик» эквивалентно немецкому «лейтенант».

глаза и холодно поинтересовался: «Сколько марок?» [Treffer, 1980, S. 245] Генерал Петер сарказма пленного подпоручика не оценил и подал в суд.

С этого момента расследования двух дел об оскорблении — унтер-офицера Абеля и генерала Петера — шли параллельно и тянулись до 1919 г. Документы переходили из Ингольштадта в Нюрнберг (в Верховный военный суд Баварии) и возвращались обратно. Назначались все новые даты разбирательств, пока, наконец, 4 октября 1917 г. на очередном штампе не возникла размашистая надпись от руки красным карандашом: «Судебное заседание состояться не может, поскольку подсудимый снова убежал» [Bayerisches Hauptstaatsarchiv München, Inf. Brig. № 119/1 von 1917 «Flücht», S. 31 (rück)].

Пятый по счету побег оказался успешным. Информация о нем дошла до Нюрнберга лишь два месяца спустя. Еще полгода спустя, в энный раз пунктуально поинтересовавшись, не пойман ли беглец, 8 апреля 1918 г. судебное представительство третьего баварского Королевского армейского корпуса было вынуждено констатировать: «Нет сомнений в том, что побег лейтенанта Тухачевского удался. Предлагаем вернуться к рассмотрению дела 1 апреля 1919 года» [Ibid., Inf. Brig. № 119/1 von 1917 «Flücht», S. 33].

А начиналось все так. 16 августа 1917 г. в комендатуру лагеря Ингольштадт поступил рапорт «О русском лейтенанте Тухачевском М. Н., полк инфантерии, о русском капитане Чернивецком С. С., штаб 53 дивизии, в связи с попыткой побега. Сегодня 9 русских офицеров, давших письменно честное слово и обязавшихся во время прогулки не предпринимать попыток к бегству, были выведены на прогулку унтер-офицером Гофманом по установленному маршруту... На обратном пути два русских офицера — лейтенант Тухачевский и капитан Чернивецкий — быстро пошли вперед, в то время, как унтер-офицер Гофман остался замыкающим колонну пленных. По прибытии домой оба названных офицера отсутствовали. Предположительно они находились поблизости от Цухеринга и пытаются оттуда продвигаться далее. Капитан Чернивецкий совсем не говорит по-немецки, Тухачевский — только на ломаном. Обязательства честного слова (бланки заявлений. — Ю. К.) и личные карточки заключенных прилагаются» [Ibid., Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, «Tatbericht», S. 1].

Содержание стандартного бланка обязательства:

Объявление.

Я даю свое честное слово, в случае моего участия в прогулке, во время самой прогулки, т. е. с выхода из лагеря и до возвращения в него обратно, не совершать побега, во время прогулки следовать всякому распоряжению конвойных и не совершать никаких действий, угрожающих безопасности германского государства.

Я знаю, что на основании § 159 свода военных законов о наказаниях, военнопленный, совершивший побег несмотря на данное честное слово, подвергается смертной казни [Ibid., Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, «Erklärung», S. 5].

Какова же была жажда освобождения, если Тухачевский и Чернивецкий решились на побег, зная, что в случае поимки их ждет смерть...

Комендатура лагеря зарегистрировала это донесение лишь через 5 дней — 21 августа 1917 г. Ответ последовал еще через 5 дней — 26 августа. Немецкое

делопроизводство, что в военное, что в мирное время, к счастью для беглецов, велось без спешки.

Тухачевскому удалось бежать; это был пятый его побег. Об этом он рапортовал полковому начальству: «Начало побега было очень неудачно. Сразу же в лесу мы наткнулись на жандарма, который нас долго преследовал. Наконец, разделившись, мы побежали с капитаном Чернивецким в разные стороны. Жандарм стал преследовать меня, но через полчаса выбился из сил и отстал. Что стало с капитаном Чернивецким, я не знаю. Через 9 дней я был пойман жандармом, объявился солдатом Михаилом Ивановым из лагеря Мюнстера, был помещен в лагерь Лехфельд, где отбыл наказание для солдат, и после был отправлен в лагерь Пукхейм. Там я работал вместе с солдатами три недели и наконец убежал с унтер-офицером Новиковым и солдатом Анушкевичем. Через десять ночей ходьбы они были пойманы жандармами у города Шторгга, а я убежал и еще через три ночи ходьбы перешел швейцарскую границу у станции Таинген. Оттуда я следовал на Петроград через Берн, Париж, Лондон, Христианию и Стокгольм» [Шабанов, с. 91–92].

Из материалов дела: «16 августа 1917 г. в половину седьмого вечера унтер-офицер Гофман, который вел на прогулку русских офицеров, давших письменное обязательство словом чести не совершать побегов во время прогулок, доложил, что два офицера скрылись из виду. При немедленно поднятой тревоге было установлено, что исчезли русские офицеры капитан Чернивецкий и лейтенант Тухачевский. На следующий день через французского лейтенанта Лаба мне было передано прилагаемое письмо Тухачевского, которое я, за отсутствием русского переводчика, направляю в комендатуру для перевода» [Bayerisches Hauptstaatsarchiv München, Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, S. 9–11].

Протицируем и его:

Милостивый государь!

Я очень сожалею, что мне пришлось замешать Вас в историю моего побега. Дело в том, что слова я не убежать с прогулки не давал. Подпись моя на Ваших же глазах и в присутствии французского переводчика была подделана капитаном Чернивецким, т. е. попросту была им написана моя фамилия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Чернивецкого на моем листе. Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, никогда не давая слова. Совершенно искренно сожалею о злоупотреблении Вашей ошибкой, но события в России не позволяют колебаться.

Примите уверения в глубоком почтении

Подпоручик Тухачевский

10 августа 1917 г. [Ibid., Inf. Brig. № 289, von 1917 — № 2, T. 1, von 1918, «Flücht», S. 6–6 (rück)].

Судя по дате, письмо было написано до побега. Неоспоримое свидетельство того, что Тухачевский испытывал потребность объясниться, внятно «зафиксировать» собственную незапятнанность в нарушении кодекса офицерской морали (русской и французской, воспитанной на идеалах XIX в.). При всей самоуверенности, он весьма зависел от мнения избранных им же самим в качестве «референтной группы» людей и не позволил бы себе нарушить нормы чести.

В письме прочитывается и стремление оградить товарищей от возможных подозрений лагерного начальства — именно потому столь подробно описывается история подлога. Кстати, Тухачевский, уже находясь в России, продолжал посылать письма своим приятелям из форта IX, что было зафиксировано в его ингольштадтском деле [Bayerisches Hauptstaatsarchiv München, Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Beleidigung», S. 31].

Через Швейцарию Тухачевский прибыл в Париж, явившись к русскому военному атташе — графу Игнатьеву (в будущем — автору знаменитой книги «Пятьдесят лет в строю»). По распоряжению графа Игнатьева Тухачевскому были выданы деньги «в размере, необходимом для поездки до Лондона». Игнатьев же написал письмо российскому военному посланнику в Лондоне Ермолову, вверив бежавшего подпоручика его заботам. После двух с половиной лет неволи Тухачевский наконец прибыл в Россию — за несколько дней до октябрьского переворота 1917 г. Де Голль (в общей сложности предпринявший шесть неудачных попыток побега) был освобожден после перемирия в ноябре 1918 г. По грустной иронии судьбы, двум друзьям вскоре суждено было оказаться по разные стороны баррикад: в 1920 г. Шарль де Голль, которому исполнилось 30 лет, в чине майора участвовал (на польской стороне, как член французской военной миссии) в советско-польской войне, где войсками РККА командовал 27-летний командарм Михаил Тухачевский.

Кантор Ю. З. Михаил Тухачевский маршал Советского союза: «Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Изв. № 32(26589). 21.02.2004. С. 10. [Kantor Yu. Z. Mixail Tuxachevskij, marshal Sovetskogo soyuza: «Ya xochu sdelat' vyvod iz e'toj gnusnoj raboty» // Izv. № 32(26589). 21.02.2004. S. 10.]

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957. 439 с. [Krupskaya N. K. Vospominaniya o Lenine. M., 1957. 439 s.]

Никулин Л. В. Тухачевский. Биографический очерк. М., 1964. 198 с. [Nikul'in L. V. Tuxachevskij. Biograficheskij ocherk. M., 1964. 198 s.]

РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 50. [RGVIA. F. 291. Op. 1. D. 50.]

ЦА ФСБ РФ. АСД Р-9000 на М. Н. Тухчевского, И. П. Уборевича и др. [CA FSB RF. ASD R.-9000 na M. N. Tuxchevskogo, I. P. Uborevicha i dr.]

Шабанов В. М. В свой полк из плена через шесть границ // Воен.-ист. журн. 1996. № 5. С. 90–92. [Shabanov V. M. V svoj polk iz plena cherez shest' granic // Voen.-ist. zhurn. 1996. № 5. S. 90–92.]
Bayerisches Hauptstaatsarchiv München. Inf. Brig. № 119/1 von 1917; № 289 von 1917; № 2, T. 1 von 1918.

Ferrocque P. Le chef de l'armée Rouge — Mikail Toukhatchevski. Paris, 1928. 225 p.

Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. Das Kriegsgefangenenlager. Ingolstadt, 1999.

Treffler G. Zur Ingolstädter des Sowjetmarschalls M. N. Tuchatschewski // Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt. 89. Jahrgang, 1980. S. 243–252.

Treffler G. Der Hauptmann Charles de Gaules in Ingolstadt Kriegsgefangenschaft // Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt. 91. Jahrgang, 1982.

Статья поступила в редакцию 14.05.2014 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 355.35 + 355.34

И. В. Объедков

ПРОПАГАНДИСТЫ РУССКОГО ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА В США (1915–1917)

В статье рассматривается деятельность трех журналистов, ставших в годы Первой мировой войны сотрудниками русского неофициального телеграфного агентства «Норд-Зюд» в Соединенных Штатах Америки — С. Н. Сыромятникова, А. И. Калпашникова-Камака, Н. Н. Сергиевского.

Статья написана на основе документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)¹.

Ключевые слова: Первая мировая война; Штаб Верховного Главнокомандующего; Генеральный Штаб; русская пропаганда; телеграфное агентство «Норд-Зюд»; И. С. Наимский; С. Н. Сыромятников; А. И. Калпашников-Камак; Н. Н. Сергиевский.

Необходимость развертывания военно-политической пропаганды за границей и проблема подбора квалифицированных специалистов встала перед Военным министерством и Штабом Верховного Главнокомандующего еще в начале Первой мировой войны.

Впервые интерес к дореволюционному пропагандистскому опыту русских военных учреждений проявил бывший сотрудник Разведывательного управления Красной Армии К. К. Звонарев (Звайгзне). Одна из глав его книги, опубликованной в 1931 г., рассказывала о создании при Ставке телеграфного агентства «Норд-Зюд», но о русской пропаганде в США, как и о самих пропагандистах, в ней ничего не говорилось [см.: Звонарев]. Монография Е. А. Приваловой посвящена распространению встречного потока американской пропаганды, направленного в Россию весной 1917 г. [см.: Привалова]. В статье В. И. Журавлевой и Д. С. Фоглесонг говорится о положительных изменениях в представлениях американцев о России в годы войны, но пропагандистский вклад русского Генерального Штаба обойден молчанием [см.: Журавлева, Фоглесонг]. Нет сведений о работе русских пропагандистов в Америке и в статье И. А. Ждановой [см.: Жданова]. Единственным современным изданием, затрагивающим тему русских пропагандистских мероприятий в США в годы Первой мировой войны, является документальная публикация А. Б. Астахова [см.: Пропаганда на Русском фронте...].

Развертывание русской военно-политической пропаганды в условиях военного времени потребовало создания специальных учреждений. До войны определенный вклад в формирование внешнеполитического имиджа России вносили русские военные агенты в зарубежных странах. После вступления России в войну военное ведомство создало новые информационно-пропагандистские органы.

С 26 июля 1914 г. в структуре Штаба Верховного Главнокомандующего (Ставки) начала работать Дипломатическая Канцелярия. Одной из задач,

¹ Автор использовал материалы фондов «Главное Управление Генерального Штаба» (ф. 2000) и «Штаб Верховного Главнокомандующего» (ф. 2003) Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА).

поставленных перед нею, было «осведомление союзников, а также нейтральных стран по различным военным и политическим вопросам, в особенности с целью опровержения ложных сведений, распускаемых неприятелем». Распространение сообщений Канцелярии осуществлялось через Петроградское телеграфное агентство [см.: РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 644, л. 57–60].

Отступление русских войск по всему Восточному фронту, начавшееся в апреле 1915 г., подтолкнуло Ставку к решению о создании собственного пропагандистского учреждения, действующего независимо от Министерства иностранных дел и русских дипломатических представительств за границей.

В июне 1915 г. к начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего генералу Н. Н. Янушкевичу обратился бывший корреспондент американского агентства «Ассошиэйтед Пресс» в Царстве Польском, сотрудник Разведывательного отделения Второй армии (РОВА) Иосиф-Сигизмунд Александрович Наимский. Он представил проект организации при Ставке «особого осведомительного агентства» для противодействия германским, австрийским и турецким информационным учреждениям в нейтральных странах. Новое агентство по предложению Наимского получило название «Норд-Зюд». Проект Наимского с самого начала предусматривал возможность распространения деятельности агентства «Норд-Зюд» на США [РГВИА, ф. 2000, оп. 15, д. 827, л. 1–3].

С 27 июля 1915 г. по 1 сентября 1916 г. «Норд-Зюд» подчинялось Штабу Верховного Главнокомандующего, после чего оно было передано в ведение Главного управления Генерального Штаба (ГУГШ) [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 8468, л. 66–68]. Телеграфное агентство «Норд-Зюд» в годы Первой мировой войны играло неоднозначную роль. Среди его сотрудников преобладали польские журналисты, в том числе даже германские подданные. Все они были членами законспирированной организации, руководимой ординарцем Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича корнетом Лейб-Гвардии Уланского полка графом А. С. Замойским [РГВИА, ф. 2000, оп. 15, д. 827, л. 147–148 об.]. Эта ситуация вызывала у русских военных агентов недоверие к «Норд-Зюд» и желание установить жесткий контроль за работой его зарубежных отделений.

В начале октября 1916 г. неутомимый И. Наимский, поддержанный руководителем Петроградской конторы «Норд-Зюд» В. П. Залесским, в докладной записке «Задачи агентства “Норд-Зюд”» предложил Генеральному Штабу распространить деятельность этого агентства на США «на тех же началах», на каких она была организована «в других нейтральных прессах» [Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 6443, л. 355–357]. И. Наимский советовал: «Самым целесообразным, практическим и вместе с тем самым дешевым способом осуществления этой задачи является завязывание сношений с одним из двух существующих американских телеграфных агентств». Он имел в виду «Ассошиэйтед Пресс» и «Юнайтед Пресс», утверждая, что с ними «можно войти в соответственное соглашение». Наимский характеризовал оба агентства как «прекрасно организованные предприятия, располагающие сетью отделений во всех городах Северной и Южной Америки, обслуживающих печать всех лагерей и политических направлений» [Там же, л. 358–360]. Наимский и Залесский обратили внимание ГУГШ на переход германо-австрийских агитаторов к обработке общественного мнения новой

группы нейтральных стран, в том числе и США, подчеркнул: «...Сочувствие общественного мнения этих стран для германцев и австрийцев весьма желательно, хотя бы в смысле получения оттуда продовольствия и сырья» [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6443, л. 355–357]. 26 октября 1916 г. генерал-квартирмейстер ГУГШ М. И. Занкевич в своем докладе № 20254 поддержал предложение Наимского и Залесского. М. И. Занкевич предложил назначить представителем «Норд-Зюд» в Америке человека, преданного интересам России, знакомого «с пружинами американского общественного мнения и вкусами местной читающей публики». Предложенная им кандидатура, очевидно, стала компромиссом между Военным министерством и Министерством иностранных дел. Речь шла о сотруднике канцелярии МИДа Андрее Ивановиче Калпашникове-Камаке, работавшем ранее вторым секретарем российского посольства в Вашингтоне. На следующий день, 27 октября 1916 г., начальник Генерального Штаба генерал-лейтенант П. И. Аверьянов утвердил доклад М. И. Занкевича № 20254 об учреждении отделения «Норд-Зюд» в Северо-Американских Соединенных Штатах и одобрил кандидатуру Калпашникова [Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 6443, л. 285; д. 8414, л. 48–49]. 3 декабря 1916 г. А. И. Калпашников-Камак был зачислен на службу в агентство и выехал в США [Там же, д. 8414, л. 48–49]. Приехав в Америку, А. И. Калпашников «сумел заручиться содействием» американского журналиста Дж. Уилера (J. H. Wheeler), владельца информационного бюро, распространявшего статьи «во всех газетных синдикатах». В сотрудничестве с Дж. Уилером Калпашников «организовал большую осведомительную контору, взял помещение в World Building, нанял нескольких служащих, открыл счет в банке, а само учреждение зарегистрировал законным порядком как Nordsud Agency, в которое все газеты стали обращаться за сведениями». Деятельностью А. И. Калпашникова заинтересовался один из крупнейших американских газетных синдикатов «International News Service», предоставлявший информационные бюллетени более чем четыремстам газетам. После месячного испытательного срока («test service») этот синдикат выразил желание приобрести исключительные права на распространение бюллетеней «Норд-Зюд». В свою очередь, Калпашников взял на себя обязательство в течение месяца ежедневно передавать синдикату тексты телеграмм, приходивших из Петрограда [Там же, д. 6443, л. 273 и об.]. Однако перебои в получении телеграмм и невысокое качество поставляемой Петроградом информации привели к разрыву агента «Норд-Зюд» с агентством International News Service. Очевидно, те же причины побудили А. И. Калпашникова-Камака в одностороннем порядке расторгнуть и договор с Генеральным Штабом. В докладе по ГУГШ № 52326 от 11 апреля 1917 г., подписанном генерал-майором Н. М. Потаповым говорилось: «Представитель агентства в США Калпашников-Камак, как видно из телеграмм военного агента в Вашингтоне, прекратил свою деятельность и выехал в Россию в последних числах марта» [Там же, л. 28–29].

Работа А. И. Калпашникова-Камака в США не ограничивалось газетными публикациями. 12 (25) февраля 1917 г. он выступил перед американской публикой с лекцией в нью-йоркском «Colonial Club». Согласно отзыву присутствовавшего в роли цензора поручика Буцкого, Калпашников-Камак «искусно, но без преувеличений, обрисовал доблесть наших войск, результаты их работы

и те препятствия, которые поставлены на пути русской армии условиями русской жизни и самой природой». Буцкой сделал замечание Калпашникову, поскольку тот рассказывал «преимущественно про сибирские части, уделяя недостаточно внимания Российской армии вообще». Это вызвало своеобразную реакцию американских слушателей. В зале звучали возгласы: «Какая удивительная страна Сибирь! Ведь из ее людей составлены все войска России!» [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4279, л. 24 и об.]. Не исключено, что Калпашников разделял убеждения сибирских областников, выдвинувших спустя полгода, в августе 1917 г., лозунг «Да здравствует независимая Сибирь!» [Перейра, с. 206]. Это помогает объяснить его конфликт с ГУГШ и отъезд из США в конце марта 1917 г.

Занимаясь укреплением нью-йоркского отделения «Норд-Зюд», ГУГШ обратилось за помощью к журналисту С. Н. Сыромятникову, работавшему в США по заданию русского МИДа еще с марта 1915 г. В фонде ГУГШ сохранился рукописный доклад С. Н. Сыромятникова «Североамериканская печать», составленный 17 февраля 1917 г. В нем Сыромятников дал обзор состояния американской прессы за два истекших года. Обращение Генерального Штаба к услугам С. Н. Сыромятникова незадолго до отъезда в Россию А. И. Калпашникова-Камака, вероятно, диктовалось необходимостью подготовить позиции для следующего агента, а также свидетельствовало об отсутствии в распоряжении ГУГШ военных журналистов, обладавших необходимой квалификацией.

Для проникновения в мир американской журналистики Сыромятников воспользовался помощью известного банкира и газетного магната Якоба Шиффа, получив от него рекомендации к другим газетным предпринимателям. Согласно донесению Сыромятникова в ГУГШ, в 1915 г., к моменту его приезда в Соединенные Штаты, в этой стране издавалось 29 422 наименования газет, из которых не менее 140 выходили на немецком языке. Самой влиятельной в США Сыромятников назвал нью-йоркскую печать, имевшую «наиболее тесные связи с Европой» [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6443, л. 267]. Представляя Генеральному Штабу обзор состояния американской прессы, Сыромятников классифицировал газеты по четырем признакам: дружественные по отношению к России, враждебные, нейтральные, и, наконец, враждебные, но перешедшие к началу 1917 г. на нейтральные позиции. В качестве одной из важнейших характеристик Сыромятников, очевидно, учитывая заинтересованность ГУГШ, выделил отношение американских газет к еврейским общественным организациям.

К немногим газетам, занимавшим дружественные позиции по отношению к России, Сыромятников отнес «The New York Herald» и «The New York Tribune». Газетой «The New York Herald» владел проживавший в Париже и расположенный к России Джимми Гордон Беннет. Ее достоинством Сыромятников считал многолетнюю «борьбу против Натана Штрауса, богатого еврея, одного из владельцев... огромного универсального магазина». В декабре 1916 г. тираж газеты составлял 98,7 тысяч экземпляров, а тираж ее вечернего приложения «The Evening Telegram» достигал 223,8 тысяч экземпляров. Редакция «The New York Herald» располагала широкими международными связями. Сыромятников с сожалением писал о падении влияния этой газеты в течение последних лет. «Частое преувеличение успехов союзников в обеих газетах вызывало шутки

в американском обществе и не служило к нашей выгоде», заметил он [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6443, л. 267 об.].

«Дружественную» газету «The New York Tribune» с тиражом 82,5 тысячи экземпляров Сыромятников считал перспективной, подчеркивая ее растущее влияние. Он назвал ее органом «молодой и бодрой Америки». Ее главный редактор Фрэнк Х. Саймондс, по словам Сыромятникова, считался лучшим знатоком военного дела в Америке. Газетой владела семья Рейд, породнившаяся с британской аристократией и симпатизировавшая России. Газета «боролась с еврейским влиянием на американские дела» [Там же, л. 268].

Основная часть влиятельных газет США, по мнению Сыромятникова, имела антироссийскую направленность. Одна из самых влиятельных газет — «The New York Times», названная им консервативной, была собственностью «американского еврея Адольфа Окса, ловкого дельца, начавшего свою карьеру мальчиком разносчиком газет». Одним из ее крупнейших акционеров в 1915 г. был «известный прежний враг России в Америке франкфуртский еврей Яков Шифф». В декабре 1916 г. тираж газеты достигал 318,3 тысячи экземпляров. Ее главный редактор Чарлз Роберт Миллер когда-то изучал русский язык. Газета была «очень враждебна к немцам, но весьма дружественна к евреям», поэтому Сыромятников считал ее умеренно антироссийской [Там же, л. 268 об.].

Совокупный тираж другой газеты, «The New York American», и ее вечернего приложения «The Evening Journal» в декабре 1916 г. достиг 1,1 млн экземпляров. Они принадлежали Уильяму Рэндольфу Херсту, владевшему также газетами в Бостоне, Чикаго, Сан-Франциско и Атланте. «Личный враг президента Вильсона» У. Р. Херст «в начале войны... решительно стал на сторону Германии, в прошлом году сделался нейтральным, но требовал прекращения войны во имя цивилизации, т. е. в сущности, исполнял изменившуюся немецкую программу» [Там же, л. 269].

Газета «The Evening Post» представляла интерес для русской пропаганды, поскольку была популярна в университетских кругах. Однако ее владельцем был личный друг германского посла в США, графа Бернсдорфа, Освальд Уиллард, а сама газета «всегда была враждебна России». Ее передовицы принадлежали перу эмигранта из Вильны, «талантливого еврея» Симеона Струнского [Там же, л. 269 об.]. Газета «The Evening Mail», издававшаяся С. Мак-Клюром, откровенно отстаивала германские интересы [Там же, л. 270].

«The Globe» являлась газетой для школьных учителей, очень сентиментальной и враждебной России, «так как среди школьных учителей значительный процент евреев» [Там же, л. 270 об.].

Нейтральная, по мнению Сыромятникова, «The Sun» «ближе, чем какая-либо другая газета», стояла «к денежным кругам Wall Street» или, точнее, к «буржуазно-консервативным элементам страны». Ее утреннее издание в декабре 1916 г. расходилось в количестве 66 тысяч экземпляров, а вечернее — в количестве 140 тысяч. «Передовые статьи «Sun» отличались талантливостью и остротой критики, отдел иностранных известий поставлен очень... хорошо». Издавал газету Уильям Рейк, представлявший интересы известного американского капиталиста Джеймса Стиллмана. Сыромятников подчеркивал, что газета не заигрывает с толпой и, подобно «Tribune», свободна от еврейских влияний» [Там же, л. 271].

Некоторые американские газеты в 1915 г. были антироссийскими, но к началу 1917 г. изменили свою позицию. Давая характеристику газете «The World», Сыромятников утверждал, что она является «самой распространенной среди влиятельных нью-йоркских газет». Ее утреннее издание в декабре 1916 г. имело тираж 391,2 тысячи экземпляров, а вечернее — 403,8 тысячи экземпляров. Отрицательной особенностью «The World» был факт ее основания «в 1883 г. венгерским евреем Иосифом Пулицером», а также защита «еврейских интересов» до самой смерти ее основателя в 1911 г. Сыновья Пулицера, управлявшие газетой, не внушали доверия Сыромятникову, т. к. скрывали «свое еврейское происхождение, но для поддержания своего влияния продолжают защищать еврейство». Влияние «World» на американское общественное мнение обусловливается талантом главного редактора Фрэнка Кобба, пишущего в газете передовые статьи. «В начале войны “World” был нейтральным и в пределах приличия благоприятным для Германии, в 1915 он начал обличать немецкие интриги в Штатах. “World” — орган президента Вильсона и его самый горячий защитник» [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6443, л. 271 об.]. Газета «The Press» была собственностью Фрэнка Мэнси, основателя и издателя «Muncey Magazine» и газет: «Baltimor News», «Washington Times», «Philadelphia Evening Times». Ф. Мэнси был связан с могущественным стальным трестом «The United States Steel Corporation». По данным Сыромятникова, Мэнси купил «Press» для защиты германских интересов, но ему не удалось увеличить ни ее тираж, ни политическое влияние. В феврале 1917 г. Ф. Мэнси был, «вероятно, на стороне союзников» [Там же, л. 272].

С. Н. Сыромятников собрал информацию и о газетах, выходивших в других городах США. «Из печати других городов Америки имеют значение “The Chicago Tribune” (за немцев), “The Philadelphia Public Ledger” и “The North American”, обе издаются в Филадельфии, “The Herald”, “The Post”, “The Globe” и “The Transcript” — в Бостоне, и “The Post Dispatch” — газета Пулицеров в Сент-Луисе» [Там же, л. 272 об.]. Давая характеристику американским информационным агентствам, Сыромятников указал: «к известиям “United Press” относятся с большим вниманием. “Associated Press” обычно сообщает факты, “United Press” — мнения». [Там же, л. 272 об.].

Доклад по ГУГШ № 69140 от 16 июня 1917 г. свидетельствует о нарушении пропагандистских планов военного ведомства поспешным отъездом А. И. Калпашникова. Распространение в Америке материалов «Норд-Зюд» было прервано на целых три месяца [Там же, л. 55–56, 58]. Только 16 июня генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал-майор Н. М. Потапов смог телеграфировать военному агенту А. М. Николаеву в Вашингтон: «Находящийся в Америке Николай Николаевич Сергиевский будет работать вместо Калпашникова как агент Норд-Сюда» [Там же, л. 58]. По сведениям, полученным в Генеральном Штабе, Н. Н. Сергиевский был известным литератором, имевшим опыт редактирования журналов «Наша Старина» и «Родная Страна» [Там же, л. 55–56]. 7 (20) июля 1917 г. Сергиевский написал донесение о первых результатах своей работы, засвидетельствованное российским посланником в Вашингтоне И. И. Сукиным, для начальника ГУГШ. Согласно справке, подписанной Сукиным, «телеграммы, ежедневно получаемые... из Петрограда о событиях войны и явлениях общественно-политической жизни,

с содержанием каждой из коих г. Сергиевский осведомляет Русское посольство в Вашингтоне, — поступают в переводе на английский язык к представителям крупнейших в Соединенных Штатах Северной Америки газетно-информационных организаций “Associated Press” и “United Press”, обслуживающих: первая — 1.100 газет и вторая — 750 газет. Содержание телеграмм действительно воспроизводится в Американских газетах» [РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6443, л. 104]. 16 октября 1917 г., незадолго до захвата власти большевиками, русский военный агент в Вашингтоне А. М. Николаев сообщил Генеральному Штабу о продолжении успешного сотрудничества с Н. Н. Сергиевским [Там же, л. 164].

Доклад по ГУГШ № 102005 от 16 января 1918 г., подписанный исполнявшим обязанности генерал-квартирмейстера ГУГШ П. Ф. Рябиковым, свидетельствовал, что «переворот 25 октября, передавший власть в руки большевиков, сопровождался временным перерывом телеграфных сообщений с заграницей. Кроме этой причины технического характера пришлось работу агентства “Норд-Сюд” прервать и по причинам политическим, так как неясность всех событий, протекавших в России, не давала фактического материала, соответствующего задачам агентства». Поскольку Совет Народных Комиссаров приступил к передаче своих пропагандистских сообщений за границу по радио, генерал П. Ф. Рябиков, «принимая во внимание большую пользу, приносимую деятельностью агентства», предложил «возникший вопрос об участии агентства... решить в смысле сохранения его организации, но не возобновляя деятельности». Рябиков считал миссию агентства незавершенной и полагал непроизводительным разрушать его устоявшуюся структуру [Там же, д. 8418, л. 7–8].

Однако внешнеполитическая пропаганда большевиков имела уже другой, антивоенный характер. Для ее развертывания вне рамок военного ведомства в структуре Народного Комиссариата по иностранным делам в ноябре 1917 г. было создано Бюро международной революционной пропаганды [Романов, с. 132–133]. Ирония судьбы, подмеченная Альбертом Рисом Вильямсом, заключалась в том, что ведущими сотрудниками этого Бюро стали журналисты, приехавшие из США. Помимо самого А. Р. Вильямса там работали Джон Рид, Луиза Брайант, Филипп Прайс и потомок Дж. Вашингтона газетный художник-карикатурист Роберт Майнор [Саттон, с. 121–128].

Делать выводы об эффективности работы русских военных пропагандистов в США в период с 1915 по 1917 гг. можно только с учетом степени выполнения задач, которые были перед ними поставлены. В связи с этим следует подчеркнуть, что в ходе Первой мировой войны русское военное ведомство, опираясь на рекомендации министра иностранных дел С. Д. Сазонова, поставило перед своими агентами ограниченные задачи — сообщать о действиях русской армии и противодействовать антирусской пропаганде Германии в нейтральных странах [РГВИА, ф. 2000, оп. 15, д. 827, л. 9–11, 179]. Можно утверждать, что агенты «Норд-Зюд» в США эти задачи выполнили. Германской пропаганде не удалось сформировать в сознании американцев отрицательный образ России как виновницы развязывания Первой мировой войны. Россия смогла разместить в США свои военные заказы. Весной 1917 г. США вступили в войну на стороне России и ее союзников.

Жданова И. А. «Век пропаганды»: управление информацией в условиях войны и революции в России в марте-октябре 1917 года // *Отеч. ист.* 2008. № 3. С. 126–142. [Zhdanova I. A. «Vek propagandy»: upravlenie informaciej v usloviyax vojny i revolyucii v Rossii v marte-oktyabre 1917 goda // *Otech. ist.* 2008. № 3. S. 126–142.]

Журавлева В. И. Русский «другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) // *Американский Ежегодник.* 2004. М., 2006. С. 233–281. [Zhuravleva V. I. Russkij «drugoj»: formirovanie obraza Rossii v Soedinennyx Shtatax Ameriki (1881–1917) // *Amerikanskij Ezhegodnik.* 2004. M., 2006. S. 233–281.]

Звонарев К. К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. : в 2 кн. Кн. 1. М., 2003. 304 с. [Zvonarev K. K. Agenturnaya razvedka: Russkaya agenturnaya razvedka do i vo vremya vojny 1914–1918 gg. : v 2 kn. Kn. 1. M., 2003. 304 s.]

Переяра Н. Областничество и государственность в Сибири во время гражданской войны // *Гражданская война в России: перекресток мнений.* М., 1994. 377 с. [Perejra N. Oblastничество i gosudarstvennost' v Sibiri vo vremya grazhdanskoj vojny // *Grazhdanskaya vojna v Rossii: perekrestok mnenij.* M., 1994. 377 s.]

Привалова Е. И. «Русский эксперимент»: Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917–1920 гг.). М., 2006. 156 с. [Privalova E. I. «Russkij e'ksperiment»: Komitet obshhestvennoj informacii i vneshnyaya politika SShA (1917–1920 gg.). M., 2006. 156 s.]

Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / авт., сост., подгот. к печ. А. Б. Асташов. М., 2012. 400 с. [Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny / avt., sost., podgot. k печ. A. B. Astashov. M., 2012. 400 s.]

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4279, 6443, 8414, 8418, 8468; Оп. 15. Д. 827; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 644. [RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 4279, 6443, 8414, 8418, 8468; Op. 15. D. 827; F. 2003. Op. 1. D. 644.]

Романов А. С. Зарождение советской системы международной информации: информационная деятельность НКВД РСФСР (1917–1923 гг.) // *Отеч. ист.* 2008. № 4. С. 131–143. [Romanov A. S. Zarozhdenie sovetskoj sistemy mezhdunarodnoj informacii: informacionnaya deyatel'nost' NKID RSFSR (1917–1923 gg.) // *Otech. ist.* 2008. № 4. S. 131–143.]

Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция / пер. с англ. М., 2005. 400 с. [Satton E'. Uoll-strit i bol'shevickaya revolyuciya / per. s angl. M., 2005. 400 s.]

Статья поступила в редакцию 19.01.2014 г.

УДК 335.332 + 323.27 + 94(470)“1917”

А. П. Павленко

КОНФЛИКТЫ ОФИЦЕРОВ С НИЖНИМИ ЧИНАМИ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ (МАРТ 1917 – МАРТ 1918 гг.)

В статье рассматриваются конфликтные ситуации между офицерами Черноморского флота с одной стороны, нижними чинами, комитетами и Советами — с другой, в ходе революционных событий 1917 г. и в начале Гражданской войны. В основу исследования положено использование просопографического метода. Выявлены наиболее распространенные обвинения, выдвигавшиеся в адрес офицеров. Сформулированы причины конфронтации командного состава с подчиненными.

Ключевые слова: революция 1917 г.; Черноморский флот; офицерский корпус; судовые комитеты; Севастопольский совет военных и рабочих депутатов; просопография.

Для вооруженных сил одним из последствий революции 1917 г.¹ было размежевание личного состава и демократизация армии и флота. Быстро шел процесс разложения дисциплины в воинских частях. Ярким проявлением этих процессов был рост числа конфликтов между матросами и солдатами с одной стороны, и офицерами — с другой. Против командного состава могли выступить Советы и комитеты различных уровней.

В фокусе внимания историков находятся матросские самосуды над офицерами, произошедшие на Балтийском флоте в марте 1917 г., на Черноморском — в декабре 1917 г. и марте 1918 г. Эта тема рассматривается в диссертациях [Елизаров; Панова], монографиях [Волков; Зарубин; Смолин; Пученков], ряде статей [Лобыцын, Дядичев; Крестьянников, 2004; Киличенков; Назаренко, 2010]. Но гораздо меньше внимания историков уделяется проблеме конфликтов командного состава с нижними чинами, которые происходили в течение всего революционного периода. К данной теме обращались и мемуаристы, и исследователи. Однако, за редким исключением [Крестьянников, 2006], они ограничивались описанием отдельных эксцессов или общим анализом их происхождения.

Для понимания сути процессов, происходивших в вооруженных силах в 1917 г., необходимо подробнее разобрать проблему конфронтации офицеров и нижних чинов. В многочисленной архивной делопроизводственной документации отражен процесс зарождения, развития и завершения конфликтов. Дополнительная информация содержится в периодической печати 1917–1918 гг., публиковавшей официальные решения следственных комиссий Советов и революционных трибуналов, и иногда описания происходящих инцидентов. Ряд участников противостояний с подчиненными оставили воспоминания, освещавшие эти события.

¹ В современной российской историографии события 1917 г. рассматриваются и как единый революционный процесс, и как две революции (Февральская и Октябрьская). Мы поддерживаем первую точку зрения, и, исходя из этой интерпретации, используем термин «Революция 1917 г.» для обозначения всей совокупности произошедшего в 1917 г. [обзор историографии данной темы см.: Ерофеев; Чураков].

Обращение к личностям офицеров, втянутых в инциденты с нижними чинами, позволяет персонифицировать и, следовательно, лучше исследовать эти явления. Такую возможность дает использование просопографического метода — изучение массовых источников для создания на основе статистического анализа их информации «коллективных биографий» различных социальных групп. В современной исторической науке данный метод активно применяется [см. подробнее: Юмашева].

Нами была создана специальная просопографическая база данных. В нее вносились информация об офицерах, классных медицинских чинах и военно-морских чиновниках Черноморского флота, также учтены сведения о представителях администрации торговых судов, мобилизованных в состав действующего флота, т. к. по своему статусу они были близки к обер-офицерам военного времени. На каждого человека была составлена карточка, в которой зафиксированы его биографические сведения и обстоятельства конфликта.

Командный состав флота в 1917 г. представлял сложную структуру. Его основу составляли чины флота (строевые и специалисты). Техники, обслуживающие машины корабля, формировали группу инженер-механиков [ПСЗРИ-3, т. 33, отд. 1, № 38999]. Отдельно выделялись офицеры пяти специальных корпусов — морской артиллерии, гидрографов, корабельных инженеров, флотских штурманов, инженеров и техников морской строительной части [ПСЗРИ-1, т. 9, № 6568; ПСЗРИ-2, т. 1, № 755; т. 2, № 1028; т. 12, отд. 1, № 10488; ПСЗРИ-3, т. 5, № 3056; т. 32, отд. 1, № 38473]. Сложной по составу была категория чинов по Адмиралтейству. В нее входили офицеры, служившие в береговых должностях или переведенные из армии; произведенные из матросов и кондукторов, из мобилизованных моряков торгового флота или окончившие специальную школу прапорщиков флота [Свод, кн. 8, с. 94, 206, 208, 223, 225–227; Назаренко, 2011, с. 49]. Офицеры-юристы составляли военно-морское судебное ведомство [ПСЗРИ-2, т. 42, отд. 1, № 44576]. Медики и военно-морские чиновники имели гражданские классные чины [Свод, кн. 8, с. 62].

В ходе исследования были установлены личности 218 офицеров, классных чинов и представителей администрации транспортных судов, имевших различные столкновения с подчиненными в рассматриваемый период.

Морские офицеры составляют большинство — 162 из 218 (74,2 %) от всех лиц, конфликтовавших с нижними чинами. По состоянию на 1 января 1917 г. на Черноморском флоте служили 1463 офицера [Гречанюк, Попов, с. 5], таким образом, в противостояния были втянуты 11,1 % из них. Сухопутных офицеров среди участников эксцессов 39 человек (17,9 %), представителей администрации торгового флота — 10 человек (4,6 %), военно-морских чиновников — 4 человека (1,8 %) и врачей — 3 человека (1,4 %).

На первом месте по числу столкновений с подчиненными находятся чины флота. Их доля на Черноморском флоте по состоянию на апрель 1916 г. составляла 52,5 % [подсчитано по: Список, с. 31–470]. Однако процент данных офицеров, конфликтовавших с матросами (71,6 %), почти в полтора раза выше их удельного веса.

Сыграл свою роль тот факт, что они исполняли обязанности вахтенных начальников, командиров строевых рот, кораблей, портов, соединений и др., тем

самым обладая большим объемом дисциплинарной власти и полномочиями контролировать нижних чинов, по сравнению с другими офицерами [Свод, кн. 17, с. 10–20]. Вследствие этого возникало больше возможностей для конфронтации с матросами. Сказывались и социально-психологические причины. По своему происхождению чины флота были по преимуществу дворянами, впитавшими существовавшие традиции обращения с подчиненными и привыкшими, в силу своего статуса, к беспрекословному выполнению своих приказов. Падение дисциплины среди матросов в 1917 г. вызывало острые столкновения с офицерами, пытавшимися бороться с разложением экипажей.

По удельному весу (16,7 %) на втором месте находятся конфликты с чинами по Адмиралтейству. Их доля на Черноморском флоте составляла 28,5 % [подсчитано по: Список, с. 745–904]. Большая часть этих офицеров служила на вспомогательных судах и в береговых частях. Их роль была ниже, чем у чинов флота, социальное происхождение более демократичным.

Процент конфликтов инженер-механиков с матросами был низким (8 %). В составе Черноморского флота их было 13,2 % [подсчитано по: Список, с. 475–609]. Они не командовали строевыми ротами и кораблями, соответственно, имели меньше возможностей проявить свою власть. Однако инженер-механик имел дисциплинарные полномочия по отношению к непосредственно подчиненным матросам [Свод, кн. 17, с. 11, 15–16]. Но обслуживание техники требует более уважительного обращения с нижними чинами. Отношения между техниками-профессионалами были лучше, чем у строевого офицера с подчиненными ему матросами [ГАРФ, ф. Р-6378, оп. 1, д. 1, л. 35].

Удельный вес офицеров специальных корпусов на Черноморском флоте составлял 4,8 % [подсчитано по: Список, с. 614–744]; из числа участников столкновений их было 2,5 %.

Среди мест базирования Черноморского флота по числу конфликтов безусловным лидером являлся Севастополь: 153 человека (при этом одно и то же лицо иногда было участником двух столкновений). Такое большое число инцидентов объясняется тем, что в Севастополе базировалось большинство кораблей и береговых частей. В других портах и местах дислокации частей эксцессов с командным составом было гораздо меньше: в Батуме — 12 человек, в Одессе — 11, в Николаеве — 6, в Керчи — 4.

По частоте предъявления того или иного обвинения к офицерам со стороны подчиненных и выборных органов на первом месте была контрреволюционность. Под это определение попадала критика негативных сторон революционных порядков, Временного правительства, а позже Советской власти; сочувственные высказывания о старом строе, монархии и т. д. Однако из 50 предъявленных обвинений на данный момент в источниках нами выявлено всего три случая, когда, с точки зрения органов революционной власти, это признавалось справедливым.

Подчас незначительные критические замечания командиров, их недовольство «беспорядком» могли интерпретироваться как контрреволюция. Например, капитану по Адмиралтейству Г. Н. Григорьеву было предъявлено обвинение в нелояльных высказываниях о новом строе. Матросы обратили против него фразу «Рано дали гражданство — нужно было обождать» [РГАВМФ, ф. Р-181,

оп. 1, д. 43, л. 10 об.]. Нередко против офицеров выдвигались обвинения, основанные на их словах, произнесенных в эмоциональном запале или тех выражениях, которые солдаты и матросы неправильно поняли.

На втором месте следуют претензии, связанные с плохим отношением к нижним чинам со стороны командира. На третьем — грубость и оскорбления подчиненных. Зачастую эти дела имели под собой реальные основания. Отметим, что 12 случаев из 20, когда офицера обвиняли в грубости, приходится на март-апрель 1917 г. Т. е. матросы и солдаты в первые дни революции «вспоминали обиды» и стремились наказать офицеров, которые плохо с ними обращались «при старом режиме». Некоторые из них серьезно не изменили своего отношения к нижним чинам и после февраля 1917 г., что в новых условиях стало одной из причин конфликтов. Например, 25 марта 1917 г. командиру эсминца «Гневный» капитану 2 ранга В. И. Медведеву подчиненные в числе претензий предъявили обвинение в «неуважении к личности матроса». Из показаний моряков следует, что они ставили в вину В. И. Медведеву грубые высказывания в свой адрес, имевшие место уже после начала революции [РГАВМФ, ф. 609, оп. 2, д. 926, л. 37 об., 40].

19 человек пострадало из-за причастности к подавлению революционного движения на Черноморском флоте (восстаний моряков 1905 г. и несостоявшегося выступления 1912 г.), плохого отношения к политическим арестованным. Обычная ситуация — победившая революция наказывает тех, кто ранее проявлял усердие в борьбе с ней. Донося о матросах-подпольщиках, командный состав исполнял свой долг службы перед государством, которому присягал на верность. А по мнению революционеров, эти офицеры совершили преступление и должны были быть наказаны.

Бывший командир крейсера «Память Меркурия» в 1912 г. (один из кораблей, на котором готовилось восстание моряков) контр-адмирал Н. Г. Львов на заседании Севастопольского революционного трибунала 30 декабря 1917 г. говорил, что «он исполнял лишь приказания начальства и долг службы». «Он предателем никогда не был, а матросов выдавали их же товарищи, как командир, по долгу присяги и службы он не мог утаивать то, что происходит на судне». В итоге Н. Г. Львов был осужден на 10 лет заключения [Крымский вестник, 1918, 4 января, № 1].

Со стороны Советов было распространено преследование офицеров за финансовые злоупотребления (14 случаев). В этом вопросе учреждения новой власти выполняли функции дореволюционных следственных органов, рассматривавших материальные претензии и преступления.

Выдвижение обвинений, как правило, было формализованным. (Конечно, в условиях 1917 г. неизбежны были нарушения существовавшей процедуры рассмотрения конфликта). Претензии формулировались на общем собрании команды и оформлялись протоколом. Затем судовой или береговой комитет передавал это в местный Совет. Другой вариант развития событий — в выборные органы поступали заявления от отдельных матросов или солдат.

В структуре Севастопольского совета была специальная следственная комиссия и летучие отряды, оперативно посещавшие корабли и части с целью разрешения конфликтных ситуаций и получения информации. Следственная комиссия

производила опрос свидетелей, сбор материалов и выносила решение по итогам расследования. В марте-апреле 1917 г. постановления следственной комиссии утверждались на заседаниях исполкома Севастопольского совета (до 30 марта 1917 г. — Центрального военного исполнительного комитета), позже от такой практики отказались из-за перегруженности текущей работой. Аналогично работали демократические органы в других базах флота.

Стоит отметить, что Севастопольский совет играл важнейшую общественно-политическую роль в Причерноморье, поэтому он рассматривал дела о конфликтах, которые происходили не только в Севастополе, но и в других портах. В главную базу флота пересылались собранные материалы или члены Совета отправлялись в командировки.

В отдельных случаях приказом по флоту создавались специальные комиссии из лиц, назначенных командующим, и членов Советов, по выбору последних.

После установления советской власти в Севастополе, 26 декабря 1917 г. был создан революционный трибунал. До 26 января 1918 г. он рассмотрел 15 дел по обвинению офицеров различных деяниях. Из них шестеро были оправданы, пятеро осуждены на сроки от 6 месяцев до 16 лет, в отношении четырех не обнаружены сведения о приговорах. Все пятеро осужденных стали жертвами матросских самосудов 23 февраля 1918 г. [Крымский вестник, 1918, 4–6, 14–16, 23, 25, 28 января, № 1–3, 8–9, 15, 17, 20; РГАВМФ, ф. Р-72, оп. 1, д. 78, л. 14–15 об.; ф. Р-183, оп. 1, д. 45, л. 49, 52]

Трибунал действовал по ускоренной схеме судопроизводства, дело слушалось в течение одного дня. В то же время суд имел открытый, состязательный и гласный характер, проходил в присутствии подсудимого. По итогам процесса, после совещания (иногда длившегося несколько часов), заседатели трибунала выносили приговор.

Обращение к тому, как быстро рассматривались дела, позволит определить, насколько эффективно и оперативно действовали выборные органы революционной демократии. Для 32 дел удалось установить даты начала конфликта и дату принятия Советом (или его комиссиями) окончательного решения. Среднее значение этого промежутка времени составляет 23 дня. Причем в 14 случаях этот срок не превышал одной недели. К затягиванию процесса расследования приводило то, что один и тот же инцидент могли рассматривать несколько учреждений. Таким образом, выборные органы старались работать быстро и эффективно, стремясь оперативно разобрать и погасить конфликты.

Командование также вынуждено было реагировать на происходящее. Хронологически первый случай произошел на линкоре «Императрица Екатерина Великая» в ночь с 3 на 4 марта 1917 г. Матросы заподозрили мичмана В. Я. Фока в намерении взорвать корабль. В итоге он застрелился в каюте [Крымский вестник, 1917, 7 марта, № 60]. После этого команда дредноута потребовала удалить с корабля всех офицеров с «немецкими» фамилиями. По просьбе командира корабля на его борт прибыл командующий флотом вице-адмирал А. В. Колчак, сумевший стабилизировать ситуацию [Жуков, с. 15–16].

В дальнейшем, по мере нарастания числа конфликтов, командующий использовал гибкую тактику, активно сотрудничая в разрешении эксцессов

с демократическими органами. Так продолжалось до середины мая 1917 г., когда произошло столкновение А. В. Колчака с Севастопольским советом, связанное с арестом генерал-майора флота Н. П. Петрова. Следственная комиссия задержала генерала по обвинению в финансовых злоупотреблениях без санкции командующего, что привело к острому конфликту с А. В. Колчаком [Допрос, с. 70, 72–74; Жуков, с. 52–60; РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 13, л. 94 об.–95; ф. Р-187, оп. 1, д. 333, л. 16, 18, 19].

После того, как 6 июня 1917 г. под давлением нижних чинов и Севастопольского совета А. В. Колчак оставил свою должность, пришедший ему на смену контр-адмирал В. К. Лукин (а затем контр-адмирал А. В. Немитц) продолжил политику сотрудничества с Советом и компромиссов в разрешении инцидентов между командным составом и матросами.

Всего за весну-осень 1917 г. по источникам удалось проследить позицию командования в отношении 43 лиц из рассматриваемой совокупности. В 36 случаях конфликт приводил к тому, что офицер покидал свою должность. Это происходило как в форме прямого отстранения, так и имело более «мягкие», замаскированные формы. В десяти эпизодах это было представлено как перевод на другое место службы, в пяти — предоставление отпуска «по болезни», в трех — поездка в командировку. С другой стороны, в отношении шести командиров после отстранения от должности начиналось прокурорское следствие и их отдали под суд.

Для пяти человек инцидент закончился наложением дисциплинарных взысканий (порицания и выговоры). В делах генерал-майора Н. П. Петрова и командира эсминца «Жаркий» лейтенанта Г. М. Веселаго вице-адмирал А. В. Колчак занял принципиальную позицию. В случае с Г. М. Веселаго командующий флотом попытался расформировать экипаж, изгнавший командира, и вывести корабль из кампании [Приказы, ч. 4, № 2299; РГАВМФ, ф. Р-187, оп. 1, д. 333, л. 31]. Дело «Жаркого» сыграло большую роль в дестабилизации обстановки на Черноморском флоте и уходе А. В. Колчака с должности командующего. В итоге эсминец вернулся в кампанию, вместо Г. М. Веселаго был назначен другой командир, а лейтенант отправлен в отпуск «по болезни» [Приказы, ч. 4, № 2441, 2442, 2671].

Согласно материалам расследований, обвиняемые для своей защиты также использовали формализованные процедуры, обращаясь в Советы. В нескольких случаях это приносило положительный для офицеров результат.

В весенние и летние месяцы 1917 г. характерным явлением были требования подчиненных отстранить от должности или сменить командира. Всего с марта по август матросы и солдаты выступали за применение этой санкции к 28 офицерам. Эта тенденция пошла на убыль осенью 1917 г. За сентябрь–ноябрь таких дел выявлено всего семь. В декабре, в разгар севастопольских антиофицерских выступлений и самосудов, данных случаев в изученных источниках отражено всего два. В начале революции нижние чины требовали от командования и Советов смещения неугодных офицеров. Однако по мере разложения вооруженных сил и радикализации настроений личного состава таких командиров стали просто арестовывать, зачастую не спрашивая мнения вышестоящих инстанций или демократических органов.

96 человек из 218 (44 %) в момент конфликта или расследования брались под стражу, или делались попытки их арестовать. Большинство задержаний пришлось на декабрь 1917 г. В Севастополе в середине этого месяца прокатилась волна матросских выступлений против офицеров, сопровождавшаяся убийствами и многочисленными обысками и арестами. Удалось установить 34 личности командиров, задержанных в это время.

Обращает на себя внимание следующая тенденция. Начиная с декабря 1917 г. команды нередко требовали и добивались освобождения своих командиров. Из 58 лиц, факт ареста которых с декабря 1917 г. по март 1918 г. был зафиксирован в базе данных, так было в отношении 16 (27,6 %) человек. В середине декабря 1917 г. комитет Минной дивизии Черноморского флота решил арестовать всех офицеров этого соединения. Однако экипаж эсминца «Беспокойный» добился того, что пятеро из шести взятых под стражу офицеров корабля были отпущены из тюрьмы [Шрамченко, с. 51–57].

Иногда подчиненные сначала арестовывали офицера, а затем ходатайствовали об его освобождении. В середине декабря 1917 г. в Севастополе на подводной лодке «Кашалот» были задержаны лейтенант Б. Е. Пчельников и инженер-механик мичман В. А. Брискин. Однако уже 22 декабря 1917 г. общее собрание команды субмарины заявило о взятии их на поруки. 11 января 1918 г. матросы просили прекратить следствие в отношении Б. Е. Пчельникова и освободить его от суда, что и было сделано революционной властью [ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 27, л. 183, 186–187, 189–189 об.].

Но имела место и другая, трагическая тенденция. 26 человек, ранее имевших конфликты с нижними чинами или подвергавшихся преследованию со стороны революционной власти, были убиты матросами зимой 1917–1918 гг. в ходе самосудов в базах Черноморского флота.

На первом месте среди причин конфликтов, безусловно, стоит негативное отношение к офицерам со стороны части нижних чинов, которые рассматривали командный состав сторонников свергнутого режима или контрреволюционных сил. Постепенно начал формироваться образ врага.

Большую роль играло желание солдат и матросов, выборных органов наказать офицеров за грубость, бестактность, плохое обращение к подчиненным, финансовые и материальные злоупотребления; стремление отомстить лицам, которые были причастны к подавлению революционного движения в предшествующие годы.

Демократизация флота привела к появлению судовых и береговых комитетов, которые стали вмешиваться в компетенцию командиров, пытаться контролировать их деятельность. Падение статуса и авторитета офицеров, наделение нижних чинов и комитетов большими правами во многом создавало саму возможность появления конфликтных ситуаций. Борьба командного состава за поддержание внутреннего порядка в условиях разложения экипажей неизбежно вела к конфронтации с матросами и солдатами, не желавшим подчиняться дисциплинарным нормам и требованиям.

Стоит отметить, что число офицеров, обвиненных в германофильстве (последствия шпионмании), рукоприкладстве, суровых наказаниях подчиненных,

оказалось невелико, вопреки распространенным в историографии представлениям.

Мелкие и крупные конфликты были внутренне сложным явлением, имевшим разные причины, ход и последствия для конкретных офицеров. Но для Черноморского флота в целом данные инциденты были важным фактором подрыва дисциплины и падения боеспособности.

Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. 508 с. [Volkov S. V. Tragediya russkogo oficerstva. M., 2001. 508 s.]

ГАГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 27. [GAGS. F. R-266. Op. 1. D. 27.]

ГАРФ. Ф. Р-6378. Оп. 1. Д. 1. [GARF. F. R-6378. Op. 1. D. 1.]

Гречанюк Н. М., Попов П. И. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957. 136 с. [Grechanyuk N. M., Popov P. I. Moryaki Chernomorskogo flota v bor'be za vlast' Sovetov. Simferopol', 1957. 136 s.]

Допрос Колчака. Л., 1925. 248 с. [Dopros Kolchaka. L., 1925. 248 s.]

Елизаров М. А. Левый экстремизм на флоте в период Революции 1917 г. и Гражданской войны (февраль 1917 — март 1921 гг.): автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб., 2007. 44 с. [Elizarov M. A. Levij e'kstreimizm na flote v period Revolyucii 1917 g. i Grazhdanskoj vojny (fevral' 1917 — mart 1921 gg.): avtoref. ... dis. d-ra ist. nauk. SPb., 2007. 44 s.]

Ерофеев Н. Д. Современная отечественная историография Русской Революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 92–108. [Erofeev N. D. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya Russkoj Revolyucii 1917 goda // Novaya i novejschaya istoriya. 2009. № 2. S. 92–108.]

Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1931. 304 с. [Zhukov V. K. Chernomorskij flot v revolyucii 1917–1918 gg. M., 1931. 304 s.]

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. 728 с. [Zarubin A. G., Zarubin V. G. Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu. Simferopol', 2008. 728 s.]

Килшченков А. А. Матросы военного флота в Февральской революции 1917 г.: истоки революционного сознания // Февральская революция 1917 г. в России: история и современность. М., 2007. С. 128–141. [Kilichenkov A. A. Matrosy voennogo flota v Fevral'skoj revolyucii 1917 g.: istoki revolyucionnogo soznaniya // Fevral'skaya revolyuciya 1917 g. v Rossii: istoriya i sovremennost'. M., 2007. S. 128–141.]

Крестьянников В. В. «Варфоломеевские» ночи в Севастополе в феврале 1918 г. // Россия — Крым — Балканы: Диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 328–336. [Krest'yannikov V. V. «Varfolomeevskie» nochi v Sevastopole v fevrale 1918 g. // Rossiya — Krym — Balkany: Dialog kul'tur. Ekaterinburg, 2004. S. 328–336.]

Крестьянников В. В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С. 177–199. [Krest'yannikov V. V. Demokratizaciya Chernomorskogo flota v 1917 g. i sobytiya 23 fevralya 1918 g. v Sevastopole // Sevastopol': vzglyad v proshloe. Sevastopol', 2006. S. 177–199.]

Крымский вестник (Севастополь). 1917–1918. [Krymskij vestnik (Sevastopol'). 1917–1918.]

Лобыцын В., Дядичев В. Еремеевские ночи // Родина. 1997. № 11. С. 28–32. [Lobycyn V., Dyadichev V. Eremeevskie nochi // Rodina. 1997. № 11. S. 28–32.]

Назаренко К. Б. К вопросу о политических настроениях матросов отечественного Черноморского флота в 1917–1921 гг. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. 2010. Вып. 1. С. 3–13. [Nazarenko K. B. K voprosu o politicheskix nastroyeniyax matrosov otechestvennogo voenno-morskogo flota v 1917–1921 gg. // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 2: Istoriya. 2010. Vyp. 1. S. 3–13.]

Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. 488 с. [Nazarenko K. B. Flot, revolyuciya i vlast' v Rossii: 1917–1921. M., 2011. 488 s.]

Панова А. В. Личный состав Российского императорского флота в условиях общенационального кризиса (1917–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 194 с. [Panova A. V. Lichnyj sostav Rossijskogo imperatorskogo flota v usloviyax obshhenacional'nogo krizisa (1917–1921 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. M., 2011. 194 s.]

Приказы командующего Черноморским флотом. 1917 г. Ч. 4 [Nauchno-spravochnaya biblioteka RGAVMF]. [Prikazy komanduyushhego Chernomorskim flotom. 1917 g. Ch. 4 [Nauchno-spravochnaya biblioteka RGAVMF].]

ПСЗРИ. Собр. 1. (ПСЗРИ-1). Т. 9; Собр. 2. (ПСЗРИ-2). Т. 1, 2, 12, 42; Собр. 3. (ПСЗРИ-3). Т. 5, 32, 33. [PSZRI. Sobr. 1. (PSZRI-1). T. 9; Sobr. 2. (PSZRI-2). T. 1, 2, 12, 42; Sobr. 3. (PSZRI-3). T. 5, 32, 33.]

Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. 340 с. [Puchenkov A. S. Ukraina i Krym v 1918 — nachale 1919 goda. Ocherki politicheskoj istorii. SPb., 2013. 340 s.]

РГАВМФ. Ф. 609, Р-72, Р-181, Р-183, Р-187. [RGAVMF. F. 609, R-72, R-181, R-183, R-187.]

Свод морских постановлений. Кн. 8 : Прохождение службы по морскому ведомству. Изд. 1910 г. СПб., 1910. 366 с. [Svod morskix postanovlenij. Kn. 8 : Proxozhdenie sluzhby po morskomu vedomstvu. Izd. 1910 g. SPb., 1910. 366 s.]

Свод морских постановлений. Кн. 17 : Военно-морской дисциплинарный устав. Изд. 1895 г. СПб., 1898. 103 с. [Svod morskix postanovlenij. Kn. 17 : Voенно-morskoj disciplinarnyj ustav. Izd. 1895 g. SPb., 1898. 103 s.]

Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. 200 с. [Smolin A. V. Dva admirala: A. I. Nepenin i A. V. Kolchak v 1917 g. SPb., 2012. 200 s.]

Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг., 1916. 1231 с. [Spisok lichnogo sostava sudov flota, stroevyx i administrativnyx uchrezhdenij Morskogo vedomstva. Pg., 1916. 1231 s.]

Чураков Д. О. 1917 год в современной историографии: проблемы и дискуссии // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 104–115. [Churakov D. O. 1917 god v sovremennoj istoriografii: problemy i diskussii // Novaya i novejšhaya istoriya. 2009. № 4. S. 104–115.]

Шрамченко Я. В. Жуткие дни... Агония Черноморского флота // Морские записки. 1961. Т. 19. № 1/2. С. 41–80. [Shramchenko Ya. V. Zhutkie dni... Agoniya Chernomorskogo flota // Morskie zapiski. 1961. T. 19. № 1/2. S. 41–80.]

Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 39. С. 95–127. [Yumasheva Yu. Yu. Istoriografiya prosopografii // Izv. Ural. gos. un-ta. 2005. № 39. S. 95–127.]

Статья поступила в редакцию 05.03.2014 г.

УДК 94(430) + 7.036(430)7 + 808

Т. С. Сиян

КАЙЗЕРОВСКАЯ ПСЕВДОХРИСТИАНСКАЯ МИЛИТАРИСТСКАЯ РИТОРИКА 1910-Х ГГ. В ЗЕРКАЛЕ ДАДАИСТСКОЙ И ЭКСПРЕССИОНИСТСКОЙ КРИТИКИ

В статье рассматривается псевдохристианский дискурс 1910-х гг.; манипуляция христианскими ценностями со стороны кайзеровской политической элиты и реакция, «ответ» экспрессионистов и дадаистов на это явление.

Ключевые слова: псевдохристианство; пропаганда; экспрессионизм; дадаизм; берлинские дадаисты, кайзеровская Германия; Веймарская Республика.

Политические деятели во все времена манипулировали христианскими текстами и их аксиологией с помощью массовой пропаганды с целью подготовки к войне. Это актуально, к сожалению, и в наше время, т. к. в современном мире эксплицитная и имплицитная политическая риторика по-прежнему использует религию для манипуляций массовым сознанием и для создания геополитических проектов.

Так, например, вся риторика кайзера Вильгельма II [см., например: Первая балконная речь; Вторая балконная речь] говорила об этом: «Мы, немцы — соль земли». В этих весьма специфически переосмысленных словах Христа¹ скрыты следующие оппозиции: «мы/они», «вкусный/невкусный», «верх/вниз».

Эта мысль Вильгельма II критикуется берлинским дадаистом Вальтером Мерингом в его ироничной статье «В замшевых перчатках» (куплет в прозе, ноябрь 1918): «Но в душе мы настоящие немцы — патриоты. И добрые христиане: только истинный христианин может быть хорошим солдатом — как сказал (правда, не Христос) (но) наш кайзер» [цит. по: Дадаизм в Цюрихе..., с. 252]. Цитата насквозь иронична, это видно в имплицитном сравнении — «добрый христианин» / «солдат».

Более острой критике подвергаются начальник Генерального штаба, генерал-фельдмаршал Гинденбург и заместитель начальника Генерального штаба генерал Людендорф. Рауль Хаузман в тексте «Милитаристическое общество Иисуса Христа с ограниченной ответственностью» пишет: «Германия спасает мир, потому что немецкий дух является инкарнацией христианства... вследствие этого каждый главнокомандующий — Христос. В основе немецкой правдивости лежит немецкая религия, а она является истинным воплощением евангелизма. <...> О, какие же благородные люди не только наши генералы, придумывающие великие планы распространения немецкого духа, веры и христианской цивилизации и свято следующие словам Иисуса Христа: “Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч”» [Там же, с. 292–293]. Стоит отметить, что Р. Хаузман переигрывает дословный смысл выражения Евангелия

¹ «Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поппание людям» [Матфей 5:13; ср.: Марк 9:50; Лука 14:3536; К Колоссянам 4:6].

от Матфея [Матфей 10:34], тогда как Христос имел в виду аксиологические противопоставления даже в семейных и кумовских взаимоотношениях («ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невесту со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» [Матфей 10:35–36])². Хаузман, исходя из выраженной Гинденбургом логики «Пути Господни неисповедимы, они нас выведут»³, помещает «богом избранных апологетов правды, Германии и Бога» — Гинденбурга, Тирпица, Бермондта, Райзанда и Мотвица⁴ — в «милитаристическое общество Иисуса Христа». Высмеивает Хаузман и перемещения правящих должностей: ротация немецких должностных лиц производится на основе заветов Христа по принципу: «ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» [Матфей 23:12].

Особенно жестко критикуются Гинденбург и Людендорф в мистифицированных статьях Й. Баадера. Например, в статье «Реклама меня (чисто коммерческая)»: «Гинденбург и Людендорф — имена не исторические. Есть лишь одно историческое имя: Баадер. Эти господа болтаются на марионеточных нитках вечности, которыми управляю я, и они не забывают, что война проиграна, потому что они хотели быть в Германии умнее, чем президент Вселенной. Еще в январе 1914 я совершенно ясно и отчетливо заявлял: Германия — резиденция Вселенной...» [Баадер, с. 57]. Генералов-«марионеток» Баадер иронично противопоставляет реальной исторической фигуре, которая пропагандирует обратное — широкое понимание «мы» («резиденция Вселенной») в дадаистическом ключе, т. е. одновременно в модусе ироничного, абсурдного, но с другой стороны — вполне серьезного миропонимания.

Эксплицитное, ироничное, псевдохристианское противопоставление Людендорфа и Баадера можно увидеть в статье Баадера «Христос против Людендорфа». «Пусть Людендорф наделен в этом мире черт знает каким большим могуществом; я противопоставляю его земной избранности мою избранность для исполнения божественной власти духа. Обе власти — власть Людендорфа и власть Баадера — суть теократии. Но одна — власть порабощения, а другая — власть освобождения. Власть Людендорфа — это власть смерти, а власть Баадера — власть жизни» [Там же, с. 28]. Цитата показывает «лицо» кайзеровской Германии, генералитета («власть порабощения», «власть смерти»), его всеилие («наделен <...> черт знает каким большим могуществом»), метод «теократической» пропаганды. Иными словами, политический «верх» представляется в модусе теократии, т. к. принимаемые «наверху» решения признаются безоговорочно («Людендорф требует от своих приверженцев, чтобы они хотели, как он хочет») [Там же]. Баадер, в противопоставление генералитету, требует оторвать «из-под завала их собственную контуженую волю» и сделать «ее единственным руководством

² Об этом читаем также в Евангелии от Луки: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение, ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей» [Лука 12:51–53].

³ Источник выражения: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» [К Римлянам 11:33].

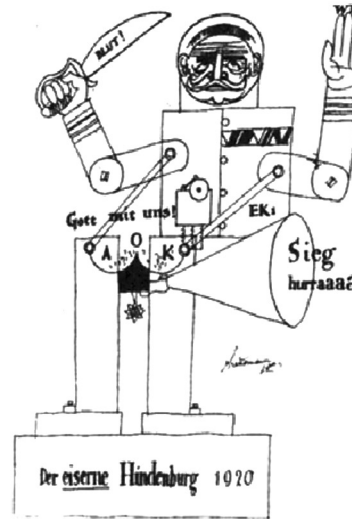
⁴ Не забывает Р. Хаузман раскритиковать и генерала Людендорфа в своей статье «Рабочие ходят босиком» [см. об этом: Дадаизм в Цюрихе, с. 294–295].

к действию», потому что Баадер — за освобождение человека из-под «кнута» пропаганды и лжи. Для Баадера человек должен «быть», но не быть объектом манипулирования («...господином, ответственным только и исключительно перед самим собой») [Баадер, с. 29]. А что касается теократии Людендорфа и Баадера, то теократия первого управляется «порабощением», а теократия второго — «свободой, и ответственностью перед самим собой, нераскрытой дверью которого начертано единственное слово, имеющее власть на совершенной земле: ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ» [Там же]. Противопоставление Баадером таких ценностей, как человечность и субъект, авторитарному, «закрытому» мышлению Людендорфа и кайзеровской политической элиты Германии делают их ценностные различия ощутимо контрастными.

Военная псевдохристианская риторика критикуется и в экспрессионистской живописи. Особенно интересна в визуальном плане критика Рауля Хаузмана. На картине Хаузмана «Стальной Гинденбург» 1920 (*Der eiserne Hindenburg*, 1920) генерал Гинденбург также изображен иронично (ил. 1). Доказательством является болтающийся между ног Гинденбурга наивысший военный орден прусского королевства и кайзеровской Германии — железный крест — звезда большого креста (“*Stern zum Grobkreuz des Eisernes Kreuzes*”) (ил. 1) и рупор, выполняющий функцию фалоса, оповещающий: «Победа, ураааа!» (“*Sieg hurraaaa*”). Примечательно, что написанное над пальцами Гинденбурга в самом верху «мы» переключается с сегментами «Бог с нами» (“*Gott mit uns!*”) и кровью (*Blut*).

В псевдохристианском ключе примечательна также картина Карла Шмид-Ротлуфа, изображающая Христа, под которой художник подписал «Вам Христос не явился?» (ил. 2). Можно сказать, что его «левая» экспрессионистская картина⁵ «адресована» кайзеровской непрофессиональной, воинствующей политике. Антивоенную тему и ее критику можно увидеть и в литографии Эрнеста Барлаха «*Anno Domini 1916*» (ил. 3) [Lunde].

Заметим, что эту картину русский искусствовед В. Турова в своей статье «Графика экспрессионизма» интерпретирует через оппозиции «Христос/демон (сатана)», где сатана представлен в образе мужчины, раздавленного горем: «Оба персонажа, — пишет В. Турова, — в равной мере растеряны перед лицом событий и в равной мере бессильны исправить свершившееся

Ил. 1. Р. Хаузман.
Стальной Гинденбург. 1920;
звезда большого креста

⁵ В прагматическом плане Христос, написанный по основным принципам экспрессионизма (асимметричность лица, несоразмерность), намного сильнее действует на зрителя. В этом ключе и написана литография Эрнста Барлаха «*Anno domini 1916 Post Cristum Natum*» [см.: Barlach].

Ил. 2. К. Шмид-Ротлуф.
Вам Христос не явился?

без всяких признаков эмоций. Поводом для написания этой картины послужила смерть полумиллиона солдат у Вердена⁶. На литографии видны установленные друг против друга кресты. Три креста указывают на Голгофу, а напротив них многочисленные могильные кресты. Послание Барлаха противопоставляется пророческим словам Исаии⁷ и Михея⁸ [Lunde].

К проблеме соотношения «политика — война — христианство» обращается также Вальтер Меринг в своих «Разоблачениях» («Enthüllung»): «...христосы тысячами приносят себя в жертву, но место на кресте остается незанятым» [цит. по: Дадаизм в Цюрихе, с. 53]. Эту проблему Меринг видит в распространенной в предвоенное время оппозиции «германский мир / романский мир» («Germanentum/Romanentum»): «Германский мир, романский мир дерутся за мессию иудейского происхождения» [Там же]. Противопоставление наций (немецкой, романской, еврейской) иронично указывает на абсурдность, когда война пропагандируется в псевдохристианской оболочке.

⁶ Этот сюжет переигрывает с юмором Чарли Чаплин в своем фильме «Великий диктатор» («The Great Dictator», 1940).

⁷ «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима; и будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» [Исаия 2:2–4].

⁸ «И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню и в дом Бога Иаковлева, и Он научит нас путям Своим, и будем ходить по стезям Его, ибо от Сиона выйдет закон и слово Господне — из Иерусалима. И будет Он судить многие народы, и обличит многие племена в отдаленных странах; и перекуют они мечи свои на орала и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать. Но каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею, и никто не будет устрашать их, ибо уста Господа Саваофа ирзекли это» [Михей 4:2–4].

Ил. 3. Э. Барлах. Anno Domini 1916

зло» [Экспрессионизм, с. 109]. Если широко раскрытые глаза Христа, приподнятые плечи, тело, наклоненное вперед, полураскрытый рот говорят об удивлении, то на неинтеллигентном, пустом лице мужчины, указывающего рукой на кладбище, нет никакого удивления. Он просто показывает Христу безграничные кладбища

Фактически тексты Карла Шмидта-Ротлуфа, Эрнеста Барлаха и дадаиста Вальтера Меринга являются антитекстами немецкой «христианской» милитаристской риторики. Художники и писатели борются против «христианской» риторики подлинно библейскими текстами.

С помощью аналогичных текстов борется также берлинский дадаист Йоханнес Баадер. В своем программном тексте «Восемь всемирных законов» (“Die acht Weltsätze”, 1919) Баадер пишет: «Начался новый акт божественной комедии и его лейтмотив таков: “люди знают, что они живут на небесах. Люди — ангелы и живут на небесах»». Послание Баадера приобретает ироничную окраску в контексте описания нескольких событий, произошедших затем на земном шаре. Слова Баадера становятся особенно ироничными в контексте послевоенного времени. «Где же нам жить, как не на небесах? <...> Но если бы мы, — продолжает Баадер, — забыли, что мы пришли оттуда [с планеты Земля. — Т. С.], забыли, что проделали путь мимо лун и пылающих солнц, из мира, в котором существовали такие вещи, как немецкий рейхстаг, и германский кайзер, и народы, раздиравшие друг друга в растерзанных лесах, и убивавшие друг друга ядовитыми газами, и топившие друг друга в бушующих водах мировых морей» [цит. по: Семиотика и Авангард, с. 852].

В псевдохристианском ключе критикует вильгельмский период цюрихский дадаист (впоследствии сюрреалист) Тристан Тцара. Он в своем «Манифесте дада 1918» не видит преодоления трагедии Первой мировой войны в контексте христианства: «Опыт Иисуса и Библии берет под свои широкие и радушные крыла дерьмо, тварей, дни. Как же вы хотите управлять хаосом, бесконечными и бесформенными вариациями которого является человек? Принцип “возлюби ближнего своего” — лицемерие. “Познай себя” — утопия, но более приемлемая, включающая в себя также злость. Не надо жалости. После бойни нам остается надежда на очистившееся человечество» [цит. по: Дада Альманах, с. 90]. Как было замечено, Тцара видит решение проблемы в рефлексивном мышлении личности, человека европейской цивилизации. Но для осмысления этого нужен был еще один ужасающий пример — Вторая мировая война.

Псевдохристианский сюжет и критику кайзеровской Германии можно проследить и на уровне различных артефактов-ассамбляжей.

Например, в 1920 г. на первой международной выставке дадаистов Джон Херцфильд и Рудольф Шлихтер повесили на потолке инсталляцию — «Прусский архангел» (“Der Preussische Erzengel”) (ил. 4) в военной униформе, с мордой свиньи [Der Preussische Erzengel]⁹. На архангеле были написаны первые строки из стихотворения Мартина Лютера (“Vom himel hoch da kom ich her”, 1534), посвященные его восьмилетнему сыну Гансу.

Ил. 4. Д. Херцфильд, Р. Шлихтер. Прусский архангел. 1920

⁹ Манекен второй картины восстановлен в 2004 г. и является копией утерянной в 1920 г.

Сарказм усиливается не только изображением солдата с мордой свиньи, но и контекстом противопоставления со второй строкой лютеровского стихотворения. В его четверостишии читаем: «Спустился я сюда с небес / принес я вам благую весть / добра я вам принес так много / о чем я вам хочу сказать и спеть»¹⁰ («Vom himel hoch da kom ich her / ich bring euch gute newe mehr / der guten mehr bring ich so viel / dauon ich singen und sagen will») [об этом тексте см. подробнее: *Historisch-kritisches Liederlexikon*]. В первом четверостишии лютеровского стихотворения от имени «Я» говорит Христос. Лютеровский текст в контексте прусского архангела существенно переосмысливается. Во-первых, на первом уровне в потенциале можно заметить насмешку дадаистов над Христом, над христианскими ценностями, а на втором уровне — критику прусского милитаризма. Послание авторов ассамбляжа представляет собой больше ответ на прусскую пропаганду, стилизованную под псевдохристианскую аксиологию, чем критику самой религии. Адресатом критики дадаистов предстает духовенство, поддерживающее Первую мировую войну. Конечно, удар дадаистов на этой выставке был направлен на захватническую вильгельмовскую политику, против подстрекателей войны, а не против замученных, разбитых, жаждущих сострадания простых солдат.

Агрессивная прагматическая стратегия берлинских дадаистов проводилась для пробуждения общества. Они сопоставляли несопоставимое: «морда — солдат — архангел». Тройное сопоставление генерирует идею дегероизации общественного сознания, а сама инсталляция выступает как антитекст кайзеровской пропаганды. В свою очередь, солдат никак не может быть архангелом, т. к. он в потенциале — убийца врага, открывающий дорогу к архангелам.

Интересна также вывеска на солдате, которая служит подсказкой посетителям: «Чтобы полностью понять смысл этого произведения искусства (Kunstwerk), шагай ежедневно по 12 часов полевым солдатским шагом в поле Темпельхофа¹¹ в полном походном снаряжении». Херцфильд и Шлихтер пытаются донести до зрителя, что их инсталляция — «произведение искусства», напоминая политическим «романтикам», ура-патриотам, что роль солдата тяжела в прямом и переносном смысле. Естественно, потерпевшая поражение политическая и военная элита Веймарской Республики не остается безразличной к выходкам дадаистов и возбуждает уголовное дело, завершающееся административным наказанием авторов.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что кайзеровскую милитаристическую псевдохристианскую риторику подвергли резкой критике и экспрессионисты, и берлинские дадаисты. Ответ на эту риторику в том же «регистре» указывает на сверхчувствительную отзывчивость, отклик экспрессионистов и дадаистов на время, эпоху и политику. Эта отзывчивость, в свою очередь, имела разные оттенки и проявила себя в нарочитой агрессивности дадаистов и повышенной эмоциональности экспрессионистов.

¹⁰ Подстрочный перевод Т. Симяна.

¹¹ Один из районов Берлина.

Баадер Й. Так говорил обердада: манифесты, листовки, эссе, стихи, заметки, письма 1906–1954. М., 2013, 207 с. [Baader J. Tak govorit oberdada: manifesty, listovki, e'sse, stixi, zametki, pis'ma 1906–1954. M., 2013, 207 s.]

Вторая балконная речь Вильгельма II, Берлин, 1 августа, 1914 г. [Электронный ресурс] (Quelle: Kriegs-Rundschau, Bd. 1, S. 43). URL: <http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/wilhelm142/index.html> (дата обращения: 09.05.2014). [Vtoraya balkonnaya rech' Vil'gel'ma II, Berlin, 1 avgusta, 1914 g. [E'lektronnyj resurs] (Quelle: Kriegs-Rundschau, Bd. 1, S. 43). URL: <http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/wilhelm142/index.html> (data obrashheniya: 09.05.2014).

Дада Альманах. М., 2000. 206 с. [Dada Al'manax. M., 2000. 206 s.]

Дадаизм в Цюрихе, Ганновере и Кельне: Тексты, иллюстрации, документы / отв. ред. К. Шуман. М., 2001. 559 с. [Dadaizm v Cyurixe, Gannovere i Kel'ne: Teksty, illyustracii, dokumenty / отв. red. K. Shuman. M., 2001. 559 s.]

Первая балконная речь Вильгельма II, Берлин, 31 июля, 1914 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/wilhelm14/index.html> (дата обращения: 09.05.2014). [Pervaya balkonnaya rech' Vil'gel'ma II, Berlin, 31 iyulya, 1914 g. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/wilhelm14/index.html> (data obrashheniya: 09.05.2014).]

Семиотика и Авангард: антология / ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева и др. М., 2006. 1168 с. [Semiotika i Avangard: antologiya / red.-sost. Yu. S. Stepanov, N. A. Fateeva i dr. M., 2006. 1168 s.]

Экспрессионизм: Драматургия. Живопись. Графика. Музыка. Киноискусство: сб. ст. / отв. ред. Б. И. Зингерман. М., 1966. 156 с. [E'kspressionizm: Dramaturgiya. Zhivopis'. Grafika. Muzyka. Kinoiskusstvo: sb. st. / отв. red. B. I. Zingerman. M., 1966. 156 s.]

Barlach E. Anno domini 1916 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artvalue.com/auctionresult--barlach-ernst-1870-1938-german-anno-domini-mcmxvi-post-christ-1294290.htm> (дата обращения: 09.05.2014).

Der Preussische Erzengel [Электронный ресурс]. URL: <http://weimarart.blogspot.de/2010/06/berlin-dada-fair-1920.html> (дата обращения: 09.05.2014).

Historisch-kritisches Liederlexikon [Электронный ресурс]. URL: http://www.liederlexikon.de/lieder/vom_himmel_hoch_da_komm_ich_her (дата обращения: 09.05.2014).

Lunde S. Ernst Barlach "Anno Domini post Christum natum 1916", Lithographie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ev-bretzenheim.de/download/lunde/barlach-ad-post-christum-1916.pdf> (дата обращения: 09.05.2014).

Статья поступила в редакцию 05.07.2014 г.

КРЫМ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ

УДК 911.7(477.75) + 81'286

Н. И. Храпунов

АЛУШТА КАК «КРЫМСКИЙ РАЙ» В ОПИСАНИЯХ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Анализируются записки европейских путешественников об Алуште — селении на южном берегу Крыма. В них проявились основные стереотипы восприятия Крыма людьми Запада, и они же позволяют представить жизнь в Алуште и ее окрестностях на рубеже XVIII–XIX вв., занятия и хозяйство местного населения, описывают археологические памятники. Благодаря дневникам путешествий для читающей публики Алушта постепенно становится частью привлекательного образа «Эдема» на Южном берегу Крыма.

Ключевые слова: воображаемая география; дневники путешествий; Шарль де Линь; Жильбер Ромм; Петр Паллас; Эдвард Кларк; Реджинальд Хебер; Восточная Европа; Крым; Алушта.

Первое присоединение Крыма к России в 1783 г., помимо всего прочего, наделило полуостров рядом важных символических ассоциаций. Здесь стали находить черты земного рая, античной Греции, византийской христианской цивилизации, арабских сказок и загадочного «Востока». Эти ассоциации возникали во многом потому, что внешний облик полуострова и его жителей совершенно отличался от того, что было привычно и его новым владельцам, и многочисленным западноевропейцам, прибывавшим сюда для собственного развлечения или по долгу службы. Но была и другая причина — усилия российских идеологов, сразу же сделавших Крым инструментом политической пропаганды, разъяснявшей имперскую миссию России и обосновывавшей ее претензии.

Если представления официальной российской идеологии в отношении Крыма изучены весьма хорошо, прежде всего благодаря работам А. Л. Зорина [Зорин, 1998; 2004], то малоисследованными в этом (как и во всех остальных)

отношениях остаются записки иностранцев, побывавших на полуострове вскоре после его включения в состав Российской империи. Сформулированные ими идеи и стереотипы оказались удивительно живучи — и в самом деле, сложно найти сколько-нибудь пространную западную публикацию о Крыме после присоединения к России без цитаты из знаменитых мемуаров Э.-Д. Кларка [Clarke]. Здесь существует параллель с русской культурой, ведь, как полагает А. Л. Зорин, корни нынешнего отношения к Крыму в русском общественном мнении связаны с эпохой Екатерины и Потемкина [Зорин, 1998].

Огромный интерес к новому приобретению России, его истории и культуре приводит к тому, что в конце XVIII — начале XIX в. здесь побывали десятки европейцев, впоследствии издавших свои мемуары. Эти книги относятся к разным жанрам и, конечно, имеют разную ценность. Очевидно, что запискам путешественников свойственен субъективный взгляд на вещи — иногда они больше говорят о самих авторах, чем о наблюдаемых ими явлениях и людях. Но благодаря этим сочинениям в глазах читающей публики, для которой они были, кажется, главным источником сведений о незнакомых странах, лежавших где-то на загадочном и удивительном Востоке, формировался своеобразный образ Крыма, его природы, обитателей и местных достопримечательностей. В известном смысле, это был первый этап (прото)научного изучения Крыма в европейской историографии. Современные же исследователи могут, помимо всего прочего, использовать их как источник сведений об экономике, военном деле, этнографии и археологии полуострова.

Почти сразу же возникает представление о Крымском полуострове как о рае земном, ставшее общим местом в рассказах путешественников [Lettres, p. 51–83; Людольф, с. 194; Aragon, p. 169; Guthrie, p. 116–118; The Life, p. 261; Webster, p. 98]. В этих описаниях смешиваются представления о восточной неге, основанные на «Тысяче и одной ночи», с мотивами библейского Эдема. Сравнение Крымского полуострова с раем стало важным элементом политической идеологии. Оно позволяло использовать самые разные символические ассоциации — оправдывать завоевание полуострова, показывать историческую миссию России, сравнивать труды Екатерины II с деяниями Петра I, объяснять принципы, на которых покоилась власть императрицы, и пр. [Зорин, 2004, с. 113–120; Schönle, p. 1–23]. Не случайно еще до вхождения Крыма в состав России, уговаривая Екатерину присоединить полуостров к своим владениям, Потёмкин писал: «Если твоя держава — кротость, то нужен в России рай. Таврический Херсон! из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость христианского правления» [Екатерина Вторая..., с. 155]. Здесь под «Таврическим Херсоном» понимается Крым. Не исключено, что некоторые путешественники могли попасть под воздействие имперской пропаганды, а еще вероятнее — тех тем, которые под ее влиянием стали популярными в обществе.

Важно отметить, что хотя свойствами земного рая наделяли весь полуостров, на самом деле подобные коннотации вызывала лишь его небольшая часть — южный берег с субтропическим климатом, богатой растительностью и морскими пейзажами, а также окруженная горами Байдарская долина, примыкающая к нему на юго-западе.

Одним из мест, где путники искали свой Эдем, были окрестности Алушты. Это было крошечное селение, где в 1786 г. насчитывалось всего только 37 домов [Ромм, с. 59]. Отделенная от основной части полуострова горами, Алушта находилась на пересечении дорог (точнее будет сказать, троп), шедших вдоль берега моря – на запад, в сторону Балаклавы, на восток, к Судаку и Феодосии, и на север, через перевал к Симферополю (Акмечети) и внутренним районам полуострова. Их описал немецкий ученый-энциклопедист Пётр-Симон Паллас (1741–1811), приглашенный из Германии Екатериной II, который в 1793–1794 гг. совершил длительную поездку по югу России, чтобы изучить и описать эти новые земли империи, а впоследствии много лет жил в Крыму [Паллас, с. 60–61].

Эффект «райского сада» усиливался долгим утомительным путешествием через бескрайнюю южнорусскую степь. И только перебравшись через Крымские горы, путешественники оказывались в удивительном месте, буквально сошедшем со страниц восточных сказок. Здесь можно было предаваться неге и романтическим мечтаниям, когда в воображении античные мифы затейливо сплетались с библейскими мотивами и фрагментами арабских сказок из «Тысячи и одной ночи».

Пожалуй, первым из западноевропейцев сравнил Алушту с раем француз Шарль-Жильбер Ромм (1750–1795), прибывший в Крым в 1786 г. в качестве воспитателя и спутника графа П. А. Строганова [см.: Чудинов]. Француз записывает в дневнике: «Нет ничего прекраснее Алуштинской долины; сплошь тянутся плодовые сады. У подножия большинства деревьев вьется виноградная лоза, ветви и плоды которой переплетаются с ветвями деревьев. Нежащая глаз зелень ковром покрывает землю, повсюду орошаемую при посредстве каналов, которые доставляют воду на возвышенные места с верховьев речки... В Никите еще встречаются жители, но в Магараче их больше нет. Вся эта местность напоминает земной рай после изгнания Адама» [Ромм, с. 58, 60]. Удаленность от цивилизации и безлюдье, богатая природа и живописные виды были в глазах людей эпохи Просвещения неотъемлемыми характеристиками земного рая. Восторги Ромма разделили его последователи.

Бельгиец Шарль-Жозеф принц де Линь (1735–1814), авантюрист, полководец и дипломат на службе австрийского и русского правительств, сопровождал Екатерину II в Крым в 1787 г. Императрица презентовала ему имения в Никите и Партените – селениях к юго-западу от Алушты. Судя по словам самого де Линя, Екатерина, сообщая о подарке, не отказала себе в удовольствии сыронизировать над любвеобильностью герцога: «в угоду склонности моей к ифигениям, она даровала мне местность, где находился храм, в котором дочь Агамемнона была жрицей» [Lettres, p. 69]. Подразумевается классическая трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде», действие которой происходит на крымском побережье. Здесь якобы было святилище, в котором приносила кровавые жертвы богине Артемиде Ифигения – дочь покорившего Троию царя Агамемнона. Место этого храма иногда связывали с южнобережным местечком Партенит, в основном благодаря его названию, которое происходит от греческого «девица». Надо сказать, что сцена, в которой происходит действие античной трагедии, создана воображением драматурга, потому искать реальные остатки храма Артемиды

в Крыму за пределами древнего Херсонеса, по-видимому, бесполезно [Скржинская, с. 122–129; ср.: Русяева]. К тому же жрицы Артемиды давали обет безбрачия, что несколько не соответствовало намерениям пылкого бельгийца. Так что ему оставалось лишь предаваться романтическим мечтаниям.

Образ Ифигении был чрезвычайно актуален — и не только потому, что он стал основой для популярных литературных и музыкальных произведений. В окружении Екатерины он использовался в дипломатической и идеологической игре, которая должна была сделать русских наследниками греков и тем самым причислить их к числу «европейских» наций [Зорин, 1998, с. 133–134; 2004, с. 111–113; Вульф, с. 213–214; Dickinson, р. 12–14, 23; Kozelsky, р. 45]. Не случайно де Линь вспоминал его в первые же дни своего пребывания в Крыму [Lettres, р. 59–60].

Мысли де Линя текли, подобно сну. «Я сижу на подушках и турецком ковре, окруженный татарами, которые смотрят на то, как я пишу, и возводят очи в восхищении, словно я — второй Мухаммед... Почему, говорю я себе, я занят размышлениями о красотах природы, вместо того, чтобы насладиться сладостью отдыха, поклонником чего я являюсь? Потому, что вообразил, будто это место меня вдохновит, и что среди таких необыкновенностей меня, быть может, посетит мысль, как сделать добро или доставить радость другим. Вероятно, здесь писал Овидий; вероятно, он сидел там же, где сейчас я. Его элегии были с Понта — и вот он, Эвксинский Понт; эта (местность. — Н. Х.) принадлежала понтийскому царю Митридату...». Де Линь с восхищением смотрит на татар, не понимавших, что означает их новый статус крепостных, проводивших жизнь в праздности, подобно Адаму и Еве до грехопадения. «Я благословляю леность... что я делаю здесь? Я в турецком плену? Я выброшен на берег кораблекрушением? Я сослан, как Овидий?..» [Ibid., р. 59–60, 66–69]. Заметим, что великий римский поэт Овидий был сослан императором Августом в город Томы на западном побережье Черного моря (современная Констанца в Румынии), а вовсе не в Крым [см.: Подосинов, с. 35–36]. Но с точки зрения де Линя разница, очевидно, была невелика. В мечтах об обретенном рае он соединил представления о библейском Эдеме с греческими мифами, а античную историю — с восточными сказками. Де Линь задумывается: не осесть ли в этом благословенном месте навсегда? Для счастья многого не нужно — достаточно выстроить дворец в античном стиле и научить мусульман пить вино [Lettres, р. 70]. Увы, дела звали в дорогу, и больше он никогда не возвращался в рай, придуманный им на крымской земле.

Сюжет о крымском рае, как правило, связан с рассказом о счастливой пасторальной жизни крымских татар, безразличных к окружающему миру, благам цивилизации и капиталистическому хозяйству [Ромм, с. 41; Lettres, р. 67–68; Campenhausen, S. 107, 109]. Эти представления были очень живучи, сохраняясь и в первой половине XIX в. Татарскую леность связывали с мусульманской религией [Муравьев-Апостол, с. 151–152] или отсутствием стимулов к более активной деятельности [Webster, р. 54, 90–91]. Наиболее радикальные путешественники предлагали даже выселить татар из Крыма, заменив их более трудолюбивым населением [Паллас, с. 115–116, 148–149; Сумароков, 1803, с. 167–168].

Стоит отметить, что пресловутая «леность» на практике означала, скорее, нежелание местного населения воспринимать передовые аграрные технологии

и заводить интенсивное товарное хозяйство, ориентированные на рынок. Интересно, что в XVIII в. некоторые западные путешественники рассматривали лен как важное свойство самих русских [Нойманн, с. 118]. Очевидно, в данном контексте лен маркировала «нецивилизованность» и «молодость» народа, противопоставляя его «европейцам».

Крымские татары об этих обвинениях знали и считали их несправедливыми. В 1803 г. в Крыму побывал француз Ж. Рёйи, вероятно, собиравший разведывательную информацию по заданию Наполеона. Здесь он свел знакомство с человеком по имени Атай-мирза, которого назвал почтенным главой влиятельного рода Ширинов. «Однажды, когда мы прогуливались с ним по его саду, — пишет Рёйи, — он указал мне на количество и красоту деревьев, добавив: “Говорят, что татары не сажают садов: но разве эти вот деревья посадили русские?”» [Reuilly, p. 167, n. 1].

Но не все путешественники считали татар лентяями. По словам британца Реджинальда Хебера (1783–1826), поэта и богослова, будущего епископа индийской Калькутты, татарские «виноградники весьма искусно обрабатываются и аккуратно поливаются. И, что вряд ли является признаком праздности, одинаково чисты и их дома, и одежда, и они сами» [The Life, p. 263].

В окрестностях Алушты выращивали инжир, вишни, абрикосы, персики, шелковицу, груши, яблони, сливы, гранаты, оливы, виноград [Ромм, с. 59–61; Lettres, p. 60; Clarke, p. 261–262], а также грецкие орехи, причем не только ради плодов — по словам Хебера, весной собирали сок ореховых деревьев, которым заменяли сахар [The Life, p. 257–258]. В полях росли лен и конопля [Reuilly, p. 60; Паллас, с. 93]. В садах, виноградниках и на полях с посадками льна широко использовалось искусственное орошение — воду подавали самотеком из горных источников, а также брали из колодцев. Сеяли хлеб [The Life, p. 256; Ромм, с. 59, 61; Паллас, с. 93], выращивали резеду, которую могли использовать в качестве красителя для тканей, а также пряности — шафран и витекс обыкновенный [Reuilly, p. 60 et n. 1]. Таким образом, жизнь местных крестьян не была такой беззаботной, как казалось де Линю, ведь им приходилось заниматься сельскохозяйственными работами, строить и ремонтировать ирригационные сооружения.

Прославленный британский путешественник и исследователь Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) в окрестностях Алушты однажды завтракал «огурцами чудовищного размера». «Этот плод — белый как снег и, несмотря на то, что достигает непомерного размера и длины, имеет такой же резкий и свежий вкус, как у молодого огурца. Он стал бы ценным растением для бедняков, если бы получилось акклиматизировать его в других регионах Европы. Эта и другие разновидности такого овоща вместе с разными видами дынь и *cucurbita pepo*, или тыквы, растут по краям татарского сада. Обычай варить в пищу усики и молодые плоды тыквы распространен не только в Крыму, но и по всей Турецкой империи» [Clarke, p. 262]. Проект решения продовольственной проблемы в Англии с помощью крымских огурцов объясняется исключительно живостью воображения Кларка, но огурцы, тыквы и дыни — кажется, единственные выращивавшиеся в окрестностях Алушты овощи и бахчевые, упомянутые путешественниками.

Жители Партенита разводили овец. Де Линю они приносили «сливочное масло, сыр и молоко, но не кобылье, как у татар» [Lettres, p. 68] — т. е. коровье или овечье. Кларк видел в Алуште «буйволов очень небольшой породы — их самки немногим крупнее телят на наших ярмарках» [Clarke, p. 261]. Видимо, англичанин имел в виду коров.

В окрестностях Алушты добывали некоторые полезные ископаемые, в частности, селитру и, не исключено, что гранит. По словам Ромма, «на всем протяжении этого берега вплоть до Большого Ламбата видны глыбы желтоватого и сероватого гранита... можно подумать, что гранитные колонны в Судакe, гранитные шары и цоколи в Феодосии вывезены отсюда... Земля в этой местности содержит в большом количестве селитру; хан здесь много ее добывал...» [Ромм, с. 60].

Люди селились в жилищах, конструкция которых казалась путешественникам чем-то необычным. Как писал Хебер, «дома, в большинстве случаев, громоздятся друг над другом, наполовину углубленные в землю, вдоль склонов холмов. Они сделаны из глины, а селения напоминают кроличьи норы» [The Life, p. 256]. По словам Ромма, «Дома в Алуште расположены амфитеатром по склону горы. Крыша каждого дома представляет собой горизонтальную террасу из утрамбованной земли, насыпанной на потолок, сделанный из коротких и плоских деревянных брусьев. Дымовая труба проходит сквозь террасу, и отверстие ее обделано камнями, образующими круглый футляр» [Ромм, с. 59]. Крыши служили верандами для жителей следующего яруса. Но и эти конструкции не были самыми экзотическими. В деревне Демерджи, что близ нынешнего с. Лучистого к северу от Алушты, Паллас видел куда более удивительные сооружения. Здесь, под склоном одноименной горы, находится нагромождение огромных глыб размером до 7–8 саженей, т. е. 15–16 м. Вероятно, эти камни обрушились с горы в результате обвалов. «Нашлись даже татары, — с удивлением говорит Паллас, — достаточно смелые, чтобы построиться между этими огромными глыбами» [Паллас, с. 91].

Алушта была портовым селением, а прибывавшие суда становились на якорь у берега [Clarke, p. 257–258, 260]. В близлежащем селении Кючук-Ламбат (ныне Малый Маяк) «для хана строили суда, которые еще и посейчас видны на верфи» [Ромм, с. 60]. Корабли делали и в Партените, причем в том числе и для продажи в другие места. Хебер повстречал там «старого татарина, имевшего большую практику в качестве строителя лодок, который своими собственными руками и с помощью двух своих сыновней только что закончил прекрасную шхуну, надо думать, в тридцать тонн, для купца в Каффе. Обычные суда этой страны напоминают турецкие — с латинскими парусами, высоким носом и очень сильно выгнутой кормой» [The Life, p. 257].

Ломка традиционного уклада жизни не могла не сказаться на отношении местного населения к новой власти. Граф де Людольф, сын посла короля Неаполитанского в Стамбуле, прибывший в Крым в 1787 г. в связи с южным турне Екатерины II, красочно описывал несчастья, обрушившиеся на татар: многие из них выехали из Крыма, другие же лишились «своей свободы». Новая власть реквизировала лошадей и провизию, вдобавок запретив вырубку леса, тем самым лишив местных жителей источников топлива и строительных материалов

[Людольф, с. 195]. Возможно, именно поэтому часть местных жителей превратилась в бандитов. Иоганн-Кристиан фон Струве (1768–1812), немец на русской дипломатической службе, коротавший время в Крыму в ожидании посольства в Константинополь в 1792 г., рассказал о том, что путешественники в окрестностях Алушты должны были обзаводиться охраной, «чтобы обезопасить себя от нападения грабителей, которыми, как мне сообщили, кишели все леса и горные проходы» [Travels..., p. 40].

В 1800 г. Кларк рисует удручающую картину: подобно саранче, новые хозяева опустошали полуостров и безжалостно угнетали его обитателей. Он ссылается на многочисленные случаи, когда российские чиновники и военные притесняли и даже убивали местных жителей, оскорбляли их религиозные чувства и разрушали их святыни [см. например: Clarke, p. 173–180]. В результате Кларк предлагает план военного вторжения в Крым с целью отторгнуть полуостров от России и «вернуть его туркам» [Ibid., p. 268–270]. Экспедиционные силы должны были высадиться в портах южного и восточного Крыма и оттуда начать победный марш по полуострову. По мнению Кларка, российские гарнизоны невелики и небоеспособны, а все местные жители до единого «ненавидят» русских и только и ждут западных «освободителей», так что завоевание Крыма станет для Англии «делом легким и приятным», с которым справится опытный генерал с тысячей солдат. Среди тех, кто будет несказанно рад избавлению от российского ига, Кларк называет и жителей Алушты. По его словам, «в Судак, Алуште или Гурзуфе вторгнувшиеся (британцы. — *Н. Х.*) обнаружат, что татары приветствуют их появление со слезами радости» [Ibid., p. 269].

Следует отметить, что до поездки в Крым Кларк уже около полугода находился в России. Он глубоко разочаровался в этой стране и не скрывал своего резко отрицательного отношения к русским, наделяя их всеми мыслимыми пороками. Во многом это объясняется причинами личного свойства — сомнением и нетерпимостью, обидчивостью и конфликтностью автора, что отмечали даже его соотечественники, а также неудачей задуманного им коммерческого предприятия — скупки древностей для перепродажи в Англии [Храпунов, 2011а, с. 399–404; 2011б, с. 697–608]. Потому объективность его оценок весьма сомнительна.

Но не только британцы смотрели на Крым, строя планы будущих завоеваний — их традиционные соперники, французы, также задумывались о возможной войне на полуострове. Рёйи, который, как уже говорилось, вероятно, собирал информацию для Наполеона, встречался с главой влиятельнейшего татарского рода Ширинов не для того, чтобы поговорить о садоводстве. Надо полагать, истинной целью француза было выяснить, насколько татары лояльны России и что они намерены предпринять, например, если Бонапарт объявит ей войну. По словам путешественника, его собеседник Атай-мирза пострадал от новой власти, лишился большей части своего имущества и имел основания опасаться за будущее свое и своей семьи. Готовя свои записки к изданию, Рёйи имел основания не публиковать всего, что слышал, в частности, чтобы не повредить ширинскому бею, а потому наиболее острые моменты разговора опущены. Если Рёйи и добился какого-то однозначного ответа, то нам его уже не узнать. Из записок следует, что,

несмотря на все обиды, Атай-мирза возлагал надежды на императора Александра, который «хочет восстановить справедливость, в том числе и для татар» [Reuilly, p. 169]. Параллельно он разливался в славословиях Наполеону и даже сожалел о том, что в силу своего преклонного возраста не может посетить Париж. Беседа завершилась обменом подарками и взаимными уверениями в нерушимой дружбе [Ibid., p. 163–170].

Крым оказался не только природным раем, но и парадизом для интеллектуалов благодаря сохранившимся здесь бесчисленным памятникам греко-римской античности и византийской эпохи, гетуэзского времени и османского периода. Там, где де Линь наслаждался природой, Кларк восторгался возможностями, открывавшимися перед антиковедами и коллекционерами. «Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где сохранились основы ее первых колоний, в которых мы роемся?» — писал он своему другу Уильяму Оттеру из Керчи, только вступив на крымскую землю [Otter, p. 292]. Количество и сохранность памятников древности в Тавриде составляли не меньший контраст с материковой Украиной, чем крымские горы и буйство южнобережной природы — с унылой украинской степью. В начале XIX в. посетители Киева удивлялись тому, как мало сохранилось там материальных следов его богатой истории [см: Толочко, с. 83 слл., 162 слл.], тогда как в Крыму археологические памятники встречались буквально на каждом шагу. Путешественники не могли не оценить богатства археологического наследия Крыма, и Алушта в этом отношении не была исключением.

Посреди селения высились развалины стен и башен. По сообщению византийского историка Прокопия Кесарийского, крепость построил император Юстиниан I (527–565) [Procopius, p. 261–262]. Археологические раскопки подтвердили справедливость его слов, причем оказалось, что византийскую крепость, вероятно, разрушили монголы в XIII в., а впоследствии гетуэзцы реконструировали древнее укрепление и обнесли город дополнительной линией обороны [Мыц, с. 289–345; Фирсов, с. 61–72]. Путешественники на разные лады описывали алуштинские укрепления [Ромм, с. 59; Паллас, с. 86; Clarke, p. 261], которые тогда были в несравненно лучшем состоянии, чем сейчас — в частности, одна из башен до наших дней не сохранилась. Впрочем, представление об «охране памятников» их современникам было, конечно, незнакомо, а потому давно утратившую всякое военное значение крепость использовали для хозяйственных нужд. Пространство внутри стен заполняли «татарские хижины, мусор и кучи навоза» [Паллас, с. 86].

Однако о крымских древностях было известно еще очень мало, потому путешественники нередко давали волю фантазии. В 15 км к юго-западу от Алушты, в поселке Гурзуф, находятся развалины крепости, также возведенной при Юстиниане, а впоследствии ставшей владением гетуэзцев [Procopius, p. 261–262; Фирсов, с. 152–156]. Кларк знал о византийском происхождении замка [Clarke, p. 258], а Ромм нет, но зато он передал легенду о том, что крепость построила «одна царица» по имени Кристофино [Ромм, с. 59]. Через полтора десятка лет

эту историю запишет знаменитый русский путешественник П. И. Сумароков (1767–1846), у которого имя царицы превратилось в Крисафину, «то есть прекрасную» [Сумароков, 1805, с. 207]. Очевидно, путешественники доверились рассказам местных жителей, пытавшихся объяснить название своего селения через историю вымышленной царицы, которая в реальности никогда не существовала.

Подобных мифов в Крыму возникало довольно много – достаточно вспомнить легенды о том, что некогда море покрывало большую часть полуострова, так что над поверхностью воды оставались лишь горы. Обитатели этого своеобразного архипелага якобы и создали сохранившиеся на вершинах «пещерные города», а к входам в искусственные пещеры приставали их лодки [подробнее: Храпунов, 2013, с. 467–468]. Загадочные древние памятники стимулировали фантазию путешественников и местных жителей, иногда принимавшую удивительно причудливые формы.

Но еще более популярными были античные мотивы. Крым воспринимался как «заповедник классической древности», где оживали герои древнегреческой мифологии. О сюжете с Ифигенией уже говорилось. И хотя на южном берегу существенных античных остатков до сих пор не обнаружено, их отсутствие не мешало полету фантазии. Повод мог оказаться самым причудливым. Так, в окрестностях Алушты Хебер наблюдал татарские здания, имевшие «плоские крыши, за исключением мечетей, которые покрыты черепицей, обычно имеют щипцы и окружены деревянным портиком». Различная конструкция сакральных и светских зданий, позволявшая легко их различать, напомнила путешественнику слова древнегреческого комедиографа Аристофана о том, что в древних Афинах щипцовые крыши возводились над храмами [The Life, p. 256]. Как и многие другие до и после него, Хебер хотел увидеть в Крыму античное наследие — даже там, где его на самом деле не было.

Сегодня Алушта — крупный по крымским меркам город и популярный курорт. Ее облик никак не напоминает то маленькое селение на лоне природы, которое описывали европейцы вскоре после присоединения Крыма к России. В их рассказах об Алуште и ее окрестностях проявились основные стереотипы восприятия Крыма людьми Запада — здесь и райская природа, и праздно население, и богатая и отчасти загадочная история, включающая разбросанные повсюду элементы античного и средневекового наследия. Но их записки позволяют также представить себе повседневную жизнь небольшого крымского селения на рубеже XVIII–XIX вв. Не в последнюю очередь благодаря этим публикациям Алушта становилась частью привлекательного образа Южного берега, не побывать на котором не может уважающий себя путешественник по Крыму.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 560 с. [Vul'f L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta civilizacii v soznanii e'poxi Prosveshheniya. M., 2003. 560 s.]

Екатерина Вторая и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. 1769–1791 / сост. В. С. Лопатин. М., 1997. 989 с. [Ekaterina Vtoraya i G. A. Potyomkin. Lichnaya perepiska. 1769–1791 / cost. V. S. Lopatin. M., 1997. 989 s.]

Зорин А. Л. Крым в истории русского самосознания // Нов. лит. обозрение. 1998. № 31. С. 123–143. [Zorin A. L. Krym v istorii russkogo samosoznaniya // Nov. lit. obozrenie. 1998. № 31. S. 123–143.]

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. 414 с. [Zorin A. L. Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka. M., 2004. 414 s.]

Людольф де. Письма о Крыме // Рус. обозрение. 1892. Т. 2 (март). С. 155–201. [Lyudol'f de. Pis'ma o Kryme // Rus. obozrenie. 1892. T. 2 (mart). S. 155–201.]

[Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. 337 с. [[Murav'ev-Apostol I. M.] Puteshestvie po Tavride v 1820 godu. SPb., 1823. 337 s.]

Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. 526 с. [Myc V. L. Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty. Simferopol', 2009. 526 s.]

Ноймани И. Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. 336 с. [Nojmann I. B. Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskix identichnostej. M., 2004. 336 s.]

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российской государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. С. Л. Белявская, А. Л. Бертье-Делагард. М., 1999. 246 с. [Pallas P. S. Nablyudeniya, sdellannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Rossijskogo gosudarstva v 1793–1794 godax / per. s nem. S. L. Belyavskaya, A. L. Bert'e-Delagard. M., 1999. 246 s.]

Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. 1983. М., 1984. С. 8–178. [Podosinov A. V. Ovidij i Prichernomor'e: opyt istochnikovedcheskogo analiza poe'ticheskogo teksta // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1983. M., 1984. S. 8–178.]

Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с фр. К. И. Раткевич. Л., 1941. 79 с. [Romm Zh. Puteshestvie v Krym v 1786 g. / per. s fr. K. I. Ratkevich. L., 1941. 79 s.]

Русяева А. С. Свидетельство Страбона о мысе Партеий, храме и ксоаноне херсонесской богини Партенос // Древности Северного Причерноморья в античное время. Симферополь, 2007. С. 19–42. [Rusyayeva A. S. Svidetel'stvo Strabona o myse Partenij, khrame i ksoanone xersonesskoj bogini Partenos // Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya v antichnoe vremya. Simferopol', 2007. S. 19–42.]

Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. 200 с. [Skrzhinskaya M. V. Drevnegrecheskij fol'klor i literatura o Severnom Prichernomor'e. Kiev, 1991. 200 s.]

Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. I. СПб., 1803. 226 с. [Sumarokov P. Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu. Ch. I. SPb., 1803. 226 s.]

Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб., 1805. 244 с. [Sumarokov P. Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu. Ch. II. SPb., 1805. 244 s.]

Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012. 253 с. [Tolochko A. Kievskaya Rus' i Malorossiya v XIX veke. Kiev, 2012. 253 s.]

Фирсов Л. В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей южного берега Крыма. Новосибирск, 1990. 472 с. [Firsov L. V. Isary. Ocherki istorii srednevekovyx krepostej yuzhnogo berega Kryma. Novosibirsk, 1990. 472 s.]

Храпунов Н. И. Рец. на кн.: Дж. Александер. Россия глазами иностранца. М., 2008 // Ab Imperio. 2011a. Вып. 2. С. 397–405. [Храпунов Н. И. Рец. на кн.: Dzh. Aleksander. Rossiya glazami inostranca. M., 2008 // Ab Imperio. 2011. Vyp. 2. S. 397–405.]

Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011b. Вып. XVII. С. 595–630. [Храпунов Н. И. Xersones v opisaniyax evropejskix puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v. // Materialy po arxeologii, istorii i etnografii Tavrii. 2011. Vyp. XVII. S. 595–630.]

Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Балтазара фон Кампенгаузена // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473. [Храпунов Н. И. Krymskij poluostrov после prisoedineniya k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampengauzena // *Materialy po arheologii, istorii i e'tnografii Tavrii*. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473.]

Чудинов А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010. 335 с. [Chudinov A. V. Zhil'ber Romm i Pavel Stroganov: istoriya neobychnogo soyuza. M., 2010. 335 s.]

Aragon A. A. Ch. d'. Un paladin au XVIIIe siècle: le prince Charles de Nassau-Siegen, d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Paris, 1893. 396 p.

Campenhausen B. von. Bemerkungen über Rußland... Leipzig, 1807. 199 S.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1817. 524 p.

Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 3–25.

Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795–6, through the Taurida, or Crimea... London, 1802. 446 p.

Kozelsky M. Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. DeKalb, 2010. 270 p.

Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. Paris ; Genève, 1809. 333 p.

Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, professor of mineralogy in the University of Cambridge. New York, 1827. 528 p.

Procopius. De aedificiis // Procopius. Vol. III / ed. L. Dindorf. Bonnae, 1838. P. 167–344.

Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris, 1806. 302 p.

Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. No. 1. P. 1–23.

The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta... Vol. I. New York, 1830. 638 p.

Travels in the Crimea. A History of the Embassy from Petersburg to Constantinople, in 1793. London, 1802. 393 p.

Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. I. London, 1830. ccxii + 162 p.

Статья поступила в редакцию 07.05.2014 г.

УДК 911.7(477.75) + 81'286 + 14 + 94(470)

Е. Е. Приказчикова

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ ПУТЕШЕСТВИЯ
ЕКАТЕРИНЫ II В ТАВРИДУ 1787 Г. В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УТОПИЗМА XVIII СТОЛЕТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНО-ЭПИСТОЛЯРНЫХ ИСТОЧНИКОВ)**

В статье рассматриваются две мифологические проекции путешествия императрицы Екатерины II в Крым (Крым как античная Таврида; Крым как эдемский сад), рассмотренные в контексте государственного утопизма XVIII столетия. Материалом для исследования послужила мемуарная и эпистолярная литература авторов-участников путешествия (Екатерина II, Г. А. Потемкин, граф Л.-Ф. Сегюр, принц К.-Г. Нессау-Зиген, граф К. фон Людольф, Д. Гаррис лорд Мальмсбери, Ш. Массон).

Ключевые слова: путешествие Екатерины II в Тавриду; мифологические проекции; государственный утопизм; мемуарно-эпистолярные источники.

«XVIII столетие... по праву именуется “золотым веком утопии”, — писали Д. В. Устинов и А. Ю. Веселова [Устинов, Веселова, с. 78]. Утопическое сознание было характерно преимущественно для второй половины века, вошедшей в историю как Екатерининская эпоха. Особое место в «утопическом поле» русского Просвещения занимал «государственный утопизм» (термин В. Гуминского), разновидностью которого был утопизм градостроительный. Он находил свое отражение и в «градостроительной горячке» екатерининского царствования, «охватившей правительство» [Гуминский, с. 329]. Н. Хренов и К. Соколов видели в градостроительном утопизме характерную черту выхода «утопии за пределы компенсаторских, т. е. праздничных форм в саму реальность» [Хренов, Соколов, с. 148]. В подобных условиях само строительство городов, разбивка садов и парков приобретает символическое значение, т. к. «сознанием градостроителей владеет архетип преобразования земли в сакральное пространство» [Там же, с. 149]. По мнению исследователей, таким образом при Екатерине было построено 216 городов.

«Градостроительная горячка», с одной стороны, как нельзя лучше соответствовала екатерининским проектам колонизационного движения на юг, которые касались освоения южных областей России, прежде всего, Крыма, легендарной античной Таврии. Таврия должна была рассматриваться как символ возрожденной в пределах Российской империи эллинской античности. Это повышало престиж Российской империи даже без господства над Константинополем, о котором в свое время Екатерина II мечтала вместе с Вольтером. С другой стороны, эта «горячка» позволяла реализовать античный идеал градостроения, понимаемый как альтернативный по отношению к традиционному российскому градостроению. Урбанизация, по словам Екатерины II, была ее второй манией после «закономании». Как следствие, «поднимаются новые города: Севастополь (греч. *σεβάσθη πόλις* «священный город»), Херсон, который должен был стать

вторым Петербургом, Екатеринослав — будущий центр мировой культуры» [Биллингтон, с. 580].

Само собой разумеется, что строиться новые города на юге России должны были по античным проектам. Так, «план» Екатеринослава, представленный Г. Потемкиным императрице, предполагал «...храм великолепный, судилище *наподобие древних базилик* (здесь и далее выделено мной. — Е. П.), лавки полукружием... *пропилей с биржею и театром посредине*, фабрика суконная и шелковая, губернаторский дом *во вкусе прелестных греческих зданий*, университет купно с академией музыкальной» (академия музыкальная в Греции — Одеон) [цит. по: Гуминский, с. 329]. По мнению светлейшего, «жители потекут сюда во множестве с избытками своими... и многие, увидев знаменитость нового города, возжелают учиниться жителями его» [Там же]. В результате перед нами предстает классическая архитектурная утопия, имеющая в качестве основания античный миф о «золотом веке».

Создавая подобный проект, Г. Потемкин, по справедливому мнению того же Гуминского, как бы не знал или, вернее, не хотел знать, что на самом деле города, строящиеся по его проектам, «должны были заселяться “огородниками”, перевезенными административным порядком из других мест обширной России» [Гуминский, с. 329]. В XIX в. в «заселении» этих «античных полисов» Светлейшего должны были принять участие, как мы помним, даже «мертвые души», приобретенные Чичиковым в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».

В случае с южными провинциями России государственный градостроительный утопизм оказался тесно связанным с двумя мифологическими проекциями, обусловившими его особенную привлекательность в ряду других утопий екатерининского царствования.

Во-первых, с культурной мифологией античной Греции, т. к. практически все северное побережье Черного моря (Понта Эвксинского) некогда было покрыто греческими городами — колониями, среди которых была Ольвия и Панतिकопей, Херсонес и Танаис. Фактически бескровное завоевание легендарной Таврии, воспетой еще Еврипидом в трагедии «Ифигения в Тавриде», позволяло ощутить культурную преемственность с древней Элладой и повышало международный престиж России, ставшей ее наследницей.

Совсем не случайно Екатерина II писала принцу де Линю незадолго до своего знаменитого путешествия на юг России в 1787 г.: «Я повезу своих спутников в страну, которую, говорят, обитала некогда Ифигения. Одно название этой страны оживляет воображение, и поэтому нет такого рода измышлений, которые не распускались бы по поводу моего путешествия и пребывания в Тавриде» [Екатерина II, 1880, с. 378–379]. Р. С. Уортман справедливо писал: «Русская экспансия на юге была прославлена не только как проявление национального величия или отстаивания государственных интересов, но и как возрождение эллинской античности. Поэты использовали древнегреческие референты для прославления завоеваний на юге. И. Богданович отождествил Очаков с Грецией, Россию с Ахиллесом, а победы над турками — с новой Троей. В 1780-е годы Екатерина разработала “греческий проект” — восстановление русскими Греции с центром в Константинополе <...> Константином окрестили второго внука Екатерины,

предназначая его к правлению новой империей. На обратной стороне медали, вычеканенной к рождению Константина, был изображен собор св. Софии. Его кормилица, слуги и друзья раннего детства были греками» [Уортман, с. 188–189]. Не менее важным было наполнение греческой эвтопии героическим содержанием. В свое время Вольтер сравнивал Екатерину II с царицей амазонок Фалестрой. В начале своего царствования Екатерина II «несколько лет умело разыгрывала образ “амазонки на троне”» [Проскурина, с. 15]. Г. Потемкин приказал создать к приезду Екатерины II в Крым «амазонскую роту», составленную из гречанок, которая должна была приветствовать свою царицу. Такое повеление было отдано подполковнику Бакалаврского греческого полка Чапони. Г. Дуси написал «Записку об амазонской роте», составленную со слов 19-летней начальницы роты Е. Сарандовой, которая была в это время женой старшего капитана Бакалаврского полка. Под началом Е. Сарандовой собралось 100 дам в наряде «крымских амазонок», который составляли «юпки из малинового бархата, обшитые золотым галуном и золотой бахромой, курточки зеленого бархата, обшитые также золотым галуном; на голове тюрбаны из белой дымки, вышитые золотом и блестками, с белыми страусиновыми перьями. Вооружение состояло из одного ружья и трех патронов пороху» [Записка, с. 267]. При встрече «царицы амазонок» с «амазонской ротой» произошло следующее: «Потемкин, вышедши из кареты, просил позволения у Государыни стрелять Амазонской роте, встретившей Ее. Она запретила, и, подозвав чрез переводчика Таврено начальника их, Сарандову, подала ей руку, поцеловала в лоб, и, потрепав по плечу, сказала: “Поздравляю вас, Амазонский Капитан, — ваша рота исправна, — Я ею очень довольна”. Потемкин торжественно радовался» [Там же, с. 268]. Впоследствии Екатерина II прислала Сарандовой из Акмечета (впоследствии Симферополя. — *Е. П.*) свое монаршее благоволение и бриллиантовый перстень, остальные дамы, составлявшие амазонскую роту, получили награждение 10 000 руб.

Вторая мифологическая проекция, связанная с южными провинциями, была обусловлена их благоприятным географическим положением, позволившим практически сразу отождествить эти вновь завоеванные Россией земли с Эдемом, прекрасным садом, заставляющим вспомнить мифологему золотого века. Не случайно А. Зорин, говоря о «Крымском мифе» в русской культуре 1790–1790-х гг., назвал его «Эдем в Тавриде» [Зорин]. Хотя, с другой стороны, нельзя не признать справедливости и такого замечания исследователя: «Райские мотивы, кажется, являются неременным атрибутом имперских утопий — стоит вспомнить, с каким упорством Петр именовал Парадизом полюбившиеся ему болота Ингерманландии» [Там же, с. 114]. Однако природа Крыма, безусловно, с большим основанием соответствовала реалиям «райской топики». Достаточно обратиться к письмам Екатерины II к графу Я. А. Брюсу, в которых императрица восхищается климатом новых земель империи. Так, в письме от 4 мая по пути в Херсон императрица пишет: «Здесьний климат почитаю лучшим в империи, здесь без изъятия все фруктовые деревья растут на вольном воздухе, я сроду не видала грушевые деревья величиной с самого большого и толстого дуба, воздух самый приятнейший» [цит. по: Зорин, с. 114]. В письме от 14 мая уже из Херсона Екатерина опять возвращается к этой теме: «Херсон почитать можно между

самыми лучшими городами нашими. Сие дитя много обещает, где сажают, тут все растет, где пашут, тут изобилие, строение все каменное, мы жары по сю пору не чувствуем, все здоровы, здешние люди большого вида не имеют... людство великое и стечение людей со всех краев, наипаче же все полуденные» [Зорин, с. 114]. Чем не картина цветущего золотого века!

С градостроительной утопией южных провинций последней трети XVIII в. неразрывно связан феномен «потемкинских деревень», о которых А. М. Панченко отзывался как о культурном мифе, придуманном посланниками европейских государств и врагами Г. Потемкина для дискредитации путешествия Екатерины II на юг. Исследователь писал: «За скепсисом относительно “потемкинских деревень” скрывался страх, что Россия сумеет осуществить свои грандиозные планы. В этой среде и появился миф о “потемкинских деревнях”» [Панченко, с. 699]. В действительности подобный смысл можно найти в очень небольшом количестве мемуарно-эпистолярных текстов эпохи, например, в записках графа Л.-Ф. Сегюра, который очень подробно описал путешествие Екатерины II на юг, подчеркивая его грандиозность и... иллюзорность. Так, уже в Киеве Сегюр констатирует: «Весь Восток собрался здесь, чтобы увидеть новую Семиамиду, собирающую дань удивления всех монархов Запада. *Это было какое-то волшебное зрелище*, где, казалось, сочеталась старина с новизной, просвещение с варварством, где бросалась в глаза противоположность нравов, лиц, одежд самых разнообразных» [Сегюр, с. 416]. Во время путешествия по Днепру: «Города, деревни, усадьбы, а иногда и простые хижины так были изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, *что вид их обманывал взор*, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами» [Там же, с. 439]. Однако даже Сегюр отдавал себе отчет в том, что не все «потемкинские деревни» представляют собой иллюзию от начала и до конца. На многих из них лежит отпечаток реальной деятельности Светлейшего. «Потемкин, необыкновенный всегда и во всем, явился здесь столько деятельным, сколько был ленив в Петербурге. Как будто какими-то чарами умел он преодолевать всевозможные препятствия, побеждать природу, сокращать расстояния, скрывать недостатки, обманывать зрение там, где были лишь однообразно песчаные равнины, дать пищу уму на пространстве долгого пути и придать вид жизни степям и пустыням» [Там же, с. 444]. Поэтому Сегюр не может не признать, что «*если бы и снять искусственную оболочку с его созданий*, то осталось бы все-таки много существенного. Когда он принял в управление эти огромные области, в них было только 204 000 жителей, а под его управлением население в несколько лет возросло до 800 000» [Там же, с. 445]. В XIX в. миф о «потемкинских деревнях» был поддержан авторитетом Ж. де Сталь, которая в своей книге воспоминаний «Десять лет в изгнании» ассоциировала все русские празднества с волшебством «Тысячи и одной ночи». В результате «многие из этих прекрасных зданий были построены для праздника, они должны блистать всего один день» [Сталь, с. 485]. А. Ф. Строев был склонен отождествлять эту мифологическую составляющую «потемкинских деревень» с «театральной феерией», которая мыслится им в качестве антитезы утопии. Исследователь уточняет, что утопическое сознание «рисует мир таким, каким он должен стать, будущее

опрокидывается в настоящее. Если автор настроен более скептически, то возникает тема театральной феерии» [Строев, с. 19].

Тем не менее, нельзя не констатировать, что в большинстве свидетельств «самовидцев», например, в «Отрывках из дневника и переписки» принца К. Г. Нассау-Зиген, «Письмах из Крыма» графа К. фон Людольфа, «Переписке английского посланника при Екатерине II лорда Мальмсбери, Д. Гарриса» феномену потемкинских деревень придается ярко выраженное утопическое значение. Так, для принца К.-Г. Нассау-Зигена характерна сознательная установка мемуариста на визуальное восприятие прекрасного зрелища (или зрелищ, открывающихся перед ним). Этот внешний антураж прекрасной утопии, устроенной «ленивцем» Г. Потемкиным, создавал человек, готовящийся поступить на русскую службу и, следовательно, почти обязанный с чувством описывать те «потемкинские деревни», которые вызывали у достаточно скептического графа де Сегюра естественное недоверие.

Вот как, например, принц описывает встречу, устроенную императрице и ее спутникам в Киеве 3 мая 1787 г.: «Пальба из крепостных орудий, возгласы народа, толпившегося на берегу, лодки, наполненные дамами и музыкантами, — все это, в соединении с прекраснейшей погодой, представляло восхитительное зрелище» [Нассау-Зиген, с. 287]. Не менее восхитительным зрелищем оказывается вид трех тысяч донских казаков со своим атаманом, ватага которых «пустилась вскачь, мимо нашей кареты, со своим обычным гиканьем. Равнина мгновенно покрылась солдатами и представляла воинственную картину, способную всякого воодушевить» [Там же, с. 291]. Ночью во время пребывания Екатерины II в Бахчисарайском дворце «все горы, окружающие город, и все дома, расположенные амфитеатром, были иллюминированы многочисленными огнями; *зрелище было великолепное*» [Там же, с. 295]. Осмотр русской эскадры, стоящей в гавани и приветствовавшей императрицу тремя залпами, характеризуется принцем так: «это было великолепно» [Там же], описание «роскошного» фейерверка в Карасубазаре, устроенного Г. Потемкиным, — «...я никогда не видел такого великолепия!» [Там же, с. 298].

Отношение к «потемкинским деревням» как к утопии разделяют и современные исследователи этой проблемы. Так, американский исследователь Р. С. Уортман замечает, что «сценические эффекты разрисованных городов и поющих крестьян по берегам Днепра воспроизводили “евтопический” язык екатерининского двора: видение преобразований прославлялось, как будто они уже были осуществлены» [Уортман, с. 194].

При этом граф К. фон Людольф в «Письмах из Крыма» 1787 г. пишет о «волшебной палочке» князя Г. Потемкина, «которая повсюду создает дворцы и города. Палочка князя Потемкина всемогущественна, но она ложится тяжелым бременем на Россию» [Людольф, с. 170]. Склонность Светлейшего к химерам была хорошо известна и русским писателям. Когда Г. Р. Державин в «Фелице» характеризовал его взгляды на мир как «кружу в химерах мысль мою» [Державин, 1957, с. 98], он недалеко отходил от реальности. Тем более что дальше в оде выстраивается ряд классических государственных утопий Потемкина, о которых современники были, конечно, наслышаны: «То плен от персов похищаю,

то стрелы к туркам обращаю, То, возмечтав, что я султан, Вселенну устрашаю взглядом» [Державин, 1957, с. 98]. На практике Г. Потемкин всерьез задумывался об овладении Дарданеллами. В своем «Мнении кн. Потемкина об овладении Дарданеллами», написанном в 1783 г., он подробнейшим образом обсуждает вопрос об отправлении флота в Архипелаг в результате чего «все мы будем иметь свободу на Черном море» [Потемкин, с. 453]. Светлейший пишет: «Я не смею сказать, а думаю, что бы мешало секретнейшим образом соединить эскадры, кои теперь в походе, и послать, под видом прикрытия торговли, в Архипелаг и, пока турки еще не готовы, пройтись в Черное море; тогда бы уже в Архипелаг нужды не было посылать другого флота. Но сие может быть *мои бредни*» [Там же, с. 454]. На этих красноречивых словах «Мнение» Потемкина прерывается.

Императрица Екатерина II, говоря о своем крымском путешествии, по причинам политической целесообразности отрицала его утопический смысл. Например, в письме к И. Циммерману от 1 июля 1787 г. она почти искренно недоумевает: «Не знаю, почему люди утруждают себя говорить об этом путешествии слишком много хорошего или слишком много дурного. Оно проектировалось уже три года тому назад, с целью рассеять ипохондрию, которую радикально исцелила ваша книга “Об уединении” <...> Всеми этому люди вздумали придать вид поездки романической, живописной, героически-комической и приписали ей такое значение, какого я и не воображала, что она будет иметь» [Екатерина II, 1887, с. 288]. В письме от 3 декабря 1787 г. императрица опять возвращается к своей поездке в Крым. Она пишет: «Я проехала по Таврической губернии с такою быстротой, мне столько надобно было видеть и я окружена таким приятным обществом, что мне некогда было предаваться тем размышлениям, какие могла возбудить во мне эта страна, столь же богатая событиями, как и плодородная <...> Признаюсь, этих новых жителей Крыма легко удовлетворить, если одна улыбка доставила им такое удовольствие. Если бы благоденствие разливалось по стране посредством веселия, то это путешествие сделало бы многих счастливыми, ибо трудно совершить поездку более веселую и в более приятной компании» [Там же, с. 291]. Однако эта эпистолярная скромность императрицы не подтверждается свидетельствами мемуарно-эпистолярной литературы ее современников, как в России, так и в Европе.

Так, в 1783 г. анонимный автор-итальянец писал: «В то время выгоды, приобретенные Екатериною II при заключении мира в Кайнарджи, внушали гордость этой государыне, склонной, по природе, к блестящим замыслам. Человек, предлагавший обширные предприятия, мог, наверное, рассчитывать на ее благорасположение, а таким являлся человек, близкий ее сердцу (Потемкин. — *Е. П.*) и который обладал дарованиями, способными вести политическую нить труднейших интриг» [Изображение и характеристика лиц, с. 116]. О грандиозных замыслах Екатерины II часто вспоминал в своих записках ее статс-секретарь Г. Р. Державин: «...вырывались также иногда у нее внезапно речи, глубину души ее обнаруживавшие. Например: “Ежели б я прожила 200 лет, то бы конечно вся Европа подвержена б была Российскому скипетру”» [Державин, 2000, с. 143]. Или: «Я не умру без того, пока не выгоню Турков из Европы, не усмирю гордость Китая и с Индией не осную торговлю» [Там же]. В другом месте Державин отмечал, что Екатерина «упоена была

славою своих побед, то уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скипетру своему новых царств» [Державин, 2000, с. 151]. С этим заключением Державина был вполне согласен современный исследователь А. М. Песков, который так характеризовал государственную деятельность Екатерины II: «У нее были две генеральные цели и одна идея. Цели были практические: не потерять власть и не впасть в зависимость от своих спасителей. Идея была утопическая: сделать Россию первенствующей европейской державой» [Песков, с. 195].

В 1779 г. английский посланник в России Д. Гаррис лорд Мальмсбери так говорил об утопических проектах Светлейшего и императрицы (24 мая 1779) в своих письмах на родину: «Князь Потемкин мало обращает внимания на политику западной Европы: мысли его постоянно заняты планом основания новой империи на Востоке. Императрица до такой степени разделяет это намерение, что, гонясь за своей мечтой, она уже назвала новорожденного великого князя Константином, определила к нему в няньки гречанку, по имени Елену, и в близком кругу говорит о возведении его на престол Восточной империи. Между тем она строит в Царском Селе город, который будет называться Константинополем» [Гаррис, с. 154]. В этом же письме, передавая впечатление о настроениях русского двора, он добавлял: «Теперь преобладающею мыслью (затмевающею все остальные) является основание новой империи на Востоке, в Афинах или в Константинополе [Там же, с. 155]. Гаррис называет подобные настроения русского двора «романической идеей» и повествует о своем разговоре с императрицей «о древних греках, об их искусстве и превосходстве их способностей; а так как этот же характер замечается и в новых греках, то она считает для них вполне возможным снова достигнуть первенства между народами, если только им будет оказана помощь и поддержка» [Там же]. Как видим, переписка с Вольтером и его эллинофильские химеры конца 1760-х гг. не прошли для Екатерины II даром! Государственный утопизм встал в России на повестку дня.

Однако этим грандиозным утопическим проектам не суждено было избежать дистопического финала, также нашедшего свое отражение в мемуарно-эпистолярной литературе. К примеру, Ш. Массон, французский эмигрант, в целом достаточно доброжелательно относившийся к императрице Екатерине II, приютившей его в России, не только показал в своих записках механизм функционирования государственного утопизма в России эпохи Просвещения, но и его фактический крах еще при жизни «северной Семирамиды». Ш. Массон писал: «Перед смертью Екатерины большая часть памятников ее царствования уже находилась в руинах: законодательство, новые поселения, воспитание, учреждения, фабрики, здания, больницы, каналы, города, крепости — все было лишь начато и оставлено прежде, нежели окончено. *Как только очередной проект рождался в ее голове, она бросала все остальное, чтобы заниматься единственно им до тех пор, пока новая идея не увлекала ее.* <...> Подрядчики и архитекторы крали деньги, а Екатерина, имея план или медаль у себя в кабинете, верила, что постройка закончена, и более ей не интересовалась» [Массон, с. 55–56]. Последняя фраза Ш. Массона очень точно передает специфику утопического мышления как такового, для которого главное — план, а не его конкретная реализация, начало пути, но не его завершение.

Далее Ш. Массон переходит непосредственно к «градостроительной горячке»: «Петербургский альманах называет более двухсот сорока городов, основанных Екатериной <...> Многие из этих городов — просто столбы, где написано их название и указано их будущее местоположение. *В ожидании, пока они будут застроены и в особенности заселены*, они фигурируют на картах России как центры будущих епархий» [Массон, с. 57]. Эта мания Екатерины II все делать вчерне, ничего не доводя до конца, дала возможность австрийскому императору Иосифу II в записках Ш. Массона проявить царственное остроумие. Во время путешествия по Тавриде Екатерина II пригласила его присоединиться к церемонии основания города Екатеринослава, «первый камень которого она только что заложила с большой торжественностью <...> По возвращении Иосиф сказал: “Вместе с русской императрицей я свершил в один день великое дело: она положила первый камень города, а я — последний”» [Там же, с. 56–57]. Н. Хренов и К. Соколов имели все основания сказать: «Утопическая реальность городской архитектуры, особенно столичной, была сама по себе, а реальность бытия русских людей была далека от утопии» [Хренов, Соколов, с. 150]. И сами ее участники в душе это хорошо понимали.

Поэтому «стиль грандиозари», так явственно проявляющий себя не только в одах и поэмах эпохи, но даже в мемуарах и официальной государственной переписке Екатерининской эпохи, отступает на второй план в дружеской переписке, которую русская императрица вела с избранными респондентами. Например, с г-жой И.-Д. Бьельке, с которой Екатерина II была знакома с 14 лет. В письме от 30 июня 1775 г. по поводу заключения мира с Портой русская императрица, вполне презрев риторику государственного утопизма, пишет: «Через десять дней начнутся наши празднества в честь мира. Я не пожелаю воздвигать никаких храмов, ни Минерве, ни Янусу, ни черту и его бабушке; но у нас будет представлено на твердой земле Черное море со всеми приобретениями России, и так как это будет награвировано, то один из оттисков я пришлю Вам, и подобный праздник даст еще тот, кто будет в состоянии» [Екатерина II, 2007, с. 357].

И все же говоря в целом о пространстве государственного утопизма, нельзя не согласиться с мнением М. Ю. Савельевой, что утопия при всей ее парадности и фасадности представляет собой «пространство Божественного пребывания, осуществленную мечту царя и Бога и осмысленную смертными усилиями граждан, принесших свою личность в жертву Совершенству» [Савельева, с. 140]. Для российского культурного и литературного пространства последующих веков Крым-Таврида будет ассоциироваться не столько с пафосом торжествующей государственности путешествия Екатерины II, сколько с мифологией поэтической античной Тавриды, воспетой А. Пушкиным и К. Батюшковым, П. Вяземским и В. Бенедиктовым, Д. Минаевым и А. Толстым, М. Цветаевой и М. Волошиным. «Уход из Крыма» 1920 г. нашел свое трагическое отражение в русской эмигрантской поэзии 1920–1930-х гг. (В. Смоленский, Н. Туроверов, Н. Евсеев, Б. Поплавский). В XX в. на смену поэтической Тавриде приходит «крымский текст», в создании которого принимает участие абсолютное большинство российских/советских поэтов: А. Ахматова со своими «крымскими сонетами», И. Бродский с его зимним вечером в Ялте, Б. Ахмадулина, вступающая в пререканье с Крымом;

«Запах крови и йода, летящий с ночных Сивашей» из «Костров» В. Луговского дополняется «сонным Крымом» Н. Заболоцкого; «Старый Крым» Вс. Рождественского, наполненный памятью об А. Грине, соседствует с памятью о крымском солнце Р. Рождественского.

Однако всех этих текстов могло и не быть, если бы в 1787 г. императрица Екатерина II не совершила своего путешествия в страну, где «обитала некогда Ифигения», и которая вошла в историю XVIII столетия под именем российской Тавриды.

Биллингтон Д. Х. Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. 880 с. [Billington D. X. Ikona i torog: opyt istolkovaniya istorii russkoj kul'tury. M., 2001. 880 s.]

Гаррис Д. Переписка английского посланника при Екатерине II лорда Мальмсбери, Д. Гарриса за 1778–1783 // Рус. архив. 1874. Кн. 2. № 7. С. 143–186. [Garris D. Perepiska anglijskogo poslannika pri Ekaterine II lorda Mal'msberi, D. Garrisa za 1778–1783 // Rus. arxiv. 1874. Kn. 2. № 7. S. 143–186.]

Гуминский В. О русской фантастике (послесловие) // Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в. М., 1977. С. 320–334. [Guminskij V. O russkoj fantastike (posleslovie) // Vzglyad skvoz' stoletiya. Russkaya fantastika XVIII i pervoj poloviny XIX v. M., 1977. S. 320–334.]

Екатерина II. Письмо принцу де Линю // Сб. Имп. Рус. ист. о-ва. Вып. 12. СПб., 1880. С. 378–379. [Ekaterina II. Pis'mo princu de Linyu // Sb. Imp. Rus. ist. o-va. Vyp. 12. SPb., 1880. S. 378–379.]

Екатерина II. Письма к И. Циммерману // Рус. старина. 1887. Т. 55. № 7. С. 279–320. [Ekaterina II. Pis'ma k I. Cimmermanu // Rus. starina. 1887. T. 55. № 7. S. 279–320.]

Екатерина II. Письма Екатерины II к Иоганне Доротее Бьельке // Екатерина II. Фасад и задворки империи / Г. С. Винский, Д. Б. Мертваго, Екатерина II. М., 2007. 416 с. [Ekaterina II. Pis'ma Ekateriny II k Ioganne Dorotee B'el'ke // Ekaterina II. Fasad i zadvorki imperii / G. S. Vinskij, D. B. Mertvago, Ekaterina II. M., 2007. 416 s.]

Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. 469 с. [Derzhavin G. R. Stixotvoreniya. L., 1957. 469 s.]

Державин Г. Р. Записки (1743–1816). М., 2000. 336 с. [Derzhavin G. R. Zapiski (1743–1816). M., 2000. 336 s.]

Записка об амазонской роте [записал Г. Дуси] // Москвитянин. 1844. № 1. С. 266–268. [Zapiska ob amazonskoj rote [zapisal G. Dusi] // Moskvityanin. 1844. № 1. S. 266–268.]

Зорин А. Л. «Корма двуглавого орла»: Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. 416 с. [Zorin A. L. «Kormya dvuglavogo orla»: Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka. M., 2001. 416 s.]

Изображение и характеристика лиц, занимающих первые и главные места при Петербургском дворе (1783) // Рус. архив. 1875. Кн. 2. Вып. 6. С. 113–125. [Izobrazhenie i charakteristika lic, zanimayushhix pervye i glavnye mesta pri Peterburgskom dvore (1783) // Rus. arxiv. 1875. Kn. 2. Vyp. 6. S. 113–125.]

Людольф К. фон. Письма из Крыма // Рус. обозрение. 1892. март. Т. 2. С. 155–201. [Lyudol'f K. fon. Pis'ma iz Krymu // Rus. obozrenie. 1892. mart. T. 2. S. 155–201.]

Массон Ш. Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правления Павла. М., 1996. 208 с. [Masson Sh. Sekretnye zapiski o Rossii, i v chastnosti o konce carstvovaniya Ekateriny II i pravleniya Pavla. M., 1996. 208 s.]

Нассау-Зиген К.-Г. Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 (отрывок из дневника и переписка) // Рус. старина. 1893. Т. 80. № 11. С. 283–299. [Nassau-Zigen K.-G. Imperatrica Ekaterina II v Krymu. 1787 (otryvok iz dnevnika i perepiska) // Rus. starina. 1893. T. 80. № 11. S. 283–299.]

Панченко А. М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // Из истории русской культуры XVIII – нач. XIX в. : в 5 т. Т. 4. М., 1996. С. 685–701. [Panchenko A. M. «Potemkinskie derevni» kak kul'turnyj mif // Iz istorii russkoj kul'tury XVIII – nach. XIX v. : v 5 t. T. 4. M., 1996. S. 685–701.]

Песков А. М. Павел I. М., 2005. 422 с. [Peskov A. M. Pavel I. M., 2005. 422 s.]

Потемкин Г. А. Мнение князя Потемкина об овладении Дарданеллами // Рус. старина. 1878. Т. 22. № 7. С. 449–454. [Potemkin G. A. Mnenie knyazyza Potemkina ob ovladenii Dardanellami // Rus. starina. 1878. T. 22. № 7. S. 449–454.]

Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. 328 с. [Proskurina V. Mify imperii: Literatura i vlast' v e'roхu Ekateriny II. M., 2006. 328 s.]

Савельева М. Ю. Мифическое основание «утопического априори» просвещенного абсолютизма // Философский век: альманах. СПб., 2000. Вып. 13. С. 127–143. [Savel'eva M. Yu. Mificheskoe osnovanie «utopicheskogo apriori» prosveshhennogo absolyutizma // Filosofskij vek: al'manax. SPb., 2000. Vyp. 13. S. 127–143.]

Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. 313–457. [Segyur L.-F. Zapiski o prebyvanii v Rossii v carstvovanie Ekateriny II // Rossiya XVIII veka glazami inostrancev. L., 1989. 313–457.]

Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. М., 2003. 532 с. [Stal' Zh. de. Desyat' let v izgnanii. M., 2003. 532 s.]

Строев А. Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8–41. [Stroev A. Rossiya glazami francuzov XVIII – nachala XIX veka // Logos. 1999. № 8. S. 8–41.]

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: от Петра Великого до смерти Николая I : в 2 т. Т. 1. М., 2002. 605 с. [Uortman R. S. Scenarii vlasti. Mify i seremonii russkoj monarхии: ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I : v 2 t. T. 1. M., 2002. 605 s.]

Устинов Д. В., Веселова А. Ю. «Утопия как деятельность» в русской культуре II половины XVIII в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. История, языкознание, литература. 1998. № 1. С. 77–85. [Ustinov D. V., Veselova A. Yu. «Utopiya kak deyatel'nost'» v russkoj kul'ture II poloviny XVIII v. // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. Istorija, yazykoznanie, literatura. 1998. № 1. S. 77–85.]

Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультура, картина мира, ментальность). СПб., 2001. 809 с. [Xrenov N. A., Sokolov K. B. Hudozhestvennaya zhizn' imperatorskoj Rossii (subkul'tura, kartina mira, mental'nost'). SPb., 2001. 809 s.]

Статья поступила в редакцию 01.07.2014 г.

УДК 911.7(477.75) + 929 Екатерина II + 929 Александр I +
+ 902.2

А. В. Шаманаев

ПУТЕШЕСТВИЯ В КРЫМ ЕКАТЕРИНЫ II И АЛЕКСАНДРА I И СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В статье рассматривается вопрос влияния путешествий Екатерины II и Александра I на становление системы охраны историко-культурного наследия Крыма. Исследование основано на анализе официальных документов, сочинений путешественников, мемуарах. Автор рассматривает роль памятников старины в программах пребывания коронованных особ Российской империи в Крыму. В работе показаны примеры организации научных исследований, проведения реставрационных работ и издания нормативно-правовых актов, способствовавших сохранению древностей Крыма.

Ключевые слова: путешествия; Крым; охрана памятников; Екатерина II; Александр I.

В эпоху Просвещения путешествия частных лиц («Grand Tour»), ученых, военных, дипломатов, монархов стали неотъемлемой чертой культурной и политической жизни Европы [Chard, p. 3–12; Козлов, с. 8]. Одним из наиболее известных вояжей российских коронованных особ является поездка Екатерины II по Таврическому полуострову в 1787 г. Эта поездка, ориентированная прежде всего на решение актуальных политических и идеологических задач, имела мощный культурный контекст. К настоящему времени сформировался корпус исследований, подробно характеризующих это путешествие и связанные с ним исторические события и процессы [см.: Брикнер; Зорин, с. 97–156; Мальгин, с. 13–16; Бессарабова].

В 1818 г. внук Екатерины II, император Александр I, также предпринял поездку по Крымскому полуострову. Она не стала каким-либо знаковым явлением культуры или мировой политики, оставшись в большей степени фактом биографии Александра Павловича, чем событием государственного масштаба. Из историков наибольший интерес к этому событию проявил Н. К. Шильдер [Шильдер, с. 82–108].

Оба путешествия прошли на фоне памятников истории Крыма. Несмотря на то, что роль этих объектов в программах обоих вояжей неоднократно рассматривалась, малоисследованным остается вопрос о влиянии этих поездок на перспективы становления и развития системы охраны древностей в России.

Нужно отметить, что изучение поставленной проблемы основывается на анализе нормативно-правовых актов, делопроизводственной документации, опубликованных путевых записок и отчетов [см.: ПСЗРИ; Паллас; Сумароков; Ваксель; Тизенгаузен; Стевен и др.]. Особый интерес представляют мемуары спутников Екатерины и Александра, отражающие различные аспекты восприятия памятников истории и археологии Крыма [см.: Сегюр; Михайловский-Данилевский].

Путешествие Екатерины II началось 2 января 1787 г. в Санкт-Петербурге. Ее маршрут был проложен через Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов,

Киев, Херсон [Храповицкий, с. 1–72]. В поездку Екатерина отправилась в сопровождении большой свиты, в которую вошли высшие сановники и придворные (около 3 000 человек). Дипломатический корпус был представлен австрийским, английским, французским послами. В Киеве к ним присоединились австрийский император Иосиф II, польский король Станислав-Август, светлейший князь Г. А. Потемкин [Брикнер, т. 22, с. 250–256].

Начальным пунктом путешествия Александра I была Варшава, где проходили заседания польского сейма, после закрытия которого (15 апреля 1818 г.) император отправился в путешествие по Южной России (18 апреля). Предполагалось, что он произведет инспекцию частей Второй армии и военных поселений [Шильдер, с. 83–84, 90–104]. Однако, как минимум, крымская часть маршрута оказалась посвящена не только делам, но и отдыху на фоне крымской природы и исторических достопримечательностей. В Крым император прибыл в сопровождении небольшой свиты (генерал-адъютанты Ф. П. Уваров и князь П. М. Волконский, Санкт-Петербургский военный губернатор граф М. А. Милорадович, граф А. А. Аракчеев, флигель-адъютант генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский и др.). В отличие от Екатерины II, коронованные особы Александра I не сопровождали. Тем не менее, среди спутников Александра находились представители австрийского императора Франца I принц Гессен-Гомбургский Фридрих и фельдмаршал граф К. Кламм [Михайловский-Данилевский, кн. 7, с. 88].

Всего поездка Екатерины по Крыму заняла 13 дней, а Александра — 11 [Михайловский-Данилевский, кн. 7, с. 333–346]. Оба монарха начали и завершили свои поездки по Крыму в Перекопе. Различия в маршрутах путешествий проявились в последовательности посещения основных пунктов и продолжительности остановок, а главное — в поездках Александра на Керченский полуостров и Южный берег. Можно отметить, что западная часть Крыма не привлекла внимания августейших путешественников. Судя по всему, сходство маршрутов было обусловлено объективными причинами: Екатерина и Александр ехали по дорогам, в основном построенным еще до присоединения Крыма к России. Судя по мемуарам А. И. Михайловского-Данилевского, Александр не стремился проводить каких-либо исторических или культурных параллелей с путешествием своей бабушки. За время поездки только в Херсоне он прямо заговорил о Екатерине и ее вояже. Произошло это при осмотре абрикосового дерева, посаженного императрицей [Михайловский-Данилевский, кн. 7, с. 87; Пелино, с. 607–608].

Путешествие Екатерины II по Крыму было частью грандиозного политического шоу, призванного продемонстрировать Западной Европе военно-политическую мощь Российской империи и ее неограниченный экономический потенциал. По мнению исследователей, культурный контекст вояжа был прямо связан с «греческим проектом» и должен был наглядно продемонстрировать существование духовной и политической связи России с греческим и византийским наследием в Черноморском регионе [Брикнер, т. 21, с. 8; Зорин, с. 109–120].

Уже на стадии подготовки путешествия Г. А. Потемкин инициировал создание нескольких трудов по истории Крыма [Мурзакевич, с. 339–342]. Сочинения А. Нарушевича и С. Сестреневича-Богуша, хотя и были компиляциями,

но давали развернутое представление о древней и средневековой истории Тавриды [Тункина, 2002, с. 40]. По заданию Академии наук В. Ф. Зуев предпринял путешествие по восточной части полуострова в 1781–1782 гг. [Райков, с. 161–167]. В 1783 г. Г. А. Потемкин поручил члену-корреспонденту Академии наук К. И. Габлицу осуществить полное исследование Крымского полуострова. «Физическое описание» Тавриды было опубликовано в 1785 г., а в 1787 г., во время пребывания императрицы в Карасубазаре, ученый представил историческую часть своего сочинения [Тункина, 2002, с. 45–46]. В 1783 г. Г. А. Потемкин направил полковника Балдани для осмотра руин Херсонеса и проверки сведений русских летописей о месте крещения князя Владимира [Бобринский, с. 172; Иванов, с. 161]. Г. А. Потемкин предпринимал действия по собиранию предметов старины. Так, в декабре 1786 г. таврический губернатор В. В. Каховский получил предписание «об употреблении всемернаго старания к отысканию в Тавриде сколь можно большего числа разных старинных монет и медалей» [Муравьев, с. 602].

Таким образом, к началу путешествия императрицы сформировался комплекс первичной информации об исторических достопримечательностях Крыма и их историко-культурном значении.

Путешествие Александра I в 1818 г. происходило уже на другом информационном фоне. В конце XVIII – начале XIX в. Крым активно посещался учеными, литераторами, чиновниками. Многие из них оставили отчеты и записки, в которых содержатся описания памятников старины, сохранившихся на полуострове. С 1787 г. по 1818 г. поездки по Крыму с научными целями совершили П. С. Паллас (1793–1794), Ф. К. Маршалл фон Биберштейн (1793–1794), Е. Е. Кёллер (1804), М. Ф. Энгельгардт и И. Ф. Паррот (1811–1815) [Непомнящий, с. 175–182]. Популяризации крымских древностей способствовали художественные произведения, авторы которых лично познакомились с памятниками Тавриды (С. С. Бобров – 1792, В. В. Измайлов – 1799, П. И. Сумароков – 1799 и 1802). Л. С. Ваксель издал в 1801 г. альбом рисунков предметов старины, виденных им во время путешествия по Крыму в 1797–1798 гг. [Ваксель].

Необходимо отметить, что в начале XIX в. Северное Причерноморье стало одним из центров коллекционирования, музейной деятельности и археологических исследований. В 1803 г. был учрежден Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве, куда поступали археологические находки, в том числе из Крыма. Античная скульптура, эпиграфические памятники, а также случайные находки вещей сохранялись в Феодосийском музее древностей, основанном в 1811 г. С 1811 г. П. А. Дюбрюкс начал археологические раскопки памятников в Керчи и ее окрестностях [Там же, с. 147, 190–202, 207–214, 290–293; Гейман, с. 102–104].

В целом, путешествие Александра I состоялось на фоне становления российской археологии, при этом повышенное внимание ученых и любителей старины привлекали именно крымские памятники. Научные описания и художественные литературные зарисовки давали возможность составить целостное представление об историческом значении древностей Крыма.

Отношение Александра I и его спутников к объектам культурного наследия во время путешествия 1818 г. отличалось от того, которое было характерно для Екатерины II и ее свиты. Участников вояжа 1787 г. привлекали не столько

сами древности, сколько идеи о связи виденных ими местностей с некими историческими явлениями и процессами — заселение древними греками Северного Причерноморья, традиции скифов, византийское присутствие в Крыму, итальянская колонизация региона, крещение Руси, завоевание полуострова татарами и турками. Александр и сопровождавшие его лица интересовались не только мифологизированными образами, но стремились познакомиться с самими памятниками, прикоснуться к подлинным свидетельствам исторических событий. К 1818 г. «греческий проект» и связанная с ним риторика оказались в прошлом. С 1815 г. внешнеполитическая доктрина империи была связана с идеями Священного союза. Перспективы войны с Турцией не привлекали императора, поскольку противоречили его планам. Одновременно Александр все больше погружается в мистицизм, во многом под влиянием В.-Ю. Крюденер. В ее учении Александру отводилась роль создателя хилястического царства в южных губерниях Российской империи [Зорин, с. 327–329]. Несмотря на то, что с 1818 г. император стал охладевать к идеям баронессы (вплоть до разрыва отношений в 1821 г.), ее проповеди пользовались большой популярностью в петербургском высшем свете [Шильдер, 232–236; Колли]. Таким образом, для Александра I Крым, где можно было видеть сочетание природных красот и памятников старины, воспринимался местом, подходящим для мистических исканий.

Одним из результатов вхождения Крыма в состав России было приобретение своего рода «культурного капитала» — архитектурных и археологических памятников. Однако эти ценности достались империи не в лучшем состоянии. Две русско-турецкие войны, непосредственно затронувшие Крым, упадок экономики региона, демографические изменения способствовали трансформации культурно-исторического ландшафта.

Так, в результате похода русской армии под командованием Б. К. Миниха в 1736 г. (война 1735–1739 гг.) серьезно пострадал Бахчисарай, в том числе постройки ханского дворца. Последний крымский хан Шагин-Гирей, покидая Бахчисарай, вывез всю обстановку и ценные вещи [Маркевич, с. 132–136]. В годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. большой урон был нанесен памятникам Кафы. При взятии города русскими войсками город был razoren, многие постройки пострадали [Лагорио, с. 433; Тункина, 2011, с. 12–13, 30–33; Шаманаев, с. 558–559]. Однако, еще до начала войны часть крепостных сооружений, многие церковные здания и монастыри представляли собой руины, т. к. город переживал период экономического кризиса [Клеман, с. 146–149].

Существенное влияние на состояние средневековых памятников христианской архитектуры оказало массовое переселение христианского населения Крыма, организованное российским правительством в 1778 г. Согласно официальным данным более 31 000 человек покинули полуостров, что привело к запустению многих населенных пунктов, закрытию и разрушению культовых построек [Кулаковский, с. 206–207; Тур, с. 74–75].

Серьезнейшей угрозой архитектурно-археологическим памятникам Крыма была практика использования остатков древних сооружений как источника строительных материалов для возведения гражданских и военных зданий. В Судаке камень средневековых зданий пошел на постройку казарм для гарнизона,

размещенного на территории крепости [Паллас, с. 102]. При строительстве Севастополя, основанного в 1784 г., широко применялся камень из руин Херсонеса. Судя по всему, к концу XVIII в. большая часть остатков древних построек, сохранившихся на поверхности, была уничтожена [Там же, с. 47; Сумароков, с. 203–204; Тункина, 2002, с. 500–501].

Важным фактором сохранения историко-культурного наследия полуострова оказался интерес к нему со стороны коронованных особ. Памятники старины Крыма стали частью «культурной программы» вояжа императрицы по полуострову. Первым крупным населенным пунктом, в котором Екатерина непосредственно соприкоснулась с местными древностями, стал Бахчисарай (20 мая 1787 г.) [Храповицкий, с. 74–75]. Специально для размещения императрицы и сопровождавших ее лиц ханский дворец был отремонтирован и заново меблирован в 1784–1787 гг. Работы производились под наблюдением И. де-Рибаса, который существенно европеизировал облик сохранившихся жилых помещений, произвел частичную перепланировку комнат. Судя по всему, комплекс мечети и ханского кладбища не претерпел изменений [Свиньин; Маркевич, с. 136–138]. Нужно отметить, что, несмотря на особое значение идеи греко-византийского наследия в идеологических построениях «греческого проекта», из всех памятников старины Крыма ремонтные работы были проведены на объекте татарской архитектуры.

После двух дней пребывания в Бахчисарае, императрица утром 22 мая 1787 г. отправилась в сторону Севастополя. В Инкермане, во время остановки для обеда, перед гостями была устроен парад кораблей Черноморского флота [Храповицкий, с. 76–77; Брикнер, т. 22, с. 494]. Вероятно, великолепия и грандиозность этой демонстрации совершенно затмили от публики остатки крепости Каламита. На следующий день (23 мая) Екатерина вместе с австрийским императором совершила морскую прогулку по бухтам севастопольской гавани. Руины Херсонеса, уже тогда воспринимавшиеся как место крещения кн. Владимира, они осмотрели с моря [Храповицкий, с. 78].

В Севастополе участники путешествия разделились: Екатерина отправилась в имение Г. А. Потемкина в Байдарской долине, Иосиф II посетил Балаклаву и осмотрел бухту и руины крепости Чембало, а Сегюр и принц Нассау-Зиген заинтересовались Георгиевским монастырем [Брикнер, т. 22, с. 495]. На обратном пути августейших особ ждал сюрприз, организованный Г. А. Потемкиным. Неподалеку от Балаклавы, у д. Кадыковки, навстречу Екатерине II выехала рота «амазонок». Она была сформирована из балаклавских гречанок под командованием Е. И. Сарандовой. Можно отметить, что одеты они были скорее в восточном стиле, чем в античном: малиновые юбки и зеленые куртки из бархата, украшенные золотыми галунами, на голове — белые тюрбаны со страусовыми перьями [Лашков]. Тем не менее, «амазонки» вызвали восторг императрицы и ее свиты. Заслуги «капитана» роты были оценены бриллиантовым перстнем стоимостью 1 800 руб., еще 10 000 руб. предназначались ее «подчиненным» [Селиванова, с. 376–377].

После дня отдыха в Бахчисарае императрица через Симферополь, Карасубазар, Старый Крым прибыла в Феодосию. Никакие исторические достопримечательности по пути не заинтересовали правительницу и ее спутников. Более того, были отменены запланированные поездки в Судак и по Керченскому полуострову

[Маркевич, с. 130]. Вид города разочаровал Екатерину [Сегюр, с. 222]. С Феодосией связан один сюжет, отражающий стремление Г. А. Потемкина подчеркнуть исторические связи Крыма и России. На местном монетном дворе была отчеканена партия серебряных монетовидных жетонов (2, 5, 10 и 20 коп.). На одной их стороне помещены цифры, счетные точки и буквы «ТМ» («Таврическая монета»), на другой — вензель императрицы, дата и круговая надпись «Царица Херсониса Таврического». Не исключено, что эти монеты предназначались для раздачи во время путешествия Екатерины [Юхт, с. 204–205]. После Феодосии, через Старый Крым и Карасубазар императрица направилась на север и 31 мая покинула полуостров [Храповицкий, с. 86–87].

В начале XIX в. состояние крымских памятников начинает вызывать беспокойство в правительственных кругах. Первый шаг по обеспечению сохранения древностей Крыма был сделан после путешествия в 1804 г. по заданию Академии наук Е. Е. Кёллера (библиотекаря и хранителя Кабинета антиков и медалей Императорского Эрмитажа). Вернувшись в Санкт-Петербург, Е. Е. Кёллер представил Александру I коллекцию монет и других находок, а также обратил его внимание на плачевное состояние крымских древностей [Кулаковский, с. 210–211; Тункина, 2002, с. 65–75]. Император повелел министру внутренних дел В. П. Кочубею принять соответствующие меры для сохранения исторического наследия Тавриды. На основании указания министра херсонский военный губернатор А. Э. де Ришелье в 1805 г. предписал Таврическому гражданскому губернатору «дабы никому из частных путешественников, Новороссийския губернии посещающих, не дозволяемо было собирать могущих находится там древних редкостей» [Стивен, с. 35]. Однако это распоряжение относилось к памятникам, находящимся только на казенных землях, и серьезных последствий не имело.

Поездка Александра по Крыму началась 8 мая 1818 г. Император выехал из Херсона, к полуночи добрался до Перекопа и, переночевав там, направился в Симферополь [Михайловский-Данилевский, кн. 7, с. 87–89]. Утром 10 мая путешественники отправились через Карасубазар в Керчь. На следующий день, после посещения крепости Еникале, император посвятил вторую половину дня осмотру керченских достопримечательностей. В первой половине XIX в. Керчь, построенная на руинах столицы Боспорского царства Пантикапея, и ее окрестности стали местом впечатляющих археологических открытий. С 1811 по 1818 г. П. Дюбрюксом была собрана коллекция местных древностей, открыта городская стена Пантикапея, раскопаны остатки жилых построек античного города, курганы и катакомбы к северо-западу от Керчи, начаты исследования у подошвы горы Митридат. В 1817–1818 г. раскопки проводились за счет средств, выделенных из личных средств великого князя Михаила Павловича (500 руб.) и Кабинета императора Александра (500 руб.) [Тункина, 2002, с. 147–148].

Император, в сопровождении свиты и П. Дюбрюкса поднялся на вершину горы Митридат, после чего осмотрел коллекцию находок из раскопок. Его внимание привлекла голова бронзовой статуи Дианы (?), которую он подарил принцу Гессен-Гомбургскому. Позже Александр посетил античные склепы, раскопанные вдоль шоссе на Феодосию. Несколько интересных эпизодов наглядно характеризуют разницу в уровне культурно-исторической подготовленности лиц

из окружения императора. А. И. Михайловский-Данилевский свободное время посвятил более тщательному знакомству с памятниками истории, осмотрел места раскопок П. Дюбрюкса, церковь Иоанна Предтечи (заложена в VIII в., по другим данным — на рубеже IX–X вв.), остатки средневековой крепости. Другой спутник императора, генерал-адъютант Ф. П. Уваров, показывая принцу Гессен-Гомбургскому на гору Митридат, сообщил, что «построения на ней столь древни, что даже живущий в Крыму очень старый грек Павзаний не запомнит, кем они сооружены». В связи с чем Александр иронично посоветовал генералу: «оставим древности, это не наше дело» [Михайловский-Данилевский, кн. 7, с. 92–95].

Покидая Керчь, император пожаловал П. Дюбрюксу большую часть находок из раскопок, а также бриллиантовый перстень. При этом он высказал пожелание о продолжении исследований, однако дополнительных средств на это не выделил [Тункина, 2002, с. 148].

Следующим пунктом маршрута путешествия была Феодосия (12 мая). Здесь император осмотрел местный музей древностей в сопровождении его хранителя А. Галлера. Коллекция включала античные и средневековые вещи из Феодосии, Керчи, Херсонеса, Анапы. Согласно описи, составленной в 1816 г., собрание состояло из 64 предметов (барельефы, эпитафические находки, терракотовые изделия, светильники, вазы и пр.) и 231 монеты [Там же, с. 209–210; Латышев, с. 110–115]. Кроме того, Александр посетил феодосийский карантин, где сохранились средневековые армянские и греческие храмы, старинную мечеть и турецкие бани. Конечно, он и его спутники видели остатки крепостных сооружений итальянской Кафы. В отличие от Екатерины, Феодосия произвела на императора благоприятное впечатление. Покинув город, Александр через Старый Крым, где он задержался всего на несколько минут, прибыл в Симферополь [Михайловский-Данилевский, кн. 7, с. 96–97].

Утром 13 мая 1818 г. Александр и его спутники отправились в трехдневное путешествие по Южному берегу Крыма. Их путь прошел через Алушту, Гурзуф, Никиту, Алупку, Кикинеиз до Байдарской долины. Судя по всему, исторические памятники этих мест (например, руины крепостей Алустон и Горзувита) мало заинтересовали императора и его окружение. Возможно, причиной стала холодная и сырая погода, не способствовавшая длительным экскурсиям. Только утром 16 мая, по пути в Севастополь, Александр выразил желание посетить Георгиевский монастырь около Балаклавы. В этой обители, основание которой относят к XIV–XV вв., он молился в одиночестве [Михайловский-Данилевский, кн. 7, с. 97–102; Тур, 101–116]. Другим объектом, привлечшим внимание путешественников, стали руины легендарного «храма Дианы» или «херсонесской Девы». О существовании этого святилища известно из сообщений античных авторов, но его локализация до сих пор не установлена. В конце XVIII — начале XIX в. попытки найти его следы предпринимали почти все путешественники по Крыму. Большинство из них соотносили с ним развалины античных построек вблизи Георгиевского монастыря [Тункина, 2002, с. 534–535]. А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Мы сели верхом, и грек повел нас версты за две, на крутой берег мыса, где видны некоторые следы древних капищ, расположенных в прекраснейшем местоположении, которое являлось нам во всем блеске

от солнечных лучей, отражавшихся на поверхности Черного моря, омывающего скалы, на коих капища воздвигнуты» [Михайловский-Данилевский, кн. 8, с. 334].

В Севастополе (16–17 мая) Александр I инспектировал флот и принимал чиновников. Главную историческую достопримечательность города — руины Херсонеса — он, как и Екатерина, осмотрел во время прогулки на катере вдоль Главной бухты. Больше внимания он уделит генуэзской крепости Каламита в Инкермане. Вероятно, спутники монарха не вполне разделяли его интерес. Так, А. И. Михайловский-Данилевский заметил в мемуарах: «Видевши Рим, меня древности Инкермана не много занимали» [Михайловский-Данилевский, кн. 8, с. 336–338].

Оставив Севастополь, Александр I направился в Бахчисарай. «Культурная программа» его пребывания в этом городе (17–18 мая) почти полностью повторила мероприятия 1787 г. На въезде его «встретила туча татар», по прибытии во дворец последовал его осмотр, посещение мечети, демонстрация танца дервишей, который в свое время произвел неизгладимое впечатление на спутников Екатерины [Там же, с. 338–339]. Вечером в одном из помещений дворца для императора представили обряд татарской свадьбы, «которая нарочно приготовлена была в сей зале, для удовлетворения любопытства его величества» [Свиньин, с. 13]. На следующий день путешественники отправились осматривать Чуфут-Кале, где они имели возможность увидеть остатки древних построек и познакомиться с бытом караимов. Знакомство с древностями Бахчисарая завершилось визитом в Успенский пещерный монастырь, основанный в средние века (VIII–X вв. или XIV–XV вв.), но после 1800 г. — заброшенный [Тур, с. 117–122]. После этого император выехал в Симферополь, 19 мая направился в сторону Перекопа и утром 20 мая покинул Крым [Михайловский-Данилевский, кн. 8, с. 338–343].

Второе посещение Крыма в 1825 г. стало последним путешествием Александра. Оно продолжалось с 24 октября по 2 ноября. Император посетил Симферополь, Южный берег, Балаклаву, Севастополь, Бахчисарай и Евпаторию. Так же, как и в 1818 г., он осматривал памятники старины. К сожалению, детали этой поездки не установлены [Шильдер, с. 368–371].

К эпохе Александра I относится важный шаг в становлении отечественного законодательства в сфере охраны историко-культурного наследия. В 1821 г. Е. Е. Кёллер был командирован в Крым для инспекции состояния памятников старины и разработки мер по их сохранению [Тизенгаузен, с. 363–370; Тункина, 2002, с. 363–370]. По окончании поездки ученый представил доклад, на основе которого был разработан указ от 4 июля 1822 г. «О сохранении памятников древности в Крыму» [Тизенгаузен, с. 362–403]. В документе определялись формы охранной деятельности — консервация и реставрация объектов, устанавливались культурно-хронологические приоритеты (наиболее ценные постройки — античные и итальянские, менее ценные — турецкие и татарские). Для восстановления нескольких памятников правительство выделило в распоряжение Таврического губернатора 10 000 руб. [ПСЗРИ, с. 422–423].

Еще до официального утверждения указа таврический губернатор Н. И. Перовский в июне 1822 г. сделал подробные описания, рисунки и подготовил сметы на проведение работ на ряде памятников [Стевен, с. 40–41]. Кроме того, чиновник

особых поручений А. Я. Фабр должен был разработать и представить проект мер по сохранению остатков старины [Бобкова, с. 154]. Однако, эти задачи не были реализованы. Средства, полученные из казны, несколько лет оставались без употребления и впоследствии были направлены генерал-губернатором Новороссийского края М. С. Воронцовым на обустройство музеев в Одессе и Керчи [Тизенгаузен, с. 367]. Таким образом, первая попытка организовать государственный контроль и финансирование охраны памятников старины в Крыму оказалась неудачной. Однако был сделан серьезный шаг к формированию государственной системы охраны историко-культурного наследия.

В условиях самодержавного правления поступки, пристрастия, вкусы коронованных особ становятся своеобразным эталоном, примером для подражания. Путешествия Екатерины II и Александра I по Крыму, проявленный интерес к памятникам старины способствовали распространению среди русского дворянства традиции посещения полуострова с познавательными целями. Первые последователи царствующих особ издавали путевые записки, благодаря которым происходило распространение информации о древностях Тавриды. Для ученых появилась возможность иметь финансовое обеспечение исследований крымской истории. Таким образом, вояжи Екатерины II и Александра I во многом обеспечили актуализацию исторического наследия Крыма для русского общества и русской науки. Политические и идеологические мотивы этих поездок со временем теряли актуальность, но сохранялось представление о непреходящей ценности памятников старины.

Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины II по России. М., 2005. 269 с. [Bessarabova N. V. Puteshestviya Ekateriny II po Rossii. M., 2005. 269 s.]

Бобкова О. М. А. Я. Фабр: портрет администратора на фоне эпохи / под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. Киев, 2007. 312 с. (Биобиблиография крымоведения, вып. 8). [Bobkova O. M. A. Ya. Fabr: portret administratora na fone e'poxi / pod. red. i vstup. st. A. A. Nepomnyashhego. Kiev, 2007. 312 s. (Biobibliografiya krymovedeniya, vyp. 8).]

Бобринский А. А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905. 196 с. [Bobrinskij A. A. Xersones Tavricheskij. Istoricheskij ocherk. SPb., 1905. 196 s.]

Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым // Ист. вестн. 1885. Т. 21. С. 5–23; Т. 22. С. 242–264, 444–509. [Brikner A. G. Puteshestvie Ekateriny II v Krym // Ist. vestn. 1885. T. 21. S. 5–23; T. 22. S. 242–264, 444–509.]

Ваксель Л. С. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи. Снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах, с приложением графической карты тех мест, где оные памятники обреты с древними наименованиями. СПб., 1801. 22 с. [Vaksel' L. S. Izobrazheniya raznyx pamyatnikov drevnosti, najdennyx na beregax Chernogo morya, prinadlezhashhix Rossijskoj imperii. Snyatye s podlinnikov v 1797 i 1798 godax, s prilozheniem graficheskoy karty tex mest, gde onye pamyatniki obreteny s drevnimi naimenovaniyami. SPb., 1801. 22 s.]

Гейман В. Д. Из Феодосийской старины (архивные справки) // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1916. № 53. С. 96–110. [Gejman V. D. Iz Feodosijskoj stariny (arxivnye spravki) // Izv. Tavricheskoy uchenoj arxivnoj komissii. 1916. № 53. S. 96–110.]

Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX в. М., 2001. 416 с. [Zorin A. Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednej treti XVIII — pervoj treti XIX v. M., 2001. 416 s.]

Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1912. № 46. 376 с. [Ivanov E. E'. Xersones Tavricheskij. Istoriko-archeologicheskij ocherk // Izv. Tavricheskoj uchenoj arxivnoj komissii. 1912. № 46. 376 s.]

Клеман Н. Путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и ногайских татар и во весь Крым, с возвратом через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах с подробнейшим описанием достопамятностей Крымских. СПб., 1783. 250 с. [Kleeman N. Puteshestvie iz Veny v Belgrad i Novuyu Kiliyu, takozh v zemli budzhatskix i nogajskix tatar i vo ves' Krym, s vozvratom cherez Konstantinopol', Smirnu i Triest v Avstriyu v 1768, 1769 i 1770 godax s podrobnajshim opisaniem dostopamyatnostej Krymskix. SPb., 1783. 250 s.]

Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения / отв. ред. Н. В. Кирющенко. СПб., 2003. Т. 1. 496 с. [Kozlov S. A. Russkij puteshestvennik e'poxi Prosveshheniya / отв. red. N. V. Kiryushhenko. SPb., 2003. T. 1. 496 s.]

Колли Л. П. Могила баронессы Крюденер в Крыму // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1912. № 48. С. 212–221. [Kolli L. P. Mogila baronessy Kryudener v Krymu // Izv. Tavricheskoj uchenoj arxivnoj komissii. 1912. № 48. S. 212–221.]

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 2002. 225 с. [Kulakovskij Yu. A. Proshloe Tavridy. Kiev, 2002. 225 s.]

Лагорио Ф. Четыре эпохи в жизни города Феодосии // Зап. Одес. о-ва истории и древностей. 1889. Т. 15. С. 404–456. [Lagorio F. Chetyre e'poxi v zhizni goroda Feodosii // Zap. Odes. o-va istorii i drevnostej. 1889. T. 15. S. 404–456.]

Латышев В. В. К истории археологических исследований в Южной России. Из переписки А. Н. Оленина // Зап. Одес. о-ва истории и древностей. 1889. Т. 15. С. 61–115. [Latyshev V. V. K istorii arxeologicheskix issledovanij v Yuzhnoj Rossii. Iz perepiski A. N. Olenina // Zap. Odes. o-va istorii i drevnostej. 1889. T. 15. S. 61–115.]

Лашков Ф. Ф. Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидянской (Сарандовой) в Симферополе // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 7. С. 83–85. [Lashkov F. F. Mogila kapitana amazonskoj roty Eleny Ivanovny Shidyanskoj (Sarandovoj) v Simferopole // Izv. Tavricheskoj uchenoj arxivnoj komissii. 1889. № 7. S. 83–85.]

Мальгин А. В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII — начало XIX в. Симферополь, 2004. 352 с. [Mal'gin A. V. Russkaya Riv'era. Kurorty, turizm i odtyx v Krymu v e'poxu Imperii. Konec XVIII — nachalo XIX v. Simferopol', 2004. 352 s.]

Маркевич Ар. И. К истории ханского Бахчисарайского дворца // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1895. № 23. С. 130–176. [Markevich Ar. I. K istorii xanskogo Baxchisarajskogo dvorca // Izv. Tavricheskoj uchenoj arxivnoj komissii. 1895. № 23. S. 130–176.]

Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. Путешествие с императором Александром I по южной России в 1818 г. // Рус. старина. 1897. Кн. 7. С. 69–102; Кн. 8. С. 333–356. [Mixajlovskij-Danilevskij A. I. Iz vospominanij Mixajlovskogo-Danilevskogo. Puteshestvie s imperatorom Aleksandrom I po yuzhnoj Rossii v 1818 g. // Rus. starina. 1897. Kn. 7. S. 69–102; Kn. 8. S. 333–356.]

Муравьев М. Материалы для местной истории // Зап. Одес. о-ва истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 601–605. [Murav'ev M. Materialy dlya mestnoj istorii // Zap. Odes. o-va istorii i drevnostej. 1867. T. 6. S. 601–605.]

Мурзакевич Н. Н. Деятели Новороссийского края // Зап. Одес. о-ва истории и древностей. 1875. Т. 9. С. 337–342. [Murzakevich N. N. Deyateli Novorossijskogo kraja // Zap. Odes. o-va istorii i drevnostej. 1875. T. 9. S. 337–342.]

Непомнящий А. А. Начало научного изучения Крыма // Ист. наследие Крыма. Симферополь, 2008. № 21. С. 168–195. [Nepomnyashhij A. A. Nachalo nauchnogo izucheniya Kryma // Ist. nasledie Kryma. Simferopol', 2008. № 21. S. 168–195.]

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. М., 1999. (Научное наследство, т. 27). 246 с. [Pallas P. S. Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. M., 1999. (Nauchnoe nasledstvo, t. 27). 246 s.]

Пелино. Абрикосовое дерево, посаженное императрицею Екатериною II // Зап. Одес. о-ва истории и древностей. 1844. Т. 1. С. 607–608. [Pelino. Abrikosovoe derevo, posazhennoe imperatriceyu Ekaterinoyu II // Zap. Odes. o-va istorii i drevnostej. 1844. T. 1. S. 607–608.]

ПСЗРИ. СПб., 1830. [Собр. 1-е]. Т. 38. № 29105. С. 422–423. [PSZRI. SPb., 1830. [Sobr. 1-e]. T. 38. № 29105. S. 422–423.]

Райков Б. Е. Академик Василий Зуев, его жизнь и труды. М.; Л., 1955. 350 с. [Rajkov B. E. Akademik Vasilij Zuev, ego zhizn' i trudy. M.; L., 1955. 350 s.]

Свиньин П. Бакчисарайский дворец // Отч. зап. 1827. Ч. 29. С. 3–27. [Svin'in P. Bakchisarajskij dvorec // Otech. zap. 1827. Ch. 29. S. 3–27.]

Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. 389 с. [Segyur L.-F. Zapiski grafa Segyura o prebyvanii ego v Rossii v carstvovanie Ekateriny II (1785–1789). SPb., 1865. 389 s.]

Селиванова Л. Л. Боспорские амазонки: исторические и мифические // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 374–379. [Selivanova L. L. Bosporskie amazonki: istoricheskie i mificheskie // X Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya: Aktual'nye problemy. Kerch', 2009. S. 374–379.]

Стевен А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. 1891. № 13. С. 33–54. [Steven A. X. Dela arxiva Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, odnosyashhiesya do razyskaniya, opisaniya i soxraneniya pamyatnikov stariny v predelax Tavricheskoy gubernii // Izv. Tavricheskoy uchenoj arxivnoj komissii. 1891. № 13. S. 33–54.]

Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1. 230 с. [Sumarokov P. I. Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu. SPb., 1803. Ch. 1. 230 s.]

Тизенгаузен В. Г. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных // Зап. Одес. о-ва истории и древностей. 1872. Т. 8. С. 363–370. [Tizengauzen V. G. O soxranenii i vozobnovlenii v Krymu pamyatnikov drevnosti i ob izdanii opisaniya i risunkov onyx // Zap. Odes. o-va istorii i drevnostej. 1872. T. 8. S. 363–370.]

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с. [Tunkina I. V. Russkaya nauka o klassicheskix drevnostyax yuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.). SPb., 2002. 676 s.]

Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Востоchnого Крыма и начальный этап Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев, 2011. 240 с. [Tunkina I. V. Otkrytie Feodosii. Stranicy arheologicheskogo izucheniya Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nyj e'tap Feodosijskogo muzeya drevnostej. 1771–1871. Kiev, 2011. 240 s.]

Тур В. Г. Православные монастыри Крыма. Киев, 2006. 248 с. [Tur V. G. Pravoslavnye monastyri Kryma. Kiev, 2006. 248 s.]

Храповицкий А. В. Журнал высочайшего путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской в Полуденные страны России в 1787 г. М., 1787. 137 с. [Xrapovickij A. V. Zhurnal vysochajshego puteshestviya eya velichestva gosudaryni imperatricy Ekateriny II, samoderzhicy vsersijskoj v Poludennye strany Rossii v 1787 g. M., 1787. 137 s.]

Шаманаев А. В. Охрана памятников Феодосии в конце XVIII — начале XX в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. 4. С. 557–568. [Shamanaev A. V. Oхранa pamyatnikov Feodosii v konce XVIII — nachale XX v. // Sugdejskij sbornik. Kiev; Sudak, 2010. Vyp. 4. S. 557–568.]

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. 651 с. [Shil'der N. K. Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i carstvovanie. SPb., 1898. T. 4. 651 s.]

Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. 336 с. [Yuxt A. I. Russkie den'gi ot Petra Velikogo do Aleksandra I. M., 1994. 336 s.]

Chard Ch. Pleasure and guilt on the Grand Tour: travel writing and imaginative geography, 1600–1830. Manchester; New York, 1999. 256 p.

Статья поступила в редакцию 01.07.2014 г.

УДК 911.7(477.75):75.047 + 7.071.1(44) + 929 Демидов

Е. В. Борщ

КРЫМСКИЙ ВОЯЖ АНАТОЛИЯ ДЕМИДОВА 1837 Г.: ОТ ТЕКСТА К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Статья посвящена проблеме взаимодействия текста и изображения, которая рассматривается на примере книги А. Н. Демидова «Путешествие по Южной России и Крыму» (Париж, 1840). Автор изучает иконографию крымского путешествия по материалам иллюстраций, созданных французским художником О. Раффе. Сравняются французское и русское издания книги А. Демидова. Посредством сопоставления эпизодов текста с иллюстрациями устанавливается сходство и различие восприятия Крыма автором и иллюстратором. Проанализированы тематические и жанрово-стилевые особенности иллюстраций. Выявлены закономерности иконографии путешествия XIX в.

Ключевые слова: иконография путешествия; крымские путешествия; французская иллюстрация; текст и изображение; А. Н. Демидов.

В первой половине XIX в., когда крымские путешествия прочно вошли в моду в среде русского дворянства, состоялась одна из важных исследовательских экспедиций, организованных из-за границы. Речь идет о путешествии по Южной России и Крыму, осуществленном Анатолием Николаевичем Демидовым в 1837 г.

Об этом исследовательском и культурном проекте, получившем международный резонанс, напоминает книга из одного екатеринбургского собрания. В Свердловском областном краеведческом музее (СОКМ) хранится примечательный экспонат — первый том английского издания книги А. Н. Демидова «Путешествие по Южной России и Крыму» 1853 г. [Demidoff, 1853]. Любопытна его владельческая история: некогда книга находилась в составе коллекции В. В. Голубцова. Не вызывает сомнения уникальность данного экспоната, т. к. он имеет дарственную надпись самого автора — Анатолия Демидова, представителя династии уральских горнозаводчиков, знатока изящных искусств и коллекционера. Надпись по-французски, сделанная чернилами и датированная 24 августа / 8 сентября 1857 г., обращена к «мадам графине Марии Завадовской». Знакомство с книгой дает шанс обратиться к ее изучению, выбрав один из возможных аспектов.

Текст книги путешествий А. Н. Демидова безусловно является ценным источником, который прежде всего актуален для историков. Однако иллюстрированная и прекрасно оформленная книга А. Демидова представляет интерес и как артефакт, памятник изобразительного и декоративно-прикладного искусства первой половины XIX в. В частности, она дает повод обратиться к изучению иконографии путешествий XIX в. и проблеме взаимодействия «текста и образа».

Иллюстрированная книга, по словам французского исследователя А.-М. Басси, это вечная «квадратура круга» [Bassy, p. 140]. Она не является неизменным продуктом, в ее истории есть моменты равновесия и моменты кризиса — баланса и дисбаланса текста и изображения. Проблему визуального воплощения текста каждая эпоха решает по-своему, т. к. меняются статус и миссия художника,

меняется коммуникативная модель текста и изображения [Bassy, p. 161]. Иллюстрация занимает место на полпути между процессом создания и процессом присвоения произведения публикой. Иллюстрация книги есть искусство «согласия»: она способствует тому, чтобы заставлять публику воспринимать текст литературного или научного произведения [Ibid., p. 159].

Книга путешествия А. Демидова как памятник визуальной культуры интересна тем, что принадлежит западноевропейской изобразительной традиции. Выпущенная после путешествия 1837 г., она появилась в один из «часов славы» французской иллюстрированной книги, который пришелся на эпоху романтизма [Ibid., p. 140], в «великий период иллюстрации» между 1830 и 1875 гг. [Le Men, p. 1038]. В 1830-е гг. происходит «активнейшая визуализация книжного искусства, когда зримый образ становится неотъемлемым соучастником восприятия текста» [Герчук, с. 231]. Кроме того, в первой половине XIX в. впечатления путешественников, как и прежде, было принято публиковать в виде роскошных, предназначенных для коллекционеров увражей — альбомов с гравюрами [Гривнина, с. 44].

Заслуга рождения этого необычного памятника, относящегося к отечественной и европейской культурам, принадлежала Анатолию Николаевичу Демидову (1813–1870), сыну Николая Никитича Демидова и Елизаветы Строгановой. Получив образование в Париже, он состоял при русских посольствах в Европе, был женат на Матильде де Монфор, племяннице Наполеона Бонапарта и «проживал почти постоянно близ Флоренции, в роскошной своей вилле Сан-Донато» [Демидов Анатолий Николаевич, с. 211]. Коллекционер, покровитель изящных искусств и наук, А. Демидов тратил значительные средства на нужды благотворительности в России [см.: Черкасова, Мосин]. Известно, что он не владел русским языком [Пирогова, с. 125]. Последние годы его жизни прошли в разъездах между Флоренцией и Парижем.

Исследовательскую экспедицию с целью изучения Крыма и Донецкого бассейна в интересах развития горного дела А. Демидов снарядил в 1837 г. за свой счет, заблаговременно заручившись поддержкой Николая I [Там же, с. 127]. В тексте книги Демидов не сообщает о практической цели экспедиции. Он пишет следующее: «Какая-то неодолимая потребность влекла меня к изучению стран, столь долго невозделанных и варварских», которые «составляют Новороссийский край» [Демидов, с. 1]. Безусловно, его интересовали запасы каменного угля в Донецком бассейне, т. е. все то, что обеспечивало «блестящее будущее русской горнозаводской промышленности» [Демидов Анатолий Николаевич, с. 211]. Очевидно, он хотел «посвятить... всю свою волю, всю деятельность, все личное... влияние» [Демидов, с. 1] промышленному освоению Южной России.

Состав участников и маршрут экспедиции А. Демидов утвердил лично. В Россию из Парижа отправились 22 человека — французские топографы, штейгеры, химики, палеонтологи, медики. Как писал автор, «22 человека... рассеяны теперь по разным местам Европы, все воодушевлены одною мыслию и с жаром стремятся к одной и той же цели» [Там же, с. 5]. Первый отряд двигался в устье Дона из Петербурга, второй — через Германию, третий во главе с А. Демидовым — через Вену и Бухарест [Прохорова, с. 94].

В экспедицию отправился также Дени-Огюст-Мари Раффе (1804–1860), французский рисовальщик, литограф и живописец, которому предстояло запечатлеть увиденное. Выпускник Королевского училища изящных искусств, О. Раффе был признанным баталистом. Кроме того, он рисовал иллюстрации. Не исключено, что А. Демидов пригласил Раффе, т. к. планировал свое присутствие на военном смотре с участием императора Николая I. Вряд ли Раффе пригодилось в русском путешествии еще одно дарование: он был карикатуристом. Вместе с коллегами О. Домье и Ж. Гранвилем он работал для журналов «Силуэт», «Карикатур», «Шаривари» [Европейское искусство XIX в., с. 46].

Оценивая художника, А. Демидов писал: «Раффе деятелен и умеет воспользоваться малейшими случаями в дороге: рука его всегда готова, карандаш всегда очинен; нужен только предлог и он набросает на бумагу все встречаемое на пути» [Демидов, с. 19]. В ходе путешествия в Крым О. Раффе выполнил не менее 100 рисунков, включая жанровые, портретные и пейзажные, которые позже были исполнены в техниках литографии и ксилографии [Giacomelli, p. 201–239], получивших распространение в период романтизма, особенно в 1830-е гг., когда литография в книге была вытеснена ксилографией, позволявшей добиться «более органической связи иллюстраций и текста» [Книговедение, с. 572].

По итогам экспедиции А. Демидов выпустил за свой счет ряд изданий, в подготовке и распространении которых принимал личное участие [Пирогова, с. 127]. Публикации результатов путешествия А. Демидов посвятил российскому императору Николаю I. Материалы экспедиции были опубликованы в Париже в виде четырехтомника «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию, Молдавию, совершенное в 1837 г. под руководством Анатолия Демидова» [Voyage dans la Russie, 1840–1842]. Это издание обошлось Демидову в 500 тыс. франков [Пирогова, с. 127].

Беллетризованную версию отчета об экспедиции А. Демидов издал в удобном для чтения формате в восьмую долю листа. Она состояла из двенадцати глав, где рассказывалось о путешествии из Парижа в Южную Россию и Крым с возвращением обратно через Турцию и Марсель. Впервые книга увидела свет на французском языке в Париже в издательстве Э. Бурдена [Demidoff, 1840]. Широкий международный резонанс обеспечили А. Демидову переводы этой книги на европейские языки: итальянский (Турин, 1841), польский (Варшава, 1845), английский (Лондон, 1853), немецкий (Бреслау, 1854) и испанский.

В России результаты исследований были опубликованы через 16 лет после завершения экспедиции, в 1853 г. в Москве в типографии А. Семена. В предисловии был указан источник перевода — французское издание 1840 г. Издатель пояснял необходимость перевода четвертого тома, посвященного геологическим изысканиям в «землях войска Донского»: «эта часть неизмеримой России в настоящее время получила значение и важность необыкновенные, вследствие открытия в них каменноугольных копей» [Демидов, предисловие].

Сопоставим оригинальный вариант издания книги А. Демидова с переводными. Судя по трем разным изданиям книги, с которыми нам удалось ознакомиться, — французскому, английскому и русскому, — все они получили одинаковый

набор иллюстраций. Книгу путешествий А. Демидова дополняли фронтиспис, 23 иллюстрации на отдельных листах и 64 виньетки, исполненные по рисункам О. Раффе в технике ксилографии. Однако структура и оформление имели некоторые отличия. При сравнении парижского издания 1840 г. и московского издания 1853 г. оказывается, что они отличаются по оформлению и составу заглавных иллюстраций.

Текст парижского издания имеет более разнообразное и выразительное оформление «входной группы» — гравированный титульный лист и декор предисловия. Гравированный титульный лист украшен росчерками, заголовками из декоративных шрифтов и дополнен иллюстрацией-виньеткой. Титульная виньетка представляет собой жанровую сцену этнографического характера: изображение крымско-татарской семьи в интерьере традиционного жилища. Заставка и буква на первой странице имеют ренессансное орнаментальное наполнение в виде гротесков и маскаронов. Композиция заставки также включает российскую государственную символику — двуглавого орла. Художественное решение начальных страниц парижского издания, следовательно, эклектично, что было характерно для той эпохи [Le Men, p. 1040].

Отличаются французское и русское издания по вступительным иллюстрациям — фронтисписам. Парижское издание открывает фронтиспис с изображением Николая I, исполненный по рисунку О. Раффе. Несмотря на посвящение императору, фронтиспис не портретный, а сюжетный. Он решен в виде батального эпизода — изображения императора Николая I, гарцующего на лошади в окружении военной свиты. Батальная сцена в роли фронтисписа кажется уместной, принимая во внимание то, что в тексте книги есть описание военного смотра с участием императора. Художественная концепция фронтисписа, по-видимому, была утверждена заказчиком, который принимал во внимание специализацию О. Раффе. Выбор батального жанра фронтисписа в ущерб точному портретному изображению императора свидетельствует о том, что парижское издание предназначалось, прежде всего, для французского читателя.

В московском издании помещен иной, ориентированный на российские реалии официальный фронтиспис. В предисловии издатель критикует французский портрет императора как «слабо напоминавший черты Августейшего лица». Указывая на этот «важный недостаток», он мотивирует замену французского фронтисписа на репрезентативный портрет императора, исполненный по рисунку немецкого художника Ф. Крюгера. Тот же фронтиспис сопровождает английское издание книги [Demidoff, 1853]. Известно, что Франц Крюгер (1797–1857), придворный художник прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, специализировался на портретировании высокопоставленных особ и изображении лошадей. Он неоднократно исполнял заказы Николая I, пользуясь репутацией его любимого портретиста [Власов, т. 2, с. 457].

Сравнивая французское и русское издания книги, можно заметить, что фронтиспис О. Раффе ориентирует читателя на восприятие текста в образной форме, тогда как фронтиспис Ф. Крюгера пропускает его через рамки официальности. Акцентирование темы власти во фронтисписе русского издания не предполагает раскрытия содержания книги путешествий, а натуралистический характер

портрета противоречит жанрово-стилистическим особенностям текстовых иллюстраций О. Раффе.

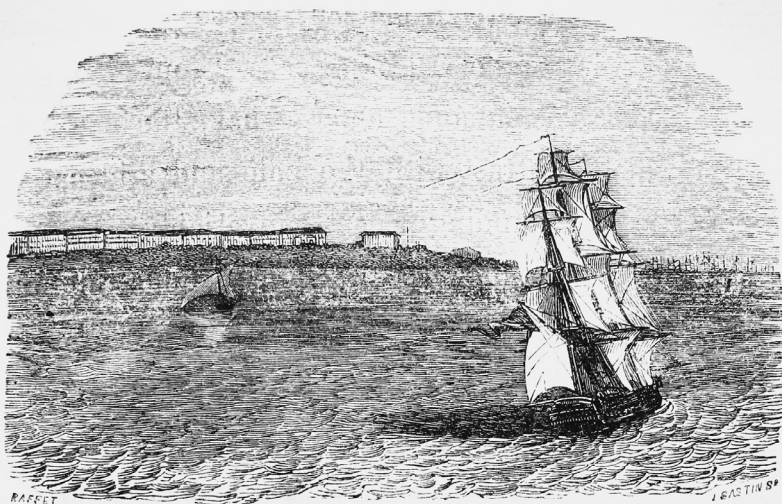
Остановимся на описании и анализе иллюстраций к крымскому путешествию на примере русского издания 1853 г. Текст путешествия в Крым занимает вторую половину книги [Демидов, с. 252–543], восемь глав из двенадцати (главы V–XII). При знакомстве с иллюстрациями крымской части заметен четкий порядок расположения гравюр и их «свободные» формы. Роль малых иллюстраций играют здесь виньетки, а именно заставки, буквицы, концовки.

С точки зрения видов изображений и способов их расположения, книга А. Демидова была иллюстрирована согласно общепринятым нормам. Начальную страницу каждой главы книги иллюстрируют заставка и буквица, заключительную страницу каждой — концовка. Иллюстрации имеют неправильные формы, близкие к овалу, кругу или арке. Все они лишены четкой рамки, т. е. относятся к числу «открытых» изображений, более тесно связанных с текстом. Иллюстрации на отдельных страницах по форме также близки к виньеткам, но развернуты по горизонтали и обращены к внешнему полю страницы, что отвлекает от текста и затрудняет его беглое восприятие. Аморфный облик иллюстраций был типичен для изданий того времени: как известно, «виньеточная» форма иллюстраций вошла в моду во Франции в конце 1820-х гг. [Le Men, p. 1039].

Обратимся далее к сопоставлению текста крымского вояжа А. Демидова и иллюстраций О. Раффе, проанализируем их жанрово-тематические и стилевые особенности на фоне реалий европейского изобразительного искусства первой половины XIX в. Примем во внимание то, что во французской иллюстрированной книге 1830–1840-х гг. существовали правила расположения изображений. По жанру изображения отдельные иллюстрации обычно представляли либо «типаж» — портрет героя в полный рост в региональном, национальном, историческом костюме; либо «место» — изображение пейзажа, монумента, вида города. Заставка была исторической или жанровой «сценой» в виде группы персонажей, объединенных действием; буквица — изображением в жанре натюрморта [Le Men, p. 1040].

Описание крымского вояжа Демидова начинается с главы V «Одесса. — Южный берег Крыма». Заставка представляет судно с мачтами, направляющееся к высокому, но плоскому берегу с шеренгой строений. В тексте описаны «неизмеримые степи» Одессы, которая названа «оазисом», вызывающим «радостное чувство» [Демидов, с. 252]. Заставка точно передает особенности ландшафта: «плоская возвышенность»; «обширная и прекрасная терраса, господствующая над бухтой»; «лучшие дома... прилегают к морю» [Там же, с. 253]. Несмотря на то, что автор упоминает о таких достопримечательностях Одессы, как памятник Ришелье и лестница, иллюстратор не акцентирует на них внимание (ил. 1).

В главе V рассказывается о вечернем времяпровождении одесситов, которые «имеют свое особое место сходбища». «В одном месте собираются дворяне, в другом купцы, турки, армяне...» [Там же, с. 255]. Жанровая буквица, которая изображает беседующих между собой людей в характерных одеждах, стоящих у распряженной повозки, по-видимому, откликается именно на это наблюдение автора. Появление этого изображения на заглавной странице скорее определено

CHAPTER V.

ODESSA.—THE SOUTHERN COAST OF THE CRIMEA.

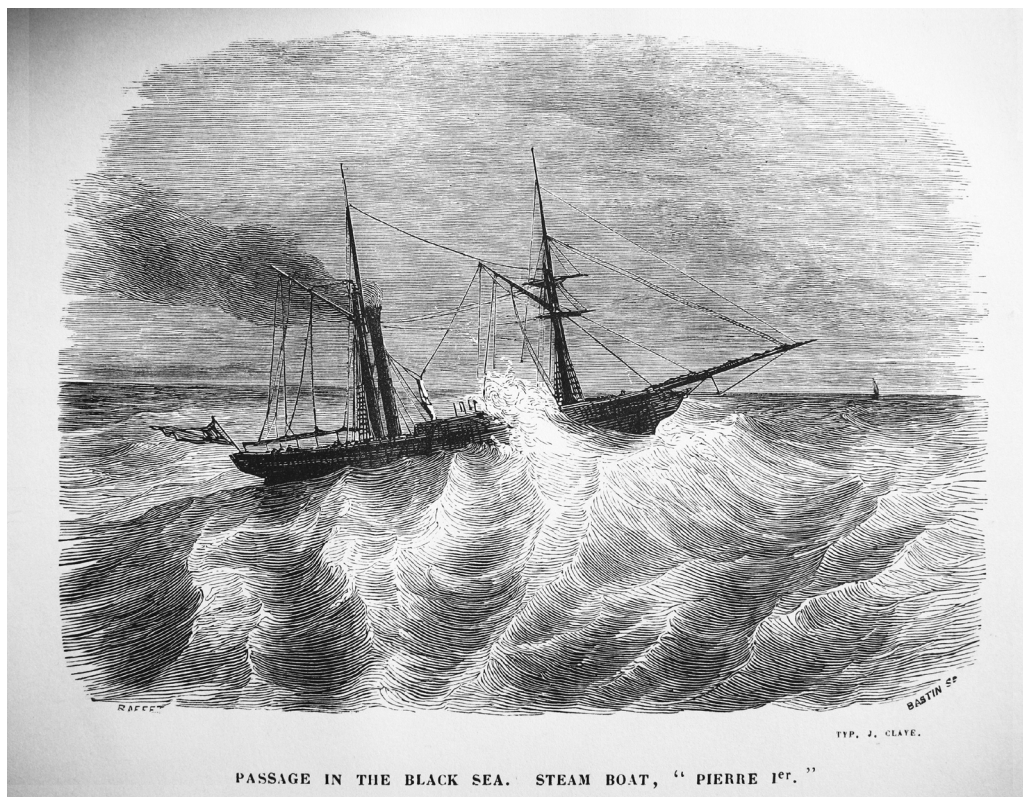

THE first aspect of Odessa is worthy the reputation of this great city; the young and flourishing capital of New Russia could not be more fitly heralded. Surrounded to a remote distance by immense steppes and endless deserts, Odessa appears before one like a land of promise, a long-desired oasis; and its walls are entered with the same feelings of joy as are experienced on reaching port at the end of a long sea voyage.

нормами иллюстрирования, чем текстом, который не нуждается в визуальном пояснении (ил. 1).

Полностраничная иллюстрация главы V, озаглавленная «Одесские дрожки» сухо передает облик этого вида транспорта и, кроме того, вновь фиксирует узнаваемые детали ландшафта — крутой берег моря и однообразные, казарменного типа здания. Действительно, в тексте упоминается, что в городе «беспрерывно разъезжают дрожки» [Демидов, с. 255]. Следует отметить, что в данной композиции чувствуются отголоски романтической традиции: заметна попытка передать состояние стихии — бег лошадей и движение облаков, но статичность и документальность деталей противоречат изобразительным традициям романтизма.

Полностраничная иллюстрация «Пароход Петр I на Черном море» представляет более выразительную пейзажную зарисовку в духе романтизма: судно буквально захлестывают волны бурного моря (ил. 2). Книга рассказывает об этом транспортном средстве, без которого путешествие экспедиции в Крым из Одессы и обратно не состоялось бы. Автор сообщает, что этот «красивый пароход» неожиданно попал в шторм: «подул сильный ветер, волны расходились и стали заливать палубу» [Там же, с. 281].

Ил. 2

Наконец, в главе V появляются первые впечатления от встречи с Крымом: «вскоре очарованным взорам нашим представились высокие красивые горы» [Демидов, с. 282]. Несмотря на красочные описания Крымских берегов и их достопримечательностей — монастыря Святого Георгия, Балаклавы, мыса Аю-Даг, Алупки — книгу не украшают живописные виды. Завершением главы неожиданно становится «сухопутная» концовка с изображением всадника в восточной одежде, сидящего на низкорослой лошадке. Скорее всего, это один из тех «типажей», которые иллюстратор рисовал с натуры в Одессе. Художник не передает заключительный эпизод — приветствие князя М. С. Воронцова, который поспешил навстречу гостям в ялтинской бухте.

Иллюстрации главы V с точки зрения жанровой специфики трудно назвать повествовательными, т. к. они не передают развитие действия. Напротив, они фиксируют наблюдения в виде статичных документальных зарисовок бытового, этнографического и пейзажного характера.

Глава VI, именуемая «Крым. — Таганрог. — Новочеркасск», содержит впечатления автора о его поездке из Крыма на Дон с последующим возвращением в Одессу. Повествование начинается с описания Ялты, ее гавани и городского ландшафта — по аналогии с описанием Одессы. Так, рассказывая о Ялте, автор пишет, что «самая гавань ее может скорее называться украшением, нежели гаванью» [Там же, с. 285]. Текст предлагает художнику пейзажное вступление — повод для романтических изображений ландшафта. Однако заставка дает жанровую сцену: крымско-татарское семейство — мужчины, женщины, дети — передвигаются верхом на лошадях (ил. 3). Тема конного путешествия может показаться уместной, если учесть, что А. Демидов со спутниками продолжает путешествие. Но вот противоречие: не верхом, а в экипажах.

То и дело в тексте главы VI проскальзывают яркие пейзажные зарисовки, как бы подготовленные для иллюстратора: «Попеременно вы видите то небольшой дворец в Азиатском вкусе... то красивый готический замок, то уютенькую дачку вроде английских коттеджей, то легкое деревянное здание с обширными галереями» [Там же, с. 287]. Романтическое восприятие Крыма, предложенное читателю, не поддерживается иллюстратором, который не использует ни один из пейзажных мотивов — ни природный, ни архитектурный.

По такой же схеме строятся отношения текста и изображений далее. Читатель узнает, что из Ялты А. Демидов направляется «почтовой телегой» до Симферополя мимо Массандры, Аю-Дага, Алушты. Тем не менее, его восхищение живописными пейзажами не интересуют художника. В частности, не находят визуальной поддержки подробные описания Симферополя и восторги по поводу Феодосии — города «совершенно итальянской наружности» [Там же, с. 294].

Возможно, буквица на первой странице главы VI, изображающая группу восточных женщин с детьми, стоящих вокруг и беседующих между собой, иллюстрирует симферопольские впечатления автора о восточном базаре «...рынок... замечателен по шумному скопищу покупателей и продавцов», «смеси людей всех наций» [Там же, с. 292]. Эта жанрово-этнографическая зарисовка точно характеризует среду, в которой оказались путешественники (ил. 3).

CHAPTER VI.

CRIMEA.—TAGANROG.—NOVO-TCHERKASK.

Few situations are so picturesque as that of the burgh of Yalta. Its port is more an ornament than a port. The new houses of this burgh are sheltered by the high mountains of the chain of Yaïla. Recently built on the very site of an ancient Greek town of some consequence, Yalta occupies the whole of the northern part of a very spacious bay, between cape Nikita on the north, and cape Ai-Todor

В главе VI автор описывает запомнившиеся эпизоды (спасение жены стационного зрителя) и делится яркими впечатлениями (саранча, немецкие колонисты, курганы), которые не поддержаны визуально. Его путь лежит через Таганрог в «земли Донских казаков», где его встречает «депутация из четырех армян», которые были «верхом, на весьма хороших лошадях» [Демидов, с. 309]. Полностраничная иллюстрация «Встреча армян (в Ростове)» документально, без эмоций представляет это официальное событие. Здесь изображен сам Демидов с тростью в руке. Многофигурная жанровая сцена лишена портретных характеристик. Иллюстратор украшает деталями лаконичное описание текста: Демидов стоит рядом со своим элегантным дорожным экипажем, путешествующим из Парижа вместе с ним. Поодаль, сняв шапки, за встречей наблюдают крестьяне. Несмотря на документальность, здесь нет детализации места действия. Иллюстрация в целом имеет репрезентативный характер.

Описывая визит в Нахичевань, автор упоминает «огромные косы здешних красавиц, расположенные на голове венцом, и их шелковые платья» [Там же, с. 310]. Косвенным образом этот пассаж соотносится с буквицей, изображающей восточных, впрочем, мусульманских женщин.

Событийный ряд, оживляющий путешествие, не поддерживается иллюстрациями и далее. Художник оставляет без внимания один запоминающийся дорожный эпизод. По дороге из Новочеркасска произошла неприятность: карета Демидова «опрокинулась и вместе с лошадьми упала на берег Донца, где увязла в топкой тине» [Там же, с. 312]. Тема возвращения путешественника в Одессу не получает визуального развития, т. к. концовка не имеет прямого отношения к тексту повествования. Здесь фрагментарно изображены местные «типажи» — трое бородатых мужчин в восточных халатах с кушаками, беседующие между собой. Концовка имеет, таким образом, жанрово-этнографический оттенок и напоминает групповой портрет (ил. 4).

Иллюстрации к главе VI, следовательно, не передают стремительного перемещения героев в пространстве, не фиксируют очередные пункты их маршрута, но погружают в социальную и этническую среду. Иллюстративное сопровождение получает формальное решение, т. к. смещает акцент на жанровые сцены с восточной экзотикой. Иллюстрации, кроме того, не передают трудности путешествий, связанные с плохим состоянием дорог. Неточность иллюстраций к главе VI можно объяснить отчасти тем, что художник не был с А. Демидовым на Дону.

В главе VII «Ялта. — Бахчисарай» автор возвращается к крымским впечатлениям, которые передает со слов своих спутников, оставшихся в Ялте. Пейзажная заставка к главе трактуется в духе романтизма: это живописный вид на город со стороны бухты — знакомый пароход направляется к берегу по беспокойному морю. Ландшафт передается точно, а композиционное решение иллюстрации предопределено романтическим каноном изображения. В тексте нет упоминания о прибытии парохода, напротив, сообщается, что «пароход выходил из бухты» [Там же, с. 317].

Буквица включает изображение двух всадников, всадницы и навьюченной лошади. Реально тема конного путешествия появляется в тексте, когда автор рассказывает о переходе в Бахчисарай «каравана из четырнадцати человек».

Ил. 4

Также он сообщает, что «вьючные лошади тащили съестные припасы... и легкие чемоданы с нашим городским платьем» [Демидов, с. 323]. Сомнение вызывает лишь фигура женщины. Впрочем, описывая конную экскурсию в Чуфут-Кале, автор упоминает некую даму, которая присоединилась к экскурсантам: «для дамы, приехавшей накануне, привели красивую лошадку с изящной сбруей и богатым красным седлом» [Там же, с. 337]. Художник, таким образом, удачно создал обобщенный образ горного путешествия, отразив два разных эпизода.

Текст главы VII имеет две иллюстрации, не связанные с текстом напрямую. Это документальные этнографические зарисовки «Татарские ямщики (в Крыму)» и «Татарский хлебник в Бахчисарае». Пейзажист проиллюстрировал бы эту главу видами гор, описания которых то и дело встречаются. Например, автор обращает внимание на «утесы, похожие на городскую ограду и придающие горам вид крепости» [Там же, с. 325]. Поводы для пейзажных иллюстраций дают и описания Бахчисарая, и рассказ о дворце, и восторги путешественников, которые «находились в настоящем восточном городе» [Там же, с. 328].

Романтическая по содержанию и трактовке пейзажная иллюстрация появляется в главе VII лишь однажды. Незабываемая поездка в Чуфут-Кале, вызвавшая контрастные чувства у спутников Демидова, была запечатлена видом караимского кладбища («Иосафатова долина в Крыму»). Здесь есть взволнованная

природа, надгробия и путники, держащие лошадей под уздцы, а также художник, рисующий с натуры. Действительно, в тексте упоминаются «многочисленные прекрасные дубы» и то, что «Раффе срисовывал в свой альбом» старика-резчика [Демидов, с. 342–344].

Концовка главы VII вопреки повествованию о приезде в Севастополь изображает «типажи» — группу мусульманских женщин, закутанных в покрывала. Их лица закрыты так, что остается лишь узкая прорезь для глаз. Художник возвращается к более раннему эпизоду — посещению крымско-татарской деревни, где всех поразили женщины, которые были «закутаны в широкие белые покрывала», и еще больше то, что, завидев чужаков, те «бросились врознь» [Там же, с. 319]. Текст главы VII завершается более динамично: в Севастополь путники «скакали во весь опор» так, что потеряв на ходу колесо, «едва могли остановить лошадей» [Там же, с. 347].

Как можно заметить, этнографические иллюстрации главы VII не поддержаны описаниями. Они лишены духа романтизма, т. к. не передают стремительного перемещения путешественников, не фиксируют очередные пункты крымского маршрута. Лишь в редких случаях они передают живописный ландшафт. Точно по тексту отражаются мотивы путешествия верхом и преодоления препятствий. Акцент по-прежнему перенесен на жанровые сцены с восточной экзотикой, которые фиксируют впечатления от среды. Иллюстратор произвольно передает направления движения и состав путешественников.

Пейзажные и жанровые описания главы VIII «Севастополь. — Одесса. — Вознесенск» идут рука об руку с иллюстрациями. Глава начинается с рассказа о Севастополе — его холмах, корабельных доках, белой пыли. Далее автор упоминает о событии — прибытии в гавань «казенного парохода “Громоносец”» [Там же, с. 349–352]. Заставка создает собирательный образ горного перехода: кавалькада путников и навьюченная грузом лошадь поднимаются по каменистому склону.

Буквица главы VIII ближе к тексту: два солдата-пехотинца при полной выкладке изображены на фоне морского порта с силуэтом корабля. В тексте автор рассказывает о солдатах, «употреблявшихся тогда на разные казенные работы», удивляясь тому, что они «способны ко всем возможным ремеслам» [Там же, с. 353].

Две полностраничные иллюстрации главы VIII не имеют прямого отношения к описаниям текста. Так, в главе рассказывается о посещении Инкермана, но не упоминаются разработки, изображенные на пейзажной иллюстрации «Инкерманские копи в Крыму» [Там же, с. 357]. То же верно в отношении этнографической сцены «Татарская кофейня в Байдарах». Несмотря на то, что эпизодом повествования является описание руин Херсонеса, иллюстратор не прибегает к изображению древностей. Включение в иллюстрацию античных мотивов было бы неуместно, учитывая неактуальность на тот момент классицизма. Оформление концовки отвечает ее содержанию: текст завершается перечислением родов и частей войск, «собранных в Вознесенске для смотра», а батальная концовка представляет строй солдат-пехотинцев.

Военную тему продолжают иллюстрации главы IX «Вознесенск. — Возвращение в Крым. — Евпатория». Заставка представляет батальную сцену с участием

кавалерии, а букваца — строй военных барабанщиков. «Великое военное зрелище, происходившее в Вознесенске» иллюстрировано отдельным листом: «Русская артиллерия (в Вознесенске)». Следует обратить внимание на то, что изображения четко характеризуют военный костюм и оружие, но не дают детализации пейзажа.

Яркие впечатления о Симферополе и Евпатории иллюстратор не использует для пейзажных изображений, так же, как и комичное описание трактира «Евпатория», который «превратился решительно в лабораторию, в которой птицы, рыбы, растения и минералы были подвергнуты разным операциям» — для жанровых [Демидов, с. 423]. Концовка развивает тему крымского путешествия в экзотическом ключе, представляя повозку, запряженную парой верблюдов.

Преимущественно этнографическую трактовку имеют иллюстрации глав X–XII. В главе X «Козлов. — Симферополь. — Кара-су-Базар. — Феодосия» малые иллюстрации фиксируют облик запоминающихся объектов местного ландшафта: заставка — каменоломни, а букваца — маяка. В тексте приводится описание Евпатории, Симферополя и путешествие в горы. Концовка развивает восточную тему и имеет жанрово-этнографический характер: она представляет группу мужчин в восточных одеждах. Иллюстрации заключительных глав книги демонстрируют искусство Раффе-баталиста.

Главу XI «Феодосия. — Каффа. — Керчь. — Тамань. — Алушта. — Ялта. — Алушка» открывает заставка батально-этнографического плана, представляющая вооруженных пиками и саблями всадников. Буквица изображает пехотинца с винтовкой наперевес. Вопреки этим вступительным изображениям, глава начинается с описания Феодосийского музея и его артефактов. Художник, однако, не делает попытки ввести мотивы античности, т. к. это противоречило бы общему стиливому решению иллюстративного сопровождения. Вместе с тем, в главе XI впервые появляются изображения архитектурных достопримечательностей — «Древняя мечеть, превращенная в православную церковь в Феодосии», «Древняя Арабатская крепость». Они живописны и выполнены в соответствии с канонами романтизма: эмоционально передают переменчивое состояние природы, уединенность и заброшенность древнего строения.

В той же главе XI помещена жанровая иллюстрация «Избиватели собак в Керчи», дословно передающая текст, где подробно описан изощренный способ уничтожения бездомных собак цыганами с целью заработка [Там же, с. 473]. Данную иллюстрацию можно интерпретировать как романтическую, ведь безобразное было «предметом эстетического внимания романтиков» [Европейское искусство XIX в., с. 37].

Военную тему затрагивает иллюстрация главы XI, документально изображающая местные военные «типажи» в виде живописной группы «Казачи Кубанской линии». Присутствие иллюстрации вдвойне уместно: описание образа жизни и обязанностей казаков приводится в тексте [Там же, с. 483] и, кроме того, иллюстратор-баталист мастерски справляется с жанровым материалом. Образным завершением главы служит романтическая по настроению пейзажная концовка с видом старого города, тогда как в тексте речь идет о возвращении в Одессу.

Итоговая глава XII «Исторические сведения о Крыме. — Одесса. — Возвращение» является финальным аккордом крымского вояжа. Все здесь подчинено

восточной, экзотической теме: заставка, где изображены курильщики кальяна; буква, изображающая надгробия мусульманского кладбища. Восточная тема нарастает по мере движения — переезда путешественников в Турцию. Эта часть главы, не имеющая прямого отношения к Крыму, проиллюстрирована сценами «Турецкая пехота (в Константинополе)» и «Невольничий рынок (в Смирне)». Тему благополучного возвращения экспедиции из крымского вояжа удачно раскрывает концовка: французские моряки разгружают в порту багаж, привезенный с Востока.

Подводя итог, подчеркнем, что сопоставление оригинального варианта издания книги А. Демидова с переводными указывает на отличие концепции оформления начальных страниц. Парижское издание 1840 г. более органично нацелено на восприятие в отличие от русского издания 1853 г., в котором иллюстративный ряд изменен путем включения репрезентативного портрета императора.

Сравнение текста и иллюстраций к крымской части книги А. Демидова позволяет заметить, что авторский текст эклектичен, неоднороден по структуре и по жанру повествования. В нем, как в путеводителе, наряду с живописными пассажирами, встречаются цифры и таблицы. Впечатления самого А. Демидова переплетаются с впечатлениями его спутников. В целом, текст изобилует описаниями ландшафта, достопримечательностей и дорожных происшествий. Иллюстрации же следуют собственной логике: за редким исключением они не связаны с текстом буквально, если не считать их пластичной и открытой формы.

Актуальная тема иллюстраций О. Раффе, тема путешествия, раскрывается через изображение транспорта и путников. Повозки, кареты и корабли чаще всего изображены в состоянии движения, редко — в состоянии покоя. Второй тематический источник иллюстраций — это война, которая раскрывается через костюмные «типажи» и батальные сцены. Восток — третий тематический ресурс изображений. Жанровые зарисовки позволяют составить представление о быте, занятиях и досуге местного населения. Природа и история как темы имеют гораздо меньшее значение, в том числе виды природы и сооружений. Путешествие, война и ориенталистика, таким образом, оказываются повторяющимися темами иллюстраций.

Французский иллюстратор книги А. Демидова, таким образом, придерживается актуальных на тот момент тематических и жанровых установок. Его специализация в области батальстики во многом определила художественное решение иллюстративного сопровождения книги и, скорее всего, выбор заказчика.

Анализируя стилевые особенности серии рисунков О. Раффе для книги А. Демидова, нужно иметь в виду, что французские иллюстрации конца 1820-х — начала 1830-х гг. были романтические, в то время как в конце 1830-х — 1840-е гг. состоялся «расцвет реализма, единение писателей и иллюстраторов» [Гривнина, с. 44]. Характерной приметой романтической живописи было обращение к теме Востока, кроме того, в отличие от классицистов, романтики воспринимали окружающий мир в движении [Европейское искусство XIX в., с. 39–40]. Лишенная рамки, романтическая иллюстрация гораздо теснее взаимодействовала с текстом, выхватывая из него драматический эпизод или характерное лицо, и тяготела к подробному изобразительному рассказу [Герчук, с. 228]. Следовательно, серия

иллюстраций О. Раффе для книги путешествий А. Демидова имеет все же эклектический характер, т. к. обе тенденции — романтическая и натуралистическая — в ней присутствуют.

Определенный дисбаланс текста А. Демидова и изображений О. Раффе можно объяснить избранным направлением иллюстрирования и, кроме того, общепринятыми на тот момент правилами отбора и организации визуального материала. Не все иллюстрации художника можно назвать «дословными», т. к. они не всегда следуют за текстом буквально. Кроме того, иллюстратор не принимает во внимание акценты текста. Концепция крымских иллюстраций О. Раффе — это экзотическое путешествие в зону защищенного войсками приграничья, погружение в иную этническую и социальную среду, исключаящее культ природы, артефактов и авантюры. Подобный подход не позволяет увидеть нечто особенное в крымских материалах, но подчеркивает типичное. Несогласованность текста и иллюстраций отчасти можно объяснить тем, что текст создавался после завершения экспедиции и опирался на романтические литературные традиции, в то время как иллюстратор (рисовальщик) не был участником всех событий, описанных автором и, кроме того, придерживался модных «жанровых» тенденций иллюстрирования.

Иконография путешествия первой половины XIX в. имеет закономерности, которые заключаются в эксплуатации определенного набора тем и жанров изображений. Иконография крымского путешествия аналогична иконографии путешествия восточного. В ней акцентированы вояжерский, военный, экзотический компоненты, но сведены к минимуму природно-стихийный и историко-культурный. Иконография восточного путешествия обладает рядом устойчивых жанровых и тематических схем: это виды средств передвижения, коллекция этнографических и военных типажей, набор жанровых, этнографических и военных сцен, варианты пейзажных и интерьерных мест действия. Особенности иконографии крымского путешествия в данном случае трудно выявить, т. к. «вояжерские» иллюстрации книги А. Демидова подчиняются общим иконографическим схемам французского изобразительного искусства первой половины XIX в.

Власов В. Г. Стили в искусстве : словарь имен. Т. 2. А–Л : Архитектура, графика, декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура. СПб., 1996. 543 с. [Vlasov V. G. Stili v iskusstve : slovar' imen. T. 2. A–L : Arhitektura, grafika, dekorativno-prikladnoe iskusstvo, zhivopis', skul'ptura. SPb., 1996. 543 s.]

Герчук Ю. Я. История графики и искусства книги. М., 2000. 320 с. [Gerchuk Yu. Ya. Istoriya grafiki i iskusstva knigi. M., 2000. 320 s.]

Гривнина А. С. Книжная иллюстрация и основные типы иллюстрированных изданий во Франции первой половины XIX в. // Тр. Ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Сер. «Искусствоведение». Л., 1970. Вып. 3. С. 44–60. [Grivnina A. S. Knizhnaya illyustraciya i osnovnye tipy illyustrirovannykh izdaniy vo Francii pervoj poloviny XIX v. // Tr. In-ta zhivopisi, skul'ptury i arhitektury im. I. E. Repina. Ser. «Iskusstvovedenie». L., 1970. Vyp. 3. S. 44–60.]

Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное под руководством г-на Анатоля Демидова гг. Сансоном, Гюйо, Левелье, Раффе, Руссо, Нордманом и Дю Понсо. Изд., украшенное рисунками Раффе. М., 1853. 543 с. [Demidov A. N. Puteshestvie v Yuzhnyuyu Rossiyu i Krym cherez Vengriyu, Valaxiyu i Moldaviyu,

sovershennoe pod rukovodstvom g-na Anatolya Demidova gg. Sansonom, Gyujo, Level'e, Raffe, Russo, Nordmanom i Dyu Ponso. Izd., ukrashennoe risunkami Raffe. M., 1853. 543 s.]

Демидов Анатолий Николаевич // Русский биографический словарь: Дабелов — Дядьковский / изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1905 [2]. Т. 6. С. 211–213. [Demidov Anatolij Nikolaevich // Russkij biograficheskij slovar': Dabelov — Dyad'kovskij / izd. pod nablyudeniem A. A. Polovcova. SPb., 1905 [2]. Т. 6. С. 211–213.]

Европейское искусство XIX в. 1789–1871 / авт. текста Л. С. Алешина, Ю. Д. Колпинский, Е. И. Марченко, В. В. Стародубова // Памятники мирового искусства. Вып. VI. М., 1975. 128 с. [Evropejskoe iskusstvo XIX v. 1789–1871 / avt. teksta L. S. Aleshina, Yu. D. Kolpinskij, E. I. Marchenko, V. V. Starodubova // Pamyatniki mirovogo iskusstva. Вып. VI. М., 1975. 128 с.]

Книговедение : энциклопедический словарь / ред. коллегия: Н. М. Сикорский и др. М., 1982. 664 с. [Knigovedenie : e'nciklopedicheskij slovar' / red. kollegiya: N. M. Sikorskiy i dr. М., 1982. 664 с.]

Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: Книги и судьбы. Екатеринбург, 2000. 208 с. [Pirogova E. P. Biblioteki Demidovux: Knigi i sud'by. Ekaterinburg, 2000. 208 с.]

Прохорова Т. А. Анатолий Николаевич Демидов и его «Путешествие в Южную Россию и Крым» // Культура народов Причерноморья. 2009. № 152. С. 92–97. [Prochorova T. A. Anatolij Nikolaevich Demidov i ego «Puteshestvie v Yuzhnyu Rossiyu i Krym» // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2009. № 152. S. 92–97.]

Черкасова А. С., Мосин А. Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник : исторический альманах. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. С. 246–275. [Cherkasova A. S., Mosin A. G. «Na blago lyubeznogo Otechestva» // Demidovskij vremennik : istoricheskij al'manax. Ekaterinburg, 1994. Кн. 1. S. 246–275.]

Bassy A.-M. Le texte et L'image // Histoire de l'édition française. Paris, 1984. Т. 2. P. 140–171.

Demidoff, 1840 — Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, par Mr. Anatole de Demidoff. Edition illustree de soixante-quatre dessins par Raffet. Dedie a S. M. Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, 1840. [2], VII, 621, [3] p.

Demidoff, 1853 — Travels in southern Russia and the Crimea; through Hungary, Wallachia, & Moldavia, during the year 1837 / by M. Anatole de Demidoff. Illustrated by Raffet. London, 1853. 2 v.

Giacomelli — Raffet, son oeuvre lithographique et ses eaux-fortes : suivi de la bibliographie complète des ouvrages illustrés de vignettes d'après ses dessins / par H. Giacomelli... ; orné d'eaux-fortes inédites par Raffet, et de son portrait par J. Bracquemond. Paris, 1862. 1 vol. (XLIII-341 p.)

Le Men S. Illustration: histoire de l'art et histoire du livre // Encyclopaedia Universalis. Supplément 2. 1990. P. 1037–1045.

Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837, sous la direction de M. Anatol de Demidoff par M. M. de Sanson, Le-Play, Huot, Leveille, Raffet, Rousseau, de Nordmann et du Ponceau». Dedie a S. M. Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, 4 vol., 1840–1842.

Статья поступила в редакцию 01.07.2014 г.

УДК 94(470)“16/18”: 821.111 + 94(410)

О. Г. Сидорова

ИЗОБРАЖЕНИЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается образ Крымской войны 1853–1856 гг., сложившийся в английской литературе XIX–XX вв. Анализируются составляющие этого образа в разных литературных жанрах. Сравнимая изображение Крымской войны с изображением войны в Индии 1857–1859 гг., автор показывает, почему произведения о Крымской войне малочисленны, а заметный роман на эту тему появился лишь в 1998 г.

Ключевые слова: Крымская война; «война прессы»; баллады; атака легкой кавалерии; «Мастер Джорджи».

Военные кампании, которые Британия вела в 1850-е гг. (Крымская война 1853–1856 гг. и военные действия по подавлению Восстания в Индии, 1857–1859 гг.) положили конец сорокалетнему периоду мира, наступившему для англичан после наполеоновских войн. Как отмечает С. Марковиц, для Британии «много изменилось... после Ватерлоо: французы перестали быть врагами и стали новыми друзьями, возникли новые конфигурации союзов... а Россия стала новым врагом» [Markovits]. Именно этим фактом, среди других обстоятельств, объясняется особая роль этих военных кампаний для Британии. В истории страны сохранилась память об этих событиях, однако, несмотря на тот факт, что Британия стала победителем в обеих кампаниях, в сознание нации они вошли по-разному. С самого начала военных действий Крымская кампания вызывала разноречивые, в том числе весьма критические отклики британской публики, что и привело к падению кабинета премьер-министра Абердина в январе 1855 г. Напротив, Индийская кампания сохранилась в памяти британцев как славная, справедливая, победоносная война, хотя объективно именно события 1857–1859 гг. привели к значительным изменениям Британской колониальной системы.

Крымская война стала для Британии первой современной войной в том смысле, что впервые в истории военные события благодаря телеграфу стремительно — почти моментально — становились доступны широкой публике. По утверждению британского историка А. Ламберта, «это была первая медиавойна, олицетворением которой стал корреспондент “Таймс” Уильям Ховард Расселл. Его репортажи, часто преувеличенные или неполные, привлекали всеобщее внимание... Многие военные не одобряли присутствия репортеров... и пытались контролировать новости» [Lambert]. Кроме Рассела, хроникером Крымской войны стал и фотораф Роберт Фентон, направленный на Крымскую войну поклонником новейших технических достижений принцем-консортом Альбертом; его фотографии стали первыми в истории военными фоторепортажами с места событий. Для сравнения напомним, что в посвященном эпохе наполеоновских войн романе У. М. Теккерея «Ярмарка тщеславия», который печатался в Англии в 1847–1848 гг., один из центральных эпизодов посвящен длительному и драматическому ожиданию вестей после сражения при Ватерлоо, от исхода которого

зависят судьбы героев произведения. Крымские репортажи Расселла и Фентона позволили английским читателям не только следить почти в режиме реального времени за исходом боевых операций, но и вскрыли для широкой публики военный быт во всей его ужасающей наготе. Оказалось, что раненые в военных лазаретах находятся в страшных условиях, что чаще они погибают не от ран, но от эпидемий. Именно этот факт послужил причиной прибытия на войну Флоренс Найтингейл — здесь началась ее медицинская карьера и ее путь в историю.

Показательно, что в монографии С. Марковиц «Крымская война в Британском воображении» (Stefanie Markovits *The Crimean War in the British Imagination*) первая глава, озаглавленная «Захват прессы: журналистика и Крымская война» (“Rushing into Print: journalism and the Crimean War”), включает, в частности, следующие части: «Война “Таймс”» и «Война мистера Расселла» (“The Times war”, “Mr. Russell’s war”) [Markovits, 2009, p. vii].

Нашли ли события Крымской войны отражение в английской художественной литературе? Современный литературовед С. Кюрри утверждает, что этот исторический эпизод не нашел своего отражения в каком-либо заметном прозаическом произведении и напрямую увязывает такое положение вещей с усилившейся ролью прессы: «Эта война не стала “литературной” войной именно потому, что она была настолько сенсационной для журналистов. Не существует заметных художественных произведений о Крымской войне, какие позже будут написаны о Великой войне [как британцы обычно называют Первую мировую войну. — О. С.], несмотря на тот факт, что Крым стал первым опытом современной, механизированной окопной войны» [Currie].

С другой стороны, известно, что еще до окончания кампании в Крыму все печатные издания, получившие огромную популярность именно благодаря своей моментальной реакции на события, были также заполнены стихами на военную тему. Так, «в середине февраля 1855 года “Literary Gazette” писала: “Почти каждый поэт любого ранга внес вой поэтический вклад. Мы сомневаемся, что хотя бы одному из этих стихотворений будет предназначено судьбой занять постоянное место в классической английской поэзии”... Среди поэтов были как профессиональные литераторы, так и журналисты, философы, священники, военные, адвокаты, даже садовники» [Ищенко, с. 52]. По данным современного исследователя [Waddington], количество этих поэтических произведений составило 267. К этому числу примыкают 214 стихотворений, которые были напечатаны в журнале «Панч»; кроме того, было создано 57 анонимных уличных баллад «на злобу дня».

Согласимся с Н. А. Ищенко — качество абсолютного большинства этих произведений невысоко, они попадают, скорее, в разряд рифмованных откликов на сообщения прессы, в которых используются многие темы и мотивы из репортажей Расселла, Фентона и их коллег. Авторы анонимных уличных баллад, которые имели хождение в виде листовок (иногда иллюстрированных), используют популярные образы и стереотипы, постоянно играя на низких, ура-патриотических и шовинистических чувствах публики. Этим же объясняется широкое использование сниженной лексики, жаргона, разговорного синтаксиса. Так, в балладе «Разговор между Джоном Буллем и Царем», появляются следующие строки:

Says John Bull, Nick, do all you can,
 The British boys will lead the van,
 As they have done in Inkerman,
 On the fifth of last November.
 You are a nasty Russian hog,
 You stuff your men with rum and grog,
 And send them on to us in a fog,
 But they were soon defeated.

[English Ballads: A Dialogue between John Bull and the Czar]

Образ Британии во всех балладах стереотипен: это прекрасная леди, сияющая красотой богиня, всегда готовая выступить за справедливость и защитить слабого. Активно используются символические образы британского льва и Джона Булля; британские солдаты — это всегда смельчаки, галантные рыцари, победители.

We have beat the foe so gloriously
 By land and on the water.
 We them did trick, we them did lick
 And made them cry for quarter.

[English Ballads: The Glorious Celebration of Peace]

Враг представлен в балладах, прежде всего, образом русского медведя, — например, баллада “The Russian Bear”, картинки с изображением медведя на листовках с балладой, посвященной смерти русского царя, многочисленное обращение к данному образу в текстах других баллад. Другим популярным героем (или, скорее, антигероем) баллад является русский царь, образ которого трактуется исключительно уничижительно. Кроме постоянного наименования Ник, сравнения с боровом и утверждения о том, что он спаивает своих подданных (см. балладу «Диалог...»), авторы баллад постоянно используют сниженную лексику для описания этого персонажа. Отдельно отметим балладу под названием “Emperor of Russia kicked the Bucket!” («Император России сыграл в ящик!»). Текст выстроен как песня с запевом, в котором солист сообщает публике радостную весть, и хоровым припевом, в котором публика радостно присоединяется к торжеству:

While Russia is in morning, Britannia is rejoicing,
 England and France will bless the day they lost old emperor Nick,
 Because he couldn't conquer, he passed in grief and sorrow,
 He closed his eyes — farewell, he cried, and then he cut his stick.
 Chorus:
 Arouse, lads, arouse, behold Britannia smiling,
 With her army and her navy so boldly by her side.

[English Ballads: Emperor of Russia kicked the Bucket!]

Очевидно, что баллады имеют мало отношения к действительно художественной литературе, но они представляют важное свидетельство эпохи, демонстрируя господствовавшие в обществе и тиражируемые стереотипы

массового сознания. Любопытно, что образы, активно используемые в балладах, не находят своего воплощения и подтверждения в литературных произведениях, авторы которых обращаются к другим эпизодам и персонажам Крымской войны.

По многочисленным свидетельствам [см., например, “Master Georgie”: A Commentary], события Крымской войны, ее причины и следствия плохо известны современным британцам. В их сознании война связана с именами Р. Фентона, Ф. Найтингейл и с трагическим эпизодом атаки легкой кавалерии 25 октября 1854 г. во время Балаклавского сражения, когда, повинуясь приказу, шестьсот кавалеристов английской армии, не раздумывая, бросились в атаку под перекрестный огонь русских пушек. Потери, по разным данным, составили от одной трети до двух третей личного состава. Более того, в кавалерийских полках обычно служили отпрыски аристократических фамилий — в понимании викторианцев, это был цвет нации. Именно этот эпизод сражения под Балаклавой был увековечен в стихотворении А. Теннисона «Атака бригады легкой кавалерии» (1854), романтизирующем и эстетизирующем трагический для английской армии эпизод войны. Хотя А. Теннисон описывал конкретный эпизод военных действий, в его стихотворении почти нет упоминания конкретного врага — лишь в трех строках из 55 появляются «казаки и русские»:

Cossack and Russian
Reel'd from the sabre-stroke
Shatter'd and sunder'd
[Tennyson, lines 34–36]

Общая тональность произведения — скорбь по погибшим; его образный строй, прежде всего, образ Долины Смерти, опирается на библейский Псалом 23: “Even though I walk through the valley of the shadow of death, I will fear no evil for You are with me”.

Half a league, half a league,
Half a league onward,
All in the valley of Death
Rode the six hundred.
“Forward the Light Brigade!
Charge for the guns!” he said.
Into the valley of Death
Rode the six hundred
[Tennyson, lines 1–8]

Поэт восхищается воинским подвигом, способностью выполнить приказ, каким бы абсурдным он ни был (“Theirs not to make reply / Theirs not to reason why...”), и прославляет героев (“Honor the charge they made! / Honor the Light Brigade, / Noble six hundred”). Замечательна звукопись произведения — в оригинале ритм, рифма, аллитерации организованы таким образом, что слышится звук скачущей конницы, не отраженный, к сожалению, ни в одном из существующих русских переводов.

Долина в две мили — редут недалече...
 Услышав: — По коням, вперёд! —
 Долиною смерти, под шквалом картечи
 Отважные скачут шестьсот.
 Преддверием ада гремит канонада,
 Под жерла орудий подставлены груди —
 Но мчатся и мчатся шестьсот.

[Колкер]

Парадоксально, но факт: именно эпизод поражения стал символом Крымской войны в национальном сознании британцев. Стихотворение А. Теннисона способствовало созданию нового образа героя и героизма — героизма не победного, но стоического, славного поражения, которое в моральном плане может быть выше победы. Именно поэтому образ врага, тем более образ слабого или ничтожного врага, не используется поэтом: он может лишь помешать созданию образа героя, которому подвластны любые враги и обстоятельства и который способен одержать моральную победу, даже будучи формально побежденным. Отсюда — категория славы, возникающая у А. Теннисона в виде риторического вопроса: «When can their glory fade?» (строка 50) отзвуком Псалма 23: «Если в низине, где смерти тень, ляжет мой путь, не убоюсь зла! Ты — со мной» [Псалом 23].

Выдающийся английский роман о Крымской войне «Мастер Джорджи», который стал действительно популярным и получил Букеровскую премию, появился только спустя полтора века после войны и был написан известной писательницей Берил Бейнбридж в 1998 г. Отвечая на вопросы относительно выбора исторического материала при работе над романом, Б. Бейнбридж сообщает: «Для “Мастера Джорджи” я брала видеофильм Чарльза Вуда “Атака Бригады легкой кавалерии”... Я также рассматривала батальные полотна леди Батлер с Крымской войны и, конечно же, фотографии Роберта Фентона, которые я увеличивала, чтобы увидеть все детали» [Gurry]. Создавая предельно субъективное произведение, в котором повествователями по очереди выступают три персонажа, ни один из которых по разным причинам не может в полной мере претендовать на звание достоверного повествователя, ни разу не давая слова самому Джорджу Харди, имя которого вынесено в название произведения, писательница, тем не менее, опирается на исторические факты, прежде всего те, которые хорошо известны публике. Ранее нам приходилось писать о том, как эпизод атаки Легкой кавалерии находит свое отражение в тексте романа Бейнбридж: «Ни разу прямо не упомянутый... этот эпизод, тем не менее, несколько раз оживает в памяти читателя: так, чтобы отвадить от Миртл слишком настойчивого поклонника, Джордж “придумывает” ей жениха-кавалериста: “Кто же может соперничать с блистательной Легкой бригадой, пусть даже и вымышленной?”» [Бейнбридж, с. 71]. Еще более выразительными в данном контексте являются рассуждения доктора Поттера: «Во время мучительного окружения Севастополя и нашего передвижения в Херсонской долине я сторговал норовистую кобылу за пятьдесят фунтов, ибо, по понятным причинам, слишком много вокруг было лошадей без седоков» [Бейнбридж, с. 147, цит. по: Сидорова, с. 190].

Не обходит писательница и тему фотографии, актуальную для Крымских событий 1854–1856 гг. Так, сам Джордж — фотограф-любитель, который умело пользуется своим редким хобби не только для фиксации фактов, но и для манипуляций с ними. В финальном эпизоде романа, однако, на поле боя появляется военный фотограф, который делает фотографию «группы уцелевших для показа родным» и требует «еще одного солдатика» [Бейнбридж, с. 189] для композиционного равновесия. Этим «солдатиком» на фото становится убитый Джордж. «Солдаты уже стояли, я его воткнул между ними. Он качнулся вперед, и тот солдат, что справа, обхватил его и поддержал. “Улыбаемся, улыбаемся, братцы,” — велел фотограф» [Там же]. Военным фотографом становится и другой герой романа, Помпи Джонс, один из повествователей. Каждая из шести глав произведения называется «пластиной» (т. е. фотографией), и в каждой из них есть эпизод с фотографированием — согласимся, что «фотография в романе... не только рассматривается на содержательном уровне, но и лежит в основе уровня композиционного» [Полужктова, с. 75]. Сама Крымская война, окончившаяся, напомним, победой для Британии и ее союзников, показана в романе бойней, чередой страданий и неразберихи, национальной катастрофой. Как и А. Теннисон, Б. Бейнбридж почти не вводит в свое произведение образ врага — русские лишь упоминаются, но не описываются. Очевидно, что автора интересуют англичане — конкретные представители викторианского общества — в условиях тяжелых испытаний.

Образ Крымской войны возникает и на периферии исторического романа Дж. Г. Фаррелла «Осада Кришнапура» (1973), посвященного событиям индийского восстания 1857–1858 гг. Так, одна из героинь романа, Мириам Ланг — вдова убитого под Севастополем офицера. Среди английских солдат, обороняющих осажденное восставшими английское поселение в Кришнапуре, находятся ветераны Крымской кампании. Один из них, раненый и умирающий в госпитале, поет песни, посвященные событиям 1854 г.:

The Czar of Russia, a potentate grand,
Would help the poor Sultan to manage his land;
But Britannia stepped in, in her lady-like way,
To side with the weakest and fight for fair play.
On Alma's steep banks and on Inkermann's plain,
On famed Balaklava, the foe tried in vain
To wrest off the laurels that Britons long bore
But always got whopped in eighteen fifty-four
[Farrell, p. 163–164]

(Царь России, знаменитый властелин,
Собирался помочь Султану управлять его страной,
Но появилась Британия, как благородная леди,
Готовая помочь слабому и выступить за честную игру.
На склонах Альмы и на равнинах Инкермана,
В знаменитой Балаклаве — тщетно пытался враг
Сорвать лавры, давно заслуженные британцами,
Но был разбит в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом.)

[подстрочный перевод наш. — О. С.]

Отметим для сравнения, что, в отличие от Крымской кампании, Индийское восстание было многократно описано в английской литературе. Еще до окончания боевых действий появились первые романы особого типа — так называемые «романы о Восстании» (the Mutiny novels). К концу XIX в. их было несколько десятков; еще примерно столько же появилось в первой половине XX в. [см. Brantlinger]. Эстетический уровень этих произведений был разным, но идеологическая позиция авторов в основном совпадала, выражая точку зрения оправдания и даже прославления колониальной экспансии. Отзвуки этого мотива звучат и в романе Р. Киплинга «Ким» (1901). Роман «Осада Кришнапура» Дж. Г. Фаррелла также частично реконструирует жанровую форму «романа о Восстании».

Почему два исторических события, произошедшие одно за другим, закончившиеся победой британской армии — Крымская война и война с восставшими в Индии — настолько по-разному были отражены в английской литературе? Полагаем, что причин несколько. Все страшные, оборотные стороны военной кампании, впервые объективно показанные прессой, создали и сохранили отталкивающий, негативный образ Крымской войны в национальной памяти. Индийская кампания, в отличие от событий в Крыму, не стала «войной прессы» — там не было ни своего Р. Фентона, ни своего У. Расселла, т. е. был большой простор для художественного воображения. Кроме того, в сознании читателей уже утвердился популярный образ индийской экзотики, так любимый английской и — шире — европейской литературой XVIII–XIX вв. Еще одним немаловажным фактором являлось то, что Индия, которая к моменту начала восстания уже несколько десятилетий была под фактической властью Великобритании (хотя формально оставалась под властью Ост-Индской Компании), вошла в британское самосознание — не случайно одним из распространенных мотивов «романов о Восстании» является любовная линия между представителями двух наций, как правило, между англичанином и индийской девушкой, — например, популярные у викторианских читателей романы М. Тейлора «Сета» (1872) и Ф. Э. Стил «Водная гладь» (1896).

Очевидно, что образ Крымской войны в английской литературе сложился под влиянием не только самого исторического события, но, прежде всего, как отражение образа, созданного прессой (журналистами и фотографами). В отличие от уличных, почти фольклорных баллад, английская художественная литература отбирает иные эпизоды из всего разнообразия исторического материала и создает иной образ, наполняя его пафосом трагической героини и заметно обогащая национальное самосознание Британии.

Бейнбридж Б. Мастер Джорджи / пер. с англ. Е. Суриц, М., 2001. 192 с. [Bejnbridzh B. Master Dzhordzhi / per. s angl. E. Suric. M., 2001. 192 s.]

Ищенко Н. А. Крымская война в дискурсе британской поэзии второй половины XIX века [Электронный ресурс] // *Вопр. духовной культуры. Филол. науки.* С. 51–54. URL: http://repository.crimea.edu/jspui/bitstream/123456789/8992/1/knp122_49-51.pdf (дата обращения: 15.06.2014). [Ishhenko N. A. Krymskaya vojna v diskurse britanskoj poe'zii vtoroj poloviny XIX veka [E'lektronnyj resurs] // *Vopr. duhovnoj kul'tury. Filol. nauki.* S. 51–54. URL: http://repository.crimea.edu/jspui/bitstream/123456789/8992/1/knp122_49-51.pdf (data obrashheniya: 15.06.2014).]

Колкер Ю. Из английских поэтов. Из Альфреда Теннисона (1809–1892). Атака легкой кавалерии [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.com/issues/98/0721/win/kolker.htm> (дата обращения: 20.06.2014). [Kolker Yu. Iz anglijskix poe'tov. Iz Al'freda Tennisona (1809–1892). Ataka legkoj kavalerii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://vestnik.com/issues/98/0721/win/kolker.htm> (data obrashheniya 20.06.2014).]

Полуэктова Т. А. Жанровые формы романов Берил Бейнбридж («Мастер Джорджи», «Согласно Куини»). Красноярск, 2013. 244 с. [Polue'ktova T. A. Zhanrovye formy romanov Beril Bejnbridzh («Master Dzhordzhi», «Soglasno Kuini»). Krasnoyarsk, 2013. 244 s.]

Псалом 23 [Электронный ресурс] // Псалмы в переводе Сергея Аверинцева. URL: http://vsemolitva.ru/psalom1.html#_Toc150705439 (дата обращения: 29.06.2014). [Psalom 23 [E'lektronnyj resurs] // Psalmy v perevode Sergeya Averinceva. URL: http://vsemolitva.ru/psalom1.html#_Toc150705439 (data obrashheniya: 29.06.2014).]

Сидорова О. Г. Исторический роман в творчестве Берил Бейнбридж // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2 (18). С. 186–194. [Sidorova O. G. Istoricheskij roman v tvorchestve Beril Bejnbridzh // Vestn. Perm. un-ta. Ser. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. 2012. Вып. 2 (18). S. 186–194.]

Bratlinger P. Rule of Darkness. British Literature and Imperialism, 1830–1914. Itaka ; London, 1988. 336 p.

Currie S. Why there was so little Crimean War fiction [Electronic resource]. URL: <http://victorianweb.org/victorian/authors/whyte-melville/currie2.html> (mode of access: 29.06.2014).

English Ballads. Wars. Crimean War (1853–1856) [Electronic resource]. URL: <http://digital.nls.uk/english-ballads/pageturner.cfm?id=74891311> (mode of access: 15.06.2014).

Farrell J. G. The Siege of Krishnapur. London, 2002. 314 p.

Guppy S. Interview with Beryl Bainbridge // The Paris Review – The Art of fiction. 2000. N 164 [Electronic resource]. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/561/the-art-of-fiction-no-164-beryl-bainbridge> (mode of access: 18.03.2014).

Lambert A. BBC History: The Crimean War [Electronic resource]. URL: www.bbc.co.uk/history/british/victorians/crimea_01.html (mode of access: 15.06.2014)

Markovits S. On the Crimean War and the Charge of the Light Brigade [Electronic resource]. URL: http://www.branchcollective.org/?ps_articles=stefanie-marcovits-on-the-crimean-war (mode of access: 15.06.2014).

Markovits S. The Crimean War in the British Imagination. Cambridge, 2009. 285 p.

“Master Georgie” by Beryl Bainbridge. A Commentary with annotations // ed. by K. Hewitt. Perm, 2008. 70 p.

Tennyson A. The Charge of the Light Brigade [Electronic resource] // The Poems of Tennyson. URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/174586> (mode of access: 15.06.2014).

Waddington P. “Theirs But to Do and Die”. The Poetry of the Charge of the Light Brigade at Balaclava, 25 October 1854. Nottingham, 1995. 224 p.

Статья поступила в редакцию 10.07.2014 г.

УДК 821.161.1 Волошин + 94(477.75) + 7.071.1

М. О. Баруткина

ГЕНИЙ МЕСТА: МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН И КИММЕРИЯ

Анализируется творчество и жизнь М. Волошина с точки зрения соединения судьбы поэта и его земли. Используются тексты поэтических сборников, посвященных Киммерии, и тексты воспоминаний современников, в которых Волошин является миру как гений места. Подчеркивается мысль о взаимопроникновении и взаимовлиянии поэта и земли (ее рельефа, истории, мифологии) — Волошин и Киммерия были вечными спутниками. Акцентируя внимание на невозможности появления поэта без Родины, автор в данном случае рассматривает и обратное явление — невозможность существования Коктебеля без Волошина.

Ключевые слова: М. Волошин; Коктебель; Дом Поэта; Киммерия; мифотворчество; гений места; пейзаж.

Не я в Коктебеле, а Коктебель во мне.

М. Волошин

Жить — значит сделать художественное произведение из самого себя.

Ф. Достоевский

На горе Кучук-Енышар, недалеко от Коктебеля, есть небольшой холм — это могила коктебельского затворника Максимилиана Волошина, литературное сердце Крыма. То, кем был Волошин в жизни, то, каким он видел подвиг человека, то, о чем он мечтал — в полной мере он воплотил в своей смерти. На его могиле нет креста, хотя его отпевали и он был крещеным человеком, к концу жизни вернулся к вере, но, тем не менее, его могила просто холм, усыпанный камнями, принесенными с берега моря. И это не просто последняя выдумка мифотворца, скорее, это высший акт соединения всех во всем, соборность людей и земли. Главной целью жизненной философии Волошина было объединять, дарить людей друг другу, протягивать руку, идти навстречу. «Разбейся о шар. Поссорься с Максом» [Цветаева, с. 245], — писала Марина Цветаева, подчеркивая невозможность этого деяния. Завершающей ступенью такой жизни является могила, на которой все будут чувствовать себя как в своем храме, как дома, поэтому нельзя оставлять никаких религиозных обозначений — иначе другие будут чувствовать чье-то превосходство, а этого допустить он не мог. Бесконечное внимание к людям, уважение к их мыслям и чувствам доходило до жертвы собой, до полного бесстрашия. На горе Кучук-Енышар, которая возвышается над морем на 192 м, последний акт этой жертвенности — полное слияние с пейзажем и духом земли, полная свобода, дарованная каждому, кто поднимается на эту высоту.

Смерть всегда рассказывает о человеке что-то самое главное, как бы оставляя самую суть. Из воспоминаний Марии Степановны Волошиной узнаем, что однажды Максимилиан Александрович и его жена гуляли по Коктебельским холмам, рассказывали истории, смеялись, а потом вдруг поэт ударил посохом в землю и сказал: «А вот тут ты, Маруся, меня положишь, когда я умру»

[Волошина, с. 166]¹. Произошло уникальное вращение друг в друга — пространства и человека. Однако это соединение, взаимообогащение началось не сразу, ему предшествовал долгий путь: от мечты — до одушевления камней словом, от гнева — до благодарности, от мальчишеского восторга — до мудрой Любви. Путь преображения в земле и преображения земли.

Все детство Волошин мечтал о море и жизни на юге, но его удивлению не было предела, когда чудо случилось, и его мать решила переехать в маленький поселок Коктебель. «Коктебель не сразу вошел в мою душу: я постепенно осознал его как истинную родину моего духа» [Волошин, т. 7 (2), с. 258]. За этим «не сразу» скрываются длительные, порой изнуряющие переходы из дома в феодосийскую школу под палящим солнцем, усталость от созерцания однообразного пейзажа, пока внутренним зрением поэт не научился видеть в складках холмов древние могилы, в бухтах пришвартованные корабли Одиссея, на Карадаге профиль мертвой царевны. Но чтобы оценить по достоинству это место, чтобы потом одухотворить его, сначала надо было от него оторваться, потерять.

Киммерия становится собеседником поэта, его вечным спутником. По отношению к этой бухте можно судить о духовных переживаниях поэта: когда ему тяжело и больно, он пишет «Киммерийские сумерки», а когда душа оттаивает — «Киммерийскую весну». Так, после тяжелого расставания с Маргаритой Сабашниковой Волошин едет домой и пишет не цикл любовных стихотворений, а посвящение Коктебелю.

Волошин был не только поэтом, но и удивительно внимательным к окружающему миру художником. Как во всем в жизни, он и здесь прошел своей особенной дорогой, сумев обойти все течения и школы, оставшись вне влияний и авторитетов в этой области, сумел изобрести свой метод изображения мира. Этот метод близок к импрессионистам по духу, но не по форме: поэт пытался изобразить не столько впечатление, сколько чувство земли, свое чувствование пейзажа. Он гулял по холмам и берегу моря, а писал потом, у себя в мастерской, более не смотря на натуру, а как бы изображая природу, уже прошедшую через его душу.

Волошин писал о Коктебеле с точностью и строгостью. Ему никогда не было легко писать стихи, он требовал от себя повышенного внимания к форме, доводил эти требования до совершенства. Особенно это ясно видно на примере его коктебельских произведений, где он пытается вписать историю, геологию, ботанику в свои тексты. Достаточно одного четверостишия, чтобы понять, как органично влетаются факты в структуру стиха.

По картам здесь и город был, и порт.
Остатки мола видны под волнами.
Соседний холм насыщен черепками
Амфор и пифосов. Но город стерт

[Волошин, т. 1, с. 175]

¹ Мария Волошина испугалась, стала его переубеждать, вскоре все забылось, и только перед смертью Волошин напомнил о своей просьбе, хотя она казалась безумной — хоронить человека на скале. Когда Марья Степановна решила выполнить завет, она обратилась к местным крестьянам, они согласились помочь и достать динамит, чтобы взрывать скальные породы. Когда вся процессия поднялась на холм, то оказалось, что именно в том месте, на которое указал Максимилиан Александрович — мягкий чернозем. Абсолют осознания духа земли, само воплощение этого духа.

Поэт ставит себе в заслугу только точность, когда одно из стихотворений попадает на страницы журнала о виноделии, оценивая это как высшее признание его творчества. Напротив, его живопись подчеркнуто символична, он пишет не столько сам пейзаж, сколько синтез бесчисленных взглядов, устремленных на этот пейзаж. Его картины дополняют его стихотворения, и наоборот. Почти все акварели поэта сопровождаются строчками стихотворений, так земля порождает поэзию, которая перетекает в живопись, а живопись — обратно в холмы. Это бесконечное вдохновение, вдох одного в другое, Волошин силой мысли спаивает складки гор с тяжелыми складчинами своей поэзии, обрывы, выступы, обвалы камней — все находит отражение в поэзии, смена ритмов — как смена ветров в горах.

Стихотворения Волошина читать так же тяжело, как ходить по бесчисленным грядам Карадага — в этом суть оживления пространства, когда ты не только одухотворяешь место, но даешь этому месту его собственный голос. Волошин почувствовал свою землю как тяжелое наслоение (как горных пород) слов друг на друга, создание словесного рельефа, у него есть почти физическая осязаемость слова как камня, глины, полыни.

Припаду я к острым щебням, к серым срывам размытых гор,
Причашусь я горькой соли задыхающей волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный Коктебель!

[Волошин, т. 1, с. 89]

Строчки так тяжелы и длинны, что кажутся неподъемными, их физически больно произносить, это редчайший античный размер — галлиямб. Этим размером были написаны экстатические гимны галлов, которые они пели при жертвоприношениях богине Кибеле — богине гор, Горной Матери. Волошину было жизненно важно выбрать именно галлиямб: во-первых, потому что в Киммерии жили элины, а значит, нужно соблюдать античные требования к стиху, а во-вторых, этот текст — гимн матери-земле. Так он отсылает нас к истории своей Родины не столько по содержанию, сколько по форме — он не говорит напрямую о том, кто и когда жил на этой земле, но он использует лексику, размер, ритм, которые дают нам сигналы той или иной эпохи [Добрицын]. Античный размер, но лексика с христианской коннотацией — «земля страстная», «в весне распятый», «в ризах и орарях», «причашусь», «чело». Волошин соединяет в себе, в своем Коктебеле христианство и язычество, смысл и Слово нового времени накладываются на старую основу, на языческий фундамент, в итоге получается цельное произведение. Эта цельность всего взаимоисключающего была крайне свойственна жизни и творчеству Волошина. Через несколько лет после «Киммерийских сумерек» появился сборник «Киммерийская весна», где во многом контрастными по отношению к «сумеркам» красками Волошин рисует нам один пейзаж, одни горы, одну местность, но то, что мы видели после его трагедии с Сабашниковой, и то, что увидим в «Весне», — это взгляды двух разных людей, два разных пейзажа. В «Сумерках» появляются образы живого мира, земля приобретает одухотворенный облик: скалы — надломленные крылья,

горы – «изогнутый хребет», пещеры – «уста Праматери», звезды – глаза, и т. д. В «Киммерийской весне» первое же стихотворение дает нам не лицо, но лик, земля становится иконой, святой.

Моя земля хранит покой,
Как лик иконы изможденный.
Здесь каждый след сожжен тоской,
Здесь каждый холм – порыв стесненный

[Волошин, т. 1, с. 156]

Также фигурируют во всем сборнике тоска, горечь, синева и вечерний свет, символика пустыни и степи, одиночества земли, оставленность человека. Все, что уже характерно для образа Коктебеля – все остается, но что добавляет поэт, что делает этот сборник «весенним»? В этой поэзии появляется Воскресение, Волошин начинает видеть природу Киммерии как природу, которая готовится к воскресению. Нужно поставить рядом два похожих по содержанию произведения, и мы увидим, как в зависимости от душевного настроения творца меняется душа стиха.

Темны лики *весны*. Замутились влагой долины,
Выткали *синюю* даль *прутья сухих тополей*.
Тонкий *снежный хрусталь* опрозрачил *дальние горы*.
Влажно тучнеют поля.

Звучит *в горах, весну* встречая,
Ручьёв прерывистая речь;
По сланцам стебли молочая
Встают рядами *белых свеч*.

Свивши тучи в кудель и окутав горные щели,
Ветер, рыдая, прядет тонкие нити дождя.
Море глухо шумит, развивая древние свитки
Вдоль *по пустынным пескам*.
[Там же, с. 89]

А на полянах влажно-мишистых
Средь сгнивших за зиму листов
Глухие заросли безлистных
Лилово-дымчатых кустов.

И ветви тянутся к просторам,
Молясь Введению Весны,
Как семисвечник, на котором
Огни еще не зажжены.
[Там же, с. 160]

Один пейзаж, один Коктебель, одна весна, изменился только взгляд поэта на явление природы. В тексте «Темны лики весны» Волошин переживает безвозвратную потерю любимого человека, и это событие окрашивает произведение в соответствующие тона, создавая атмосферу безысходности и тоски.

Во втором стихотворении Волошин как творец уже совершенно другой человек, который прошел длинный путь и серьезно изменился. Он отошел не только от трагедии в любви, но и от религии, которую его возлюбленная тогда проповедовала, он уже совершил известную мистификацию и уже стрелялся с Гумилевым, жизнь продолжалась, и душа стремилась идти дальше, живая жизнь затрепетала в новых строчках.

Исследователь Волошина В. Б. Жарких отметил самое главное в его киммерийской поэзии, когда подобрал для своей статьи такое «говорящее» название: «Пейзаж Волошина как автопортрет художника» – тем самым подчеркнув, что изображение своей земли у поэта всегда сопряжено с изображением своей души,

это неразрывная связь. Если под художником понимать вообще творца, то все складывается в стройную систему. Таинство художника состоит, по мнению его, «в том, что художник приходит к глухонемой и слепой матери и любовным усилием заставляет стать вещей и зрячей» [Жарких, с. 62]. То же можно сказать и о поэзии Волошина, с помощью которой он делает землю говорящей и слушающей. Земля в творчестве Волошина до предела очеловеченная, она подвижница, она блудница, она жертва и спаситель. Изображение земли в виде человека — это характерная черта для всего творчества Волошина: и стихотворного, и живописного.

Первый текст («Темны лики весны») — это тяжелый античный размер, крайне редкий для русской поэзии, следовательно, в большей степени это игра, мифотворчество. Поэт хочет закрыться от мира этим пейзажем, он бежит в Коктебель от себя самого, потому здесь весна темная, мутная, тягучая, стихия воды представлена в виде тонких нитей дождя и древнего моря, которое разворачивает свитки волн. Второе стихотворение («Звучит в горах, весну встречая») рисует воду в виде веселого журчания ручьев, это противопоставление сразу помогает нам увидеть, *что* [выделено мною. — М. Б.] поэт замечает, когда смотрит на пейзаж — веселую трель весны или томное накатывание моря на берег.

Подчеркивается одинаковая пустынность пейзажа, где ветви еще не покрыты листвой, потому и возникают два тождественных образа: «прутья сухих тополей» и во втором варианте — «глухие заросли *безлистных* кустов». Пейзаж дан не только в одно время года — весна, это еще и ранняя весна, ничего не цветет, все абсолютно одинаково, а атмосфера возникает разная. Поэт даже использует одинаковую цветовую гамму: только в первом тексте это просто синий, а во втором цвет приобретает оттенки, синий усложняется до дымчато-лилового. Действие происходит в горах, поэтому «снежные», т. е. белые, вершины перекликаются с «белыми свечами» молочая на склонах. Так перед нами появляется совершенно отчетливый пейзаж: Коктебельские горы в начале весны, они припорошены снегом, где-то уже бегут ручьи, свистит ветер, и голые ветви деревьев клонятся к морю. Вместе создается многогранный и «объективный» образ Киммерии, а по отдельности это два состояния души, противоречащих друг другу. Чем главным образом отличается первый текст от второго? Более всего — финалом. Во втором стихотворении основой является финальное четверостишие, где образ земли сравнивается с подсвечником, который еще не зажжен, т. е. земля еще не распустилась, еще не горит многообразием своей природы. «Введение Весны» отсылает нас к мотиву Введения во Храм Пресвятой Богородицы, земля-мать, как Мать Божья, стоит на пороге преображения, на пороге Весны.

Стихотворный опыт описания одного явления напоминает эксперимент французского импрессиониста К. Моне, когда он писал Руанский собор в разные времена года, в разных природных условиях, при разном освещении. Волошин был импрессионистом в поэзии, он хотел создать настолько полную и многогранную картину, что единственным выходом оказалось писать Коктебель, пока он не появится перед глазами во всех оттенках, что получилось увидеть даже на примере двух стихотворений. Аналогичную работу можно провести, анализируя оба сборника полностью: с одной стороны, это всегда попытка изобразить общую, подлинную картину природы, а с другой стороны — всегда «автопортрет» души.

Особенной частью жизни и мифотворчества Волошина является Дом Поэта. Художник создает дом, который становится частью Киммерии, продолжением природы. Как корабль не портит морскую гладь, а украшает ее, добавляет ей загадочности, так и Дом-корабль Волошина, выброшенный на берег, не разрушает пейзаж, а завершает его. Дом был построен в самом центре Коктебеля, построен как корабль, с верхними и нижними палубами, каютами и капитанским мостиком². Дом — это продолжение того же стихотворного и живописного творчества, которое всегда было для Волошина самой жизнью.

Я принял жизнь и этот дом как дар
Нечаянный — мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.

[Волошин, т. 1, с. 81]

Этот знак усыновления Волошин получил дважды: дом — первая веха этого «усыновления», и дело не в том, что его удалось построить, что он вбирал в себя лучших людей России на протяжении десятилетий, но в том, что он единственный выстоял, когда весь Коктебель оказался в руинах во время Гражданской, а потом и Великой Отечественной войны. Второй знак «усыновления» — самое сильное доказательство того, что земля может говорить, когда подходит время³. Это землетрясение, в результате которого никто не пострадал, а мыс Кок-Кая осыпался и вместо неясного профиля на скале миру явился единственный в своем роде нерукотворный памятник — лик Волошина.

И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

[Там же, с. 170]

Итак, автопортрет Волошин создает в пейзажах, в стихотворениях, во внешнем облике и бытовом (бытийном!) укладе собственного Дома.

Характерно, что мечта Волошина, его последнее веление, чтобы Коктебель, как жемчужина, покоился на его ладонях, исполнилась. «Так профилем в море по один бок и могилой по другой — Макс обнял свой Коктебель» [Цветева, с. 265]. На горе Кок-Кая его профиль, на горе Кучук-Еньшар его храм-могила, а в центре его Дом. И могила, и профиль, и Дом — автопортреты Максимилиана Волошина каждый

² «Дом Волошина и есть целое: целое единственной жизни; поэт-Волошин, Волошин-художник, Волошин-парижанин, Волошин — коктебельский мудрец, отшельник и краевед — даны в Волошине, творце быта. Волошин-краевед — дан в Волошине-человеке. И дом Волошина — гипсовый слепок с его живого, прекрасного лица, вечная память о нем» [Белый, с. 508].

³ Волошин приехал в Коктебель и назвал это место Родиной, но признала ли Родина певца Киммерии? Ему, как человеку тонко и глубоко чувствующему землю, был необходим ответ на этот вопрос, он бы не смог признать односторонности, иначе не выйдет полного соединения, не будет ответа. Когда юный Макс приехал с матерью в Коктебель крайний мыс Карадага — Кок-Кая — напоминал профиль Пушкина, деревенские жители и приезжие так его и называли. Но прошло 20 лет. Волошин приезжал в Крым в самые тяжелые мгновения жизни, он построил свой Дом-Корабль, начал писать метафизические пейзажи Киммерии, создал несколько сборников, посвященных только этой земле, наконец, он исходил вдоль и поперек каждую гору, а в 1918 г. вернулся из-за границы и больше не покидал свою Родину. В благодарность или просто в дар земля наглядно продемонстрировала свою признательность и любовь поэту в виде землетрясения.

по отдельности, но все вместе они создают цельную картину. Они рисуют нам весь Коктебель как автопортрет поэта. И теперь понимаешь, отчего за несколько дней до смерти Волошин на вопрос в анкете «Что для вас Коктебель?» ответил: «Коктебель — это я».

Нельзя не сказать и о внешнем облике Волошина, который тоже был результатом творческой энергии поэта, его понимания себя, его желания быть таким, а не другим. «Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли» [Цветаева, с. 237]. Лицо Волошина, его предсмертная, единственная честная маска несет в себе отпечаток этой земли, будто это слепок с Гомера, с античного мудреца или духа. Духа, если бы с духов снимали посмертные маски. Образно говоря, такую маску Волошин снял и с Коктебельской земли.

Известно, что Коктебель всегда был землей, которая хранит на себе след присутствия многих наций и религий. Сейчас в Киммерии можно встретить не только все христианские религиозные направления и секты, но и ислам, иудаизм, буддизм, армянскую церковь и еще более тысячи объединений подобного характера. Почему? Все дело в земле и ее истории, ведь Киммерия находится на перекрестке культур и наций — многообразие пейзажа только подчеркивает эту многогранность. «Киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, печенегы, хазары, половцы, татары, славяне... — вот аллювий Дикого Поля. Греки, армяне, римляне, венецианцы, генуэзцы — вот торговые и культурные дрожжи Понта Эвксинского...» [Волошин, т. 6 (2), с. 65]. История этой местности также богата национальной культурой, ведь все перечисленные племена приносили в Крым свое мировоззрение, свое искусство, свои традиции.

Как это уживалось на одной территории, как культуры не поглощали друг друга, а обогащали? И на этот вопрос можно найти ответ у Волошина, причем как в его творчестве, так и в его собственной жизни. «Крым — не музей. Сюда от избытка переливались отдельные струи человеческих потоков, замирали в тихой и безвыходной заводи, осаждали свой ил на мелкое дно, ложились друг на друга слоями, а потом органически смешивались» [Там же, с. 66].

Крым представляется поэту некой замкнутой системой, особым миром, который соединяет Азию и Европу, здесь местное население до сих пор ходит в национальных костюмах и здесь же находится крайний восточный порт Европы, здесь средоточие торговых и культурных путей. «Ни в одной стране Европы не встретить такого количества пейзажей, разнообразных по духу и по стилю и так тесно сосредоточенных на малом пространстве земли, как в Крыму», — Волошин пишет о земле так, как о нем самом писали современники: как о человеке невероятно цельном и в тоже время вмещающем в себя и поэта, и художника, и критика, и странника. Киммерия — это трагический край, который хранит в себе память, который вобрал в себя культурное наследие всех эпох от Древней Греции до наших дней. Только за два тысячелетия не появилось у этой земли заступника и певца помимо Волошина, помимо человека, который отважился разделить судьбу Киммерии:

Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.

Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

[Волошин, т. 1, с. 88]

Киммерии и по ее следам Волошину пришлось пройти долгий путь истории. И все великое многообразие различных учений, доктрин, убеждений и религий осели в земле и остались в поэте, как некий естественный сплав, а не как музейные экспонаты и памятники. И Крыму, и Волошину, по сути, удалось сделать одно и то же: из опыта, влияний, наслоений вынести только то, что было созвучно их духу, остаться собой и обогатиться, пройти длинный путь и вернуться домой. Это редкое качество, это невероятное умение, это уникальная судьба — судьба поэта и его земли — одна на двоих.

Белый А. Дом-музей М. А. Волошина // Воспоминания о Максимилиане Волошине / под ред. В. Купченко, З. Давыдова. М., 1990. С. 506–510. [Belyj A. Dom-muzej M. A. Voloshina // Vospominanija o Maksimiliane Voloshine / pod red. V. Kupchenko, Z. Davydova. M., 1990. S. 506–510.]

Волошин М. А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы 1899–1926. М., 2003. 611 с.; Т. 6 (2) : Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. М., 2008. 1086 с.; Т. 7 (2) : Дневники. Автобиографии. М., 2008. 766 с. [Voloshin M. A. Sobr. soch. : v 8 t. T. 1 : Stihotvorenija i pojemy 1899–1926. M., 2003. 611 s.; T. 6 (2) : Proza 1900–1927. Oчерki, stat'i, lekcii, recenzii, naboroski, plany. M., 2008. 1086 s.; T. 7 (2) : Dnevnik. Avtobiografii. M., 2008. 766 s.]

Волошина М. С. О Максе, о Коктебеле, о себе. Воспоминания. Письма. Феодосия; М., 2003. 368 с. [Voloshina M. S. O Makse, o Koktebele, o sebe. Vospominanija. Pis'ma. Feodosija ; M., 2003. 368 s.]

Добрицын А. А. Галлиямб у Волошина [Электронный ресурс] // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17. Issue 3. С. 299–312. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2FBF01838771#page-1> [Dobricyn A. A. Gallijamb u Voloshina [Elektronnyj resurs] // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17. Issue 3. S. 299–312. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2FBF01838771#page-1>]

Жарких В. Б. Пейзаж Волошина как автопортрет художника // Материалы междунар. науч.-практ. конф. — Волошинские чтения. Феодосия, 2009. [Zharkih V. B. Pejzazh Voloshina kak avtoportret hudozhnika // Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Voloshinskie chtenija. Feodosija, 2009.]

Цветева М. И. Живое о живом // Воспоминания о Максимилиане Волошине / под ред. В. Купченко, З. Давыдова. М., 1990. С. 199–267. [Cvetaeva M. I. Zhivoe o zhivom // Vospominanija o Maksimiliane Voloshine / pod red. V. Kupchenko, Z. Davydova. M., 1990. S. 199–267.]

Статья поступила в редакцию 10.07.2014 г.

УДК 908(477.75) + 821.161.1-94 + 82(1-87)

С. Р. Федякин

**«УХОДЯЩИЙ БЕРЕГ КРЫМА»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. ТУРОВЕРОВА, Б. ПОПЛАВСКОГО,
Г. ГАЗДАНОВА И В. НАБОВОКА**

Рассматриваются особенности изображения последних мгновений на родине четырех писателей младшего литературного поколения первой эмиграции. Автор статьи приходит к выводу, что каждый из них в изображении расставания с отечеством проявил свои, неповторимые черты. Вместе с тем, общим для писателей стал не только «крымский» сюжет, но и переживание исторического излома, который заставил каждого искать свой ответ на изменения в мире и в человеческом сознании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: образ; интонация; музыка стиха; память; воображение; историческое зрение; тема; мотив; творчество; русское зарубежье.

Когда мы говорим о младшем поколении писателей русского зарубежья, то чаще всего представляем их в некоей целокупности: все они покидали родину еще не писателями, даже если кое-что успели опубликовать до жизни за границей, как Набоков или Поплавский. Но ведь подлинный писатель — неповторим. Даже если описывает то, что до него изображали другие.

Судьба распорядилась так, что четверо из «молодых» — и весьма известные — не только прощались с отечеством, покидая крымские берега. В их произведениях — в той или иной форме — это расставание изображено. И положив рядом эти «мгновения», запечатленные стихами или прозой, мы можем попытаться обнаружить и общие «поколенческие» черты, и те, за которыми отчетливо просматривается лицо автора.

Николай Туроверов — старший из них. Образ Крыма — прямо или косвенно — возникает в его стихах на протяжении чуть ли не всего творческого пути.

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня...

[Туроверов, 1965, с. 79]¹

Стихотворение стало знаменитым. Поэту удалось запечатлеть один из тех образов, которые можно назвать символическими. Конь — вечный спутник человека, тем более — казака: без него не обходятся жестокие военные годы. За туроверовским образом встают, пусть и не названные, родные степи, которых им, недавним воинам, а вскоре эмигрантам, уже никогда больше не увидеть. В последней строфе, между второй и третьей строкой, поэтом проведена отчетливая черта, отделившая прошлое, Россию, от неизвестного будущего:

¹ Ссылки на стихотворения Туроверова даются по парижскому сборнику стихотворений 1965 г., поскольку ранние произведения там даются в последней авторской редакции.

Мой денщик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

[Туроверов, 1965, с. 79]

Современники часто говорили о Туроверове как о поэте «казачьем». Но здесь он, несомненно, выходит за сословные границы. Конь — это самый верный товарищ. Выстрел в «своего коня» становится символом только что отгремевшей братоубийственной войны. В последних двух строках — и образ погибшего отечества, и судьба людей, его потерявших.

Но знаменитое стихотворение будет написано в 1940 г., человеком зрелым, прожившим уже четыре десятка лет. Много ранее, в 1925-м, в поэме «Перекоп» еще нет этой емкости образов. Есть только их предчувствие:

О милом крае, о родимом
Звенела песня казака
И гнал и рвал над белым Крымом
Морозный ветер облака.
Спешу, мой конь, долиной Качи,
Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход,
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подпруг
И, злым предчувствием волнуем,
Заржет печально верный друг.

[Там же, с. 23–24]

Подобной же «предысторией» хрестоматийного «Крыма» стало и стихотворение 1926 г.:

Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Исчезала в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук...

[Там же, с. 27]

Если отступить еще дальше, то мы увидим крымские образы в стихотворении 1920 г. Оно написано с совершенно иной, довольно-таки «бодрой» интонацией:

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине

И в этот день в Чуфут-кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год — прощай Россия!

[Туроверов, 1965, с. 9]

Именно двигаясь от более позднего произведения к раннему — ощущаешь, что тот неповторимый, объемный образ 1940 года вобрал в себя не только опыт самой гражданской войны, но и опыт осмысления судеб России. Об увлечении Туроверова историей писалось не раз: коллекционировал книги и гравюры, в которых запечатлелся исторический путь казачества и русского оружия, готовил выставки, посвященные тому же казачеству, войне 1812 г., Суворову. Публиковал очерки и статьи, названия которых говорят сами за себя: «Нагрудные знаки русской армии», «Конец Суворова», «Гибель Чернецова» [см.: Туроверов, 1960; 1967; 1985; 2006]. В последнем из перечисленных произведений (оно было опубликовано посмертно) — воспоминании о белых партизанах и своем участии в этом движении — историческое видение прошлого сказалось даже в той характеристике, которую Туроверов попытался дать своему поколению: «...Абсолютное отсутствие политики, великая жажда подвига и очень развитое сознание, что они, еще вчера сидевшие на школьной скамье, сегодня стали на защиту своих внезапно ставших беспомощными старших братьев, отцов и учителей» [Туроверов, 2006, с. 305].

Это историческое зрение скажется в образах стихотворения «Уходили мы из Крыма...», как и после, в 1944-м, в стихотворении «Товарищ», где давняя братоубийственная война увидена совершенно под иным углом:

Обоих нас блюла рука Господня,
Когда почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?

[Туроверов, 1965, с. 118]

Исчезло противостояние «белых» и «красных», осталось общее дело, проявился особый, стереоскопический взгляд на русскую трагедию, на время крушения Российской империи².

В середине 1920-х гг. звучала только ностальгия и — при последнем взгляде на крымский берег — только чувство невозвратности потерянного отечества:

Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.

[Там же, с. 27]

² Стихотворение, названное в сборнике 1942 г. «Крым», в книге 1965 г. дается без названия [см.: Туроверов, 1942, с. 13; 1965, с. 79]. Не потому ли, что с названием «Крым» был слишком заметен автобиографический акцент, а без этого названия образы стихотворения обретали более обобщающий и символический характер?

В самом же раннем стихотворении, с этой энергичной концовкой: «Двадцатый год — прощай Россия!», нет даже и тоски. Отчетливо ощутима только душевная твердость молодого казака и его готовность к испытаниям.

Единственное свидетельство о прощании с крымским берегом Бориса Поплавского — стихотворение «Уход из Ялты» — датировано тем же 1920 г. Рядом с другими стихотворениями Поплавского этого времени оно кажется необычайно зрелым. Здесь слышна та «поплавская» нота, которая «в полный голос» зазвучит в середине 1920-х гг. и в сборнике «Флаги» (1931). Возможно, поэт датировал не время появления стихотворения на свет, но самый момент «ухода из Ялты». Возможно, первоначальный вариант был написан в 1920-м, но позже подвергся правке. Впрочем, в отдельных строфах близкого по времени цикла «Константинополь» (особенно в сонете «Таксим» [см. Поплавский, т. 1, с. 558]), этот звук тоже ощутим, и потому предположение, что уже в 1920-м, т. е. в возрасте 17 лет, поэт мог написать вполне зрелое стихотворение тоже не кажется совсем невероятным.

Два стихотворения — Туроверова и Поплавского — о 1920 годе... Различие — почти во всем. То, что автор «Ухода из Ялты» — не участник событий, а только наблюдатель, понятно с первых же строф:

Всю ночь шел дождь. У входа в мокрый лес
На сорванных петлях калитка билась.
Темнея и кружась, река небес
Неслась на юг. Уж месяц буря длилась.

Был на реку похож шоссе́нный путь.
Шумел плакат над мокрым павильоном.
Прохожий низко голову на грудь
Склонял в аллее, всё еще зеленой.

[Поплавский, т. 1, с. 241]

Это не просто угрюмый «пейзаж». За образами ощутим взор «наблюдателя». Кажется, глаз почти случайно — даже как-то растерянно — выхватывает разобщенные детали окружающего мира. И уже сама эта разрозненность говорит о том, что произошло нечто непоправимое.

Вместе с тем за внешней разобщенностью запечатленных «картинок» сквозит ощущение единства: отдельные эпизоды сплетаются в единое целое, как в музыке сплетаются вместе разные темы. «Музыкальность» образного ряда усилена и певучей «минорной» интонацией.

При более пристальном вчитывании становится заметно, что поэт успел не только «переболеть» увлечение авангардом, но и усвоить уроки русского символизма в его высших проявлениях. Не случайно, говоря о поэзии Поплавского, современники будут вспоминать имя Блока. У того в знаменитом «военном» стихотворении «Петроградское небо мутилось дождем...», созданном в сентябре 1914 г., именно деталь создает ощущение непоправимого исторического перелома. Военные будни («Без конца — взвод за взводом и штык за штыком / Наполнял за вагоном вагон...» [Блок, т. 3, с. 185]) сменяются чувством тревоги вместе со строчками:

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал...

[Блок, т. 3, с. 186]

В стихотворении Поплавского «калитка билась» — образ с подобным же скрытым обобщением (мир «сорвался с петель»). В пятой строфе — не явная, но столь же настойчивая отсылка к общеизвестному крылатому выражению:

Все было заперто, скамейки пустовали,
Пронзительно газетчик возглашал.

[Поплавский, т. 1, с. 241]

Не просто — безлюдье и одинокий голос. За словами «пустовали» и «возглашал» мерцает древний библейский образ: «Глас вопиющего в пустыне». И как ответ на этот «глас» — тревожная разноголосица:

На холоде высоко трубы вдали,
И дальний выстрел горы оглашал.

[Там же]

После пятой строфы — за напряженными «пейзажными» строками — в стихотворение врываются реплики живых и отчаявшихся людей:

Все было сном. Рассвет недалеко.
Пей, милый друг, и разобьем бокалы.
Мы заведем прекрасный граммофон
И будем вместе вторить как попало.

[Там же]

Поэт запечатлел особое ощущение времени и судьбы, — то, какое должны были испытывать побежденные. Звучат голоса подвыпивших солдат, — тех, кто еще стоит на родном берегу, но скоро с отечеством расстанется. В этих строфах обнаруживается и «туроверовская» тема — доблести, чести:

Мы поняли, мы победили зло,
Мы все исполнили, что в холоде сверкало...

[Там же, с. 242]

Но молодой Туроверов в мгновение расставания («Двадцатый год — прощай Россия!») еще не ощутил боль потери. В его поэзию эта горечь придет несколько позже. Поплавский — от лица своих героев — чувствует утрату в самый миг расставания:

России нет! Не плачь, не плачь, мой друг,
Когда на елке потухают свечи,
Приходит сон, погасли свечи вдруг,
Над елкой мрак, над елкой звезды, вечность.

[Там же]

«Все было сном»... «Приходит сон...» — эта тема становится настойчивой. Она сплетается с темой России:

Не тратить сил! Там, глубоко во сне,
Таинственная родина светает...

[Там же]

Однажды Нина Берберова, разглядывая «юродивые», очень *русские* рисунки Алексея Ремизова, спросит у писателя, как он может жить без России. Тот с горечью ответит: «Россия — это был сон» [Берберова, т. 1, с. 306]. Поплавский схватывает это особое переживание. Впрочем, и его поэтический мир (как определил Газданов: «мир флагов, морской синевы, Саломеи, матросов, ангелов, снега и тьмы» [Газданов, т. 1, с. 744]) — будет подобен сновидению.

Конец «Ухода из Ялты» — своего рода «программа жизни» для младшего поколения эмигрантов. Здесь словно бы предвидена судьба самого поэта:

Что ж, будем верить, плакать и гореть,
Но никогда не говорить о счастье.

[Поплавский, т. 1, с. 242]

Эти последние строки, как и вся тональность стихотворения, напоминают то, что Поплавский будет говорить в программных своих статьях — «О согласии погибающего с духом музыки», «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции», «О смерти и жалости в “Числах”». И словно дополнением к этим стихотворным строчкам — только уже не в «ялтинской», а «эмигрантской» жизни — звучат и отдельные реплики из этих статей, вроде: «Как жить? — Погибать. Улыбаться, плакать, делать трагические жесты, проходить, улыбаясь, на огромной высоте, на огромной глубине, в страшной нищете» [Поплавский, т. 3, с. 46], или: «Мы понимаем согласие с духом музыки ранее всего как принятие собственной смерти» [Там же, с. 25].

В восприятии утраты Родины, в том прощальном взгляде, которые будущий эмигрант бросает на крымский берег, не может не сказаться пройденный жизненный путь. Не только в образах, но и в «энергетике» Туроверова отозвался его военный опыт. В музыке Поплавского, где даже острая его наблюдательность соотносима не только с сознанием самого поэта, но совмещает разные душевные отклики на происходящее (в том числе — голоса солдат разбитой армии), сказалась та особая его восприимчивость, из-за которой поэта будут воспринимать человеком «без кожи» [см.: Яновский, с. 14].

Мотив сна, сновидения настойчиво звучит и у Газданова. На последних страницах «Вечера у Клэр», где белая армия неуклонно откатывается к югу, этот мотив звучит с редким постоянством. Состояние сна сопутствует и «житейским» эпизодам («она приходила к нам, когда я спал...» [Газданов, т. 1, с. 150], «улегшись на койку, сейчас же заснул...» [Там же, с. 155]), и некоему собственному особому, «метафизическому» состоянию, когда он ощущает себя «между темными пространствами сна...» [Там же, с. 152]. Ощущение «жизнь есть сон» подчеркнуто и самим ритмом повествования. Когда плавными газдановскими

фразами воссоздаются картины боев, — все ужасы гражданской войны могут показаться сновидением, причем не столько страшным, сколько странным, вроде: «...снаряд попал в соседний вагон, набитый ранеными офицерами; и из него сразу понеслась целая волна криков — как это бывает в концерте, когда дирижер быстрым движением вдруг вонзает свою палочку в правое или левое крыло оркестра и оттуда мгновенно рвется вверх целый фонтан звона, шума и трепета струн» [Газданов, т. 1, с. 156].

С Поплавским сближает Газданова и чувство «пустынности». Понимание неизбежности расставания с Россией, с прошлой жизнью приходит к герою в запустелом помещении в Феодосии:

Стекла магазина были разбиты, в пустых складах раздавалось гулкое эхо наших разговоров, и казалось, рядом с нами говорят и спорят другие люди, наши двойники, — и в их словах есть несомненная и печальная значительность, которой не было у нас самих; но эхо возвышало наши голоса, делало фразы более протяжными; и, слушая его, мы начинали понимать, что произошло нечто непоправимое. Мы с ясностью услышали то, чего не узнали бы, если бы не было эха. Мы видели, что мы уедем; но мы понимали это только как непосредственную перспективу, и наше воображение не уходило дальше представления о море и корабле; а эхо доносилось до нас новое и непривычное, точно раздавшееся из тех стран, в которых мы еще не были, но которые теперь нам суждено узнать [Там же, с. 159].

Взгляд с корабля на крымский берег словно бы слюится, герой глядит на пожар в Феодосии в состоянии почти бесчувственном: «...Я не думал о том, что покидаю мою страну, и не чувствовал этого до тех пор, пока не вспомнил о Клэр» [Там же].

Но после — покинутый берег словно стоит перед его глазами: «Все дальше и слабее виднелся пожар Феодосии, все чище и звучнее становился шум машин; и потом, впервые очнувшись, я заметил, что нет уже России и что мы плывем в море, окруженные синей ночной водой, под которой мелькают спины дельфинов, и небом, которое так близко к нам, как никогда» [Там же, с. 160].

Того многолюдья на пароходе, о котором мы знаем по воспоминаниям эмигрантов, по другим художественным произведениям (например, в отдельных «нотах» близкому последним страницам «Вечера у Клэр» рассказу Бунина «Конец»), — почти не заметно у Газданова. В сознании героя преобладает морская «пустыньность»; между прежней жизнью и будущей возникают «воздушные пропасти» [Там же, с. 162]; прошлое тает, уходит в даль памяти. Именно в этом «потустороннем» пространстве памяти все еще осязатим крымский берег: «На пароходе отбивали склянки, их удары сразу напомнили мне бухту в Севастополе, покрытую множеством судов, на которых светились огоньки, и в определенный час на всех судах звучали эти удары часов, на одних глухо и надтреснуто, на других тупо, на третьих звонко. Склянки звенели над морем, над волнами, залитыми нефтью; вода плескалась о пристань — и ночью Севастопольский порт напоминал мне картины далеких японских гаваней, заснувших над желтым океаном, таких легких, таких непостижимых моему пониманию» [Там же, с. 160–161].

Жизнь героя — это жизнь его памяти³. Мир Газданова опирается не на реальные события, но на ту ассоциативную связь, которая рождается при воспоминании о том или ином эпизоде прожитой жизни. Поэтому этот мир тоже похож на сновидение, в котором русский Севастополь может «сливаться» с японской гаванью. Но если у Поплавского миг расставания с отечеством подобен сновидению потому, что ранее такой исход невозможно было себе представить, что *реальность* здесь подобна миру *нереальному*, то у Газданова его «сновидческое» повествование усложняется еще одним мотивом. Уход из Феодосии — это возвращение к Клэр. Расставание с отечеством — это будущая встреча с возлюбленной. Роман закольцован не только именем героини (начинается и заканчивается словом «Клэр»), но и образом гавани. В конце это ночной Севастополь, сквозь очертания которого проступает что-то «японское». В начале романа это Париж: «...Над Сеной горели, утопая в темноте, многочисленные огни, и когда я глядел на них с моста, мне начинало казаться, что я стою над гаванью и что море покрыто иностранными кораблями, на которых зажжены фонари» [Газданов, т. 1, с. 39].

И не только севастопольский пейзаж на последних страницах «рифмуется» с началом произведения. Мотив сна тоже здесь звучит, и уже в первом абзаце. Причем это сновидение — предчувствие творчества. «Прообразы» будущего романа будто и запечатлелись — еще едва-едва явленные, трудно различимые — в самом его начале: «Оглянувшись на Сену в последний раз, я поднимался к себе в комнату и ложился спать и тотчас погружался в глубокий мрак; в нем шевелились какие-то дрожащие тела, иногда не успевающие воплотиться в привычные для моего глаза образы и так и пропадающие, не воплотившись; и я во сне жалел об их исчезновении, сочувствовал их воображаемой, непонятной печали и жил и засыпал в том неизъяснимом состоянии, которого никогда не узнаю наяву» [Там же].

Образ Клэр стал тем «ключиком», который «отомкнул» пространство этих «шевелиющихся» в сознании образов. Именно рядом с ней, погруженной в сон, герой начинает вспоминать свое прошлое, подобное нескончаемому сновидению. Именно рядом с ней непроясненные «шевелиющиеся тени» начинают понемногу преображаться в мир, пришедший из далей времен: «В тот вечер мне казалось более очевидно, чем всегда, что никакими усилиями я не могу вдруг охватить и почувствовать ту бесконечную последовательность мыслей, впечатлений и ощущений, совокупность которых возникает в моей памяти как ряд теней, отраженных в смутном и жидком зеркале позднего воображения» [Там же, с. 47].

Иначе говоря, роман изображает не собственно прошлое героя, но его «творческий сон» об этом прошлом. Он все время находится на удалении от прошедших событий, он — одинокая живая душа среди «шевелиющихся теней». Отсюда приходит и это особое «газдановское» зрение: даже находясь в самом пекле событий, он сам словно бы не столько участвует в них, сколько наблюдает за происходящим.

³ О роли памяти в произведениях Газданова — причем той, которая проявляется даже в стилистике его прозы, — говорилось неоднократно, причем еще его современниками. См., например, отзывы на роман «Вечер у Клэр» с навязчивым упоминанием Марселя Пруста, наиболее характерными из которых стали рецензии Николая Оцупа, Марка Слонима и Михаила Осоргина [см.: Оцуп; Слоним; Осоргин].

Взгляд наблюдателя жизни сближает Газданова с Набоковым. Роман «Подвиг» был опубликован на полтора года позже «Вечера у Клэр». На герое Набокова тоже лежит печать автобиографизма. Николай Соседов у Газданова живет в вечных перемещениях — и в совсем ранние годы («Семья моего отца часто переезжала с места на место, нередко пересекая большие расстояния» [Газданов, т. 1, с. 53], и в годы Гражданской, связанные с «чувством постоянного отъезда» [Там же, с. 143]. Мартына Эдельвейса тянет ко всему «дорожному»: «Мартын страстно полюбил поезда, путешествия, дальние огни и раздирающие вопли паровозов в темноте ночи, и яркие паноптикумы мгновенных полустанков, с людьми, которых не увидишь больше никогда» [Набоков, т. 3, с. 114].

Но от берегов Крыма Мартын удаляется на пароходе. Водный путь для героя не обладает той притягательной силой, какую он испытывал к поездам («нутряная дрожь канадского грузового парохода, на котором он с матерью весной девятнадцатого года покинул Крым, ненастное море и косо хлещущий дождь — не столь располагали к дорожному волнению, как экспресс» [Там же]). И все же постепенно герой вживается в этот особый кусочек «подвижной» суши в необъятном море. И так же, как тема сна в «Вечере у Клэр» входит в описание гражданской войны через женский образ, так через женский образ происходит и срастание набоковского героя с новым «дорожным наслаждением» («в ее фигуре, в летающем шарфе, Мартын почуял все то драгоценное, дорожное, чем некогда его пленяли клетчатая кепка и замшевые перчатки, надеваемые отцом в вагоне...» [Там же]).

Герой Набокова лишен чувства ностальгии. Тоску по родине замещает тоска по безвозвратно ушедшему времени: «...берег России, отступивший в дождевую муть, так сдержанно, так просто, без единого знака, который бы намекал на сверхъестественную продолжительность разлуки, Мартын проводил почти равнодушным взглядом, и, только когда все исчезло в тумане, он вдруг с жадностью вспомнил Адреиз, кипарисы, добродушный дом, жители которого отвечали на удивленные вопросы неусидчивых соседей: “Да где ж нам жить, как не в Крыму?”» [Там же, с. 115].

Мартын Эдельвейс мог бы повторить за Николаем Кавалеровым из «Зависти» Ю. Олеси (героем тоже во многом автобиографическим): «Я развлекаюсь наблюдениями» [Олеша, с. 7]. В окружающий мир он всматривается с жадностью. И этот «цепкий» взгляд рождает ту цепочку подробностей, которая замкнутое пространство корабля превращает в особый неповторимый мирок: «Сложность, архитектурность корабля, все эти ступени, и закоулки, и откидные дверцы, вскоре выдали ему свои тайны, и потом уже было трудно найти закоулок, еще неизвестный» [Набоков, т. 3, с. 116].

Мирок этот населен маленьким, но своим и довольно причудливым «человечеством»: «Возникали таинственные, замечательные люди: был канадец, зафрахтовавший судно, угрюмый пуританин, чей макинтош висел в капитанской, безнадежно испорченной уборной маяча прямо над доской; был второй помощник, по фамилии Паткин, еврей родом из Одессы, смутно вспоминавший сквозь американскую речь очертания русских слов; а среди матросов был один Сильвио, американский испанец, ходивший всегда босиком и носивший при себе кинжал» [Там же].

Новизна для героя важнее давних привязанностей, она обещает что-то необыкновенное. И даже прошлое начинает восприниматься не таким, каким оно было, но «обновленным».

Роман Газданова был пронизан то скрытым, то явным стремлением героя, Николая Соседова, к героине, Клэр. В «Подвиге» реальный образ подменен воображаемым — вместо подлинных переживаний в герое пробуждаются чувства, им же сочиненные («воспоминание о Лиде окрашено было иначе, чем тогдашние, действительные их отношения» [Там же, с. 115]). То, на чем раньше герой не способен был заострить внимание, теперь — по мере того, как он все больше удаляется от России, — в его памяти обретает самостоятельную силу: «Длинное, нежное лицо Лиды, в котором было что-то ланье, теперь являлось Мартыну с некоторой назойливостью» [Там же]. Наконец, игра воображения несуществующее чувство делает почти реальным: «Мартын все уверял себя, что он пустился в странствие с горя, отпевает несчастную любовь, но что, глядя на его спокойное, уже обветренное лицо, никто не угадает его переживаний» [Там же, с. 115–116].

И Газданов, и Набоков воссоздают мир, рождаемый героем. Но Газданов погружается в глубину памяти, он сплетает мир из ассоциативных связей между пережитыми мгновениями, иногда далеко отстоящими друг от друга, но обладающими тайным родством. Он словно бы то и дело касается вечного детского вопроса: «В чем смысл жизни?» Набоков реальный мир — и в памяти, и в том, что предстает перед глазами сейчас, — замещает миром сочиненным. Он уходит от вечных вопросов, полагая — об этом, в сущности, будет написан роман «Дар», — что именно искусство слова дает вечность тому, что было некогда пережито. А о стремлении преобразить видимый мир своим воображением он однажды сам скажет в одном из интервью: «Обыденная реальность начинает разлагаться, от нее исходит зловоние, как только художник перестает своим творчеством одушевлять субъективно осознанный им материал» [Набоков о Набокове, с. 241].

Туроверов, Набоков, Поплавский, Газданов. Судьба заставила каждого из них некогда бросить прощальный взгляд на крымский берег и — запечатлеть увиденное.

Лучшее стихотворение Туроверова — это не только трагический «эпизод» Гражданской войны, но и явленная в образах трагедия русской истории. Стихотворное свидетельство Поплавского — запечатленное мгновение той же трагедии, только переданное человеком «без кожи», человеком обостренного восприятия, почему «Уход из Ялты» наполнен и чувством безысходности, и особой музыкой.

Прощальный взгляд Газданова приходит преломленным через творческую память, момент расставания с отечеством у Набокова — стал эпизодом заново создаваемой художественной реальности. В последнем случае словно бы прорисована и судьба самого автора — с вечным бездомьем, жизнью в гостиницах, постоянными отъездами из одного, уже «обжитого» пространства в другое, доселе неизведанное: Россия, Англия, Германия, Франция, США, Швейцария.

Путь Газданова — с особой ролью творческой памяти — после Второй мировой войны приведет его к неожиданному взгляду на прошлое, в чем-то подобному тому, который запечатлелся в «Товарище» Туроверова. Став участником

Сопротивления, Газданов увидел новых людей России — советских солдат, бежавших из немецкого плена и воевавших уже во Франции. Их бесстрашие казалось нечеловеческим. Писатель почувствовал в каждом из этих людей часть огромной, несокрушимой силы. И в 1946 г., в документальной повести «На Французской земле» писатель запечатлел и свой особый взгляд на события Гражданской войны. Россия в начале XX в. будто предчувствовала неотвратимость чудовищного испытания 1940-х гг. Она сама стала себя переделывать, — через революции и войны. «И вот оказалось, что, с непоколебимым упорством и терпением, с неизменной последовательностью, Россия воспитала несколько поколений людей, которые были созданы для того, чтобы защитить и спасти свою родину. Никакие другие люди не могли бы их заменить, никакое другое государство не могло бы так выдержать испытание, которое выпало на долю России. И если бы страна находилась в таком состоянии, в каком она находилась летом 1914 года, — вопрос о восточном фронте очень скоро перестал бы существовать. Но эти люди были непобедимы» [Газданов, т. 2, 653].

Некогда мир отчетливо делился на «белых» и «красных». По прошествии десятилетий и те, и другие были увидены как часть единой трагедии, единой истории. Случайно ли возникло это новое видение прошлого у тех писателей, которые прошли через гражданскую войну? А тема «жизнь есть сон»? Не потому ли она возникает у Поплавского и Газданова, что они покинули отечество совсем юными, еще не успев до конца осознать новую, тягостную реальность? И жизнь художественного сознания... Не потому ли она вошла в прозу Газданова и Набокова, что они — после утраты отечества, т. е. привычного, устоявшегося «мироздания», после повсеместного «искривления» человеческого сознания — ощутили невозможность *прямого* изображения событий? И не потому ли Туроверов и Поплавский попытались запечатлеть самые мучительные мгновения расставания с родиной, что их лирика была пронизана чувством непоправимости свершившихся судеб?

...Четыре писателя из того поколения, которое в русском зарубежье назовут «младшим». Двое из них появились на свет в 1899 г., двое других — в 1903-м. Двое прошли через Гражданскую войну, двое остались только наблюдателями этого исторического излома. Двое запечатлели расставание с родными берегами в стихах, двое — в прозе. Необыкновенное «попарное» соседство этих «параллельных» качеств у всех четверых дает возможность ощутить их глубинное единство.

В статье Газданова «О молодой эмигрантской литературе» старшие современники услышат молодую заносчивость в свержении авторитетов и будут старательно выискивать спорные суждения. Но они пропустили главное — слова о том, что после пережитой исторической катастрофы в сознании молодых пошатнулись прежние ценности, став для «теперешнего поколения» как бы «биологически чуждыми» [см.: Газданов, т. 1, с. 748].

Они могли или стать участниками Гражданской войны, или только сопереживать этому времени. Они могли вступить в литературу в эмиграции, но могли первые, робкие опыты опубликовать еще на родине. Сама такая «вариантность» — неотъемлемое качество этого поколения. Через Крым прошли многие русские литераторы. Но именно тех, кто появился на свет на самом

переломе XIX и XX вв., ждало одно потрясение. Совсем еще детское и в то же время такое взрослое. Всеобъемлющий образ у Туроверова, музыка Поплавского, творческая память Газданова, внутреннее пересоздание мира у Набокова — все это лишь разные отклики на одно и то же событие: мир перевернулся не только в реальности, но и в творческом сознании. «Уходящий берег Крыма» и стал той чертой, за которой каждый из четырех начал искать в ответ на это событие свой «художественный ответ».

Берберова Н. Н. Курсив мой. Автобиография : в 2 т. New York, 1983. 380 с. [Berberova N. N. Kursiv moj. Avtobiografija : v 2 t. New York, 1983. 380 s.]

Блок А. А. Пол. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 1997–2010. Т. 1. [Blok A. A. Pol. sobr. soch. i piseem : v 20 t. M., 1997–2010. T. 1.]

Газданов Г. Собр. соч. : в 5 т. М., 2009. 880 с. [Gazdanov G. Sobr. soch. : v 5 t. M., 2009. 880 s.]

Набоков В. В. Русский период. Собр. соч. : в 5 т. СПб., 1999–2000. [Nabokov V. V. Russkij period. Sobr. soch. : v 5 t. SPb., 1999–2000.]

Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002. 704 с. [Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'ju, recenzii, jesse. M., 2002. 704 s.]

Олешиа Ю. К. Избранное. Свердловск, 1988. 448 с. [Olesha Ju. K. Izbrannoe. Sverdlovsk, 1988. 448 s.]

Осоргин М. «Вечер у Клэр» // Последние новости. 1930. 6 февр. (№ 3242). [Osorgin M. «Večer u Kljer» // Poslednie novosti. 1930. 6 fevr. (№ 3242).]

Оцуп Н. Гайто Газданов. Вечер у Клэр // Числа. 1930. № 1. С. 232–233. [Ocyp N. Gajto Gazdanov. Večer u Kljer // Chisla. 1930. № 1. S. 232–233.]

Поплавский Б. Собр. соч. : в 3 т. М., 2009. 623 с. [Poplavskij B. Sobr. soch. : v 3 t. M., 2009. 623 s.]

Слоним М. Литературный дневник. ...Роман Газданова // Воля России. 1930. № 5/6. С. 446–457. [Slonim M. Literaturnyj dnevnik. ...Roman Gazdanova // Volja Rossii. 1930. № 5/6. S. 446–457.]

Туроверов Н. Стихи. Книга четвертая. Париж, 1942. 64 с. [Turoverov N. Stih. Kniga chetvertaja. Parizh, 1942. 64 s.]

Туроверов Н. Конец Суворова // Новый журнал (Нью-Йорк). 1960. № 62. [Turoverov N. Konec Suvorova // Novyj zhurnal (N'ju-Jork). 1960. № 62.]

Туроверов Н. Стихи. Книга пятая. Париж, 1965. 222 с. [Turoverov N. Stih. Kniga pjataja. Parizh, 1965. 222 s.]

Туроверов Н. Нагрудные знаки русской армии // Возрождение (Париж). 1967. № 183. [Turoverov N. Nagrudnye znaki russkoj armii // Vozrozhdenie (Parizh). 1967. № 183.]

Туроверов Н. Гибель Чернецова // Часовой (Брюссель). 1985. № 655–657; 1986. № 658–660. [Turoverov N. Gibel' Chernecova // Chasovoj (Brjussel'). 1985. № 655–657; 1986. № 658–660.]

Туроверов Н. Двадцатый год — прощай, Россия! М., 1999. [Turoverov N. Dvadcatyj god — proshhaj, Rossija! M., 1999.]

Туроверов Н. Н. Горечь задонной долины... Поэзия, проза и публицистика. Ростов н/Д, 2006. 416 с. [Turoverov N. N. Gorech' zadonnoj polyuni... Pojezija, proza i publicistika. Rostov n/D, 2006. 416 s.]

Яновский В. С. Поля Елисейские. СПб., 1993. 278 с. [Janovskij V. S. Polja Elisejskie. SPb., 1993. 278 s.]

Статья поступила в редакцию 10.07.2014 г.

УДК 82(1-87) + 821.161.1-94 + 908(477.75)

Ю. В. Матвеева

КРЫМСКАЯ «НОТА» РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Рассматриваются многообразные варианты особого «крымского мифа», который создали в своей поэзии и прозе «молодые» писатели первой русской эмиграции, большую часть воевавшие в Крыму во время Гражданской войны или эвакуированные из Крыма за границу. На примере творчества В. Смоленского, Н. Туроверова, Б. Поплавского, Г. Газданова, В. Набокова, И. Савина, Г. Кузнецовой, Н. Берберовой, А. Ладинского анализируются типичные и совершенно индивидуальные коннотации крымской темы, спектр которых складывается из следующих смыслов: место личного выбора и ответственности; место прощания и ухода из России; место элегического просветления и катарсиса; место последних испытаний (русская Голгофа); место встречи России и Запада.

Ключевые слова: крымская тема; крымский миф; русское зарубежье; «сыновья» эмиграции; Крым; Севастополь; Ялта; Феодосия; Херсонес.

Крымская тема является сквозной и очень притягательной, очень самобытной в русской литературе. Присутствие ее многолико: по-разному проступает она в меняющемся историческом времени (эпоха Екатерины Великой, начало XIX столетия, период Крымской войны, рубеж XIX–XX вв., война Гражданская и Отечественная); по-разному модифицируется в зависимости от жанровых особенностей тех произведений, которые к ней обращены (романтические поэмы, элегии, военные и бытовые психологические рассказы, исторические романы, философская лирика, фантастические романы и повести, утопии и антиутопии, очерковая проза, мемуаристика и т. д.). В том, что русская литература создала за последние двести с лишним лет свой собственный «крымский текст»¹, сомневаться не приходится. Этот феномен давно стал достоянием исследователей, рассматривающих «крымскую тему» в творчестве Пушкина и Толстого, Чехова и Бунина, Шмелева и Набокова, Грина и Волошина, Ахматовой и Мандельштама. И вспомнить здесь можно не только ряд отдельных публикаций, но и монографии, сборники научных работ, собирающие и дешифрующие это метатекстовое единство². Так же, как привычно мы говорим сегодня о петербургском или московском мифе, укорененных в нашей культуре, можно говорить о мифе крымском, ничуть не менее конституированном. Что его предопределило? Как в случае с любым топическим мифом — в первую очередь, история и география. Для России Крым — это обетованный и желанный берег, это ворота в византийскую и европейскую цивилизацию, выход в Черное, а значит, и Средиземное море, но это еще и территория, всегда тяжело оспариваемая, начиная с завоевания Корсуня

¹ Ввел этот термин в культурологический и литературоведческий научный обиход А. П. Люсый [см.: Люсый].

² Приведем в качестве примера некоторые избранные издания и публикации обобщающего характера: [Люсый; Кунцевская; Дайс, Сид; Крымский текст в русской литературе].

князем Владимиром Святым. Мера успешности в борьбе за Крым всегда была своеобразным барометром внутренней силы Русского государства, ведь в споре за Крымский полуостров неизменно побеждал сильнейший.

Кроме того, «крымский миф» — так же, как петербургский, который системно проанализирован Ю. М. Лотманом, чьи формулировки хотелось бы здесь использовать, — предобусловлен «эксцентрическим положением» Крыма в «семиотическом пространстве» России [Лотман, с. 10], пребыванием «на краю» ее географии и культуры. Поэтому, как и Петербург, Крым всегда воспринимался, с одной стороны, как истинный символ России (ее славы, героизма, государственной мощи), а с другой — как не-Россия, иная культура, иное пространство.

Особая семантика рубежности, пограничности Крыма по-новому актуализировалась в эпоху Гражданской войны, не случайно Крым стал одним из ключевых ее символов. Причем, опять-таки, символом двояким, передающим с одинаковой интенсивностью и сопротивление белых (русская Вандея, последний оплот Белого движения, последняя русская небольшевистская власть в виде Крымской республики), и наивысшую решимость красных идти на любые жертвы, а потом — на любую жестокость.

Не пытаясь собрать все громадное количество написанного о Крыме эпохи Гражданской войны, попробуем восстановить тот его образ, который запечатлелся, говоря словами О. Мандельштама, «на сетчатке» тех, кто был в рядах его «белых» защитников — в рядах «самых храбрых и блестящих» (А. Малышкин), тех, кто последний раз смотрел на горящие берега Родины с кормы «длинных серых кораблей» (Н. Тихонов) и на всю жизнь сохранил самоощущение «человека из разбитой армии» (В. Шкловский).

В Крыму воевали и по-разному завершали свой воинский путь Гайто Газданов, Владимир Смоленский, Николай Туроверов, Николай Рошин, Виктор Емельянов, оказавшийся после госпиталя в плену у большевиков Иван Савин, тяжело раненный к моменту эвакуации Антонин Ладинский. Из Крыма отправившись в эмиграцию Владимир Набоков, Борис Поплавский, Владимир Варшавский, Галина Кузнецова, разделявшая тогда судьбу своего мужа — белого офицера. В творчестве каждого из них Крым обязательно присутствует, хоть и присутствует в разном художественном и смысловом масштабе, с разной интенсивностью.

В целом крымская рефлексия в литературе, созданной «сыновьями» эмиграции, не была слишком обширной, зато была устойчивой во времени и значительной в смысловом плане. Прежде всего, Крым глубоко укоренился в русской памяти молодых эмигрантов как место предельных человеческих испытаний, место кардинального слома судьбы, как последний, унесенный с собой образ России — прощальный русский берег. А поскольку для большинства из них Крым не был местом обжитым и по-бытовому приближенным, как для некоторых более старших современников, то он так и остался в их творческой памяти пространством символическим, а значит, пространством повышенной семиотической значимости. Особенно это чувствуется в поэзии, навсегда закрепившей сюжет «ухода» из Крыма в отчетливо трагических и максимально выразительных образах.

Так, например, одним из самых удачных, самых известных и узнаваемых стихотворений В. Смоленского стало стихотворение, создающее эмблематический по своей однозначности образ отступления белой армии.

Над Черным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.

Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель с севера.

Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом.

И Ангел плакал над мертвым ангелом:
— Мы уходили за море с Врангелем.

[Смоленский, с. 180]

Необычность размера, парные богатые рифмовки, соединение статики и очень выразительной динамики: «летела» — «летели» — «летели» — «убили» — «уходили». Все это при общем максимальном лаконизме создает картину, непроизвольно врезающуюся в память.

Такое же стихотворение-эмблема есть и у Н. Туроверова — его знаменитое «Уходили мы из Крыма...». Но если это стихотворение датируется 1940 г., то и в более ранний период по свежим следам собственных впечатлений и переживаний Туроверов писал о том же самом:

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине,
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине.
И в этот день в Чуфут-Кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год — прощай, Россия!

[цит. по: Русская Атлантида, с. 98]

Расширяет, углубляет, детально и эмоционально конкретизирует сюжет «ухода» Б. Поплавский в своем стихотворении «Уход из Ялты» [Поплавский, с. 241–242]. Поплавский «схватывает» ту же самую ситуацию, но «схватывает» по-иному. Он не воевал, и у него нет, как у Смоленского и Туроверова, чисто военных коннотаций (кровь, выстрелы, мертвые), но есть некое остранение, взгляд одновременно изнутри и извне воспроизводимого события. Стихотворение Поплавского одновременно повествовательное и провиденциальное. Оно буквально переполнено подробностями, которые создают облик покинутого, уже отчужденного пространства: «на сорванных петлях — калитка билась»; «был на реку похож шоссе́нный путь»; «все было заперто, скамейки пустовали»; «дальний выстрел горы оглашал»; а потом: «всю ночь солдаты пели до рассвета»; «в последний раз священник на горе служил обедню»; «борт парохода был высок, суров»; «медленно краснел ночной восток».

С другой стороны, пронзительная доверительность интонации обращения («Пей, верный друг — и разобьем бокалы»), философско-психологическая рефлексия собирательного «мы» («Мы поняли, мы победили зло, / Мы все исполнили, что в холоде сверкало»), элегическая горечь авторского обобщения («Кто знал тогда... Не то ли умереть? / Старик спокойно возносил причастье... / Что ж, будем верить, плакать и гореть, / Но никогда не говорить о счастье»), — все это воссоздает самое живое, самое непосредственное переживание «ухода» и одновременно придает ему, этому горестному «уходу из Ялты», статус экзистенциально-онтологический.

Тот же самый смысловой потенциал крымской темы, но более развернуто и аналитически представлен младшими эмигрантскими писателями в их прозе. И, быть может, по уровню символического обобщения и трагической поэтичности со Смоленским, Туроверовым и Поплавским более других здесь мог бы консолидироваться Гайто Газданов.

Свое пребывание в Севастополе и отплытие с врангелевской армией из пылающей Феодосии писатель передоверил многим героям собственной прозы, но, конечно, ярче всего, полновесней и полноправней крымский сюжет реализован в его первом романе «Вечер у Клэр», где Гражданская война проводит шестнадцатилетнего Николая Соседова через Джанкой, Севастополь, Феодосию, превращая, в конце концов, солдата бронепоезда «Дым» в пассажира отплывающего парохода. По образной насыщенности, градусу лирического напряжения, психологической убедительности с газдановским «уходом» трудно сопоставить какой-либо другой прозаический текст той же проблематики. Есть у Газданова точность фрагментарного видения («покрытый белой каменной пылью» [Газданов, с. 152] Севастополь, приплывающие и отплывающие пароходы, «выжженные поля и желтые деревья», «серая масса буденовской кавалерии» [Там же, с. 156]); есть непосредственная символика (убитый нырок, которым играет морское течение — людская масса, колеблющаяся «на поверхности событий» [Там же, с. 152]; эхо в разбитом магазине Феодосии, которое «возвышает» человеческие голоса до уровня высокой мистерии [Там же, с. 159]); есть приподнимающая риторика библейских метафор («И Черное море представлялось мне как громадный бассейн Вавилонских рек, и глиняные горы Севастополя — как древняя Стена Плача» [Там же, с. 153]); есть романтические сравнения музыкального ряда (в «неверных» пьяных голосах офицеров, распевających «Боже, царя храни», слышится «музыкальное величие прогоревшей империи», толпы собравшихся в Севастополе военных и штатских людей «точно участвовали в безмолвной минорной симфонии театрального зала» [Там же]); есть медитативно-философская интонация эмпирических обобщений («Я увидел слезы на глазах обычно нечувствительных людей; революция, лишив их дома, семьи и обедов, вдруг дала им возможность глубокого сожаления и на миг освобождала от грубой, военной оболочки их давно забытую, давно утерянную душевную чувствительность» [Там же]).

Все это вместе создает картину поразительной эмоциональной силы, которая не случайно, конечно, содержит в себе одну из кульминаций романа, ибо события, в ней представленные, являются и в судьбе героя, и в судьбе огромной массы других, его окружающих людей, моментом переломным, после которого

прежнее состояние, прежняя жизнь — невозможны. Газданов этот момент точно, трезво, совершенно объективно фиксирует: «...казалось, возвращаться отсюда назад в Россию невозможно»; все они, попавшие вместе с Колей Соседовым на крымский берег, «должны были, оставив зону российского притяжения, попасть в область иных, более вечных влияний и плыть, без романтики и парусов, на черных угольных пароходах прочь от Крыма, побежденными солдатами, превратившимися в оборванных и голодных людей» [Газданов, с. 152–153]. Окончание этой цитаты особенно важно, т. к. в нем обозначен тот социально-психологический слом, которым сюжет «ухода» из Феодосии, из Севастополя, из Крыма у Газданова отмечен. Ведь самое главное в нем — это метаморфоза, превращающая «побежденных солдат» в «оборванных и голодных людей» и обозначающая, по сути дела, некую символическую точку невозврата, отчего, быть может, крымская нота в романе и звучит так высоко.

Еще один образ «ухода» из Крыма дает в своих рассказах Г. Кузнецова, и это женский вариант бесчисленных модификаций всеобщего сюжета. Героини «крымских» рассказов Г. Кузнецовой — молодые женщины, жены белых офицеров, разделяющие со своими мужьями агонию поражения. В рассказе «Бахчисарай» (1927) поручик пытается найти своей беременной жене укрытие в захолустном Бахчисарае, но бывший друг перед наступлением красных оказывается не друг, и, проделав тяжелый ночной путь, наутро офицер с женой вместе спешат на станцию, чтобы «присоединиться... к эшелону, идущему на Севастополь» [Кузнецова, с. 83]. В рассказе «Последняя повесть» (1929), написанном от первого лица, героиня вместе с мужем — белым офицером — прибывает из Болгарии в Севастополь, какое-то время живет в нищей казарме на территории Херсонесского монастыря, бывает в Севастополе, а когда муж получает долгожданное «назначение к фронту» [Там же, с. 180], они вместе уезжают. Как видим, сюжеты Г. Кузнецовой просты, узнаваемы, лишены внешнего драматизма и событийности, но в них сильно и особенно важно лирическое начало, основой которого становится рефлексия, вызванная местом — в первом случае это ханский дворец в Бахчисарае, куда упрасивает мужа ненадолго войти измотанная и уставшая молодая женщина, во втором — древний Херсонес. Контраст «древность» — «современность» образует композиционный рисунок обоих рассказов.

Когда герои попадают в покои ханского дворца, когда героиня видит «древние холмы» и «суровый темный силуэт Херсонесского храма» [Там же, с. 175], повествовательное время останавливается: отключается мысль о стремительном отступлении, «нищем, грязном, оскверненном» [Там же, с. 176] Севастополе. Но обращение к этой старине и вечности живительно — оно дает возможность вынести настоящее. В целом крымский сюжет у Г. Кузнецовой разрешается не столько в трагической, сколько в элегической тональности.

Такой же элегический пафос пронизывает небольшой рассказ Н. Берберовой, название которого говорит за себя — «Крымская элегия» (1937). Главная героиня, состоявшаяся и благополучная оперная певица, приезжает из-за границы к себе на родину, в Крым, где жила до семнадцати лет. Попав в город своего детства, она идет в старый костел и, как бы возвращаясь к самой себе, преодолевая толщу прожитых лет и перемен, поет шубертовскую «Ave Maria». Несмотря на то, что

служба в храме давно не ведется, приходят люди, зовут старого ксендза. Сюжет рассказа никак не связан с Гражданской войной, но то, что именно Крым стал для героини местом, где «дошла до крайней точки» [Берберова, с. 276] ее жизнь, — символично. То же самое могли бы о себе сказать все, кто уходил из России дорогами Крыма.

И совершенно точно «дошла до крайней точки» здесь жизнь поэта и прозаика Ивана Савина, который оказался в числе оставшихся в Крыму белых солдат и офицеров. Пройдя через «чистилище» джанкойского фильтрационного лагеря, этапы перегонки военнопленных («босиком по морозу и камням в Мелитополь»), побои и поминутно угрожающую смерть, он запечатлел в своих рассказах Крым в образе Голгофы. Судьбы же оставшихся белых солдат и офицеров в его понимании — это восхождение: через просветление и мученичество к жертвенной гибели: «Для нас, для “врангелевцев” чистой воды, трагическое завершение белого движения было смертельным ударом»; «Мсть за то, что белая армия успела уйти в море, с особой силой обрушилась на наши головы... Но склонялись они покорно»; «И вместе с тем сквозило в этой белой покорности что-то до того неуловимо прекрасное, что горчайшее унижение человеческого достоинства мы принимали как венец. Не мученичества, а скрытой, неясной радости и гордости, которого не оплевать и не унижить» [Савин, с.138]; «Только тогда, в те голгофские года, я почувствовал в себе, осязал и благословил камень твердости и веры, брошенный мне в душу белой борьбой» [Там же, с. 139].

Особое место Крым занимает в творчестве В. Набокова. Писатель, как известно, любил Крым, жил там в родительской семье, и, пожалуй, именно Крым после Петербурга и Выры стал для него третьей опорной точкой русского пространства. Именно они, три культурно-географических опоры (Петербург — Выра — Крым), как Атланты, как три кита, держат на себе Россию Набокова. Совершенно естественно поэтому, что «крымский текст» Набокова, во-первых, более обширный, чем «крымский текст» большинства его ровесников, а во-вторых, включает в себя несколько иные смыслы.

Конечно, Крым для Набокова, как и для многих молодых писателей зарубежья, тоже оказался своеобразным эпилогом русской жизни и русского детства, дорогой, которая «ведет прочь от России» [Набоков, 1990, т. 1, с. 103]. Сюжет «ухода» в набоковской прозе многократно присутствует: в «Машеньке», «Подвиге», «Соглядатае», «Других берегах». Он лишен у Набокова пафоса и надрыва, но не лишен трагической грусти: партия в шахматы, которую герой разыгрывает с отцом на борту греческого судна «Надежда», — лишь демонстрация показного равнодушия, маскирующая мысли о «беспорядочной стрельбе» на берегу, оставшейся Тамаре, уходящей России.

Кроме того, Крым в набоковских текстах почти всегда ассоциируется с Гражданской войной: именно здесь, живя в Ялте в 1918 г., ее «пропустил» юный Набоков, но здесь же почувствовал и «тупую опасность» смерти, и негодование на «человекоподобных» из «новеньких советов» [Набоков, 1990, т. 4, с. 269]³,

³ А. М. Зверев, кроме того, упоминает напечатанное юным Набоковым в одной из местных газет той поры стихотворение «Ялтинский мол» [Зверев, с. 57], навеянное массовыми казнями морских офицеров в Ялте.

и подлинное горе утраты — гибель Юрия Рауша фон Траубенберга⁴. Не случайно поэтому воспоминания и мечты набоковских героев о Гражданской войне почти всегда связаны с Крымом.

Характерно, что уже в Крыму, глядя «на крутой обрыв Яйлы», как признается писатель в «Других берегах», он впервые ощутил «горечь и вдохновение изгнания»: «тут не только влияли пушкинские элегии и привозные кипарисы, тут было настоящее...» [Набоков, 1990, т. 4, с. 268]. В этой фразе — квинтэссенция набоковского восприятия Крыма: несравненное крымское очарование рождается у писателя из этой смеси литературности («пушкинские элегии»), особенной крымской реальности («привозные кипарисы») и, конечно же, присутствия близкой трагедии, слышанья токов судьбы («настоящего»).

Несомненно, Крым стал для Набокова одним из самых ярких, наиболее сильных воспоминаний юности. Не случайно крымские образы будут ассоциироваться и рифмоваться в его прозе со столь же любимыми образами Франции: Мартын Эдельвейс «в пятнадцать лет» «сравнивал крымское море с морем в Биаррице», а «собранные в кучу огни Ялты напоминают Мартыну увиденные сквозь окно поезда... огни юга Франции» [Там же, т. 2, с. 169]; эхо Ялты отзовется названием французского города Фиальта в одном из лучших набоковских рассказов, а топонимы и факты жизни предреволюционного Севастополя, как это убедительно проследили в своем исследовании В. П. Казарин и Е. К. Беспалова [Казарин, Беспалова], проступят в именах героев и названиях вымышленной местности в романе «Под знаком незаконнорожденных».

Абсолютно новое измерение — если говорить о круге «молодых» эмигрантских авторов — получает крымская тема в творчестве Антонина Ладинского. В его личной биографии Крым тоже стал последней русской чертой, за которой последовала эвакуация, тяжелая жизнь в Египте, долгие годы жизни во Франции. В эмиграции Ладинский был признан, главным образом, как поэт. Однако Крым появился в его творчестве именно тогда, когда поэт Ладинский, все больше эволюционирующий в сторону историзма и культурологической философичности, начал писать исторические романы. Его второй роман, вышедший в Таллине в 1938 г. под названием «Голубь над Понтом», а после возвращения автора в Советскую Россию переизданный под заголовком «Когда пал Херсонес» (1959), поднимает и высвечивает тему Крыма — Таврии — Херсонеса как тему ключевую в парадигме многовековых взаимоотношений России и Запада. Характерно, что «Голубь над Понтом» вообще открыл этот большой и важный для Ладинского-прозаика сюжет⁵. Совершенно справедливо заметил еще Г. П. Струве, что Ладинского, «как и Алданова, интересовала связь времен — в прошлом он искал отражений настоящего времени» [Струве, с. 211].

Одним из главных векторов эмигрантского интеллектуального мышления была, конечно, мысль о России, ее предназначении, ее роли в истории европейской

⁴ Гибель Юрия Рауша напрямую отзовется не только в набоковской автобиографии, но и в раннем, очень трогательном, очень искреннем стихотворении «Памяти друга» [см.: Набоков, 1999, с. 68].

⁵ Продолжили тему исторической взаимосвязи и органической параллели русского мира с миром западным романы «Анна Ярославна и ее мир» (1950) / «Анна Ярославна — королева Франции» (1961) и «Последний путь Владимира Мономаха» (1966).

цивилизации. В разыгрывании этой темы активно участвовал и А. Ладинский. Ссылаясь на Г. Н. Федотова, Струве не случайно вспоминает его поэтическую книгу «Стихи о Европе» (1937), явно предшествующую роману о Византии и Древней Руси: «Ладинского преследовала тема гибели Европы, гибели культуры, и он обращался к переломным эпохам в истории» [Струве, с. 211]. Повествование в первом русско-европейском романе Ладинского ведется от имени патрикия и друнгария константинопольских царских кораблей Ираклия Метафраста⁶. Ираклий пишет книгу о своей жизни, но жизнь его накрепко связана с жизнью и политикой Ромейского государства эпохи царствования Василия Болгаробойцы. В книге очень много мирного и военного быта Византийской империи: множественные красоты Константинополя, поход Василия против болгар, морское сражение ромейцев и руссов под стенами Херсонеса. Однако время, изображаемое Ираклием, — трудное, беспокойное для империи время, когда власть василевсов слабеет.

«И вот в эти дни, — размышляет герой Ладинского, — когда колеблется мир, на арену истории выходят русские племена. Что их толкает? Почему они так яростно стучатся в наши ворота? Какая сила влечет их к южным морям? Чрезмерное число их или мечта о чем-то прекрасном, чего еще никому до сих пор не удалось осуществить на земле?» [Ладинский, с. 103]. Василию приходится не только идти с руссами на переговоры, но и отдать в жены Владимиру свою сестру, порфиригениту Анну. За это Владимир обещал вернуть завоеванный им Херсонес вместе с солеварнями и помочь военной силой, чтобы разгромить, наконец, многочисленные восстания мятежников.

Руссы и особенно Владимир предстают в восприятии Ираклия как сильные, красивые, дикие, не скованные веригами церемоний благородные люди. Ираклий тайно и давно любит Анну, считает в душе Владимира своим соперником, но отдает ему, тем не менее, дань справедливости и в критический момент, когда громадная рысь бросается на русского князя, спасает ему жизнь. Скифия, русская земля, куда вслед за порфиригеницей Анной попадает Ираклий, кажется ему во всем противоположной земле ромейской — она свежа, богата, «полна изобилия»: «Над Русской землей веял совсем иной воздух, чем на наших форумах. С какой радостью вдыхала его Анна!» [Ладинский, с. 141]. Это край возможностей, край будущего, недаром поэт и архитектор Димитрий Ангел решает остаться в Скифии: «Какие храмы я построю в Киеве! Сколько здесь богатства, скота, меда, мехов, золота!» [Там же].

Ромейское царство — тысячелетняя история, в нем все подчинено порядку, церемониалу. Русский мир — молодой, здесь все просто (зал для пиршества посыпает соломой, едят руками), но здесь куда больше свободы, больше равенства (женщины сидят с мужчинами), здесь есть простор для творчества. Это будущая цивилизация. Символическим же скрещением этих двух миров, двух цивилизаций становится греческий Херсонес, который завоевали руссы и отдали по доброй воле Константинополю после прибытия Анны.

⁶ Будучи лириком по типу художественного мышления и пропуская через себя всеохватную в то время литературную технику «потока сознания», Ладинский в своих исторических полотнах во многом эту свою лирическую сущность также реализует.

Конечно, роман Ладинского не о Херсонесе, но Херсонес, его образ, его судьба, является в нем ключевым сюжетным узлом, ведь «Херсонес в Таврике» — это территория отстаивания военных и политических приоритетов, территория, с которой началось укоренение новой христианской веры, это город, где константинопольская царевна стала женой русского князя Владимира. В контексте историософского мышления Ладинского Херсонес, безусловно, мыслится как место первой встречи Запада и России, пошатнувшейся Византийской империи и набирающей силу Руси.

Так, с течением времени экзистенциально-лирический и трагический крымский сюжет «молодых» писателей-эмигрантов перевоплощается в творчестве А. Ладинского в сюжет эпический, непосредственно связанный с темой исторического пути России и философским осмыслением развития человеческой цивилизации.

Подводя итог, можно сказать определенно, что у каждого из писателей-эмигрантов младшего поколения, кто имел собственный крымский опыт и прошел через Крым, была своя «крымская нота», вписанная в единый мелодический рисунок творчества. У кого-то она звучит чаще и громче, у кого-то — реже и приглушеннее, но и в том, и в другом случае без этой ноты мелодия их жизни и творчества была бы совершенно иной.

Берберова Н. Н. Рассказы не о любви // Берберова Н. Н. Без заката; Маленькая девочка; Рассказы не о любви; Стихи. М., 1999. С 201–325. [Berberova N. N. Rasskazy ne o lyubvi // Berberova N. N. Bez zakata; Malen'kaya devochka; Rasskazy ne o lyubvi; Stixi. M., 1999. S 201–325.]

Газданов Г. Собр. соч. : в 5 т. М., 2009. Т. 1. 882 с. [Gazdanov G. Sobr. soch. : v 5 t. M., 2009. T. 1. 882 s.]

Дайс Е., Сид И. Переизбыток писем на воде. Крым в истории русской литературы // Нева. 2011. № 3. С. 155–182. [Dajs E., Sid I. Pereizbytok pisem na vode. Krym v istorii russkoj literatury // Neva. 2011. № 3. S. 155–182.]

Зверев А. М. Набоков. М., 2004. 464 с. [Zverev A. M. Nabokov. M., 2004. 464 s.]

Казарин В. П., Беспалова Е. К. «...обезумевшее зеркало террора и искусства» (Опыт реального комментария к роману В. В. Набокова «Под знаком незаконнорожденных») [Электронный ресурс]. URL: <http://daportal.org/ru/site/1/4/4> (дата обращения: 02.07.2014). [Kazarin V. P., Bepalova E. K. «...obezumevshee zerkalo terrora i iskusstva» (Opyt real'nogo kommentariya k romanu V. V. Nabokova «Pod znakom nezakonnozhdennyx») [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://daportal.org/ru/site/1/4/4> (data obrasheniya: 02.07.2014).]

Крымский текст в русской литературе : материалы междунар. конф. / под ред. Н. Букс, М. Н. Виrolайнен, СПб., 2008. 250 с. [Krymskij tekst v russkoj literature : materialy mezhdunar. konf. / pod red. N. Buks, M. N. Virolajnen, SPb., 2008. 250 s.]

Кузнецова Г. Н. Пролог. СПб., 2007. 327 с. [Kuznecova G. N. Prolog. SPb., 2007. 327 s.]

Кунецовская Г. Н. Благословенная Таврида: Крым глазами великих русских писателей. [Т. 1]. М., 2011. 392 с. [Kuncevskaia G. N. Blagoslovennaya Tavrida: Krym glazami velikix russkix pisatelej. [T. 1]. M., 2011. 392 s.]

Кунецовская Г. Н. Неповторимый Крым: Крым в судьбе и творчестве русских писателей. [Т. 2]. М., 2011. 364 с. [Kuncevskaia G. N. Nepovtorimyj Krym: Krym v sud'be i tvorchestve russkix pisatelej. [T. 2]. M., 2011. 364 s.]

Ладинский А. П. Когда пал Херсонес. Анна Ярославна — королева Франции : ист. романы. Киев, 1987. 573 с. [Ladinskij A. P. Kogda pal Xersones. Anna Yaroslavna — koroleva Francii : ist. romany. Kiev, 1987. 573 s.]

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1993. Т. 2. С. 9–21. [Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda // Lotman Yu. M. Izbr. st. : v 3 t. Tallin, 1993. T. 2. S. 9–21.]

Люсый А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб., 2003. 320 с. [Lyusyj A. P. Krymskij tekst v russkoj literature. SPb., 2003. 320 s.]

Набоков В. В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. [Nabokov V. V. Sobr. soch. : v 4 t. M., 1990.]

Набоков В. В. Стихотворения и поэмы. М. ; Харьков, 1999. 592 с. [Nabokov V. V. Stixotvoreniya i poe'my. M. ; Har'kov, 1999. 592 s.]

Поплавский Б. Собр. соч. : в 3 т. М., 2009. Т. 1. 560 с. [Poplavskij B. Sobr. soch. : v 3 t. M., 2009. T. 1. 560 s.]

Русская Атлантида. Поэзия русской эмиграции. Младшее поколение первой волны / сост., библиогр., коммент. С. А. Ивановой. М., 1998. 174 с. [Russkaya Atlantida. Poe'ziya russkoj e'migracii. Mladshee pokolenie pervoj volny / sost., bibliogr., komment. S. A. Ivanovoj. M., 1998. 174 s.]

Савин И. «Мой белый витязь...» : сб. Стихи и проза / сост. и предисл. В. Леонидов. М., 1998. [Savin I. «Moj belyj vityaz'...» : sb. Stixi i proza / sost. i predisl. V. Leonidov. M., 1998.]

Смоленский В. А. «О гибели страны единственной...» Стихи и проза. М., 2001. 288 с. [Smolenskij V. A. «O gibeli strany edinstvennoj...» Stixi i proza. M., 2001. 288 s.]

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж ; М., 1996. 448 с. [Struve G. P. Russkaya literatura v izgnanii. 3-e izd., ispr. i dop. Parizh ; M., 1996. 448 s.]

Статья поступила в редакцию 10.07.2014 г.

УДК 821.161.1-94(477.75) + 82(1-87) + 2-264

Д. В. Харитонов

**САМЫЙ АКТУАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ,
ИЛИ НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ О РОМАНЕ-ПРЕДСКАЗАНИИ**

Исследуется феномен Крыма в творчестве одного из классиков русской литературы XX в. — Василия Аксенова. Анализ ведется на материале одной из самых ярких работ мастера в 1970-е гг. — романа «Остров Крым». «Остров Крым» затронул важнейшие проблемы в развитии советского общества в «постоттепельную эпоху», обозначил «бессмысленность и беспощадность» тоталитарной власти. Кроме того, ведется последовательный анализ специфики построения образов главных героев и действующих лиц «второго плана»: от психологической подоплеку до истоков внешнего воплощения. Важным аспектом изучения становится «автоконтэкст» романа (идеи и образы, возникшие в более ранних работах писателя) и контекст внешний (переключки с текстами русской и советской литературы).

Ключевые слова: миф; психологическая подоплека характера; «шестидесятничество»; контекст; кинематографичность образа; рефлексия.

...как много в этом звуке
Для сердца русского слилось

А. С. Пушкин

Смешно, не правда ли? Ну вот,
И вам смешно, и даже мне...
Конь на скаку и птица влет —
По чьей вине, по чьей вине, по чьей вине?..

В. С. Высоцкий

Крым. Сколько с ним связано в русской литературе! Не переговорить и не переслушать... Тут и оды в честь покорителей Крыма в веке XVIII, и Севастопольская оборона, без которой не было бы Льва Николаевича Толстого ни как великого писателя, ни как духовного пастыря земли русской, и другой Крым — чеховский, нетерпимый к пошлости и духовной пустоте, свидетельство чему — несравненная «Дама с собачкой». Можно вспомнить еще короткое коктебельское продолжение Серебряного века от Максимилиана Волошина в разгар страшной русской смуты начала XX в. Словом, Крым неоднократно не только становился героем романов и сюжетом «для небольших рассказов», но и сам создавал героев русской словесности.

В 1977 г. Василий Павлович Аксенов завершает книгу, название которой казалось тогда парадоксальным, а ныне вполне логичным — «Остров Крым». Она была написана, как и многое из того, что создавалось, «в стол», ибо публиковать в СССР вещь, где демонстрируются преимущества капитализма перед социализмом, а также переосмысливается в «реакционном ключе» советская история, было заведомо невозможно. Поэтому первое издание вышло за рубежами «первой в мире страны победившего социализма». А на родине классика литературы второй половины XX в. публикация состоялась (замечу, в изрядно

«смягченном» варианте) уже в перестройку, в 1987 г., в журнале, разумеется, «Юность»¹. Полная версия дошла до читателя еще через пять лет, уже на постсоветском пространстве. Увидела свет она, что правильно и симптоматично, именно в одном из симферопольских издательств.

Размышляя ныне над этим текстом, невольно приходишь к мысли: Василий Павлович оказался суперпровидцем, но не в этом шарлатанском «душно-эсхатологическом» плане, а в плане литературно-пространственном, ибо никто никогда и нигде, кроме него, не «вещал» о том, что Крым практически в одночасье из полуострова превратится в самый настоящий остров.

Вообще, крымская тема проходит лейтмотивом через все творчество автора «Коллег» и «Звездного билета». Впервые она возникает в программном романе «Ожог», где «крымские» главы, построенные по принципу «праздника жизни», контрастируют со страшными «колымскими главами». Именно в Крым бежит из Москвы главный герой «Ожога» в надежде обрести хоть толику «покоя и воли». И пусть бегство проваливается, но тут исключительно важен сам посыл: Крым как попытка духовного освобождения. Затем «крымские нотки» мелькнут в нескольких рассказах и снова в полный голос зазвучат в последнем романе мэтра — «Таинственная страсть». Этот текст построен так, что все события в нем «подверстываются» к одной дате: 21 августа 1968 г., дню ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. Причем пространственно сей момент автор-рассказчик встречает именно в Крыму, в знаменитом писательском Доме творчества. В романе очень много лирических отступлений-воспоминаний — от бытовых зарисовок (в красках выписанная история с запретом шорт) до события-маркера, «самодеятельного» концерта профессиональных писателей и поэтов, где взойшла «звезда по имени Солнце» Влада Вертикалова (романный псевдоним Владимира Высоцкого), затмившая всех и «светившая уже до дней последних донца».

Но вернемся к роману-провидению. Как писал вскоре после публикации романа «Остров Крым» в СССР критик Андрей Немзер, «произведение основывается на стереотипах мифа о России: страдающий революционер с чувством собственной обреченности; таинственная “масса”, темная и простветленная одновременно; серафическая потаскуха, демонический чекист и как итог — неперемнная участь страны быть “совдепией”» [Немзер, с. 248]. В сущности, мифологичность — одно из первозданных свойств античного пространства Тавриды. И если уж речь зашла о мифах, то сюда следует приплюсовать еще два, характерных для века XX. Первый принадлежит барону фон Врангелю, который заявлял в свое время, и неоднократно, что в ближайшие 200 лет большевики Крым не возьмут. Второй — отчасти был реальностью в те далекие ныне 1970-е, но, с нашей точки зрения, воспринимался именно как миф. Имеется в виду наличие «капиталистического оазиса в пустыне социализма» (политические образования типа Гонконга, Тайваня, Западного Берлина и т. д.). Аксенов немало об этом потом будет говорить во время своих выступлений на «Радио Свобода» в 1980-е гг.²

¹ «Разумеется» потому, что все знаковые произведения Василий Павлович публиковал в этом журнале — символе поколения.

² Начинались эти выступления всегда типично «островкрымским»: «Здравствуйте, господа!».

В чем-то «мифологичны» и центральные герои действия. Писатель таковыми делает Андрея Лучникова и Татьяну Лунину. Но начнем все-таки с психологии. Психологическая подоплека характера Андрея Лучникова для прозаика традиционна. «Перед нами предстает эмигрант-интеллектуал, отягощенный специфическим рефлексивным мышлением... советского “шестидесятника”» [Немзер, с. 248]. В этом парадокс персонажа, но в этом же и его логика.

Парадокс заключен в том, что человек, воспитанный в духе западной демократии и западного изобилия, не может мыслить категориями жителя СССР. Все происходящее в России он может воспринимать не более, чем «*остраненно*» (как это, кстати, и делали многие эмигранты в третьем поколении). Лучников же, очевидно, включен в контекст СССР: у него своеобразный комплекс вины перед «исторической Родиной», активное сопереживание ее будням и несчастьям. Названные «переживательные» свойства присущи были именно «шестидесятничеству». Дело здесь в том, что многие представители этой литературной генерации воспринимали брежневское забвение «оттепели» чем-то вроде собственного поражения и ощущали вину за то, что не смогли переломить тоталитарную тенденцию, возникшую после смещения Н. С. Хрущева, предпочитая идти на компромисс с властью и не пытаясь ей противостоять в решительные моменты. Т. е. Лучников — типичный литературный персонаж, в котором угадывается «...в оговоренных пределах и с неизбежными оговорками — авторский полудвойник», — замечает хорошо понимающий представителя своего поколения Станислав Рассадин [Рассадин, с. 204]. При таком подходе все встает на свои места и обретает логику. Демонстративное суперменство Лучникова не более чем фасад, часть того западного мифа о «keep smiling», за которым автор спрятал свои собственные либеральные мысли о переустройстве России.

Образ Татьяны Луниной совершенно иного плана. Он во многом оказался обойден тогдашней критикой, и, как мне кажется, совершенно напрасно. Скорее всего, это случилось потому, что Аксенов никогда до романа об «Острове...» столь глубоко и детализированно женские образы не разрабатывал. Даже в «Ожого» присутствуют лишь женские образы типажного характера, которые несут сугубо утилитарную функцию. Лунина же — образ идеологический и в понимании романа ключевой. Она несет в себе такое понимание свободы, которое сложилось в отечественном менталитете к излету 1970-х гг. (это едва ли не общенациональный собирательный образ Свободы). Удивительно, но факт: именно женщины в СССР, как те пролетарии, которым терять было нечего, гораздо чаще и гораздо жестче мужчин (им всегда было что терять: премию, доску почета, положение) выказывали недовольство положением в стране.

Стремление к свободе автор обозначает у Татьяны во всем: в том, что не боится доносов, не трепещет (в отличие, например, от собственного мужа) перед «первым отделом», своеобразным филиалом КГБ; в том, кого она выбирает себе в любовники; наконец, в самом вызывающе сексуально-агрессивном поведении, столь осуждаемом в те пуританские годы. Автор учиняет не одну проверку свободолобивому нраву Луниной, и она проходит их почти все. Но это самое «почти» затем становится одной из причин ее гибели. По тому, как В. Аксенов раскрывает образ, несомненно, что перед нами не функциональная схема, что

было присуще едва ли не всем женским образам писателя до романа «Остров Крым», но цельный характер со своими страстями, взлетами и падениями, силой и бессилием. В финале Татьяна гибнет, точнее — писатель «убивает» ее. Причин тому несколько. Дав подписку людям из КГБ, она вольно или невольно резко ограничивает свою свободу, вступая в политическую игру с заранее заданными правилами и исключительно жесткими рамками. К тому же усиливается ее зависимость от разных обстоятельств и людей (даже таких неприятных, как полковник Сергеев). Пик несвободы (в понимании героини) приходится на прием в честь победы Лучникова в «Антика-ралли». Здесь Татьяна должна выполнять строго определенную, запрограммированную роль, из которой невозможно сделать шаг ни вправо, ни влево. Попытка бегства с миллионером Бакстером заведомо обречена на провал — быть безумно дорогой содержанкой не в характере героини. Все проблемы, подобно сюжету «Бесприданницы» А. Островского, разрешает гибель героини.

Есть в восприятии образов Лучникова и Луниной еще одна сторона — кинематографичность: Лучников, несомненно, напоминает голливудского супермена (многочисленные драки с применением каратэ, из коих герой выходит победителем — тому подтверждение); сексапильность Татьяны также слеплена по западным стандартам, в духе фильмов, появившихся в начале 1970-х гг. Здесь можно вспомнить и последнюю роль Бриджит Бордо в фильме Роже Вадима «Дон Жуан-73», и первые два фильма об Эммануэль³ режиссера Жюста Жакэна, произведшие настоящий фурор в кинотеатрах Парижа, и многочисленных подругек джеймсов бондов всех мастей⁴.

Оригинальным получился характер Марлена Михайловича Кузенкова. Пожалуй, впервые в русской литературе выведен рефлектирующий тип либерального партаппаратчика. Рефлексия заключается в том, что Кузенков постоянно раздваивается: с одной стороны, он — один из заведующих отделов ЦК КПСС и должен проводить в жизнь идеи партии, но с другой стороны — как умный человек, Марлен Михайлович понимает всю убогость и бесперспективность «генерального курса». Фактически существует Кузенков-внешний с удостоверением ЦК и с выражением «спокойного оптимизма на лице», но есть и Кузенков-внутренний, мучающий себя вопросами, не разрешенными в эпоху «зрелого социализма».

Самая большая личная и общественная (тут у него все вполне совпадает) проблема для Марлена — Крым. Ему очень жаль отдавать этот «рассадник буржуазной заразы» на съедение страшным типам из Политбюро ЦК КПСС вроде партийного руководителя, которого он именует не иначе как «Пренеприятнейший». И дело не только в личной выгоде (съездить в лишнюю командировку в капстрану, что тогда даже для аппарата ЦК КПСС ой как много значило!), дело абсолютно в другом. Кузенков осознает: человеку может быть спокойно и хорошо только на том острове ОК, где нет ни лозунгов, ни плакатов, где человек

³ «Эммануэль» и «Эммануэль-2» («Антидевятница»).

⁴ Крайней формой разработки образа станет Кэтрин Трамелл в фильме Пола Верховена «Основной инстинкт».

свободен от идеологических догм и волен делать все, что заблагорассудится. Писатель за личиной стопроцентного солдата партии увидел мятущуюся душу. Фактически Аксенов зафиксировал тот тип «либерального» партаппаратчика, который будет затем делать перестройку.

Остальные персонажи традиционно выводятся типажно — с одной доминирующей чертой характера. Отец Лучникова — типаж эмигранта первой волны, полковники Востоков и Сергеев — типажи литературных разведчиков (ранее уже обыгранные в совместном с Овидием Горчаковым и Григорием Поженяном приключенческом романе «массовой» направленности «Джин Грин — неприкасаемый»), сын Антон — типаж молодого свободного американского человека (таких Аксенов в большом количестве встречал во время своего первого путешествия по Штатам).

В произведении широко представлены размышления писателя о политическом устройстве СССР/России, в процессе которых он приходит к «ошеломляющему социальному открытию». Так, во время сцены в бане Лучников пытается дистанцироваться от происходящего: «В какой-то момент он глянул на них со стороны... и подумал, кого же мне вся эта шатия напоминает? Человек восемь небрежно прикрытые полотенцем сидели за длинным псевдогрубым столом из дорогого дерева... Нет, на римских сенаторов они все же мало похожи. *Мафия!* [выделено мной. — Д. Х.]. Да, конечно, это Чикаго, компания из фильма о “Ревущих двадцатых”... страннейшее среди истеблишмента ощущение не вполне легальной власти» [Аксенов, с. 131]. Тут все логично — большевистскую власть никто никогда не выбирал. Ровно также никто не выбирает главного в мафиозном клане. Поэтому закономерно, что в Советском Союзе наглухо был запрещен «Крестный отец» — слишком уж много ассоциаций имело место...

В пространстве своего текста писатель пытается анализировать разные политические события и политические фигуры. Все они в большей или меньшей степени соотносятся с окончанием «оттепели» и попытками подчеркнуть, что участь страны, где царствует «баланда социализма», не завидна.

В романе «Остров Крым» Василий Аксенов касается и постоянной для себя проблемы «отцов и детей». Здесь она рассматривается на примере номенклатурных семейств высокопоставленных аппаратчиков. «Великие коммунистические идеи» для молодого поколения партийной элиты перестали что-либо значить вообще. Дети «номенклатурщиков» играют все большую роль в «андеграундной среде». Таков и Дим Шебеко, сын самого Марлена Михайловича, таков и Слава Блинцов, сын капитана авианосца «Киев». Эта тема потом более подробно будет раскрыта в повести-киносценарии Ивана Охлобыстина «Дом восходящего солнца»⁵, где главные герои, первые советские хиппи Солнце и Саша, именно выходцы из партийно-государственной номенклатурной среды среднего уровня.

Наконец, писатель исследует и изменения в общественной психологии: «Под бесконечными лозунгами “зрелого социализма” вы увидите толпы советских граждан, жадно взирающих друг на друга — у кого какие джинсы, очки,

⁵ По сценарию в 2010 г. рок-музыкантом и режиссером Гариком Сукачевым был снят фильм «Дом солнца».

майки или что-нибудь еще — “фирменное”... Над головами у них воздвигнуты вроде бы незыблемые звезды, серпы, молоты... вся бредовина тридцатых годов, а на груди у них красуются *американские* звезды и полосы, английские надписи. Можно увидеть даже двуглавого орла на майках с рекламой водки “Смирнофф”» [Аксенов, с. 222]. Иными словами, писатель пытается доказать, что людей все более и более интересует личное благополучие, а не набор замшелых идеологических догм и лозунгов.

Изменение общественных приоритетов и наличие в руководстве партии здравомыслящих людей и создает, по мнению автора, почву для грядущих реформ, жаждой которых проникнута вся книга. Об этом, например, говорит критик В. Малухин в статье «Покоренье Крыма, дубль два», увидевший проблески «нового мышления» в негласном отказе убивать безоружных и невинных людей в последней сцене книги.

Начало новой общественной морали, по мнению В. Аксенова, восходит к общечеловеческим и христианским ценностям. Поэтому столь значимым становится эпизод в храме, где ставятся вопросы о сути Божией и предназначении человека. Ответ же таков: «Втроем... Лучников, Сабашников и Мустафа вдруг ясно запели: “Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею”, “всем разумением твоим”» [Аксенов, с. 283]. Символично, что в этот момент даже полковник Сергеев, ожидающий окончания церемонии погребения, думает: «Боже, как я живу... Чем всю жизнь занимаюсь» [Там же]. Можно, таким образом, сказать, что смысл бытия В. Аксенов видит в человеческом единении, а единение возможно только на всечеловеческой христианской основе. Эта основа позволит дойти до истины или хотя бы выйти на «дорогу к храму» даже таким, как полковник КГБ Сергеев. Следует заметить, что подобный выход из духовного тупика только в значительно более развернутой форме возникает на страницах романа «Ожог», где автор подробно анализирует влияние слова Божьего на человека и то, как это слово преображает его. Итак, «в сверхидее романа либерально-демократическая мечта о России утверждается посредством отрицания коммунистической реальности» [Малухин, с. 232].

Художественная сторона произведения впитала в себя «фамильные» склонности автора — пристрастие к типажности большинства персонажей, тяготение к пародийности и ставшей тоже «своей» мифологичности. Но есть и новые творческие приемы. К ним можно отнести детальную проработку женского образа (случай для прозы В. Аксенова уникальный), далее все явственнее обозначается кинематографическое начало повествования до такой степени, что роман временами весьма напоминает киносценарий. И, наконец, в произведении чрезвычайно много места уделяется исследованию политики и геополитики, что вносит сильнейшую публицистическую струю.

Говоря о литературных связях, следует отметить, прежде всего, переключку романа с предыдущими произведениями. Так, суть работы Марлена Михайловича Кузенкова была в следующем: знать все, что касается Крыма. Не всегда ему «хотелось все знать, иногда он, секретно говоря, даже хотел чего-нибудь не знать, но материалы поступали, и он знал все. По характеру своей работы Марлену Кузенкову приходилось “курировать” понятие, именуемое официально зоной

Восточного Средиземноморья, то есть Остров Крым» [Аксенов, с. 54]. Эти строки побуждают вспомнить В. А. Дрожжина из важнейшей для писателя повести-притчи «Затоваренная бочкотара», который также «курировал» в неназванном совучреждении мифическую страну Халигалию. В романе «Остров Крым» можно найти и философско-психологические пейзажи сродни тем, которые запечатлены в «Бочкотаре». Кстати, и в самом тексте есть прямое обращение к более раннему тексту: «...вот и сейчас явно фигурирует своей светкостью, этой немислимой затоваренной бочкотарой» [Аксенов, с. 227].

Необходимо еще упомянуть о взаимодействии с программным романом «Ожог» (1969–1975), сказать, что сама идея реформы «направленности описания», на которой построен роман об острове, берет свое начало в «Ожоге» как реакция на дикую беспросветность бытия, описанного там. Есть сходство в организации ряда сцен и эпизодов, а состояние на «неясной алкогольной ступеньке» некоторых персонажей можно в ряде точек романа определить как «таинственный в ночи» («Stranger in the Night»⁶), что явилось в свою очередь одной из ярких психологических находок романа «Ожог»). Уделяется, пусть и факультативно, точнее, комплиментарно, внимание теме противостояния художника и власти. Наконец, многие размышления главного редактора «Курьера» как будто скалькировали внутренние монологи главных героев «Ожога».

Рассуждая о контексте, нельзя не сказать более подробно об уже упоминавшемся «Джине Грине — неприкасаемом». Авантюрно-приключенческий сюжет «Острова...» теснейшим образом связан с развитием действия в романе «Джин Грин — неприкасаемый», созданном в 1968–1972 гг. В. Аксенов в соавторстве с Овидием Горчаковым и Григорием Поженяном на досуге все в той же Ялте. Авторы поставили перед собой задачу создать увлекательный роман о шпионах с погонями, драками, экзотическими странами, красотками и т. д. Многие эпизоды этих книг похожи между собой (достаточно сравнить похождения Лучникова и Гринева в России, образы отца Гринева и отца Лучникова). Роднит эти произведения и откровенно книжная основа обоих романов, ведь в большинстве случаев образы политиков и шпионов создаются не на документальном материале, но берут свое начало из политических детективов Семенова, Уоллеса, Флеминга.

Роман «Остров Крым» стал своеобразным синтезом двух направлений творчества В. Аксенова. Направления, условно говоря, «развлекательного» («Апельсины из Марокко», «Джин Грин — неприкасаемый», «Мой дедушка — памятник») и направления «философского» («Затоваренная бочкотара», «Ожог»). В итоге, образно говоря, получился внешне великолепно оформленный западный журнал (роскошные красотки и супермены на глянцевого обложках и вкладышах) с типично российской духовно-нравственной проблематикой толстого литературного журнала внутри.

Аксенов В. Остров Крым. Симферополь, 1992. 343 с. [Aksenov V. Ostrov Krym. Simferopol', 1992. 343 s.]

⁶ Популярнейшая в 1960-е гг. композиция в исполнении Фрэнка Синатры.

Малухин В. Покоренье Крыма. Дубль два // Знамя. 1991. № 2. С. 232–234. [Maluxin V. Pokoren'e Kryma. Dubl' dva // Znamya. 1991. № 2. S. 232–234.]

Немзер А. Странная вещь, непонятная вещь // Новый мир. 1991. № 11. С. 248–250. [Nemzer A. Strannaya veshh', neponyatnaya veshh' // Novyj mir. 1991. № 11. S. 248–250.]

Рассадин Ст. Будем ли читать Плутарха? // Октябрь. 1991. № 1. С. 204–205. [Rassadin St. Budem li chitat' Plutarxa? // Oktyabr'. 1991. № 1. S. 204–205.]

Статья поступила в редакцию 27.06.2014 г.

УДК 821.161.1 Никулина-14 + 94(38) + 94(477.75)

Н. В. Барковская

«ОКОЛОТОК АНТИЧНОГО МИРА»: ОБРАЗ КРЫМА В СТИХАХ МАЙИ НИКУЛИНОЙ*

В статье рассматривается поэтический образ Крыма в стихах уральской поэтессы Майи Никулиной. Выявляется античная традиция в трактовке роли поэта. Делается вывод о невольной проекции Урала на восприятие крымской земли. По контрасту охарактеризован «крымский Китай» в стихах Андрея Полякова.

Ключевые слова: современная поэзия; Майя Никулина; Андрей Поляков; Крым; Эллада.

Крым, этот мультикультурный регион, открывающий выход в Средиземноморье, своим географическим положением призван связывать разные цивилизации, народы, традиции. Героиня Майи Никулиной в первой части цикла «Днестровский лиман» восклицает, обращаясь к «матушке, хохлушке и кацапке»:

<...>

К лицу тебе холодные светила.
Куда же, бабка, внучку отпустила –
под эллинов, под мраморных богов.
С больших ступеней Крымского нагорья
с разбегу в бездну Средиземноморья,
под сень благословенных парусов.

Легко тебе, кормилица благая,
и к северу, и к югу напрягая
рожденные тобою племена,
катить свои медлительные реки
и крепкой ниткой из варягов в греки
увязывать моря и имена.

[Никулина, с. 51]

Для русского читателя Крым нерасторжимо связан с Пушкиным и Чеховым, «Севастопольскими рассказами» Л. Толстого, Волошиным и Мандельштамом.

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Лирическая книга как культурный феномен России и Беларуси», № 13-24-01001.

Трагическую крымскую историю начала XX в. поведали романы И. Шмелева «Солнце мертвых» и В. Вересаева «В тупике».

Книга стихов Майи Никулиной [Никулина] собрана Ю. В. Казариным из текстов, написанных в 1970–1980-е гг. и входивших в ранее опубликованные книги. Тем не менее, книга получилась очень целостной, почти все ее стихотворения так или иначе связаны с Крымом (с которым тесно переплетена фамильная история М. Никулиной), развивают некий сквозной сюжет и выражают определенную авторскую концепцию.

Майя Никулина подчеркивает древность крымской земли, некогда части Эллады, затем Рима с его «божественной латынью», причем — накануне нашествия варваров. В трактовке греческого Крыма также есть своя традиция. Детские впечатления Д. С. Мережковского, когда он в Крыму впервые увидел море и мраморные колонны, определили его любовь к античности: «И это море голубое / Меж белых, девственных колонн», — писал он в стихотворении об Аттике, но впечатление именно крымское, из детства. Затем кубофутуристы избрали названием для своей группы имя «Гилея», восходящее к «Истории» Геродота, именовавшего так часть Скифии. А. И. Куприн балаклавских рыбаков назвал потомками легендарных листригонов: «В уме моем быстро проносится стих Гомера об узкогорлой черноморской бухте, в которой Одиссей видел кровожадных листригонов. Я думаю также о предприимчивых, гибких, красивых генуэзцах, воздвигавших здесь, на челе горы, свои колоссальные крепостные сооружения» [Куприн, т. 3, с. 5]. Впрочем, Куприн, повествуя о Юре Паратино, Ване Адруцаки и других своих приятелях-рыбаках, отмечает и древнюю скифскую кровь: «...в балаклавских греках чувствуется, кроме примеси позднейшей генуэзской крови, и еще какая-то таинственная, древняя, — может быть, даже скифская кровь — кровь первобытных обитателей этого разбойничьего и рыбачьего гнезда. Среди них увидишь много рослых, сильных и самоуверенных фигур; попадаются правильные, благородные лица; нередко встречаются блондины и даже голубоглазые; балаклавцы не жадны, не услужливы, держатся с достоинством, в море отважны, хотя и без нелепого риска, хорошие товарищи и крепко исполняют данное слово» [Куприн, т. 3, с. 50].

Крым как «русская Эллада» представлен и в стихах уральской поэтессы.

В полмира снег, сугробы и метели.
сплошная ледяная благодать...
Ну где еще о Греции мечтать,
когда бы не Россия. В самом деле, —

как, возлюбив ее печальный дым
и в полузвездах небо жестяное,
не разобрать, что дальше — седьмое —
должно быть теплым, синим и чужим,

что полновесный северный гранит
и долгих зим блестящие избытки
уже диктуют мимолетный Крит,
светящийся на журавлиной нитке,

что вставшая из плодоносных вод
скала обетованная всего-то
на расстоянье птичьего полета
от наших безразмерных непогод,

и просто выйти к южному крыльцу
и разглядеть в смятении туземном,
что небо общее над морем Средиземным
как зеркало, приподнято к лицу.

[Никулина, с. 50]

Находясь на границе Европы и Азии и одновременно — между двух глубин, небесной и морской, героиня вглядывается в «небесное зеркало» античности, угадывая в отражении изначальные, классически-прекрасные, а не «туземные» черты. Русская словесность возводится к эллинско-римской культуре, и здесь М. Никулина продолжает традицию О. Мандельштама. Подчеркивается древность крымской земли: «Мир еще не готов, но продуман вдаль» [Там же, с.16], здесь «первобытный мел» [Там же, с. 12], «медное небо Пиндара сияет над морем домашним» [Там же, с. 13], вспоминаются римляне Катулл и Овидий. О Дионисе напоминает виноград, «кудрявый, тяжелый, обильный», превращающийся в «черной давилльне» в «святое» вино, «зрячий виноград так долго смотрит в спину, что ясно видит все вокруг и после нас» [Там же, с. 31].

Из стихотворений М. Никулиной прорисовывается история любви: встречи героев («разноцветные палатки большим венком уложены в траве»), драматические отношения («устала страсть от радости и боли, когда судьба сбылась помимо нашей воли», «о, не вчера ли мы были с тобой единолики и юны?»), разлука (оставшись один, герой уходит «сутулясь, подняв воротник, прикрыв сигаретку от ветра»). Но важную роль играет образ Крыма, тот поэтический мир, который существенно углубляет содержание сюжета, придает ему масштаб, выходящий за границы частной судьбы.

Необычно уже то, что показан зимний Юг, словно уральские метели и холода отбросили свою тень на античное «зеркало». Фоном для «невозможной изнанки сбывшейся несбыточной мечты» выступает «маленький город, зима».

Зимний воздух. Йодистый, аптечный
запах моря. Катерный маршрут.
На задах шашлычных-чебуречных
злые чайки ящики клюют.

Это тоже юг. И, может статься,
он еще вернее оттого,
что глаза не в силах обольщаться
праздничными светами его.

Только самым голым, самым белым,
самым синим и еще синей
страшно полыхает за пределом
бедной географии твоей...

[Там же, с. 12]

Конечно, дело не только в биографической основе. В жутком «Солнце мертвых» Шмелев противопоставляет нарядный городок Алупку, каким он еще выглядит издали, виду вблизи: покалеченные дачки, разбитые стекла, земля пропитана кровью. И в стихах Никулиной есть внешняя красота курортного Крыма: «нежное золото», «мягкая медь» плодоносных сводов, белый камень и красная черепица, Ялта «блещет черешней в татарской горсти, белая, красная, крупная и золотая». Но это Ялта «в нищем январском снегу», в другом стихотворении дважды назван «скорбный воздух южного февраля». Задача поэта — разглядеть «за легкостью красоты простоту и отвагу рабочей пробы» [Никулина, с. 16], и эта апелляция к нелегкому труду и аскетизму «рифмуется» с рабочей сутью Урала. Сквозные эпитеты: *бедный, скудный, сухой, горький, полынный* — аккомпанируют теме неизбежной разлуки любящих. Не случайно несколько раз упоминается Бахчисарай, с его «фонтаном слез», куда стремится героиня «опять проездом, мимоходом, / под знаком тайного стыда, / автобусом аэрофлота, / попуткой, но опять сюда» [Там же, с. 58]; плоть крымского пейзажа сливается с «любовью и печалью» героев: «можно к груди прижимать, можно потрогать руками / серый, тяжелый гранит, трещины в каменном теле — / наших разлук и обид портики и капители» [Там же, с. 56]. Отметим, что «серый гранит» опять-таки роднит Крым с Уралом. Кроме того, подчеркивается «окраинное» положение Крыма по отношению к Элладу и Риму. Днестровский лиман (область, смежная с «большими ступенями Крымского нагорья») назван «глухим чуланом Средиземноморья», это «околоток античного мира», «вековая провинция», «древнегреческая Колыма» — место ссылки Овидия родственно по духу многим русским поэтам, «собратьям в печальной диаспоре» [Там же, с. 52]. (Так, екатеринбургский поэт А. Расторгуев пишет: «Овидием в провинции глухой / живу, как завещал Иосиф Бродский», предпосылая стихотворению два эпитафия: из Пушкина и Бродского; под провинцией здесь понимается именно Урал [Расторгуев]).

Судьба древнего Рима предвещает и для современности близкую катастрофу: «Так явственно видны приметы Вавилона, / так близок мерный гул потопа...» [Никулина, с. 34]. В цикле стихотворений «Катулл» трагическая судьба поэта разворачивается накануне боя «завтрашнего, последнего и кровавого», римляне названы «смертниками», ведь «вечный город умирал». Катулл — «любовник последнего Рима» — поет, почуяв ветер с варварского севера [Там же, с. 37–40]. Опасением страшного конца оваян образ январской Ялты: «...незрим и неслышен / ангел Ай-Петри, пока он еще не убит, / дышит теплом на ее ненаглядные крыши» [Там же, с. 59]. И даже просто пейзажные детали полны ощущения боли, яростного страдания, например, «ветер принимает форму сада, / кипящего и скрученного в жгут» [Там же, с. 30] или «Горячая, горькая — не стерпеть, / уставшая быть зеленой... / Полынная воля сухих степей, / оливы на гулких склонах» [Там же, с. 45], в стихотворении «Прощание с Севастополем» говорится: «Предчувствием ненужного несчастья сжимает горло» [Там же, с. 26].

Ключевым представляется в книге стихов образ Одиссея. Ему, как известно, было предназначено поведать о море на суше, там, где не знают о мореплавании. В стихотворениях М. Никулиной постоянно присутствует оппозиция море/земля, что и понятно, ведь речь идет о крымском побережье. Берег представлен

как граница, черта, на которой разыгрывается встреча противоположных стихий: «белый город <...> стекал к воде и поднимался в гору», «поезда и корабли отпрянули от сердца и земли и обнажили берег и основу». Особенно отчетливо берег как место встреч и разлук показан в первом стихотворении из цикла «Севастополь»:

Вот только тут, где рядом хлябь и твердь,
где соль морей съедает соль земную,
где об руку идут любовь и смерть,
не в силах обогнать одна другую,

вот тут и ставить эти города,
не помнящие времени и срока...

[Никулина, с. 47]

Если героиня все время ощущает свою связь с матерью-землей, рождающей и поглощающей, кормилицей и ревнивой соперницей, то образ героя подсвечен мифом об Одиссее: «Обшарил и земли, и воды, лихую судьбу покорил...» [Там же, с. 42]. В цитированном выше стихотворении о Севастополе античный герой показан нашим современником:

Вон посмотри — весь в пене и росе,
веселый царь без трона и наследства,
рискнувший заглянуть в лицо судьбе
и на нее вовек не наглядеться.

О эта страсть, терзающая грудь, —
земля и море, встречи и утраты,
последний дом, и бесконечный путь,
и белый берег, низкий и покатый....

[Там же, с. 47]

С образом Одиссея входит тема дороги (органично связанная и с личным сюжетом встреч и разлук). «Возле дороги лиловая тень», «через мостик, через площадь, по дороге и потом...» идут герои, от лунной Лилит готов уйти Адам, героиню томит «непрожитый путь», Моцарт по дороге в Вену хочет «темный стыд, неверие и страх списывать в дорожные расходы». Образ избранника, да и собственная судьба, приобретают «номадический» характер, романтическую безытность, устремленность в путь.

Веселая река и щедрые деревья.
Дорог недалних пыль.
Костров недолгих дым.
Все сводится к тому, что первые кочевья
шута избрал творец прообразом твоим.

Случаен караван. Случайный кров непрочен.
Невнятны голоса, протяжны имена.
Ушедшие с утра не возвратятся к ночи.
Оставшиеся их не будут поминать...

[Там же, с. 34]

Мотив пути («из варяг в греки», и исторического пути человечества сквозь «потопы» и «битвы», и личной судьбы с ее приобретениями и потерями) овеян трагическими предчувствиями, связан с «дорогой роковой».

<...>

А молодость — как крымская дорога
среди полыни и сухого дрока.
Прохлады горы, море далеко,
и кажется — совсем еще немного —
прольются мед, вино и молоко,
над желтой степью встанет царский город,
тяжелый парус вздрогнет над Босфором
и поплывет, над бездной накреньясь,
и молодости черная напасть
погонит нас дорогой роковой
за белой одиссеевской кормой...

[Никулина, с. 49]

И хотя наперед известно, что «мучительна вина», «утрата тяжела», «страшна победа», но именно устремленность в путь, степной ветер, морской простор позволяют дышать полной грудью, и рождается звук, песня, слово:

И легкость легкого дыханья.
И страшная его цена.

[Там же, с. 58]

Героине хочется «осилить два колена соловьиных», герой — «блаженный рифмоплет, кочующий и пьющий <...> нахлебник болтовни», «качающий украдкой в двусторчатой строфе жемчужину стыда», любовные страсти мучительны, но и благотворны: тело «до чистой души износилось», «тугое поющее горло огнем опалила, тоской извела, до чистого голоса стерла» [Там же, с. 15]. Катулл легко «переложил на голос плач свирельный» [Там же, с. 37], «и музыка свершается одна, и мука кровью горло обжигает». Дудка, свирель, тростинка могут звучать, как труба Страшного суда [Там же, с. 40]. Замыкает книгу стихотворение, посвященное Юрию Казарину, начинающееся, как знаменитое цветаевское обращение-упрек А. Тарковскому, но разрешающееся совсем по-другому: утверждением извечного родства поэтов, отличающихся в древности от царей «только тяжестью крови и даром слова» [Там же, с. 63].

Античный Крым выступает точкой отсчета, мерилom подлинности в поэзии. В стихотворении, замыкающем цикл «Днестровский лиман», голос лирической героини сливается с голосом изгнанника Овидия в мерных строках пятистопного дактиля-пентаметра.

Слову людскому пристало ли жить в суете?
Разве счастливая близость души и погоды
больше не в силах держать свою волю в узде
и благородным движением полнить длинноты?

Где возвышающий душу гимнический жар?
Где чистопробная тяжесть одической лести?
Все только окрик, истерика, топот, базар –
словно мы все расселились в цыганском предместье.

То-то далась нам наука в лохмотьях плясать,
псов передразнивать да в темноте хорониться,
слово кривое подкинуть, узлом завязать,
правду зажать, как ворованный грош в рукавице.

Мне нахлебаться бы вдоволь свободы своей,
выпасть бы ночью дорожной из общей телеги
в дальние земли, куда с незапамятных дней
правят свои паруса корабельщики-греки,

где приднестровские степи – вблизи и вдали –
равно бедны и безвидны в кругу горизонта.
Мысли приходят высокие, как журавли,
строятся клином и тянутся письмами с Понта.

[Никулина, с. 53]

Конечно, от греческого Крыма остались, в основном, развалины. Не длинной, увы, бывает и пора личного счастья, поскольку «ненадежна плоть и беззащитен дух». Если в первых стихотворениях книги героиня приближается к крымскому берегу, то в последних она оглядывается на дорогие места, покидая их, смотрит из окна автобуса, из самолета. В книге есть два образа руин: не названный прямо в тексте христианский храм Спасителя в урочище «Орлиный залет» и дворец в «поруганной ханской столице» Бахчисарае. Эти напоминания о древних культурах проникнуты светом и чистотой (Бахчисарай: «в истоме разрушенья, в пустоте, / с летающими птицами под сводом»), что соответствует общей стоической и аскетичной концепции поэта – вечного путника, хранителя культуры, полагающего, «что не единым хлебом живем», помнящего:

...что бесконечно прост
трагический образчик
великого пути и горького конца

[Там же, с. 35]

Итак, для Майи Никулиной Крым – своя, близкая земля, и по семейным преданиям, и по перипетиям личной судьбы, и как античная прародина Поэта, хранителя высокой классической традиции. Очень неявно, но угадываются «уральские» черты в созданном ею образе южной земли, с прославлением «величия жилья», «значения семьи, работы, урожая» [Там же, с. 18].

По-другому показан Крым Андреем Поляковым, живущим в Симферополе, принципиально не покидающим свою «провинцию у моря». Поляков – поэт другого поколения, других эстетических принципов, лауреат Премии Андрея Белого в 2011 г., весной 2014 г. получивший «Русскую премию» и премию «Парабола». В свете последних событий, когда Поляков вдруг ощутил в себе самом

и других крымчанах много именно «советского», он сказал о «разорванной идентичности» крымчан [Поляков, интервью]. Игорь Сид приводит обозначения поэтической персоны Полякова: трикстер, школяр, метафизический провинциал, а значит — эксцентрик. Илья Кукулин и Данила Давыдов отмечают культурную «пограничность» поэзии Полякова, располагающейся на краю двух традиций, «средиземноморской и русской ойкумены»: «Такой внутренний Крым с его напластованием культур: греки, готы, итальянцы, евреи, татары, русские, украинцы...». По мнению Данилы Давыдова, крымские наслоения культур породили поляковскую языковую утопию: растворение в зонах культурного и языкового перехода, автор ходит по границам культур и вскрывает их внутренние связи [цит. по: Кордон, с. 254].

«Схолии» — текст А. Полякова, состоящий из отдельных фрагментов, пронумерованных *римскими* цифрами, как бы комментариев к трактату кого-нибудь из древних мудрецов.

V

Здесь Греция, как черная вода, в косматой скифа булькает
гортани, пока в словарной стуже, как в нирване,
речь борздят ахейские суда.

VII

За то, что воздух выдан на века, благодарим тебя, о,
повелитель! За влажный окрик допотопных литер-
атур, читай — за мясо языка,

VIII

за глухоту оливковую рощ, за местный мрамор, платную
элладу, за мёд кириллиц, принявших по блату
чужих бессонниц праведную мощь
<...>

[Там же, с. 136–137]

Греция, скифы, ахейские суда восприняты в данном примере сквозь призму Мандельштама, к которому восходят и мотивы меда, бессонниц, «мяса» языка. Но порождающий комический эффект перенос в конце седьмой схолии еще «опроцается» в ироничной восьмой («платная эллада», «по блату»).

Отличие от сухого и полынного Крыма в стихах Никулиной, Поляков рисует влажный образ своей земли, например, «мокрый Крым с дельфиньими глазами» (из поэмы «Америка»). Чаще всего им упоминается не Одиссей, а Персефона, богиня плодородия и царства мертвых, где она проводит полгода. В 2010 г. опубликована элегическая поэма «Китайский десант»: «Здесь начинается китайская поэма / про то, что всё вокруг — / китайская поэма» [Поляков, с. 116]. О Китае напоминает время года — сентябрь, лейтмотивом звучит восклицание «Осень ты, желтая осень!». Дождливой осенью, когда грустно и нездоровится, хорошо пить китайский чай, за которым ведется «китай-разговор», а за окном косою (китайский) дождь, «раскосые» ласточки, желтоглазое солнышко, желтая листва

деревьев; чужие стихи похожи на китайцев [Поляков, с. 107], вспоминается цвета осенней листвы «золотописьмо» Велимира Хлебникова, да и сам лирический субъект — «говорящий Китай-Поляков» [Там же, с. 81].

Свет, осень, лес:
дорогие мои они.
Теплорукие боги
приходят туда по утрам,
незнакомый Китай-разговор
заводят.

[Там же, с. 116]

Даже редкий снег — «нет, не станет он холодом шороха / белого паруса шелеста / шёлковой ткани китайской футболки / из сине-зеленого, / древнего греками / Чёрного моря...» [Там же, с. 52]. «Шепотная» мелодия, аккомпанирующая теме «китайской футболки», далее отрицается на звуковом уровне раскатистым [р], а белый цвет мгновенно «смывается» сине-зеленым и черным.

осень, вечер, болит голова
и в далеком за чаем
вечернем Китае
полюбовно болеют,
играют
в золотистые ласточек-дочек,
в дорогие чайнок
слова.

[Там же, с. 116]

Скользкий синтаксис Полякова оформляет быстрые, почти неуловимые метаморфозы всего окружающего: чайники-чайки-дочки-слова. При отсутствии силлабо-тонической «правильности», интонация строится на внутренних и внезапных концевых созвучиях, паузах, анжамбеманах. Отдельные стихотворения (всего их 108, каждое фигурирует в «Оглавлении» с указанием страницы) не являются самодостаточными, тексты подхватывают предыдущие и продолжаются в последующих, формируя «льющийся», гибкий лирический сюжет поэмы.

Всё будто говорит с героем «на звенящем китайском тебе языке / (от печальной Тавриды тебе вдалеке), / словно мёд в лебядом / молоке». Далее непонятному китайскому слову поэт противопоставляет понятное русское слово, которое ребенком слышал от мамы «в шелестении розовых гласных» [Там же, с. 118]. И он хочет выбрать из своих размытых «стишков» те, которые качаются в словах, на рисовых ресницах сходят в сон, тают на плечах, капают плавные с кончиков пальцев...

Так посреди «китайской» осени поэт чувствует себя одиноким, грустит от недостатка понимания (и самопонимания), мир говорит с ним на чужом, *странном*, языке, но, вместе с тем, это его родной, домашний, близкий мир, это мир его стихов, это он сам «Китай-Поляков», «китайчонок стихами — Андрей» [Там же, с. 132]. «Китай» связывает воедино все фрагменты и детали, как поэтического

мира, так и лексических мотивов. Китай, конечно, не Греция, здесь это метафора, выражающая некую несамостоятельность, отстраненность от мира и отстраненность окружающего, при всей родственной любви к деревьям, птицам, дождю. Античному Логосу противостоит какой-то зыбкий, мистический «дацзыбао», погружение в медитацию, не случайно, как тень стоит за некоторыми стихами «мальчик» — Аполлон Безобразов (Бориса Поплавского). Герой поэмы, точнее, его тень из детства, бредет по улицам «Тополя-Симферополя» осенней ночью, когда длинноволосый дождь превращает ветки деревьев в ручьи, а «желтоватая бледность листвы прошуршит по углам букварями», где «Чаадаев — в сердце бесноват, а Лао-дзы — прекрасен», и при всем том он уверен, что «русский язык не умрет <...> он стихами осыпется здесь», точно желтыми листьями. Однако в финале поэмы герой дистанцируется от собственных стихов, с их аграмматизмом и параграфией:

<...>

в чужих стихах, похожих на китайцы,
нет ни лесны, ни зета, ни вимы —
есть только ОСЕНЬ... ОСТАЛЬНОЕ —
мы.

Спасибо вам, господа мои стихи!

[Поляков, с. 137–138]

Подводя итоги рассмотренному материалу, можно отметить, что образ Крыма всякий раз является проекцией внутреннего мира лирического субъекта, лишь в малой степени этот образ определен «предметом изображения», будь то «уральский Крым» или «крымский Китай». Целостная, определенная и устойчивая личностная структура героини в стихах Майи Никулиной позволила ей воспринять Крым как некое классическое «место силы» для поэта, как российский вариант греческого Парнаса, даже строгая силлабо-тоника ее стихов восходит к античным долгим и кратким слогам. Путешествие по крымской земле дорого как возможность пребывания вне официоза советской поэзии. Проблематичная самоидентификация героя Андрея Полякова, сопротивляющегося определенной геокультурной «прописке», внесла элемент «чужести» в родной ландшафт; его «китайский десант» можно воспринять как вторжение «восточной» (вне-логичной, иррациональной) стихии на некогда греческую землю, после окончательно состоявшегося, провозглашенного еще Шпенглером заката Европы и превращения Аполлона — в Безобразова. Герой Полякова, «десантник» и эскапист, в какой-то степени повторяет модель поведения Бориса Поплавского, который, по воспоминаниям современников, в любой толпе казался иностранцем. Поэтическое слово у Полякова не равно самому себе, меняется в потоках лейтмотивов, условно и метафорично, совсем не похоже на именное гимническое или одическое слово.

Куприн А. И. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М., 1954. С. 3–47. [Kuprin A. I. Sobr. soch. : v 3 t. Т. 3. М., 1954. S. 3–47.]

Никulina М. Стихи. Екатеринбург, 2002. 68 с. [Nikulina M. Stixi. Ekaterinburg, 2002. 68 s.]

Поляков А. Китайский десант. М., 2010. 144 с. [Polyakov A. Kitajskij desant. М., 2010. 144 s.]

Поляков А. «Я не знаю, что значит быть русским...»: Интервью Глебу Мореву [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/3386> (дата обращения: 08.07.2014). [Polyakov A. «Ya ne znayu, chto znachit byt' russkim...»: Interv'yu Glebu Morevu [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/3386> (data obrashheniya: 08.07.2014).]

Расторгуев А. «Овидием в провинции глухой...» // Урал. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/1/> (дата обращения: 10.07.2014). [Rastorguev A. «Ovidiem v provincii gluxoj...» // Ural. 2011. № 1 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/1/> (data obrashheniya: 10.07.2014).]

Статья поступила в редакцию 08.07.2014 г.

УДК 327.2 + 327.54 + 327.88 + 327(477.75) +
+ 327(470) + 81'272

И. Т. Вепрева
Н. А. Купина

«КРЫМСКИЕ» САНКЦИИ: КУЛЬТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ И ЕГО РАЗВОРОТЫ

На материале высказываний из текстов СМИ, включающих слово *санкции*, и высказываний, являющихся рефлексией на введение санкций против России, связанных с присоединением Крыма к РФ, интерпретируются развороты культурного сценария санкций, в значительной степени обусловленные активизацией в общественном сознании идей исторической справедливости, евразийства, независимости.

Ключевые слова: Крымские санкции; культурный сценарий; разворот; сигнал; идеологическое упрямство; идея исторической справедливости; идея евразийства; идея независимости.

Социально-политический кризис на Украине, обострившийся в связи с прошедшим 16 марта 2014 г. в Крыму и Севастополе референдумом, признанием Россией результатов референдума и присоединением Крыма и Севастополя к России в качестве самостоятельных субъектов Российской Федерации, трансформировался в кризис геополитический. Отметим хронологически последовавшие за проведением референдума события.

17 марта 2014 г., опираясь на результаты референдума, Верховный Совет Автономной Республики Крым провозгласил Крым независимым суверенным государством – Республикой Крым, в которой Севастополь имеет особый статус. Республика Крым обратилась к России с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации. В тот же день Владимир Путин подписал указ о признании в качестве суверенного и независимого государства Республики Крым. 18 марта 2014 г. президент России выступил с обращением к Федеральному Собранию РФ. После этого был подписан межгосударственный договор

о принятии Республики Крым в состав России, в соответствии с которым в составе Российской Федерации образуются новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Договор вступил в силу с даты ратификации Федеральным Собранием 21 марта. В этот же день был образован Крымский федеральный округ. Республика Крым и город федерального значения Севастополь 11 апреля были включены в перечень субъектов РФ в Конституции России, с 25 апреля 2014 г. между Крымом и Украиной установлена государственная граница России.

Международный резонанс на присоединение Крыма к России обусловил активизацию в речи слова *санкция*, которое стало употребляться только в форме множественного числа. Базой данных «Интегрум» в текстах СМИ в период с 17 февраля по 17 марта зафиксировано употреблений лексемы *санкции* – 4 171; в период с 17 марта по 17 апреля – 9 265; в период с 17 апреля по 17 мая – 5 683. Частотность обнаруживает ключевую функцию лексемы *санкции* в медиадискурсе (февраль-май 2014 г.). Зафиксированные «Интегрумом» высказывания со словом *санкции* и высказывания по поводу «крымских» санкций составили предмет специального лингвоидеологического исследования.

В юридической сфере слово *санкция* применительно к международному праву используется в значении «мера воздействия (экономического, финансового, военного и т. п.) на государства, нарушившие какие-н. международные договоры» [Крысин, с. 692]. В лексическом значении заложен стержень «культурно обусловленного сценария» [Вежбицкая, с. 392–398]: определенное государство совершает действие, нарушающее международное право; другое государство принимает те или иные меры воздействия на нарушителя. Возникают субъектно-объектные отношения, заключенные в определенные темпоральные рамки: государство, вводящее санкции, выступает как субъект-действователь, а государство-нарушитель – как объект силового воздействия. И ролевые функции субъекта, и ролевые функции объекта могут осуществляться, в зависимости от ситуации, соответственно одним, двумя, несколькими государствами.

Нельзя не отметить отраженные в лексической семантике представления, фиксирующие фрагмент «наивной картины мира» [Апресян, с. 351]. Оставляя за пределами статьи дискуссионные вопросы лексикологического направления «гумбольдтианской лингвистики», сошлемся на интерпретацию данного направления в статье М. М. Руссо [Руссо, с. 15–21]. Речевое существование текущего времени (февраль-май 2014 г.), отраженное в текстах СМИ, позволяет репродуцировать культурный сценарий «крымских» санкций на фоне общих параметров сценария международных санкций.

Темпоральные сигналы распределяются следующим образом: а) период разработки санкций: (Запад) *грозит / угрожает санкциями* (далее также *с.*), *разрабатывает / готовит / предлагает ввести с.*; б) момент объявления санкций: *введенные с.* // *с. одобрены / объявлены / введены / приняты* // *введение / одобрение / объявление / принятие с.*; в) продленное настоящее время действия санкций: «*Санкции только начались*. Вице-премьер Дмитрий Рогозин заявил журналистам, что... *первая волна* – лишь проверка на шивовость»; г) ближайшее реальное

будущее: «В понедельник обсуждается принятие *санкций* против 15 граждан России и нескольких компаний в Крыму. Это уже *вторая волна санкций*; Запад *угрожает* России *третьей волной санкций*»; «Запад *грозит* расширением *санкций*» и др. Ср.: «Евросоюз определил *три степени санкций* против России. Самыми жесткими *будут экономические санкции*».

Правовое нарушение, послужившее юридической причиной введения санкций, в текстах СМИ не обсуждается. Отсутствуют ссылки на конкретные международные соглашения. Типичны выражения: *Санкции будут введены / санкции введены из-за событий на Украине; за Крым, из-за Крыма / из-за присоединения Крыма и Севастополя; за изменение статуса Крыма; в связи с украинскими событиями; за «антиукраинскую» политику* и т. п. Ключевыми словами становятся топонимы *Крым, Севастополь, Украина*.

Юридический аспект проблемы вытесняется введенным в сценарий культурно-историческим комментарием, охватывающим дальнюю ретроспекцию: «Такое впечатление, что и в Европе, и в Вашингтоне, несмотря на весь словесный запал, *исторические права России на Крым* “в глубине души” всё-таки признавали»; «На фоне возвращения Россией своих *исторических земель в Крыму* и Малороссии Запад, пока что угрожать нам открытой большой войной (она неизбежно будет ядерной), видимо, не решаясь, готов к наложению серьезных *санкций*».

Исторический разворот «крымского» сценария санкций детерминирован «геополитическими и социально-политическими обстоятельствами русской истории» [Емельянов, с. 53], сформировавшими национально одобряемую идею исторической справедливости, которая выступает в функции аксиологического регулятора.

В значительной степени трансформируются заложенные в общем сценарии международных санкций субъектно-объектные отношения.

Субъект, планирующий и/или осуществляющий *режим санкций*, мыслится как собирательный: *Запад решил на санкции против России*. Собирательное значение субъекта, позицию которого занимают названия стран, расположенных в направлении запада, — Западной Европы и Америки — возникло при противопоставлении странам бывшего СССР и Америки и зафиксировано толковыми словарями [см., например, Толковый словарь, с. 258]. Устойчиво употребляются сочетания *западные с., с. Запада*. Идея объединения ряда государств, ополчившихся против России, передается сочинительными сочетаниями *Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз, США и ЕС, США и Европа*: «Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз решительно возражают против включения Крыма в состав Российской Федерации»; «Стоит ли России бояться *санкций* со стороны *США и ЕС* “за Крым”?»; «*США и Европа* ввели *санкции* против России в ответ на “антиукраинскую” политику»; «*США и Европа* пообещали, что следом за первым “*пакетом санкций*” последуют другие». Наряду с отмеченными для обозначения собирательного субъекта санкций употребляется новообразование *санкционеры*: «*Санционеры* пригрозили расширить список персональных *санкций*».

Конкретные субъекты-действователи: *США, Вашингтон, Белый дом, Конгресс США*: «*США* ввели *санкции* против России»; «*Санкции*, на которые пошел *Вашингтон*, были скорее символическими»; «Все ждали, какие же *санкции* против

России объявит *Белый дом*»; «*Конгресс США одобрил санкции против России*». Конкретный субъект санкций — международная организация: «Против России были инициированы *санкции ПАСЕ*».

Субъект-действитель в ряде случаев персонифицируется: «*Президент Обама уже подписал указ о том, чтобы санкции были наложены, если “Россия не прекратит давление на Украину”*»; «*Ангелой Меркель одобрены санкции, введенные против России*».

В соответствии с общим культурным сценарием объектом санкций (с.) является государство, а именно Россия. Устойчиво употребляются сочетания: *с. против России / Москвы / Кремля*. Россия, таким образом, оказывается одна: на нее «давит» собирательное / скоординированное множество государств. Ожидаемым в контексте известного афоризма императора Александра III («У России есть только два союзника: армия и флот») является горькое признание: «Союзниками России являются “ядерный щит”, оборонный комплекс, специальные службы, наши колоссальные территории и ресурсы, интеллектуальные способности и воля народа. Скорость возврата Крыма в лоно Родины — яркий тому пример».

Неожиданный сценарный разворот — дробление объекта: *с. против банка / банков; с. против компаний; с. против российских чиновников; с. против Путина; с. против «путинских» олигархов; с. против друзей Путина*. Актуализируется сочетание *попасть под с.*: «*Под санкции попали более 107 россиян*»; «Российские авиакомпании, эксплуатирующие самолеты иностранного производства, могут *попасть под санкции*»; «*Под санкции попал банк “Россия”*» и т. п.

Вопреки общей сценарной схеме происходит мена субъектно-объектных позиций. Распространение получают высказывания с однокоренными словами *ответить, ответ, ответный*. Например: «...МИД России *ответил* адекватно и обнародовал список представителей США, в отношении которых также введены *санкции*. При этом во внешнеполитическом ведомстве отметили, что разговаривать с Россией языком *санкций* контрпродуктивно и неуместно, а на каждый враждебный выпад будет найден адекватный *ответ*»; «В ближайшее время коммунисты проведут гражданско-патриотическую кампанию: всех жителей России они попросят отказаться от товаров из США — как продовольственных, так и промышленных. <...> В КПРФ *в ответ на санкции* со стороны США планируют призвать россиян к массовому бойкоту американских товаров»; «Западные *санкции*, выставленные России за воссоединение с Крымом, поражают скарредной избирательностью. Что будет, если Россия адекватно *ответит на санкции*?»; «Собственно, Белый дом скорее всего и старается спровоцировать Россию на жесткие *ответные санкции*, многие из которых по факту ударят по благосостоянию ее же граждан»; «*Ответные санкции* со стороны России всегда возможны».

Объекты силового давления становятся субъектами сопротивления и ответного давления: «Госдума и Совет Федерации готовят *санкции* против бизнеса США». Трансформация приобретает антропоцентрическую направленность: «Сотрудники некоторых московских офисов и магазинов близко к сердцу приняли *санкции* США против российских чиновников и решили самостоятельно наказать обидчиков». Некоторые высказывания имеют акцентированную шутовскую окраску: «Российские предприниматели решили в шутовской форме ответить

Белому дому на *санкции*, которые он принял против чиновников РФ. Своими *санкциями* он оскорбил нашего президента и депутатов. Ввести *санкции* против Белого дома предлагают и муниципальные депутаты столицы».

Прогнозируемая ситуация находит образное воплощение: «*Санкции — оружие обоюдоострое*»; «*Бумеранг санкций больно ударит по западным партнерам*». Номинаруются объекты санкционного воздействия за пределами России: «Дискуссия о том, кому в итоге будет хуже от планируемых США и Евросоюзом новых *санкций*, не утихает ни на мгновение»; «В случае введения ЕС *санкций* против России сама *Европа* понесет огромный ущерб»; «Большой вопрос: *против кого эти санкции* направлены с точки зрения максимального ущерба»; «*Экономические санкции* окажут негативное влияние прежде всего на экономику самой *Германии*. Торговый оборот ФРГ и РФ в минувшем году составил 76 млрд евро, бизнес с российскими предприятиями ведут около 6 тыс. *германских фирм*, а общий объем их инвестиций составляет 20 млрд евро. Около 300 тыс. рабочих мест в *Германии* зависят от экономических отношений с Россией»; «*Франция* может легко проявить активность и расторгнуть многострадальный контракт по “Мистралям”. Но сами французские чиновники говорят, что подобные *санкции* — “оружие последнего удара”, из-за того что отмена контрактов прежде всего ударит по *французской экономике*»; «*Западные компании*, которые планировали расширяться, теперь боятся, — ведь есть вероятность, что им вообще придется сворачивать бизнес в России из-за экономических *санкций*»; «Председатель совета директоров Каменск-Уральского металлургического завода считает, что закрытие для КУМЗа американского рынка принесет потери не только нам, но и *США*».

Заданные сценарными канонами субъектно-объектные отношения и включенная в крымскую ситуацию мена субъектно-объектных позиций, как следует из разворотов сценария, сводят на нет многолетние международные контакты, а также влекут за собой обидные культурно-гуманитарные последствия. Ср.: «Решение, принятое в рамках *санкций* в отношении Москвы в связи с событиями вокруг Крыма, наносит серьезный ущерб усилиям по стабилизации ситуации в Афганистане и вообще ставит под вопрос готовность международной коалиции сделать всё необходимое для поддержки Афганистана»; «Из-за *санкций* США против России могут пострадать финские поклонники Джастина Тимберлейка и Майли Сарус».

Российское самосознание исключает возможность силового диктата извне. Страна не воспринимает себя объектом давления: «Сырьевой, энергетический, минеральный, территориальный, военный вес России настолько большой, что *санкции* в первую очередь ударят по тем, кто их объявит». Ср.: «Успехи в приведении стран-сателлитов — и даже полусателлитов, которой была Украина при Януковиче, — к покорности еще ничего не говорят о способности усмирять державу, которая есть что угодно, но только не американский сателлит»; «Будем считать, что США чисто эстетически понравилась идея “говорить языком *санкций*”, как это называет наш МИД, причем именно с великой Россией, страной Толстого и Достоевского».

Политические, финансовые, экономические, торговые, военные, визовые, психологические и другие *санкции* оцениваются по-разному — как *жесткие* и *мягкие*,

опасные и чисто символические. Спектр оценок реализуется в предложениях, организованных по модели «**Санкции — это...**» Например: **Санкции (с.) — это наказание за процесс объединения России и Крыма; с. — это попытка дискредитировать Россию; с. — это расплата за Крым; с. — это давление на Россию; с. — это попытка дискредитировать Путина; с. — это беспрецедентное решение, подобного не было даже в годы холодной войны; с. против России — это с. против Запада / против самого Евросоюза.**

Неоднократно повторяется суждение: **Санкции** — это попытка изолировать Россию, а также сочетания *политическая изоляция, экономическая изоляция.* Исключение возможности изоляции страны, которая умеет держать удар, сопровождается прогнозированием возможных негативных последствий: «Изолировать такую державу как Россия не в состоянии даже США. Но сильно затруднить доступ к рынкам, финансовым и технологическим ресурсам они могут». Формой сопротивления является вербализация идеи евразийства: «Развод России с Западом, прекращение попыток во что бы то ни стало сохранить иллюзию партнерства, когда его нет, — вероятный итог последних событий. <...> **Санкции** ускоряют поворот Москвы на Восток, и так уже объявленный на высшем уровне. Главное, не сбиться с общего курса, замкнувшись на эмоционально важном, но стратегически не магистральном ответвлении». Между тем эмоциональные реакции преобладают: «**Санкции** против России — это как пощёчина».

Типичны реакции фамильярно-снисходительные: «**Санкции** — это номинация на политического Оскара»; «**Санкции** — это жалкая самодеятельность»; «**Санкции** Запада — это бессильная красота политического жеста»; «Нынешние **санкции** и санкциями назвать сложно»; «**Санкции** Запада против России — это удар мимо цели»; «**Санкции** — это игра с нулевым результатом»; «**Санкции** из-за Крыма — это укусы комара».

Меры давления на Россию вызывают откровенный смех у официальных лиц, журналистов, пользователей Интернета: «*Посмеялся над санкциями ЕС и США вице-премьер Дмитрий Рогозин*»; «Первый список российских официальных лиц, попавших под американские *санкции*, вызвал у обозревателей *гомерический хохот*»; «В случае с Мизулиной Запад выглядит откровенно *смешным*»; «Мы *шутим*, издеваемся, *смеемся над* этими *санкциями*. Я кликнула клич в сети: сегодня ребята соберутся у посольства США. Будем сочинять кричалки»; «Первая волна *санкций* оказалась откровенно *смешной*».

Смеховые реакции, шутливо-иронические высказывания-рефлексивы не соответствуют модальности долженствования, заданной общекультурным сценарием международных санкций: «*Наши люди посмеиваются над словом “санкции”, в то время как Запад очень серьёзен*». В то же время данный вид рефлексии обусловлен ментально заданной установкой: «С Россией нельзя говорить на языке санкций»; «Владимир Путин показал, что оглядываться на Запад не собирается и страшное слово “*санкции*” его не пугает».

Актуальность слова *санкции* очевидна: «Слово “*санкции*” сегодня звучит “из каждого чайника”»; «В политический лексикон вернулось полузабытое с советских времен слово “*санкции*”»; «В последние месяцы Россия стала окончательно ассоциироваться для западного обывателя со словом “*санкции*”,

которое оттеснило привычные лингвистические символы — матрешка, водка, калинка-малинка».

Особый интерес представляют прямые и опосредованные реакции на санкции против лиц, включенных в *черный список Белого дома*. Например:

— Неужели они всерьез могли предполагать, что в силу таких *санкций* я изменю свою позицию в отношении справедливости воссоединения Крыма с Россией? Конечно, нет! Я горжусь и буду гордиться, что принял участие в этом великом историческом событии. В том, что почти 2 млн граждан вернулись на свою фактически историческую родину. А *санкции* против меня и других россиян противоправны, неразумны и просто смешны (реакция председателя Государственной думы Федерального собрания РФ Сергея Нарышкина). Ср.:

— Блеск! Меня обвиняют в том, что я занимаюсь пропагандой, что я пропагандист. Но пропаганда с греческого — распространение информации, идей, мыслей, мировоззренческих позиций. Интересным образом Запад использует это слово как ругательство... (реакция журналиста Дмитрия Киселева)

Остро воспринимается формулировка *санкции за статус*: «Сама формулировка “*санкции* наложены *за статус*” выглядит крайне странно. После мрачной преамбулы с традиционной американской риторикой о том, что Россия угрожает “безопасности, стабильности, суверенитету, территориальной целостности Украины” (и вообще, видимо, всему хорошему, что есть в мире) уже хочется увидеть список преступлений этих людей. Ну так, чтобы пафос не повис в воздухе. Момент-то серьезный».

Подчеркивается непродуманность и нелепость персональных санкций, *санкционных списков*:

«Валентина Матвиенко — *санкции* наложены за ее *статус* главы Совета Федерации».

«Сергей Глазьев — *санкции* наложены за его *статус* советника Президента Российской Федерации».

«Елена Мизулина — *санкции* наложены за...»

Простите, думает в этот момент русскоязычный читатель, а при чем здесь Елена Мизулина? Какое отношение она имеет к украинскому кризису? Может быть, дело в законе о запрете гей-пропаганды среди несовершеннолетних? Но зачем тогда ее имя фигурирует в документе, посвященном Украине? Чтобы два раза бумажку не писать, что ли?

Не соответствует общему типу культурного сценария вектор отбора речевых средств — иронизмов и самоиронизмов: «*Карающий меч* упал, и *санкции* со стороны США и ЕС объявлены»; «*Санкции* ни к чему хорошему не приводят — *шакалье покусывание* России Западом в виде *санкций* ничем позитивным не обернется для тех, кто затеял эту самодеятельность»; «*Санкции* следует рассматривать... как властный интердикт, налагаемый на целую страну некоторым *вселенским первосвященником*»; «Запад действует с таким расчетом, чтобы ненароком не поднять из берлоги *русского медведя* и не выстрелить самому себе в ногу».

Средством выражения иронии являются прецедентные высказывания, «имеющие сверхличностный характер» [Караулов, с. 216]. Например: «Нынешние *санкции* пройдут, “как с белых яблонь дым”»; «Крови при аннексии Крыма

не было, и это существенно тормозит Запад в его желании “отмстить неразумным хазарам”».

В газетах распространены иронические заголовочные комплексы: «Маккейну не нравится Россия — слишком непослушная. *Дрессуре не поддаемся*»; «Решение НАСА свернуть сотрудничество с Роскосмосом вызвало недоумение экспертов. *Нестыковка вышла*». Ср. игровые заголовки: *Станции и санкции*; *Санкционная фея*; *Дядя Сэм грозит пальчиком*; *Очень нежная сила Запада*.

Легкомысленно-ироническому отношению к санкциям противостоят прагматические предостережения и прогнозы: «Наши СМИ в основном иронизируют по поводу *санкций* Запада против России. Но сегодняшние “смешки” могут аукнуться нам реальными неприятностями уже в ближайшем будущем. Чего надо ждать и как готовиться к преодолению грядущих бед?» Вот лишь некоторые прогнозы: «Если спираль *санкций* будет раскручиваться и дальше, то боюсь, что объем инвестиций ФРГ в РФ в 2014 году окажется вдвое ниже, чем в прошлом»; «Экономические *санкции* готовы перерезать торговые дороги, соединяющие Запад и Восток». В ряде случаев «грядущие беды» детализируются: «В связи с возможными *санкциями* США и Евросоюза подавляющее большинство российских авиакомпаний, эксплуатирующих самолеты иностранного производства, выполняющих регулярные рейсы в Крым и Севастополь, могут быть подвергнуты дискриминации на авиарейсах в Европу и Америку, таких, как отзыв разрешений на выполнение полетов воздушных судов, ужесточение требований к визовому режиму, поставке запасных частей и комплектующих воздушных судов иностранного производства, техническому обслуживанию и др.». Особо выделяются последствия персональных санкций: «“Крымские” *санкции* США создают новые неожиданные трудности для компаний, связанных с российскими бизнесменами из санкционного списка»; «В результате *санкций* пострадают те россияне, которых в Европе уже считают “своими”».

Используемая Западом тактика запугивания наталкивается на российское идеологическое упрямство — «национальную гордость великороссов»: «Прямая цитата из распоряжения Обамы: “Сегодняшние действия посылают мощный сигнал российскому правительству — их действия повлекут за собой последствия...” Нет, подождите, вы серьезно?»

Высокомерие, недооценка России, которую сенатор Джон Маккейн назвал «бензоколонкой, пытающейся выдать себя за страну», опровергается свершившимся фактом: «Крым и Севастополь — вновь российские. Впервые после развала Советского Союза нарушена гегемония США на патронат и кураторство любых значимых геополитических решений в мире». Недальновидность Запада оборачивается стратегической победой «недостраны»: «Воссоединение Крыма с Россией тяжело переживается американскими и европейскими элитами: они *не ждали* подобного развития событий. Похоже, тотальному доминированию Запада в мировой политике приходит конец».

Возникают вопросы, спроецированные на ближайшее будущее: что дальше? что делать? Ответы на эти вопросы свидетельствуют о непредсказуемом развитии «крымского» сценария. Основной вектор развития определяется лейтмотивом «санкции полезны для России».

Общие и частные формулировки, поддерживающие лейтмотив, транслируют смыслы «выгода», «мобилизация сил», «перспективы развития»: «Россия от *санкций* только выиграла»; «Сегодня Запад своими *'санкциями'* может сделать для нас то, что мы не делали и не хотели делать многие десятилетия. В условиях *санкций* и возможной экономической изоляции бизнесу придется активно перестраиваться, и тем отраслям, которые будут развиваться, поддержка государства, безусловно, обеспечена. Мы должны поверить в себя, в свои силы, мобилизоваться и радикально изменить всю экономическую и социальную политику, мы должны начать создавать альтернативный центр развития»; «*Санкции* заставят отечественную промышленность работать только лучше, проводя активную политику импортозамителя»; «*Санкции* США и ЕС дают нам редкий шанс перейти на здоровое питание» и т. п.

Типичные прогнозы: *санкции подстегнут / стимулируют / дадут новый импульс развития / заставят заняться реформами российской экономики*, потому что «нет худа без добра».

Вот один из показательных примеров, свидетельствующий об оздоровляющем воздействии санкций вопреки замыслам *санкционеров*: «Банк “Россия” — жертва *санкций*, пятнадцатый в рейтинге российских банков — заявил, о том, что будет работать только на местном рынке и только с рублем». Под давлением санкций активизируются изобретательность, бесстрашие, умение держать удар, рисковать и выигрывать, действовать нестандартно, по-русски: «Своим решением банк “Россия” открыл для РФ не только множество экономических перспектив. Он показал, что *Россия способна выдержать любой удар, готова ответить на любой вызов со стороны недружественных соседей*. Более того, *с настоящей русской смекалкой* она умудряется *извлечь максимум пользы* из сложившейся ситуации, *становясь еще богаче и сильнее*».

В условиях санкций естественной становится демонстрация национальной идеи независимости: «Банк “Россия” принял решение работать только на отечественном рынке и лишь с рублями. Таким образом, в стране появилось первое национальное кредитное учреждение, абсолютно независимое от международных финансовых институтов. Гуд бай, Америка!»

«Крымский» сценарий санкций имеет открытый финал: «*России после геополитической победы в Крыму* необходимо приступить к серьезному внутреннему переустройству. Мы, безусловно, должны извлечь из *санкций* уроки».

«Антиномичность России, жуткая ее противоречивость» [Бердяев, с. 3–4] в значительной степени объясняет развороты сценария «крымских» санкций. Свойственные русскому народу формы поведения, которые «не укладываются... в средний стандарт» [Ермакова, с. 127], ярко обнаруживают себя в разворотах, не предусмотренных общим сценарием международных санкций: и в мене субъектно-объектных отношений, и в осознании национальной самодостаточности, и в оценочной переакцентуации происходящего, и в ценностном предпочтении правды истории силе права, и в демонстрации национальной идеи независимости. Неожиданные развороты сценария «крымских» санкций оказываются ментально обусловленными.

Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 2 : Интегральное описание и системная лексикография. М., 1995. 767 с. [Aprėsjan Ju. D. Izbr. tr. T. 2 : Integral'noe opisanie i sistemnaja leksikografija. M., 1995. 767 s.]

Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. 346 с. [Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii. M., 1990. 346 s.]

Вежбицкая А. Личности, сформированные культурой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 392–398. [Vezhbickaja A. Lichnosti, sformirovannye kul'turoj // Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M., 1996. S. 392–398.]

Емельянов Б. В. Русский менталитет: возможности толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М., 2005. С. 51–59. [Emel'janov B. V. Russkij mentalitet: vozmozhnosti tolerantnosti // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti : kollektiv. monogr. / отв. red. N. A. Kupina, M. B. Homjakov. M., 2005. S. 51–59.]

Ермакова О. П. Толерантность и некоторые особенности русского менталитета в зеркале языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. М., 2005. С. 124–131. [Ermakova O. P. Tolerantnost' i nekotorye osobennosti russkogo mentaliteta v zerkale jazyka // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti : kollektiv. monogr. / отв. red. N. A. Kupina, M. B. Homjakov. M., 2005. S. 124–131.]

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М., 2007. 264 с. [Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. 6-e izd. M., 2007. 264 s.]

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005. 944 с. [Krysin L. P. Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov. M., 2005. 944 s.]

Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 1 (47). С. 12–24. [Russo M. M. Neogumbol'dtianskaja lingvistika i ramki «jazykovej kartiny mira» // Politicheskaja lingvistika. 2014. Vyp. 1 (47). S. 12–24.]

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008. 1175 с. [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov / RAN. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova; отв. red. N. Ju. Shvedova. M., 2008. 1175 s.]

Статья поступила в редакцию 01.07.2014 г.

УДК 94(520) + 351/354(520):398.223 + 340(094.5)

О. В. Язовская

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЯПОНИИ В СИСТЕМЕ ЯПОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В статье впервые разрабатывается и апробируется подход к анализу трансформации мифологического наследия с помощью понятия «мифологическая модель мира». В качестве материала для анализа взята японская мифология периода составления древних мифологических сводов «Кодзики» и «Нихон сёки», ее переосмысление учеными школы национальных наук, а именно Мотоори Норинага и Хирата Ацутанэ, а также использование древних мифов в идеологии *кокутай* периода восстановления императорской власти в эпоху Мэйдзи. Для каждого из периодов в статье дана характеристика моделей мира, сравнение содержательных изменений которых позволило обнаружить устойчивые элементы японской мифологии.

Ключевые слова: мифологическая модель мира; японская мифология; школа национальных наук; концепция *кокутай*.

Мифологическое наследие Японии в ходе истории претерпевает ряд изменений, наиболее значимые из них связаны с реорганизацией государства. В японской культуре мы можем наблюдать уникальное явление: японская мифология довольно рано была записана и систематизирована в первых мифологических сводах еще в VIII в. н. э., во время утверждения системы государственности, построенной по китайскому образцу.

В дальнейшем тексты сводов не переписывались и дошли до потомков практически в неизменном виде. Поскольку своды были записаны китайским языком с уточненной для японского языка фонетикой, то они были чрезвычайно сложны для прочтения и требовали перевода на современный язык. Такую большую работу проделали в XVIII в. ученые школы национальных наук, впервые за долгое время обратившиеся в своих изысканиях к классике древней литературы.

Вдохновившись в своих филологических и литературоведческих исследованиях содержанием древних текстов, ученые школы стали размышлять об особом Пути Японии и ее народа. Поиски идентичности нации в дальнейшем привели к конкретным реформам эпохи Мэйдзи и легли в основу идеологии японского национализма.

В каждом случае обращение к древней мифологии преследует собой ту или иную цель, ради которой мифы перестраиваются и переозначиваются. Чтобы обнаружить и проанализировать точки трансформаций, которым подвергаются мифы, мы используем понятие мифологическая модель мира [Язовская, с. 521–522]. Наиболее полное определение модели мира в отношении мифа представил один из исследователей тартуско-московской семиотической школы — В. Н. Топоров. В его понимании модель мира для мифологического наследия может быть определена следующим образом: модель мира — это «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Топоров, с. 161]. При помощи данного понятия можно описать основные параметры универсума: пространственно-временные, причинные, этические, количественные, семантические и персонажные.

Таким образом, мы можем говорить о мифологической модели мира как об определенной системе, в которой задано общее положение вещей и устройство космоса. Данное понятие не дает конкретного метода, но его определение мы предлагаем рассматривать как подробный план исследования, в рамках которого мы можем сконструировать модели для определенной мифологии или мифологического наследия. В рамках данного метода мы впервые выстраиваем модели для первых мифологических сводов, затем для представления о японской мифологии у ученых школы национальных наук, таких как Мотоори Норинобу и Хирата Ацутанэ, и далее для мифологического основания концепции *кокутай* периода Японской империи с 1868 по 1945 гг. Посредством сравнения указанных моделей мы впервые выявляем изменения и трансформацию мифологического наследия японской культуры.

В рамках данного исследования мы не ставим целью показать историческую составляющую процесса трансформации мифологического наследия, а стремимся обозначить сам характер переозначивания мифологии. Поэтому историческая составляющая привлекается по мере необходимости. Мы не касаемся вопросов развития школы национальных наук на основе знаний японской науки вагаку и ее формирования на фоне противостояния буддийским и конфуцианским учениям, а также не затрагиваем историю движения сонно, выступавшего за восстановление императорской власти в XIX в. Мы затрагиваем только те источники, в которых мифологическое наследие играло ключевую роль и в то же время влияло на формирование японской государственности.

Мифологическая модель мира первых мифологических сводов. Составление мифологических сводов «Кодзики» («Записи о делах древности» 712 г.) [Мифы Древней Японии] и «Нихон сёки» («Анналы Японии» 720 г.) [Нихон сёки] в Японии состоялось в VIII в. В чем же причина столь

ранней потребности в кодификации знаний? Такие авторы, как А. Н. Мещеряков и Л. М. Ермакова [Ермакова; Мещеряков, 2002] указывают в первую очередь на необходимость легитимизации существующего на тот период государственного устройства и позиции правящей династии императоров.

А. Н. Мещеряков [Мещеряков, 2002] указывает на следующие предпосылки составления первых мифологических сводов: становление единого государства Ямато и необходимость укрепить его позиции на территории японских островов, распространение китайской письменности (около VII в.). В идеологическом плане для объединения государства требовалось создание единых общегосударственных законов и общей мифологической традиции.

Л. М. Ермакова также указывает на связь мифологических сводов и установления новой государственности: тексты сводов были составлены по императорскому указу, обосновывали значимость императорского рода и придворных родов. Их задачей было: «...представить раннее Ямато как однородное культурное пространство с правителем *тэнно* в центре» [Ермакова, с. 54].

Сюжетная линия мифологических сводов, согласно Е. М. Пинус, может быть разделена на три мифологических цикла:

Космологический цикл. В нем действие происходит на равнине высокого неба (*Такама-но хара*), где обитают небесные боги, и в царстве мёртвых (*Ёми-но куни*). Мифы повествуют о зарождении и благоустройстве всего мироздания.

Цикл Идзумо. Действие происходит на земле, в этом цикле описывается установление земного порядка богами Сусаноо и Оокунинуси.

Третий цикл. В нем идет рассказ о событиях, происходящих в местности Химука, среди прочего речь идет о передаче власти от богини солнца Аматэрасу своему внуку Ниниги [Пинус, с. 685].

Исходя из отрывочности повествования, а также наличия нескольких вариантов мифов, можно отметить искусственность составления сводов. Так, Е. К. Симонова-Гудзенко указывает на то, что процесс кодификации древней традиции шел по двум направлениям: создание единой мифологии, где обосновывается значимость императора как потомка богов, и структурирование местных культов [Симонова-Гудзенко, с. 72]. Благодаря кодификации, пантеон был строго иерархизирован, а общий мотив перехода от хаоса к космосу был дополнен однозначной родословной богов, показывающей их преемственность знатым родам.

В соответствии с определением В. Н. Топорова мы можем выстроить мифологическую модель мира для японской мифологии в период ее записи следующим образом.

Пространственно-временные параметры в текстах мифов более основательно прописаны для пространства, чем для времени. Основной пространственной схемой космоса вступает сочетание вертикальной и горизонтальной схем мира (Небо — Земля и Суша — Море), где нет четкого разделения на мир богов и мир людей. По вертикали сверху вниз расположены: Равнина Высокого Неба во главе с богиней Аматэрасу; Тростниковая равнина, или же Срединная страна, во главе с богом Сусаноо, а затем его внуком Оокунинуси, впоследствии правителем становится внук Аматэрасу Ниниги и его потомки. На горизонтальной схеме расположены Тростниковая равнина, или же Срединная страна, и Морская

страна, или же Ватацуми-но куни, во главе с богом Ватацуми. При этом Тростниковая равнина является центральной частью пространства как по горизонтали, так и по вертикали.

Неясным остается положение страны Ёми-но куни или же Страны мертвых во главе с богиней Идзанами. С одной стороны, она расположена под землей, но, с другой стороны, бог Идзанаги в поисках своей жены отправляется ко входу в Ёми-но-куни на север или на запад Срединной страны.

Что касается временных параметров, то началом мифологического времени является появление первой тройки богов, «когда впервые раскрылись Небо и Земля» [Мифы Древней Японии, с. 33]. При этом сакральным центром времени и пространства является первоостров Оногородзима, который был замешан священным копьём из морской воды богами Идзанаги и Идзанами. Также важным моментом времени является выход богини Аматэрасу из Небесного Грота [Там же, с. 85].

В качестве параметров причины мы можем указать способ творения богов в мифе посредством поименования, а также их проявления или же становления в мире. При этом о существовании какого-то дальнейшего мирового закона, как, скажем, закона гармонии, в мифах не говорится.

Этические параметры описываются в ряде сюжетов в виде обрядов избавления от скверны, где посредством очищения физического происходит и очищение помыслов: сюжет о боге Идзанаги, сюжет о наказании бога Сусаноо.

Количественные параметры можно проследить по количеству богов, затем по числу островов и т. п., например: 3 и 5 первых божеств одиночек, 8 пар божеств, 8 островов у Страны Больших Островов.

В семантическом плане тексты мифов позволяют выстроить системы бинарных оппозиций, характеризующих сакральное устройство космоса. При этом системы можно выстроить как для пары Идзанаги — Идзанами, так и для пары Аматэрасу — Сусаноо.

Что касается персонажей, то, как указывалось выше, в текстах мифов четко прослеживается родословная императорской династии молодого государства Ямато, а также приближенных к императорскому дому родов. Конкретный антропологический миф в общей системе мифологии не представлен, а иероглиф «человек» применяется и по отношению к богам.

В целом мы можем отметить, что тексты мифологических сводов в период государства Ямато (эпоха Нара, 710–781 гг.) должны были сконструировать прошлое, чтобы оправдать и придать легитимность установившемуся государственному порядку. Это позволяет нам предположить тесную связь мифа и государства в японской культуре.

Переосмысление японской мифологии учеными школы национальных наук. В дальнейшем интерес к мифологической традиции проявляется лишь в эпоху Эдо (1600–1867), уже после периода феодальной раздробленности и объединения государства под знаменами сёгуната Токугава. К древней мифологии решили обратиться ученые школы национальных наук *кокугаку* в связи с изучением традиции японской словесности.

К ученым этой школы, согласно Утино Горо [Uchino Goro], можно отнести как основных представителей, к которым относятся Када Адзумамаро

(1669–1736), Камо Мабути (1697–1769), Мотоори Норинага (1730–1801), так и предшественника Када Адзумамамаро — Кэйтю (1640–1701) и последователей Мотоори Норинага: Като Тикагэ (1735–1808) и Хирата Ацутанэ (1776–1843). Всех ученых объединяет стремление очистить исконные знания японского народа от буддийской и конфуцианской традиции посредством анализа и интерпретации древних текстов. Када Адзумамамаро, по словам Ю. Д. Михайловой, так обозначил основную задачу школы: «изучение “древнего Пути” Японии, суть которого составляет “Путь государя и подданных и почитание законных, имеющих единую родословную императоров”» [Михайлова, с. 39]. Непосредственно анализом и интерпретацией мифов занимались Мотоори Норинага и Хирата Ацутанэ.

В конце XVIII в. Мотоори Норинага впервые за долгое время обращается к мифам «Кодзики», переводит их на современный японский язык, а также проделывает большую комментаторскую работу. Свои мысли о древней мифологии он изложил в трактатах «Наоби-но митама» 1771 г. («Душа бога Наоби») [Мотоори Норинага, 2002а] и «Тама кусигэ» 1786–1787 гг. («Драгоценная шкатулка для гребней») [Мотоори Норинага, 2002б], где им было предложено теоретическое обоснование идей школы национальных наук и Пути Японии.

Путь Богов, согласно Мотоори Норинага, заключается в простом следовании традиции управления государством, описанной в древних мифах как управление прямыми потомками богини солнца Аматэрасу. «Так как сердце [императора] есть сердце Великой богини, то в любом деле он ничего не решал лично сам, а управлял [страной], руководствуясь делами Эры богов» [Мотоори Норинага, 2002а, с. 243]. Начало пути идет от первопары Идзанаги и Идзанами, создателей страны Тростниковых равнин, а затем Путь переходит к Аматэрасу и далее сохраняется династией императоров. Сам Путь не подразумевает под собой конкретных действий, важна традиция почитания божеств и императора.

Путь распространяется на весь мир, но только в Японии он не был забыт и искажен. Это говорит об «избранности» японского народа, которому удалось сохранить верность традиции. Исходя из этого, мы можем говорить о правилах поведения для каждого человека: все должны следовать Пути, а именно «...служить ему [императору]. — О. Я.] с почтением и благоговением» [Мотоори Норинага, 2002а, с. 250].

Продолжая традицию школы национальных наук, Хирата Ацутанэ в своих размышлениях рассматривает японскую мифологию в несколько ином ключе. Ацутанэ не стремится очистить древние учения, а, напротив, дает расшифровку древних мифов, привлекая знания астрономии и китайской традиции, параллельно подвергая их критике, если они не подкрепляют его позицию. Концепция Ацутанэ носит скорее характер религиозного учения, претендующего на создание упорядоченной концепции синто, объединяющей в себе развитую религиозную доктрину и повседневные практики [Накорчевский, с. 245–247].

Одним из программных произведений Хирата Ацутанэ, характеризующим его взгляды на творение и развитие Вселенной, является трактат «Тама-но михасира» («Истинный священный столб духа», 1812) [Хирата Ацутанэ]. В трактате идея Пути и развития Японии обосновывается через историю деяний богов и зарождение трех миров: неба, Земли и страны Ёми.

Хирата Ацутанэ указывает на то, что «...Страна Государей есть Страна — предок всех государств и потому ее предание правдиво» [Хирата Ацутанэ, с. 286]. Свою позицию он обосновывает тем, что территория японского государства находится ближе всего к небу: в период становления мира все три части (небо, земля и страна Ёми) были соединены, и в месте, находящемся ближе всего к перешейку между небом и землей, появился японский архипелаг. Остальные же земли были сформированы из морской пены, а значит, не могут претендовать на гегемонию. Стоит отметить, что Ацутанэ оправдывает действия божеств в ходе становления мира единственной целью — заботой о благе своей страны. В дальнейшем их функции переходят к японским императорам.

Несмотря на разночтения, концепции Мотоори Норинага и Хирата Ацутанэ задают определенную мифологическую модель мира, изменяя модель, заданную древними мифологическими сводами.

В отношении пространственно-временных параметров четко выстраивается вертикальная модель, частям которой соответствуют конкретные небесные светила. Наверху находится Небесная страна (Солнце), на земле — Япония и другие страны (планета Земля), внизу — страна Ёми (Луна). В сравнении с прошлой моделью представления о мире расширяются до космических масштабов. Сакральным центром мира становится Япония. Что касается времени, то наиболее значимым временным периодом является Эра богов или же период становления мира, тогда и были заложены основы Пути богов.

В качестве причинных параметров у Мотоори Норинага указана творящая сила одного из первых богов Такамимусуби, а также свет богини Аматаэрасу. У Хирата Ацутанэ, помимо творящей силы богов, также в качестве причины явлений мира обозначен закон порождения богов, заведующих четырьмя элементами: ветром, огнем, водой и землей.

Этические параметры задаются посредством древних текстов, и здесь Хирата Ацутанэ, более последовательно излагая идеи Мотоори Норинага, говорит о паре противоположных божеств — боге бедствий Магацухи и боге избавления от бедствий Наоби, влияющих не только на события в мире, но и на борьбу в душе человека. В более широком плане этические параметры представлены как необходимость следования Пути богов, т. е. сохранения династии японских императоров и укрепления их власти, поскольку это ведет к сохранению и процветанию Японии.

Если количественные параметры слабо выражены в концепции Мотоори Норинага, то в концепции Хирата Ацутанэ они представлены довольно широко: в виде десяти этапов развития мира, трехчастной мировой структуры, а также конкретным числом богов и островов японского архипелага.

Семантические параметры в текстах Мотоори Норинага основываются на дуализме, представленном в «Кодзики». Хирата Ацутанэ в своем трактате несколько расширяет систему бинарных оппозиций. Если в текстах древних мифологических сводов можно проследить две системы бинарных оппозиций, то Хирата Ацутанэ сводит их в одну, указывая на изначальное появление мужского и женского начал в мире.

Что касается персонажных параметров, то и Мотоори Норинага, и Хирата Ацутанэ признают, что император является потомком богини солнца Аматаэрасу,

а значит, ее законным наместником на земле. Японский народ также имеет божественное происхождение. Что касается всех остальных, то если Мотоори Норианага ничего не уточняет по этому поводу, то Хирата Ацутанэ указывает на то, что, хотя в древних преданиях это не описывается, но остальные люди не являются потомками богов, хоть и были созданы с помощью духа порождения. Также если в текстах Мотоори Норианага выстроена конкретная социальная иерархия (Аматэрасу — император — сёгун — даймё — подданные), то для Хирата Ацутанэ она не столько важна, но может быть прописана как Аматэрасу — император — подданные.

В представленной модели нами прослеживается ряд преобразований, уточняющих и структурирующих модель мира, содержащуюся в мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон сёки». Как мы обнаружили выше, вертикальная пространственная модель становится более структурированной, причинные параметры дополнены учением о четырех элементах, убраны несоответствия в системе бинарных оппозиций. Упор сделан на персонажные и этические параметры, которые ранее почти не были представлены. На наш взгляд, в задачи данной модели входило обоснование значимости императора и единства народа в связи с общей историей и традицией.

Древняя мифология в основе идеи национального государства. Следующий этап переструктуриации мифологической модели мира связан с преобразованиями, происходившими с периода модернизации Японии и реставрации императорской власти с 1868 г. и вплоть до конца Второй мировой войны. Мифологическое наследие в той интерпретации, которую представили ученые школы национальных наук, легло в основу идеологии нового государства и стало обоснованием для мобилизации населения и его лояльности в отношении нового государственного устройства.

Новый государственный курс, основанный на древней традиции, был представлен в ряде императорских указов и Конституции Японии от 1889 г., но главными текстами, пропагандирующими идеалы нового общества, стали Государственный рескрипт об образовании 1890 г. [Shiryō Kyōiku Chōkugo, p. 3–11] и комментарии к нему «Кокутай-но хонги» («Основные принципы кокутай», 1937 г.) [Monbushō-cho], целью которых также было подробно охарактеризовать концепцию японской национальной сущности *кокутай*. Рассмотрим их ниже.

Государственный рескрипт об образовании прежде всего констатирует факт божественного происхождения японского государства, а затем характеризует нравственный идеал подданных, со стороны которых должна идти лояльность режиму и сыновняя почтительность в отношении императора. Нравственный идеал подданных описывают четыре группы добродетелей: отношение к близким; репрезентация себя в обществе; самосовершенствование своей индивидуальности; лояльность в отношении к государству [Shiryō Kyōiku Chōkugo, p. 7–11].

Представленные этические принципы рескрипта указывают на сильное конфуцианское влияние и влияние культа предков. Г. Е. Комаровский отмечает

следующее: «авторы рескрипта пошли еще дальше, практические соединив культ предков с культом императора, расширив представление о сыновней почтительности, провозглашавшейся основой семейной морали, до масштабов всего государства, которое является как бы одной большой семьей во главе с монархом» [Комаровский, с. 280]. Закрепление принципов фамилизма [Кларк, с. 102–122] позволило говорить о японском государстве как «большой семье» с императором во главе. Выполнение моральных норм рескрипта приобретает значение нравственного идеала и разъясняет Путь богов, которому должны следовать все граждане нового государства.

Поскольку формула нового государства в тексте рескрипта представлена свернутым образом, то необходимым становится его подробное разъяснение и расшифровка. Комментарии к рескрипту начинают появляться еще в начале XX в. [Fukimoto Makoto], но официальный текст выходит только в 1937 г. В задачу нового произведения входило обоснование японской духовности, поскольку сама концепция *кокутай*, как указывает А. Н. Мещеряков [Мещеряков, 2009, с. 251], изначально носила научно-биологический характер и представляла государство как тело, головой которого был император.

В «Кокутай-но хонги» концепция японской национальной сущности разъясняется с помощью цитат и пересказов сюжетов мифологических сводов «Кодзики» и «Нихон сёки», что позволяло показать исконную древность и правильность существующего устройства общества, где во главе государства из поколения в поколение правят потомки богов. Как указывается в начале «Кокутай-но хонги», сутью *кокутай* является то, что «великой Японской империей правит непрерывная в веках династия императоров по повелению основателя государства» [Основные принципы кокутай, с. 339].

Основы концепции *кокутай* описаны в четырех разделах: основание государства или же историческое обоснование значимости идеи императорской власти; характер императорской власти и личности императора как потомка богини солнца Аматэрасу; моральный кодекс подданного, основанный на конфуцианских представлениях о добродетели; представления о гармонии как движущей силе развития государства и подданных, другими словами, представление о Пути Японии. Кратко общая идея данного произведения заключается в следующем: «Центром нашего государства является император, потомок Аматэрасу-омиками; и наши предки, и мы видим в императоре источник нашей жизни и деятельности. Посему служение императору и следование его августейшей воле есть оправдание нашего исторического бытия и основа морали народа» [Там же, с. 343].

Таким образом, мы можем сказать, что текст «Кокутай-но хонги» расширяет представленную в рескрипте об образовании формулу нового японского государства и дает конкретные обоснования ее истинности не только в декларировании значимости японских императоров и нравственного идеала подданных, но и в конкретных ссылках на древнюю мифологическую традицию как на первоисточник всех знаний об исконной японской государственности. Возможность подтверждения новых истин древними текстами связывает эти истины с прошлым и проводит параллель между ними, что должно показать непрерывность и неизменность, а значит, правильность следования традиции.

Выстраивая мифологическую модель мира для государственного рескрипта об образовании и «Кокутай-но хонги», мы обнаруживаем ее непосредственную преемственность по отношению к прошлым системам.

Пространственно-временные параметры стали более упрощенными, все несоответствия были убраны. Вертикальное построение пространственной модели сохраняется в виде вертикали Небо — Земля, где Равниной Высокого Неба управляет богиня солнца Аматэрасу, а на Земле находится избранная богиней солнца Япония во главе с ее потомком и остальные страны мира. Наиболее значимым временным периодом становится эпоха установления императорской власти.

Причинные параметры уже не прописываются как творящая сила конкретных божеств, а представлены в виде принципа гармонии, подробно характеризующего Путь Японии как Путь богов, которому должны следовать все страны мира.

Этические параметры уже более последовательно вбирают в себя конфуцианские принципы таким образом, что сыновняя почтительность и преданность государю начинают играть ключевую роль и становятся опорой Пути. Указанные ранее представления о добром и злом началах в мире, подробно описанные у ученых школы национальных наук, теряют свое значение, теперь добро и зло определяется через принцип гармонии, где добром выступает присутствие гармонии, а злом — ее недостаточность.

Количественные параметры не выражены четко, как в предыдущих моделях, из прошлых числовых характеристик все еще значимым остается одно из самоназваний Японии — Страна Восьми Больших Островов.

Семантические параметры как строгая система бинарных оппозиций теряют свою значимость и не выстраиваются для данной модели.

Что касается персонажных параметров, то они представляют собой четкую картину взаимосвязи императора и подданных, т. е. акцент с мира богов окончательно перешел на мир людей. И если богиня Аматэрасу еще описывается как прародительница императорского рода и имеет значение для настоящего, то другие мифологические сюжеты привлекаются лишь для подтверждения новой концепции. Центральную роль теперь играет император, который официально признан живым божеством и является источником Пути на земле. Божественность также приписывается и японской нации с той лишь оговоркой, что она сопричастна божественному только в духовном плане.

Представленный выше анализ трансформации мифологической модели мира позволяет нам обнаружить характер и направления перекодировки и усиления тех или иных сюжетов японской мифологии. Мы считаем, что идея императорской власти является ключевым компонентом японской мифологической модели мира. Именно этот сюжет стал основным полем для трансформаций, проводимых в мифологии на разных этапах истории в связи с реорганизацией власти и системы государства. Общий характер видоизменения модели мира связан со сменой акцентов: если в начальной версии мифов было необходимо

зафиксировать период творения и становления космоса и мирового порядка и, тем самым, закрепить систему нового государства, то со временем значимость приобретают вопросы этики и поведения человека в обществе, система и устройство нового общественного порядка.

Как мы показали выше, со временем модель стремится к унификации и стиранию противоречий: так, исчезают противоречия в представлениях о пространстве, где закрепляется вертикальная модель; получает однозначность имевшая противоречия система бинарных оппозиций; появляется представление о мировом законе, которому подчиняются как боги, так и люди, причем если ученые школы национальных наук выводили существование этических параметров из самих мифов, то в дальнейшем речь идет о законе гармонии, который в текстах мифов не упоминается. Конечный вариант модели теряет разрозненность и становится неким идеальным мифом, существующим в одном варианте и повествующим о зарождении и процветании императорской власти как гаранта гармонии мира на земле и в Японии, где исконный Путь богов, которому должны следовать все страны мира, был сохранен и существует по сей день. Миф начинает задавать условия для объединения японского народа как нации. Основанием для этого является общее историческое прошлое, а также родственная связь с богами, прослеживающаяся со времени творения мира.

Ермакова Л. М. Почитание предков в японской культуре // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб., 2002. Т. 1 : Очерки по истории синто. С. 43–59. [Ermakova L. M. Pochitanie predkov v japonskoj kul'ture // Sinto — put' japonskih bogov : v 2 t. / отв. red. E. M. Ermakova, G. E. Komarovskij, A. N. Meshherjakov. SPb., 2002. T. 1 : Oчерки po istorii sinto. S. 43–59.]

Кларк К. Советский роман: история как ритуал / [пер. с англ.] ; под ред. М. А. Литовской. Екатеринбург, 2002. 262 с. [Klark K. Sovetskij roman: istorija kak ritual / [per. s angl.] ; pod red. M. A. Litovskoj. Ekaterinburg, 2002. 262 s.]

Комаровский Г. Е. Государственный синто // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб., 2002. Т. 1 : Очерки по истории синто. С. 261–311. [Komarovskij G. E. Gosudarstvennyj sinto // Sinto — put' japonskih bogov : v 2 t. / отв. red. E. M. Ermakova, G. E. Komarovskij, A. N. Meshherjakov. SPb., 2002. T. 1 : Oчерки po istorii sinto. S. 261–311.]

Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009. 592 с. [Meshherjakov A. N. Byt' japoncem. Istorija, pojetika i scenografija japonskogo totalitarizma. M., 2009. 592 s.]

Мещеряков А. Н. Синтоизм и древнее государство (V–VIII вв.) // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб., 2002. Т. 1 : Очерки по истории синто. С. 88–97. [Meshherjakov A. N. Sintoizm i drevnee gosudarstvo (V–VIII vv.) // Sinto — put' japonskih bogov : v 2 t. / отв. red. E. M. Ermakova, G. E. Komarovskij, A. N. Meshherjakov. SPb., 2002. T. 1 : Oчерки po istorii sinto. S. 88–97.]

Мифы Древней Японии: Кодзики / пер. со ст.-яп., предисл. и коммент. Е. М. Пинус. Екатеринбург, 2005. 256 с. [Mify Drevnej Japonii: Kodziki / per. so st.-jap., predisl. i komment. E. M. Pinus. Ekaterinburg, 2005. 256 s.]

Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество (из истории общественной мысли Японии XVIII в.). М., 1988. 186 с. [Mihajlova Ju. D. Motoori Norinaga. Zhizn' i tvorcestvo (iz istorii obshhestvennoj mysli Japonii XVIII v.). M., 1988. 186 s.]

Мотоори Норинага. Душа бога наоби / пер. с яп. Л. Б. Кареловой // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб., 2002а. Т. 2 :

Тексты синто. С. 243–258. [Motoori Norinaga. Dusha boga naobi / per. s.jap. L. B. Karelovoj // Sinto — put' japonskih bogov : v 2 t. / otv. red. E. M. Ermakova, G. E. Komarovskij, A. N. Meshherjakov. SPb., 2002. T. 2 : Teksty sinto. S. 243–258.]

Мотоори Норинага. Тама кусигэ — драгоценная шкатулка для гребней / пер. с яп. Ю. Д. Михайловой // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб., 2002. Т. 2 : Тексты синто. С. 259–276. [Motoori Norinaga. Tama kusigie — dragocennaja shkatulka dlja grebnej / per. s.jap. Ju. D. Mihajlovoj // Sinto — put' japonskih bogov : v 2 t. / otv. red. E. M. Ermakova, G. E. Komarovskij, A. N. Meshherjakov. SPb., 2002. T. 2 : Teksty sinto. S. 259–276.]

Накорчевский А. А. Синто в эпоху Токугава // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб., 2002. Т. 1 : Очерки по истории синто. С. 203–260. [Nakorchevskij A. A. Sinto v jepohu Tokugava // Sinto — put' japonskih bogov : v 2 t. / otv. red. E. M. Ermakova, G. E. Komarovskij, A. N. Meshherjakov. SPb., 2002. T. 1 : Oчерki po istorii sinto. S. 203–260.]

Нихон сёки — Анналы Японии : в 2 т. / пер. с яп. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб., 1997. Т. 1 : Свитки I–XVI. 496 с. [Nihon sjoki — Annaly Japonii : v 2 t. / per. s.jap. i komment. L. M. Ermakovoj i A. N. Meshherjakova. SPb., 1997. T. 1 : Svitki I–XVI. 496 s.]

Основные принципы кокутай / пер. с яп. В. Э. Молодякова // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб., 2002. Т. 2 : Тексты синто. С. 335–357. [Oсновnye principy kokutaj / per. s.jap. V. Je. Molodjakova // Sinto — put' japonskih bogov : v 2 t. / otv. red. E. M. Ermakova, G. E. Komarovskij, A. N. Meshherjakov. SPb., 2002. T. 2 : Teksty sinto. S. 335–357.]

Пинус Е. М. Японская мифология // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. Т. 2. С. 685–686. [Pinus E. M. Japonskaja mifologija // Mify narodov mira : v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. M., 1988. T. 2. S. 685–686.]

Симонова-Гудзенко Е. К. Kami и космогония // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб., 2002. Т. 1 : Очерки по истории синто. С. 60–69. [Simonova-Gudzenko E. K. Kami i kosmogonija // Sinto — put' japonskih bogov : v 2 t. / otv. red. E. M. Ermakova, G. E. Komarovskij, A. N. Meshherjakov. SPb., 2002. T. 1 : Oчерki po istorii sinto. S. 60–69.]

Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. Т. 2. С. 161–164. [Toporov V. N. Model' mira // Mify narodov mira : v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. M., 1988. T. 2. S. 161–164.]

Хирата Ацутанэ. Истинный священный столп духа / пер. с яп. В. П. Мазурика // Синто — путь японских богов : в 2 т. / отв. ред. Е. М. Ермакова, Г. Е. Комаровский, А. Н. Мещеряков. СПб., 2002. Т. 2 : Тексты синто. С. 278–334. [Hirata Acutanje. Istinnij svjashhennyj stolp duha / per. s.jap. V. P. Mazurika // Sinto — put' japonskih bogov : v 2 t. / otv. red. E. M. Ermakova, G. E. Komarovskij, A. N. Meshherjakov. SPb., 2002. T. 2 : Teksty sinto. S. 278–334.]

Язовская О. В. Технологии исследования мифа. Понятие «Мифопоэтическая модель мира» // Наука. Философия. Общество : материалы V Рос. филос. конгресса : в 3 т. / ред. кол. В. С. Степин, А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский и др. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 521–522. [Jazovskaja O. V. Tehnologii issledovanija mifa. Ponjatie «Mifopojeticheskaja model' mira» // Nauka. Filosofija. Obshhestvo : materialy V Ros. filos. kongressa : v 3 t. / red. kol. V. S. Stepin, A. A. Gusejnov, V. A. Lektorskij i dr. Novosibirsk, 2009. T. 1. S. 521–522.]

Fukumoto Makoto. Kokutai-no hongi. Tokyo, 1911 福本誠著. 國體の本義. 東京, 1911. 154 p.

Monbushō-cho. Kokutai-no hongi. Tokyo, 1936 文部省著. 國體の本義. 東京, 1937. 156 p.

Shiryō Kyōiku Chokugo: Kanpatsuji oyobi Kanren Shoshiryō / ed. by Katayama Seiichi. Tokyo, 1974 資料・教育勅語: 渙発時および関連諸資料 / 片山清一編. 東京, 1974. P. 3–11.

Uchino Goro. Early modern kokugaku (national studies) and new kokugaku: Their Growth and Significance [Electronic resource] // Cultural Identity and Modernization in Asian Countries: Proceedings of Kokugakuin University. Centennial Symposium. Tokyo, 1983. URL: <http://www2.kokugakuin.ac.jp/ijcc/wp/cimac/uchino.html> (mode of access: 28.02.2014).

Статья поступила в редакцию 23.03.2014 г.

УДК 94(100)“05...” + 1(091) + 27-9

Г. Е. Лебедева
Е. А. Мехмадиев

**ДИАКОН АГАПИТ И *DIALOGUS DE SCIENTIA POLITICA*:
ДВА КОНЦЕПТА ВЛАСТИ
ВИЗАНТИЙСКОГО ВАСИЛЕВСА В VI в. (ЧАСТЬ 1)**

Идея богоизбранного василевса, который обладает неограниченной властью на земле, проходит лейтмотивом через всю историю византийской политической мысли, но возникает закономерный вопрос: когда именно эта идея оформилась в полноценную политическую теорию, учение о механизме и функциях самого государства. На основе сравнительного анализа трех трактатов («Поучение» диакона Агапита, «Диалог о политической науке» и «О стратегии»), созданных в VI — первой трети VII вв., авторы прослеживают изменения в содержании тезиса о василевсе-самодержце, который наделен властью свыше и в этом подобен Богу. Следуя четкому критерию — политическая теория как учение о сущности и формах государства, — авторы приходят к выводу, что в эпоху Юстиниана, вопреки распространенному в историографии мнению, в виде полноценной политической теории существовала только идея об ограничении власти императора системой традиционных римских магистратур. Все призывы диакона Агапита о небесном подобии и самодержавной власти Юстиниана, наоборот, можно рассматривать как чистую риторическую компиляцию, набор литературных штампов, без претензий на научное исследование. И только на рубеже VI–VII вв. эти риторические призывы получили полноценное научное оформление, аргументацию, превратились в целостную и системную политическую теорию.

Ключевые слова: политическая теория; риторика; диакон Агапит; «Диалог о политической науке»; богоизбранный василевс; Юстиниан; сенаторы; христианство; греческая философия.

Задаваясь вопросом о значимости политической теории для интеллектуальной жизни любого общества, в том числе и Византийской империи, в первую очередь, как нам кажется, следует поставить вопрос совершенно другого рода — что исследует политическая теория, каков предмет ее научного поиска и какие функции она в связи с этим выполняет? Подобный, на первый взгляд, предельно общий и абстрактный вопрос на деле оказывается центральным по своей важности, поскольку именно он фактически определяет направленность и методологию изучения византийской политической мысли VI столетия, переходного и драматичного для империи Ромеев во всех аспектах ее развития. Мы могли бы сформулировать вопрос о политической теории следующим образом: входили ли в задачи этой области гуманитарного знания исследование *образов* правителя в различные эпохи, как формировался сам *образ власти*, какие *требования и идеалы* предъявлялись мыслящей частью общества к королям, императорам (василевсам, если говорить о византийских реалиях) и знати как таковой? Либо мы можем говорить о политической мысли как о целостном *учении о государстве*, отдельной науке, научной дисциплине, которая ставит перед собой задачу

выявить *происхождение государства* как института, определить и детально разобрать *механизм* функционирования государственной власти, различных органов государства в их четком взаимодействии?

Вопрос этот далеко не праздный — соглашаясь с американским политологом Р. Нозиком, выпустившим в 1974 г. свою монументальную работу «Анархия, государство и утопия», следует подчеркнуть, что политическая философия прежде всего пытается ответить на вопрос, «нужно ли вообще какое бы то ни было государство», есть ли в нем какой-либо смысл и историческая необходимость [Нозик, с. 21]? Из поставленного вопроса вполне органично вытекают и все остальные, раскрывающие специфику и отдельные особенности государственных институтов. Мы принципиально уверены, что политическая теория отвечает именно на второй вопрос, т. е. занимается исключительно механизмом государственной власти, ее структурой и организацией, и только в этом случае политическую теорию можно назвать полноценной научной дисциплиной. Все же, что касается проблемы образов власти, ее идеалов, господствующих в умах интеллектуалов и образованных слоев населения, можно скорее отнести к истории политической мысли, но в строгом смысле слова *сами подобные рассуждения*¹ вряд ли носят характер исследования, четкой и разработанной научной теории. Именно в силу этого мы полагаем, что следует анализировать политические трактаты как ранневизантийского периода, так и любого другого традиционного общества *в отрыве* от социально-политического контекста, как вещи в себе, и это позволит нам в чистом виде проследить развитие самой *мысли*, ее механизмов и ценностей, идейных и идеологических установок.

Предложенные выше методологические замечания имеют непосредственное отношение к теме нашей работы — сопоставив три политических трактата VI в., один из которых, так называемый «Диалог о политической науке», никогда ранее не становился объектом *специального* исследования на русском языке², мы попытаемся определить, когда именно идея божественного происхождения власти византийского василевса оформилась в виде целостного государственного учения, превратилась из набора риторических суждений и декламаций в отдельную область научного знания, с преимущественным вниманием в сторону соотношения различных органов и ветвей власти.

Не будем в связи с этим ссылаться на всю имеющуюся в нашем доступе общую литературу, посвященную проблемам византийской политической мысли,

¹ Подобная методика — разграничение политической мысли как учения о государстве и абстрактных рассуждений о моральном долге правителя, окрашенных в теологические тона — прослеживается, например, и в некоторых западных учебниках по истории средневековой политической философии, где все церковные мыслители справедливо признаны не политологами-теоретиками в строгом смысле слова, а скорее публицистами-философами, размышляющими о соотношении церковной и светской властей, но не о природе власти как таковой [см.: Coleman, p. 9].

² Исключение составляет великолепная книга И. П. Медведева «Правовая культура Византийской империи», изданная в 2002 г., в которой дана краткая характеристика этого источника. Тем не менее, автор обращается к тексту документа в связи с исследованием более общих вопросов гражданского права, судопроизводства и различных правовых норм византийской государственности, ее фундаментальных основ: [Медведев, с. 38–39, 88]. Важно подчеркнуть, что И. П. Медведев блестяще и пронизательно определил автора трактата как политолога, разработки которого носили теоретический, но строго научный характер. Об основных направлениях и специфике ранневизантийской политической мысли см.: [Курбатов].

ее истории и факторам развития, остановимся специально на одном аспекте — насколько сложным оказывается в историографии понимание различий между политической теорией и политической риторикой, как часто исследователи просто не замечают линию разграничения двух стилей мышления. Например, еще в 1956 г. И. Караяннопулос в своей довольно известной статье выдвинул тезис, что именно при Юстиниане в политическом мышлении Византии и, самое главное, в официальной пропаганде, риторике императорской власти возобладало мнение, что власть василевса имеет исключительно божественное происхождение, более того, Бог своей волей передает венценосцу власть, ничем и никем на земле не ограниченную. Исследователь в этом смысле полагает, что Юстиниан рассматривал свои полномочия как прямое выполнение божественной воли, а самого себя — как своего рода заместителя Бога на земле, которому свыше делегирована власть над подданными. Подтверждение всему этому И. Караяннопулос находит прежде всего в официальном законодательстве — Новеллах императора Юстиниана [Karayannopoulos, S. 383–384].

И наоборот, в 1988 г. Х. Гизевский отметил, что христианская патристика в лице Аврелия Августина всего лишь придала рассуждениям о долге принцепса, встречающимся в трактатах Сенеки и Диона Хрисостома, более религиозный характер, более религиозную тональность. По его мнению, если языческие авторы I–II вв. настаивали на ограничении власти монарха законом, на добровольном подчинении законным нормам правления, то христианская апологетика заменила понятие «закон» идеей божественной воли, в интересах которой василевс или император должен ограничивать свои желания и прихоти, ставить жесткую преграду произволу [Gizewski, s. 54–56]. Налицо, как нам кажется, явное смешение понятий — к разряду политической мысли (более того — учений об управлении, целостных научных дисциплин) отнесены как произведения отцов Церкви, так и ораторов-философов эпохи раннего Принципата, не выделена какая-либо внутренняя специфика каждого из указанных жанров. Применительно же к И. Караяннопулосу можно сказать, что он не выносит за рамки политической теории официальное законодательство, по которому на самом деле очень сложно судить, как развивалась полноценная политическая публицистика, как все эти тезисы обыгрывались в умах мыслящей части общества. При этом подчеркнем, что, к сожалению, Х. Гизевский совершенно игнорирует данные «Диалога о политической науке», который был заново критически переиздан еще в 1982 г., за пять лет до публикации книги Х. Гизевского — наоборот, автор обращается к старому и давно «проверенному» тексту, «Тайной истории» Прокопия Кесарийского, сравнивая ее с пассажами Новелл Юстиниана. Все это диктует необходимость рассмотрения и комплексного обзора, сравнительного анализа новых источников, в полной мере дающих возможность применить и новые исследовательские подходы, творчески расширить горизонты самого исследования. Думаем, все это поможет хотя бы в какой-то мере прояснить различия между риторикой и наукой в византийской политической мысли VI в.

1. Диакон Агапит и его «Поучение»: проблемы содержания и жанровой специфики

Греческий текст, известный в русской традиции под названием «Поучение» (для удобства мы будем цитировать текст именно под этим названием), а дословно — Ἐκθεσις κεφαλαίων παρανεητικῶν («Изложение основных увещаний»), в рукописной традиции неизменно приписан авторству Агапита, диакона церкви Св. Софии в Константинополе (παρὰ Ἀγαπητοῦ διακόνου τῆς ἁγιωτάτης τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας)³. В целом наши знания о личности Агапита ограничиваются только цитированными пассажами, ни в одном другом источнике этот персонаж не упоминается. Датировка же документа неизбежно падает на период Юстиниана, поскольку имя византийского василевса четко упоминается в названии «Поучения»: Τῷ θειωτάτῳ καὶ εὐσεβεστάτῳ βασιλεῖ ἡμῶν Ἰουστινιανῷ Ἀγαπητὸς ὁ ἐλάχιστος («Самому божественному и благочестивому царю нашему Юстиниану Агапит, самый смиренный диакон») [Agapetos diakonos, S. 24].

Более точные хронологические границы памятника мы можем получить только из одной фразы Агапита, где диакон высказывает пожелание: Ἦν σοι παράσχοι Χριστὸς μετὰ τῆς ὁμοζύγου... εἰς τοὺς αἰῶνας — «Если бы ее [т. е. царскую власть. — Г. Е., Е. М.] тебе [Юстиниану. — Г. Л., Е. М.] вместе с супругой Христос предоставил... навечно» (Agap. Cap. 72). Здесь, несомненно, автор имеет в виду жену Юстиниана Феодору, которая, как известно, умерла в 548 г., — соответственно, можно предположить, что текст «Поучения» был составлен между 527 г., когда Юстиниан взошел на трон, и 548 г., когда императрица Феодора ушла в мир иной. Тем не менее Р. Френе в своей диссертации, посвященной «Поучению» Агапита, представила, как нам кажется, вполне убедительные данные, что текст нашего источника отражает период непосредственно после 532 г., когда Юстиниан одержал победу над персами и заключил с ними мирный договор [Frohne, S. 159–160, 162]. Другие оценки, высказанные исследователями, в своей основе лишь незначительно отличаются от позиции Р. Френе — «вскоре после 527 г.» [Sevčenko, p. 6] или 527–530 гг. [Henry, p. 283].

В этом смысле перед нами встает второй немаловажный вопрос: в чем состоит жанровая специфика «Поучения», можно ли выделить какие-либо особенности в композиционной структуре и в содержании данного произведения? Ответ на поставленный вопрос поможет определить место и значение нашего текста в ряду других трактатов, которые обычно помещают в контекст византийской политической теории VI в. Вместе с тем подчеркнем, что решение проблемы стиля и жанра зависит от внимательного анализа самой рукописной традиции, донесшей до нас текст «Поучения». Р. Френе, детально рассмотревшая все группы рукописей, сохранивших произведение Агапита, отмечает прежде всего их предельно широкий тематический разброс — они включали в себя не только трактат Агапита, но и речи древнегреческих риторов, таких как Исократ, а также произведения нескольких позднеантичных авторов (речи

³ Здесь и далее внутри текста ссылки на «Поучение» Агапита будут даны не по «Патрологии» Ж.-П. Миня, но по новому и пока единственному критическому изданию Р. Ридингера, вышедшему в Афинах в 1995 г. [Agapetos diakonos, S. 24].

Ливания и корпус писем Исидора Пелусиота) [Frohne, S. 19–20, 169]. Р. Ридингер, подготовивший первое критическое издание «Поучения», в равной мере подчеркивает определяющее значение предшествующей компилятивной литературы, повлиявшей на мировоззрение Агапита, — в частности, в содержании источника исследователь прослеживает многочисленные параллели с письмами Исидора Пелусиота, христианского мыслителя, жившего в первой половине V в. [Agapetos diakonos, S. 19–20].

К. Прэхтер и П. Генри в свою очередь обращали внимание на явное словесное сходство многих пассажей Агапита и сентенций восточных отцов Церкви — Григория Назианзина и Василия Великого, более того, П. Генри в свое время даже выдвинул идею, что несколько текстов, обычно приписываемых александрийскому философу-платонику Филону Александрийскому (25 г. до н. э. — 50 г. н. э.), на деле принадлежат авторству именно Агапита, и только позднейшая рукописная традиция поместила эти фрагменты в корпус сочинений иудейского мыслителя [Praechter, S. 455–459; Henry, p. 291–292]. Как видим, разнообразие мнений преимущественно связано именно с большим количеством рукописей, которые помимо целого текста Агапита или отдельных его фрагментов содержат и произведения других авторов, как христианских, так и языческих.

Мы полагаем, что подобное положение выглядит совершенно закономерным, если рассматривать произведение Агапита как чистую риторическую компиляцию, где автор благополучно позаимствовал из сочинений своих более именитых предшественников те максимы и положения (принципы поведения), которые наиболее соответствовали его собственным взглядам на роль и значение василевса в жизни общества. В равной степени, как и многие источники, использованные Агапитом, например, корпус писем Исидора Пелусиота, само «Поучение» представляет собой причудливое переплетение, комбинирование двух пластов мышления — христианского и языческого («эллинского»), и в этом смысле текст Агапита или автора, известного под этим именем, выступает перед нами в качестве своеобразного *florilegium'a*, т. е. искусственно подобранного и механически объединенного сборника цитат из самых разных источников, отличающихся друг от друга по жанру, содержательной направленности и функциональному назначению. Другой вопрос — какова была цель составления подобного флорилегия, в чем было его отличие, например, от коллекции писем Исидора Пелусиота, которые в строгом смысле слова не являлись письмами как таковыми и не имели ничего общего с эпистолярной культурой античности⁴? Ответ на этот вопрос можно получить, если мы сопоставим пассажи самого Агапита и выявим, какие из них отражают христианское мировоззрение, а какие несут на себе следы языческой «эллинской» философии, т. е. органично отражают политические учения и ценности древнегреческих философских школ. В связи с этим считаем целесообразным представить результаты нашего исследования

⁴ См. об этом более подробно предисловие Р. Ридингера к его изданию Агапита, а также уже упоминавшуюся выше фундаментальную работу Р. Френе, где подробно разработаны вопросы техники историописания, методики сбора и цитирования источников, а также самой цели компилирования в корпусе писем Исидора Пелусиота [Agapetos diakonos, S. 19–20; Frohne, S. 249, 252].

в виде двух таблиц, которые в более наглядной и удобной форме позволят показать динамику мыслей и идей Агапита.

Таблица 1

Христианский компонент Агапита

<p>Τιμῆς ἀπάσης ὑπέρτερον ἔχων ἀξίωμα, βασιλεῦ, τιμᾶς ὑπὲρ ἅπαντας τὸν τούτου σε ἀξιώσαντα θεόν, ὅτι καὶ καθ' ὁμοίωσιν τῆς ἐπουρανοῦ βασιλείας ἔδωκε σοι τὸ σκῆπτρον τῆς ἐπιγείου δυναστείας (Сар. 1)</p>	<p>Имя звание, которое выше любой почести, о василевс, ты, божественный, достоин этого звания сверх всех почестей, потому что [Бог] дал тебе по подобию с небесным царством скипетр земного могущества</p>
<p>Σφόδρα μοι δοκεῖ ἀτοπώτατον εἶναι, ὅτι πλούσιοι καὶ πένητες ἄνθρωποι ἐξ ἀνομοίων πραγμάτων βλάβην πάσχουσιν ὁμοίαν· ... ἵνα τοίνυν ἄμφω τῆς ὑγείας τύχωσιν, ἀφαιρέσει καὶ προσθήσει τούτους θεραπευτέον καὶ πρὸς ἰσότητα τὴν ἀνισότητα μετενεκτέον (Сар. 16)</p>	<p>Я убежден, что в высшей мере неразумно, что богатые и бедные люди из несхожих дел страдают от одной и той же беды... поэтому, чтобы и те, и другие испытывали счастье, отнятием и прибавлением следует им помочь и неравенство превратить в равенство</p>
<p>Τῇ μὲν οὐσία τοῦ σώματος ἴσος παντὸς ἀνθρώπου ὁ βασιλεὺς, τῇ ἐξουσία δὲ τοῦ ἀξιώματος ὁμοίος ἐστὶ τῷ ἐπὶ πάντων θεῷ, οὐκ ἔχει γὰρ ἐπὶ γῆς τὸν αὐτοῦ ἕψηλότερον (Сар. 21)</p>	<p>Сущностью тела василевс во всем подобен человеку, могуществом же звания во всем подобен Богу, ибо нет на земле никого, кто был бы выше его [т. е. василевса. — Г. Л., Е. М.]</p>
<p>ἐν τούτῳ δὲ μάλιστα τὸν θεὸν μιμήσεται ἐν τῷ μηδὲν ἡγεῖσθαι τοῦ ἐλεεῖν προτιμότερον (Сар. 37)</p>	<p>...в том более всего он [т. е. царь. — Г. Л., Е. М.] будет подражать Богу, чтобы ничего не ставить выше сострадания</p>
<p>Σαυτῷ τὴν τοῦ φυλάττειν τοὺς νόμους ἐπίθεος ἀνάγκην, ὡς μὴ ἔχων ἐπὶ γῆς τὸν δυνάμενον ἀναγκάζειν· (Сар. 27)</p>	<p>На себя самого ты наложил бремя охранять законы, ибо нет на земле никого, кто мог бы [к этому] принудить</p>
<p>ὅταν ὁ τοῦτο περικείμενος τὸ κράτος μὴ πρὸς αὐθάδειαν ῥέπη, ἀλλὰ πρὸς ἐπιείκειαν βλέπη (Сар. 40)</p>	<p>Когда облаченный этой властью, он [т. е. василевс. — Г. Л., Е. М.] склоняется не к своеволию, но обращает свой взор к кротости</p>
<p>Ὁ μὲν θεὸς οὐδενὸς δεῖται, ὁ βασιλεὺς δὲ μόνον θεοῦ· (Сар. 63)</p>	<p>Бог не нуждается ни в ком, василевс — только в Боге.</p>

Таблица 2

Античный компонент Агапита

<p>Ὡς κυβερνήτης ἀγρυπνεῖ διαπαντός ὁ τοῦ βασιλέως πολυόμματος νοῦς, διακατέχων ἀσφαλῶς τῆς εὐνομίας τοὺς οἴακας καὶ ἀπωθοῦμενος ἰσχυρῶς τῆς ἀνομίας τοὺς ῥύακας (Сар. 2)</p>	<p>Словно кормчий, неусыпно следит за всем многоглазый ум василевса, неизбежно придерживаясь законности руля и жестко отгоняя беззаконие речных потоков</p>
<p>Βασιλέα σε κατα ἀλήθειαν ὀρίζομαι τὸν βασιλεύειν καὶ κρατεῖν τῶν ἡδονῶν δυνάμενον, ὡς τὸν στέφανον τῆς σωφροσύνης ἀναδησάμενον καὶ τὴν πορφύραν τῆς δικαιοσύνης ἀμφιασάμενον (Сар. 18)</p>	<p>Поистине считаю тебя царем, имеющим силу царствовать и повелевать над удовольствиями, принявшим веноч благоразумия и облачившим себя в порфиру справедливости</p>
<p>Ἐφ' ἡμῶν ἀνεδείχθη τῆς εὐζωΐας ὁ χρόνος, ὃν προεῖπε τις τῶν παλαιῶν ἔσεσθαι, ὅταν ἢ φιλόσοφοι βασιλεύσωσιν ἢ βασιλεῖς φιλοσοφήσωσι· καὶ γὰρ φιλοσοφοῦντες ἠξιώθητε τῆς βασιλείας καὶ βασιλεύσαντες οὐκ ἀπέστητε τῆς φιλοσοφίας (Сар. 17)</p>	<p>На вас указало время благоденствия — то, о чем ранее сказал кто-то из древних, сбывается, если бы или философы царствовали, или цари полюбили бы мудрость. И действительно, любя мудрость, вы были награждены царской властью, и царствуя, не отвергли философию</p>
<p>*Ἴσως πρὸς τε φίλους καὶ ἐχθροὺς ποιῶ τὰς κρίσεις, μήτε τοῖς εὐνοῦσι χαριζόμενος διὰ τὴν εὐνοίαν, μήτε τοῖς δυσμενεῖσιν ἀνθιστάμενος δι' ἀπέχθειαν (Сар. 41)</p>	<p>Равным образом верши суд и к друзьям, и к врагам, не угождая благосклонным [к тебе] вследствие благоволения, и не противостоя тем, кто недоволен [тобой] вследствие вражды</p>
<p>καὶ ταῖς ἀτόποις ἡδοναῖς μὴ δουλεύη, ἀλλὰ σύμμαχον ἔχων τὸν εὐσεβῆ λογισμόν (Сар. 68)</p>	<p>...и он [василевс. — Г. Л., Е. М.] пусть не служит неуместным удовольствиям, но имеет в союзниках благочестия рассуждение...</p>

Из представленных выше таблиц видно, насколько тесно в мировоззрении Агапита (или автора, скрывающегося под этим именем) переплетены, даже слиты воедино христианские и античные ценности, моральные категории: понятия разума, ума, мудрости, рассуждения, наконец, справедливости, ставящей разум и трезвый расчет во главу угла (античный компонент), вполне органично взаимодействуют с идеями богоподобия и неограниченности (самодержавности) царской власти, с одной стороны, и страха Божьего, кротости, милосердия, самоограничения — с другой. Два вектора мышления, по сути, неразрывно связаны, взаимно дополняют друг друга, и, следовательно, возникает вопрос: с какой целью Агапит составил свое «Поучение»? Несомненно, принимая типологию, предложенную в свое время Г. Принцингом, можно условно отнести «Поучение» Агапита к жанру так называемых «интегрированных княжеских зеркал» («integrierte» Fürstenspiegel), т. е. текстов панегирического содержания, которые представляют собой не полноценные и самостоятельные произведения, но состоят из цитат или фрагментов, почерпнутых или прямо позаимствованных из других книг [Prinzing, S. 2].

Фактически, мы имеем здесь дело с пестрой мозаикой самых различных текстовых блоков, механически скомпилированных в одно целое, и в этом смысле вряд ли в «Поучении» Агапита просматривается какая-либо целостная и логично выстроенная политическая теория — в этом тексте нет учения о государстве, это не научный трактат по «политологии» в строгом смысле слова, более того, пример с 17 главой (см. табл. 2), где автор рассуждает об излюбленном для античной литературы образе царя-философа, как нам кажется, может навести на мысль о реальной цели данного произведения.

В отличие от других христианских авторов (сам Агапит, как следует из подписи к названию его работы, был священником — диаконом), составитель «Поучения» явно не противопоставлял философию христианскому вероучению, полагая, что «истинный» философ — только правоверный и благочестивый христианин, не подверженный пагубному влиянию языческих («эллинских») идей⁵. Скорее, наоборот, Агапиту была более свойственна черта, которую Д. Карамбула прослеживает именно в произведениях позднеантичных языческих философов, таких как Фемистий или Ливаний — философия сама выступает как некое подобие божественного замысла и в этом плане обладает качествами воспитательной дисциплины, дает василевсу идеал справедливого и мудрого правителя. В конечном итоге, заключает исследовательница, философия, любовь к знаниям, разумное и искусное управление государством — главная цель василевса [Karamboula, S. 15].

Агапит, таким образом, исходит из четко поставленной задачи — собрать и изложить те максимы, принципы поведения, которые в своей сумме могли бы предложить читателю (василевсу) образ идеального правителя, при этом для Агапита совершенно не важно, каков источник того или иного принципа (языческий или христианский текст), главное — чтобы выбранная мысль в наибольшей степени отвечала потребностям самого составителя. Цель же Агапита, как нам кажется, была тесно связана с характером его деятельности — проведение религиозных церемоний, церковная служба и чтение проповедей в храме Св. Софии неизбежно подводят нас к выводу, что Агапит составил свое «Поучение» как своеобразный учебник, *торжественную речь-наставление*, которую он произносил публично, в присутствии прихожан или самого императора, во время совершения литургии.

Именно поэтому мы полагаем, что многочисленные сентенции Агапита о божественном происхождении власти василевса, о ее богоизбранном характере ни в коей мере нельзя считать полноценной политической идеей — здесь нет ни рассуждений о конкретных методах правления (вместо этого мы видим только предельно общие и отвлеченные призывы и увещания морального свойства), ни четко разработанной теории государственного устройства, каких-либо проектов гармоничного и сбалансированного функционирования различных органов власти. Строго говоря, эти сюжеты не входили в задачи Агапита, следовательно, мы можем прийти к главному выводу — в 532–548 гг., в эпоху наивысшего подъема

⁵ Более подробно см. об этом великолепную и не теряющую своей актуальности статью Ф. Дэльгера [Dölger, S. 198–199].

военной и реформаторской деятельности Юстиниана, идея богоизбранной царской власти еще не оформилась в чистую политическую теорию, а продолжала оставаться не более чем риторическим призывом.

Продолжение следует

Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. IV — первая половина VII в. / под ред. З. В. Удальцовой. М., 1984. С. 98–118. [Kurbatov G. L. Politicheskaja teorija v rannej Vizantii. Ideologija imperatorskoj vlasti i aristokraticeskaja oppozicija // Kul'tura Vizantii. IV — pervaja polovina VII v. / pod red. Z. V. Udal'covoј. М., 1984. S. 98–118.]

Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2002. 576 с. [Medvedev I. P. Pravovaja kul'tura Vizantijskoj imperii. SPb., 2002. 576 s.]

Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера. М., 2008. 424 с. [Nozik R. Anarhija, gosudarstvo i utopija / per. s angl. B. Pinskera. М., 2008. 424 с.]

Agapetos diakonos. Der Fürstenspiegel für Kaiser Iustinianos / ed. R. Riedinger. Athene, 1995. 89 s.

Coleman J. A History of Political Thought: from the Middle Ages to the Renaissance. Oxford, 2000. 303 p.

Dölger F. Zur Bedeutung von φιλόσοφος und φιλοσοφία in byzantinischer Zeit // Dölger F. Byzanz und die Europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 197–209.

Frohne R. Agapetus Diaconus. Untersuchungen zu den Quellen und zur Wirkungsgeschichte des ersten Byzantinischen Fürstenspiegel. Tübingen, 1985. 271 s.

Gizewski Chr. Zur Normativität und Struktur der Verfassungsverhältnisse in der späteren römischen Kaiserzeit. München, 1988. 264 s.

Henry P. A Mirror for Justinian: the *Ekthesis* of Agapetus Diaconus // Greek, Roman and Byzantine studies. Vol. 8. 1967. P. 281–308.

Karamboula D. Der Byzantinische Kaiser als Politiker, Philosoph und Gesetzgeber // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 50. 2000. S. 5–50.

Karayannopoulos J. Der frühbyzantinischer Kaiser // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 49. 1956. S. 369–384.

Praechter K. Der Roman Barlaam und Joasaph in seinem Verhältnis zu Agapets Königsspiegel // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 2. Hft. 2. 1893. S. 444–460.

Prinzing G. Beobachtungen zu «Integrierten» Fürstenspiegeln der Byzantiner // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 38. 1988. S. 1–32.

Sevcenko I. Agapetus East and West: the Fate of a Byzantine «Mirror of Princes» // Revue des études sud-est européennes. Vol. 16. № 1. 1978. P. 3–44.

Статья поступила в редакцию 29.03.2014 г.

СОЧИНЕНИЯ ДИМИТРИЯ КИДОНИСА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗИЛОТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ФЕССАЛОНИКЕ*

В статье анализируются сочинения византийского интеллектуала Димитрия Кидониса (около 1324 г. — около 1397 г.) — «Монодия на павших в Фессалонике», письма и речи — как источник по истории движения зилотов в Фессалонике середины XIV в. Автор статьи исследует жанровую специфику риторических текстов Кидониса и особенности его авторского стиля, выявляет описанные в них отдельные, особо существенные детали зилотского восстания. На основе текстуального анализа «Монодии» Кидониса выдвигаются дополнительные аргументы в пользу новейшей датировки трактата Николая Кавасилы «Слово о беззаконных дерзновениях архонтов».

Ключевые слова: поздняя Византия; Димитрий Кидонис; зилоты; Фессалоника.

Восстание зилотов в Фессалонике 1342–1350 гг. — один из наиболее драматичных эпизодов истории Поздней Византии. Он в концентрированном виде продемонстрировал все те вызовы, с которыми пришлось столкнуться империи в последнее столетие ее существования: внешняя угроза, династические усобицы, социальные и религиозные конфликты. Не удивительно, что события тех лет постоянно привлекали и продолжают привлекать к себе внимание специалистов по византийской истории палеологовского периода [Tafraли, p. 225–272; Charanis; Ševčenko, 1953; Werner; Сюзюмов; Matschke, 1971, S. 175–196; 1994; Papadatou; Barker, 2003, p. 16–21].

На первый взгляд может показаться, что фактическая сторона восстания к настоящему времени освещена уже настолько подробно, насколько могут позволить обнаруженные на сегодня источники, да и сами эти источники в подавляющем большинстве своем опубликованы и детально проанализированы. В действительности же тема отнюдь не закрыта и далеко не все связанные с нею вопросы окончательно решены, как недавно показал посвященный ей «круглый стол», который прошел в рамках XXII Международного конгресса по византийским исследованиям в Софии в 2011 г. [Proceedings of the 22st International Congress, p. 227–238]. О том же свидетельствуют и комментарии к вышедшему в 2013 г. во Франции под редакцией Мари-Элен Конгурдо максимально полному собранию источников по истории зилотского движения [Les Zélots].

Мне же хотелось бы здесь коснуться проблемы описания восстания зилотов в риторических сочинениях Димитрия Кидониса (около 1324–1397 гг.) [Tinnefeld] и прежде всего в его «Монодии на павших в Фессалонике» [PG, col. 640–652, § 1–11]¹.

Ставший позднее видным государственным деятелем Византии и одним из ее крупнейших интеллектуалов, Кидонис в период восстания зилотов был еще

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФНФ № 14-01-00025.

¹ Монодия переведена на ряд европейских языков [Barker, 1975, p. 291–300; Поляковская, с. 79–83; Monodie sur les morts de Thessalonique].

очень молодым человеком, только недавно завершившим свое образование. Он жил с матерью и братьями в Фессалонике и стал непосредственным очевидцем многих трагических событий, связанных с установлением власти зилотов в его родном городе.

Его юность выпала на время гражданской войны (1341–1347) между Иоанном Кантакузином и регентами при малолетнем императоре Иоанне V Палеологе (Анна Савойская, мегадука Алексей Апокавк, патриарх Иоанн Калека). Семья Кидониса, как и большинство представителей фессалоникийской знати, принадлежала к партии кантакузинцев. В 1342 г. в Фессалонике к власти пришли легитимисты — сторонники регентства, именуемые зилотами (ревнителями). Вслед за утверждением в городе зилотов последовали гонения кантакузинцев. Около тысячи сторонников Иоанна Кантакузина из числа местной аристократии были изгнаны из города, а их имущество разграблено. Попытка Иоанна Кантакузина, провозгласившего себя императором в Дидимотике в октябре 1341 г., захватить Фессалонику не увенчалась успехом. Во главе города оказались два человека: лидер зилотов Михаил Палеолог и великий примикирий Иоанн Апокавк, сын Алексея Апокавка.

Однако со временем на фоне падения популярности легитимистов, проводивших репрессивную политику по отношению к местной аристократии, в лагере зилотов произошел раскол, в результате чего на исходе мая или в первых числах июня 1345 г. Михаил Палеолог был убит, а власть в городе сосредоточилась в руках Иоанна Апокавка. Зилотское движение достигло своего пика² после убийства в Константинополе Алексея Апокавка 11 июня 1345 г. Его сын Иоанн Апокавк решил порвать с зилотами и перейти на сторону Иоанна Кантакузина. С этой целью он направил посольство для переговоров к наместнику города Веррия Мануилу Кантакузину, младшему сыну узурпатора. Соглашение было достигнуто, однако в Фессалонике появился новый лидер зилотов — Андрей Палеолог, выразивший недовольство условиями соглашения и поднявший мятеж. Иоанн Апокавк вместе с гарнизоном поспешил укрыться в цитадели на акрополе. Народ, поддержавший зилотов, захватил крепость и заключил Апокавка и его сторонников в темницу. На следующий день разъяренная толпа сбросила Апокавка и других узников с крепостных стен, растерзала их тела и расправилась с другими аристократами, подозреваемыми в принадлежности к кантакузинской партии. После учиненной резни знати во главе города встали Андрей Палеолог и посланный центральным правительством протосеваст Алексей Ласкарь Метохит. Зилоты продержались в Фессалонике до 1350 г., когда в результате переворота был убит Андрей Палеолог, а горожане окончательно признали власть Иоанна Кантакузина. Такова общая событийная канва зилотского движения, известная нам по историческим и риторическим сочинениям того времени.

Среди этих источников важное место занимают письма и трактаты Димитрия Кидониса, донесшие до нас свидетельства современника о том, что происходило тогда в Фессалонике. Однако то, что Кидонис описал в «Монодии» — наиболее

² В научной литературе пик зилотского восстания традиционно датировали 1345 г. Однако Д. Мурешан недавно доказал, что события резни в Фессалонике следует датировать 1346 г. [Murešan].

известном своем произведении, посвященном перипетиям восстания, — он своими глазами не видел. В 1345 г. зилотские правители Фессалоники, весьма враждебно относившиеся к нему из-за открыто выражавшихся им симпатий к их врагу — Иоанну Кантакузину, приказали Кидонису под угрозой репрессий отправиться за его дядей, бежавшим из города, и вернуть того обратно. Однако, как признавал позднее сам Кидонис, «то, что выглядело как наказание, спасло жизнь» [Demetrii Cydonii ad Ioannem Cantacuzenum aug. oratio prima, p. 5, 19–20], поскольку после его отъезда внутри зилотского лагеря вспыхнул конфликт, приведший к массовым убийствам фессалоникийских аристократов.

На эту трагедию Кидонис, находившийся тогда в Веррии в резиденции Мануила, сына Иоанна Кантакузина, и откликнулся своей «Монодией», дав в ней красочное описание произошедшей бойни, которое особенно часто цитировалось историками. Вскоре появляются еще два риторических трактата, обращенных к Иоанну Кантакузину, в которых также нашли отражение те трагические события.

Остановимся прежде всего на «Монодии», обратив внимание на особенности риторического решения этого сочинения.

Кидонис составил «Монодию» строго по законам траурной речи, известным еще со времен Аристофана [Hunger, S. 132–145]. Композиция этого сочинения состоит из всех необходимых элементов [Hadzis, S. 179–182]: проимия, энкомия, основной части, включающей плач (θρηῆνος) и рассказ о событиях, и утешительного пассажа (παράμυθητικόν). Отступлением от классического канона монодии можно считать слишком сдержанную утешительную часть и разброс элементов плача по разным частям трактата.

Относящаяся к жанру риторических произведений, «Монодия» была предназначена прежде всего для публичного прочтения. Текст ее воспринимался на слух, и перед ритором стояла задача не только удержать внимание слушателей, но и донести до них свою мысль, произвести эстетическое впечатление, передать эмоциональный заряд, заложенный автором в строчки речи. И Кидонис точно следует законам жанра. В духе Демосфена он широко использует риторические вопросы и восклицания для передачи масштаба трагедии. При чтении вслух длинная череда восклицательных или вопросительных предложений создавала иллюзию стенания, надрывного плача.

Так, в начале «Монодии» автор восклицает, используя риторический прием аганактезис: «О все выявляющее и все скрывающее время! О несчастье, затмевающее все когда-либо описанные и свершившиеся беды! О весть, заставляющая умолкнуть всех повествователей и всех сочиняющих плачи! Прославлять ли нам тех, кто по воле судьбы жил в том месте?» [PG, col. 640A–641A, § 2]. Повествование неоднократно прерывается риторическими возгласами: «О поправное благоразумие! О заблудшее безрассудство!» [Ibid., col. 645D, § 6]; «О безумие, позволяющее людям считаться незапятнанными после того, на что они дерзнули!» [Ibid., col. 648B, § 6]; «О убитые! О убиваемые! О те, кого убьют! О оставшиеся в живых!» [Ibid., col. 652B, § 11]. С помощью такого риторического приема автор в буквальном смысле превращает речь в плач.

Дабы усилить впечатление, производимое на слушателей, Кидонис прибегает также к известному с античности приему контрастного изображения родного

города «до и после» случившегося. Начиная монодию в традициях древней риторики с энкомия, автор живописует величие и процветание города до печальных событий. В этом ему помогают классические примеры, параллели с античными образами, намеки на «золотой век» древних цивилизаций. Если бы не междоусобная война, то, по мнению Кидониса, «нам бы достались наслаждения золотого века (τὰ τοῦ χρυσοῦ γένους ἂν ἡμῖν περὶ ἦκε)» [PG, col. 645A, § 5].

Описывая прежнюю Фессалонику, он сравнивает ее крепостные стены со стенами Вавилона, находя ее оборонительные укрепления более величественными, чем укрепления этого легендарного города [Ibid., col. 641C, § 2]. Фессалоника во все времена, по мнению Кидониса, был подобна Геликону, ведь ее жители всегда поклонялись Музам и потому процветали, подобно вечно молодой Гебе [Ibid., col. 644B, § 4]. Ценители мудрости ощущали себя в его родном городе, словно в Афинах в окружении Демосфена и Платона [Ibid.]. Но на смену идиллии пришли страшные времена, когда город погрузился в состояние «войны всех против всех». Для усиления контраста с прежним его состоянием Кидонис использует прием сравнения с образами, имеющими драматические коннотации. Обезлюдивший город, охваченный восстанием, для него хуже, чем Стикс и Кокит [Ibid., col. 640A, § 1].

Рассказ Кидониса о происходившей во время мятежа резне также строго следует правилам риторической традиции, согласно которым рассказ о текущих событиях должен быть представлен через систему образов и понятий античной классики. Поэтому ни в «Монодии», ни в обращениях к Кантакузину, ни в письмах Кидонис не использует современный ему термин «зилоты», на что некогда обратил внимание еще Дж. Баркер [Barker, 1975, p. 290]. Свое отношение к этой партии ритор выражает через античные аллегории. Для него сторонники регентства — это Циклопы и Лестригоны³. Он сравнивает зилотов с Эриниями, описывая чувство страха людей, против которых мог обернуться гнев восставшего народа: «Словно смерть была предсказана всем, так они дрожали от страха, считая, что станут жертвой эриний» [PG, col. 648A, § 6]. Толпу, выступившую на стороне зилотов, он называет «народом, давно жаждавшим крови (τὸν δῆμον αἵματος πάλαι διψῶντα)» [Ibid., col. 645A, § 5]. В этом же месте Кидонис прямо ссылается Гомера как на источник своих аллюзий. Сравняя бурлящую толпу народа, подстрекаемую дурными речами, со штормящим морем, он открыто указывает на источник заимствования этого образа: «И поистине он (народ) бушевал, подобно тому, как говорил Гомер, бушует море, приводимое в движение противоположными ветрами» [Ibid., col. 645B, § 5]. Жестокость, с которой была устроена резня в городе, разжигала в толпе низменные чувства, возбуждала жажду новых злодеяний. Аристократы, чудом уцелевшие во время бойни, опасались нового всплеска террора и откупались от восставших, требовавших от них сокровищ Креза (τοὺς Κροίσου θησαυροὺς ἀπαιτούμεοι) [Ibid., col. 648B, § 6].

Торжество зилотов, учинивших резню, ритор сравнивает с Кадмовой победой и Лемносскими злодеяниями, утверждая, что зверства его современников

³ Говоря о спасении Николая Кавасилы во время зилотского бунта, он указывает, что тому чудом удалось избежать этих чудовищ [Démétrius Sydonès, ep. 87.11].

затмевают известные дотоле случаи насилия: «О как это следует назвать? Победой, которая тяжелее всякого поражения? Мифом покажутся Кадмова победа, лемносские злодеяния и все прежние преступления» [PG, col. 649D, § 10].

Оплакивая печальную судьбу своих сограждан, Кидонис вновь и вновь прибегает к выразительным античным образам: «О те, для кого родина одновременно и могила! О те, кого подхватывает и поглощает, словно волной, буря! О отечество, исказившее имена тех, против кого оно поднялось вероломней Сциллы! О кровь граждан, столь несправедливо пролитая на родине! О город, более горестный, чем весь Стикс!» [Ibid., col. 652A, § 10].

Дж. Баркер, издатель и комментатор «Монодии», даже допустил вероятность того, что автор при описании современных ему событий мог взять за основу тот или иной классический текст-прототип на схожую тему [Barker, 1975, p. 290, n. 10]. В качестве возможного текста, на который мог ориентироваться автор «Монодии», исследователь называет рассказ Фукидида о мятеже на Керкире. Впрочем, эта гипотеза так и осталась гипотезой. На деле, прямых заимствований из Фукидида в тексте Кидониса не прослеживается. Византийский писатель не следует за античным историком ни в построении сюжетной линии, ни в подаче материала, ни в лексических оборотах. Можно с уверенностью сказать, что Кидонис ориентировался на классические образцы, не прибегая к прямому заимствованию и подражанию.

Более того, несмотря на строгое соблюдение канонов риторической традиции, «Монодия» весьма информативна в том, что касается совершенно конкретных исторических фактов. Ее автор четко обозначает основные вехи развития событий, приведших к резне. Он говорит о расколе в городе и о стремлении Иоанна Апокавка установить контакт с императором Иоанном Кантакузином, упоминает о посольстве к Мануилу Кантакузину с просьбой военной помощи. Следом он сообщает, что взбунтовавшаяся толпа двинулась к акрополю, где находились Иоанн Апокавк, солдаты и аристократы, подожгла ворота акрополя, ворвалась в цитадель и пленила Апокавк и его сторонников, а затем разграбила город [PG, col. 644D–645C, § 5]. Кидонис описывает ужасную гибель пленников, которых сбрасывали с городских стен и добивали внизу [Ibid., col. 648C–649A, § 7–8], а затем — резню, прокатившуюся по всему городу [Ibid., col. 649A–D, § 8–9]. Приведу лишь одну пространную цитату, чтобы проиллюстрировать размах бойни, учиненной восставшими зилотами по отношению к местной аристократии: «Как только они перерезали людей у башен, город разделил совершаемое зло: одни становились соучастниками жестокостей, другие наслаждались, будто при виде зрелищ. У одного была разбита голова, у другого сочился мозг. Разрывая живот, они касались того, что велением Бога не позволено видеть. Одному они повредили бедро, другому сломали позвоночник, третьему вынули руками внутренности. Тот, кто падал сверху, прежде чем достигнуть земли, попадал на мечи и погибал; хуже было тем, кого еще не сбросили, видеть такую смерть и по телам своих друзей представлять, что будет с ними самими после падения. Если же кто-то, упав, оставался полуживым и просил убийц пощадить его, то принимал смерть более медленную и более жестокую. Тех, кто был уже мертв, не замечали. Но против

тех, кто еще дышал, каждый поднимал руку. Они убивали всех и различными способами. Для многих даже смерть не принесла покоя их телам. Словно злясь на трупы, что они еще целы, убийцы уродовали их до неузнаваемости, чтобы после этого родственники не могли их найти. Тела бросали одно на другое, повсюду мозги и кровь, пепел и внутренности, камни, мясо и сухожилия, палки и куски тел» [PG, col. 649BD, § 9; Поляковская, с. 82]. Отмечу также: все изложенное Кидонисом ничуть не противоречит тому, что сообщается о тех событиях в другом важнейшем источнике, который, однако, принадлежит к иному литературному жанру и потому свободен от такого количества риторики, как «Монодия», а именно — в «Истории» Иоанна Кантакузина.

Впрочем, не только само по себе повествование Кидониса о происшедшем, но и особенности употребления им отдельных риторических эпитетов могут оказаться информативными для исследователя движения зилотов. В частности, те места, где речь идет о характеристике автором «Монодии» определенных персонажей.

Страшную резню, устроенную в Фессалонике зилотами, Кидонис называет нечеловеческой трагедией (τραγῳδίαν ἀπάνθρωπον) [PG, col. 648C, § 7], а их правителей считает подобными тиранам [Ibid., col. 644C, § 5]. В то же время Иоанна Апокавка, одного из зачинателей и лидеров легитимистского движения в городе, автор «Монодии» признает хорошим политиком, который «умело руководил во многих делах многими людьми» [Ibid., col. 645B, § 5]. В соответствии с требованиями риторической традиции, Кидонис выражает свое отношение к архонту Фессалоники в череде классических образов: «это — человек храбрее Геракла, мудрее Пелея, умнее Фемистокла; в отношениях с подчиненными ему людьми подражавший Киру» [Ibid., col. 644D, § 5]. Все эти образы имеют, бесспорно, положительный характер. Очевидно, Кидонис одобряет последний политический поворот Апокавка — к союзу с Кантакузином.

Интересно, что отношение самого Кантакузина к Апокавку, выраженное в «Истории», гораздо более сдержанное. Под его пером Апокавок выглядит человеком не слишком решительным, коварным, непоследовательным. К примеру, по словам автора «Истории», Апокавок, организовав убийство своего соправителя Михаила Палеолога, возглавлявшего зилотов, объявил было себя приверженцем Кантакузина и начал поощрять аристократов Фессалоники сделать то же самое. Когда же тайные кантакузинцы открыто признались в своих политических предпочтениях, Апокавок изменил свою позицию на прямо противоположную и обрушил на них репрессалии, обложив тяжелой контрибуцией [Ioannis Cantacuzeni, t. 2, p. 571–572]. Как видим, такой портрет довольно далек от канонического образа Фемистокла.

Чем объяснить подобное расхождение? Наложило ли время свой отпечаток на оценки этого персонажа обоими авторами, ведь Кидонис писал о тех событиях по горячим следам, а Кантакузин — годы спустя? Или же Кантакузин судил об архонте как бывший император, исходя из соображений высокой политики, тогда как Кидонис, будучи земляком Апокавка, лучше знал того как человека? Предположения можно выдвигать самые разные, однако окончательный ответ едва ли когда-то будет получен: те, кто мог бы его дать, давно уже принадлежат

истории. Вместе с тем, позволю себе сделать следующее небольшое замечание относительно указанного различия в оценках Апокавка.

При прочтении «Истории» Кантакузина трудно избавиться от впечатления, что автор косвенно возлагает на архонта определенную долю ответственности за происшедшее, поскольку резня стала в некотором смысле следствием нерешительности, проявленной Апокавком в ответственные моменты. Кидонис же, напротив, выступает здесь законченным фаталистом, считая, что такое развитие событий предопределено капризной и неумолимой судьбой: «О, как судьба (ἡ τύχη) играючи переворачивает вверх дном наши благие замыслы!» [PG, col. 645A, § 5].

Именно судьба, согласно Кидонису, виновна в том, что устои повержены, «граждане унижены, а враги вознесены» [Ibid.]. Она же не позволила сохранить мир в городе и воспрепятствовала приходу военной помощи от Мануила Кантакузина [Ibid.]. Судьба играет с людьми, ее невозможно предсказать. Любой человек может опасаться, что она изменит его жизнь в противоположную сторону. Эту мысль Кидонис выражает в риторическом восклицании: «Кто бы, увидев этих страдающих, не был бы поражен до глубины души и потерял бы рассудок и, остерегаясь поворотов судьбы (τὰς τροπὰς τῆς τύχης), не оказал бы им помощь?» [Ibid., col. 648C, § 7].

Опасение перед тем, что Судьба в следующее мгновение может изменить свое течение и повернуть вспять, отражает ее восприятие как чего-то непостоянного и непредсказуемого. Кидонис говорит о «неизбежной, но жестокой Судьбе» (τῆς δ' ἀναγκαίας μὲν ἀγνώμονος δὲ Τύχης) [Demetrii Cydonii ad Ioannem Cantacuzenum, p. 3,3]. Образ переменчивой судьбы, по собственной прихоти играющей жизнями людей, обращающей мир и покой в распри и бесчинства, является точной передачей древнегреческого представления об изменчивой и капризной τύχη. Однако «Монодию» Кидонис заканчивает мыслью, что стоит уповать лишь на милость Господа. Он замечает: «Теперь нам следует лишь просить Бога, чтобы он распростер свою руку и снова населил город» [PG, col. 652D, § 11].

В своем первом риторическом трактате, адресованном Кантакузину, Кидонис объясняет свое собственное спасение также вмешательством Божественного провидения: «И когда произошло всем известное [резня. — Т. К.], когда погибло столько людей и меня самого разыскивали ненавидевшие меня, я понял, что это Господь, а не человек, отправил меня [в посольство. — Т. К.]... И таким образом, благодаря Божественному провидению (Θεοῦ προνοίᾳ), я не оказался среди других» [Demetrii Cydonii ad Ioannem Cantacuzenum, p. 5,19–24]. Если причины перемен к худшему Кидонис объясняет почти всегда изменчивостью Судьбы, то спасение, на его взгляд, находится только в руках Всевышнего. Так естественным образом на страницах риторических трактатов уживались и христианское Провидение, и языческая Тихи. Такой синкретизм — отличительная черта всей византийской риторики.

Говоря о риторических трактатах Кидониса, адресованных Кантакузину, хочу обратить внимание на один из фрагментов, который, как мне кажется, может косвенно подтвердить датировку известного сочинения друга его юности Николая Кавасилы (около 1319–1397 гг.). Последний был непосредственным свидетелем

событий в Фессалонике и чудом сумел спастись во время резни на акрополе, укрывшись в колодце⁴.

Николай Кавасила был автором полемического сочинения «Слово о беззаконных дерзновениях архонтов в отношении священных имуществ» (Λόγος περὶ τῶν παρανόμως τοῖς ἀρχουσιν ἐπὶ τοῖς ἱεροῖς) [Ševčenko, 1957, p. 91–131], датировка которого до сих пор вызывает споры. Первоначально этот трактат относили ко времени зилотского восстания и рассматривали как документ, отражающий политические и социальные процессы в Фессалонике 40-х гг. XIV в. [Tafrali, p. 225–272]. Однако американский исследователь И. Шевченко, издавший текст, поставил под сомнение связь сочинения Кавасилы с событиями зилотского движения⁵ и предложил другую дату и другого адресата этой речи⁶. Как заметил К.-П. Мачке, византистика до сих пор не оправилась от шока, который случился после того, как поставили под сомнение датировку трактата Кавасилы [Matschke, 1994, p. 20]. Таким образом, этот трактат выпал из круга источников по истории зилотов. Так, в вышеупомянутой публикации источников, выпущенной М.-Э. Конгурдо, трактат Кавасилы отсутствует [Les Zélots, p. 43–48].

Однако, недавно П. В. Кузенков предложил «реабилитировать трактат Николая Кавасилы в качестве важного источника для периода движения зилотов в Фессалонике» [Кузенков, с. 163–164]. Он убедительно показал, что трактат был написан во время зилотского восстания, а адресатами могли быть либо Иоанн Апокавк, либо Андрей Палеолог [Там же, с. 162]. Аргументом в пользу этой точки зрения (кроме приведенных П. В. Кузенковым доводов), на мой взгляд, может служить сообщение Димитрия Кидониса о конфискациях церковного имущества: «Ища пропитания и видя, что все иссякло, они обратили свои взоры на общественные богатства и сокровища святилищ, ибо, они говорили, нужно кормить армию, поскольку враг силен. Так они называли того, кто лучше чем отец для всех людей, кто является защитником своих подданных⁷. “Не нужно жалеть ничего, что может позволить отбросить врагов”. Размышляя так, они разграбили святилища, ибо, похоже, не довольствовались тем, чтобы ограничиться людьми, и посягнули на то, что пощадили даже варвары» [Cammelli, p. 80]. Этот пассаж указывает на случаи изъятия у церкви имущества под предлогом военной необходимости и однозначно согласуется с критикой, которую обрушил Кавасила на архонтов из-за конфискации церковных богатств [Ševčenko, 1957, p. 93, § 6; p. 103, § 24].

⁴ Эта гипотеза, впервые высказанная А. Ангелопулосом [Αγγελόπουλος, σ. 41], хотя и не основывается на прямом сообщении источников, кажется правдоподобной. Я думаю, что она вытекает из двух сообщений Кидониса. В «Монодии» Кидонис упоминает, что некоторые аристократы попытались избежать резни, прячась в домах соседей, колодцах, храмах и могилах [PG, 648B, § 6]. **Разъяренная толпа легко могла нарушить аристократов в домах, храмах и на кладбище.** Например, Фармак был найден толпой в доме его родственника. Не исключено также, что «храмы» и «могилы» могут быть риторическими топосами. Колодец же (или цистерна) — это конкретное место, о котором Кидонис мог знать от свидетеля. В более позднем письме он сообщает, что Кавасила появился живой, словно «бог из машины» (θεὸς ὡσπερ ἐκ μηχανῆς) [Démétrius Cydonès, ep. 87.12]. Эта фраза могла подчеркнуть его появление из неожиданного места, например, из колодца. По крайней мере, такое объяснение кажется мне допустимым.

⁵ По выражению Дж. Баркер, это была «бомба» [Barker, 2003, p. 30].

⁶ Сперва он предположил, что речь была составлена в 1342–1344 гг. [Ševčenko, 1957, p. 168–169], а затем перенес время ее написания на 70-е гг. XIV в. [Ševčenko, 1962, p. 407–408].

⁷ Речь идет о Иоанне Кантакузине.

Кроме того, в «Монодии» у Кидониса мы встречаем упоминание о демагогических речах, которыми толпу побуждали к бесчинствам: «и народ, давно жаждавший крови, призывали дурными демагогическими речами к злым действиям (ἐπὶ κόρον ταῖς πονηραῖς παρεκάλουν δημηγορίας)» [PG, col. 645A–B, § 5]. Нет ли здесь переключки с упоминанием Кавасилой о «вождях народа» (δημαγωγῶν) [Ševčenko, 1957, p. 95. § 10,5]? Этот политический термин, широко используемый в античности, как заметил П. В. Кузенков, редко встречается в византийской литературе [Кузенков, с. 158]. Не исключаю, что в то время в интеллектуальных кругах, в которых вращались и Кидонис, и Кавасила, термин «демагог» мог использоваться применительно к лидерам зилотов. Тот же Иоанн Кантакузин употребил этот термин при описании мятежа в Адрианополе (Andrinople), с которого началось движение в поддержку регентства [Ioannis Cantacuzeni, t. 2, p. 176]. Кажется, трактат Кавасилы пора вернуть в круг источников по зилотскому движению.

Таким образом, риторические сочинения Димитрия Кидониса, освещающие историю зилотского движения в Фессалонике, это — источник, все еще не исчерпанный до дна. Несмотря на их относительно небольшой объем и ярко выраженное соответствие классическому канону, пылливый исследователь может разглядеть за риторическим декором конкретные подробности этого весьма драматического эпизода истории Византийской империи.

Кузенков П. В. Кому адресован трактат Николая Кавасилы «О беззаконных дерзновениях архонтов»? // Византийский временник. 2011. Т. 70. С. 151–164. [Kuzenkov P. V. Kому adresovan traktat Nikolaja Kavasily «O bezzakonnyh derznovenijah arhontov»? // Vizantijskij vremennik. 2011. T. 70. S. 151–164.]

Поляковская М. А. Освещение Фессалоникийского восстания 1345 г. в памятнике риторической литературы // Византийский временник. 1987. Т. 48. С. 73–83. [Poljakovskaja M. A. Osveshhenie Fessalonikijskogo vosstanija 1345 g. v pamjatnike ritoricheskoj literatury // Vizantijskij vremennik. 1987. T. 48. S. 73–83.]

Сюзюмов М. Я. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342–1349 гг. // Византийский временник. 1968. Т. 28. С. 15–37. [Sjuzjumov M. Ja. K voprosu o haraktere vystuplenija zilotov v 1342–1349 gg. // Vizantijskij vremennik. 1968. T. 28. S. 15–37.]

Άγγελόπουλος Α. Α. Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός. Η ζωή καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ. Θεσσαλονίκη, 1970. 147 σ.

Barker J. W. The “Monody” of Demetrios Kydones on the Zealot rising of 1345 in Thessaloniki // Μελετήματα στὴ μνήμη Βασιλείου Λαοῦδα. Θεσσαλονίκη, 1975. P. 285–300.

Barker J. W. Late Byzantine Thessalonike: A Second City’s Challenges and Responses // *Dumbarton Oaks Papers*. 2003. Vol. 57. P. 5–21.

Cammelli G. Demetrii Cydonii ad Ioannem Cantacuzenum imperatorem oratio altera // *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher*. 1923. Bd. 4. P. 77–83.

Charanis P. Internal Strife in Byzantium during the 14th Century // *Byzantion*. 1940. Vol. 15. P. 211–227.

Demetrii Cydonii ad Ioannem Cantacuzenum aug. oratio prima // *Démétrius Cydonès. Correspondance* / publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1. (Studi e testi, 186). P. 1–10.

Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1. (Studi e testi, 186). 220 p.

Hadzis D. Was bedeutet «Monodie» in der byzantinischen Literatur? // *Byzantinische Beiträge*. Berlin, 1964. S. 177–185.

- Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. 542 s. Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri 4 / cura L. Schopeni. Bonn, 1831. T. 2. 615 p.; 1832. T. 3. 616 p.
- Matschke K.-P.* Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Berlin, 1971. 264 s.
- Matschke K.-P.* Thessalonike und die Zeloten. Bemerkungen zu einem Schlüsselereignis der spätbyzantinischen Stadt- und Reichsgeschichte // *Byzantinoslavica*. 1994. Vol. 55. P. 19–43.
- Monodie sur les morts de Thessalonique (1347?) // *Les Zélots. Une révolte urbaine à Thessalonique au 14e siècle. Le dossier des sources.* Sous la direction de M.-H. Congourdeau. Paris, 2013. P. 112–121.
- Muresan D. I.* Pourquoi une nouvelle datation du massacre de l'aristocratie de Thessalonique? // *Proceedings of the 22st International Congress of Byzantine Studies. Vol. 2 : Abstracts of Round Table Communications.* Sofia, 2011. P. 227–228.
- Papadatou D.* Political Associations in the Late Byzantine Period: The Zealots and Sailors of Thessalonica // *Balkan Studies*. 1987. Vol. 28. P. 3–23.
- PG – *Patrologiae cursus completus. Series graeca* / ed. J. P. Migne. P., 1863. Vol. 109. Col. 640–652.
- Proceedings of the 22st International Congress of Byzantine Studies. Vol. 2 : Abstracts of Round Table Communications.* Sofia, 2011. 303 p.
- Ševčenko I.* The Zealot Revolution and the Supposed Genoese Colony in Thessalonica // *Προσφορά εἰς Σ. Κυριακίδη. Θεσσαλονίκη*. 1953. Σ. 603–617.
- Ševčenko I.* Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse: A Reinterpretation // *Dumbarton Oaks Papers*. 1957. Vol. 11. P. 79–171.
- Ševčenko I.* A Postscript on Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse // *Dumbarton Oaks Papers*. 1962. Vol. 16. P. 403–408.
- Tafrali O.* Thessalonique au XIVe siècle. Paris, 1913. 312 p.
- Tinnefeld F.* Das Leben des Demetrios Kydones // *Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld.* Stuttgart, 1981. T. 1. Bd. 1. S. 4–52.
- Werner E.* Volksströmliche Häretiker oder sozial-politische Reformer? Probleme der revolutionären Volksbewegung in Thessalonike 1342–1349 // *Wissenschaftliche Zeitschrift.* Leipzig, 1958–1959. Bd. 8. S. 45–83.
- Les Zélots. Une révolte urbaine à Thessalonique au 14e siècle. Le dossier des sources.* Sous la direction de M.-H. Congourdeau. Paris, 2013. 199 p.

Статья поступила в редакцию 15.05.2014 г.

УДК 736.311 + 929.733

О. И. Хоруженко**ПЕЧАТИ КНЯЗЕЙ ОБОЛЕНСКИХ XIII–XVII ВВ.
В ПУБЛИКАЦИИ Ф. А. БЮЛЕРА**

Анализируется публикация русских печатей, подготовленная М. А. Оболенским и осуществленная Ф. А. Бюлером. Высказывается предположение о том, что цели, которые стояли перед автором при отборе и описании публикуемых источников, лежали вне собственно научной сферы — автор использовал публикацию для демонстрации своей родовой и сословной идентичности.

Ключевые слова: сфрагистика; печати; князья Оболенские; М. А. Оболенский; Ф. А. Бюлер.

Публикация письменных или вещественных исторических источников представляет собой не только один из способов их интерпретации, — являясь продуктом культуры, она также представляет собой исторический (историографический) источник. С позиции современного источниковедения это не только предполагает, но и требует выяснения авторского целеполагания [Маловичко, Румянцева; Маловичко].

В 1882 г. вышла в свет вторая в истории русской сфрагистики специальная публикация печатей — «Снимки древних русских печатей» [Снимки] (первая была представлена альбомом П. И. Иванова [Иванов]). Ф. А. Бюлер, издатель «Снимков», отдал честь подготовки этой публикации своему предшественнику на посту директора Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) князю Михаилу Андреевичу Оболенскому: «князь Оболенский... заказал гравированные изображения 126-ти старинных русских печатей, значительное число которых принадлежит к коллекции Древлехранилища, коим он управлял со времени его учреждения, по званию директора Московского главного архива» [Снимки, с. XIV]. Об этом вспоминал и Н. И. Костомаров: «Мы слышали в последнее время от самого Михаила Андреевича об его желании издать собрание старинных печатей государей и частных лиц» [Костомаров, стб. 654].

М. А. Оболенский (2 января 1806 — 12 января 1873) в начале своей карьеры был военным, затем служил чиновником для особых поручений при председателе Временного правления царства Польского, заведовал секретной частью канцелярии наместника царства Польского. В 1833 г. переведен в Министерство иностранных дел и причислен к Московскому главному архиву, где служил переводчиком, главным смотрителем в Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М. А. Оболенский увлекался историей, коллекционированием раритетов, что привело его однажды к известному антиквару-фальсификатору А. И. Бардину [Иванова, Коншина, с. 344]. Масштабная археографическая деятельность М. А. Оболенского обеспечила ему признание среди профессиональных историков. Он стал членом Московского общества истории и древностей российских (1834), Археографической комиссии (1839), управляющим (1840) и директором (1868) МГАМИД, членом-корреспондентом Академии наук (1846),

заведующим Древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при московской Оружейной палате (1853), председателем комиссии по возобновлению палат бояр Романовых в Москве (1856) и т. д. [Костомаров; Власьев, ч. 2, с. 308–309; Кубасов].

Ф. А. Бюлер называет основным источником публикации печатей коллекцию Древлехранилища. Судьба вещественной части этого собрания в полной мере не ясна. Государственное Древлехранилище хартий, рукописей и печатей было создано в 1851 г. как отделение Оружейной палаты [Центральный государственный архив..., с. 22]. Печати, медали и монеты поступили в Древлехранилище из Оружейной палаты, Министерства иностранных дел, Эрмитажа [Самошенко, с. 72]. По данным В. Н. Самошенко, «при переезде в МГАМИД в 1883 г. (по другим данным, в 1882 г. [Центральный государственный архив, с. 23]) Древлехранилище освободилось от монет и медалей», которые, очевидно, остались в Оружейной палате [Самошенко, с. 100–101]. В 1920 г. (по другим данным в 1918 г. [Центральный государственный архив..., с. 23]) из коллекции Древлехранилища вновь были выделены печати и переданы в Государственный исторический музей [Дремина, Чернов, с. 3, прим. 3] (по другим данным — также и в Румянцевский музей [Центральный государственный архив..., с. 23]). Между тем, сведений о переданных в 1918 или 1920 г. предметах из Древлехранилища в ГИМ не имеется. В 1946 и 1960 гг. из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Румянцевского музея) в ГИМ поступали предметы из Древлехранилища. Первое поступление, включавшее 19 печатей, было слито с аналогичными материалами. Второе состояло из 202 экземпляров монет, медалей и печатей (последних насчитывалось 19)¹. Еще барон Ф. А. Бюлер, издатель «Снимков», отмечал, что не все публикуемые памятники были им найдены в Древлехранилище: «Мне неизвестна судьба тех экземпляров, которые не были внесены в опись [Древлехранилища 1873 г. — О. Х.], тогда как князь Оболенский надписями, сделанными им на их изображениях, заверял, что они находятся в Древлехранилище. Быть может, многие из них он собирался поместить в это учреждение, коллекции которого он значительно увеличил своими личными пожертвованиями» [Снимки, с. XIX].

Эти обстоятельства делают поиски источников публикации Оболенского — Бюлера малоперспективными. Ниже мы остановимся на собственно опубликованных Ф. А. Бюлером печатях, попытавшись разобраться в обоснованности идентификации и датировки, предложенных князем М. А. Оболенским, и выясним вопрос — заслуживают ли они того доверия, которым пользуются у исследователей [Гербовник А. Т. Князева, с. 127].

Надписью «Подлинный перстень (подлинная печать) хранится в Москве, в Государственном древлехранилище хартий, рукописей и печатей» М. А. Оболенский сопровождал, в частности, гравированные изображения девяти печатей, принадлежавших, по его мнению, представителям его рода. Если следовать предположению Ф. А. Бюлера, подготовленные М. А. Оболенским к публикации печати могли принадлежать как Древлехранилищу, так и его личному собранию.

¹ Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам ГИМ Т. Ю. Стукаловой и Г. К. Мельник за эти сведения.

Основания для суждения об их принадлежности не ясны; сами матрицы печатей анонимны и не датированы.

Наиболее ранняя печать из подготовленных М. А. Оболенским к публикации — перстневая, приписанная им князю Юрию Михайловичу Тарусскому и Оболенскому и датированная временем около 1276 г. (ил. 1) [Снимки, табл. 107].

Юрий Михайлович Тарусский и Оболенский известен только по родословным, но некий князь Юрий в этом роду действительно был — в 1368 г., согласно сообщению ряда летописей, в Оболенске был убит местный вотчич князь Константин Юрьевич [ПСРЛ, т. 8, ч. 2, с. 16; т. 15, с. 429; т. 33, с. 85–86]. При построении родословия князей Оболенских его отец Юрий был сделан сыном канонизированного черниговского князя Михаила, погибшего в ставке Батые в 1246 г.² Это объясняет предложенную М. А. Оболенским датировку — к дате гибели черниговского князя он прибавил 30 лет, принимаемые в генеалогии как время деятельности одного поколения (1246 + 30 = 1276).

Рабочей поверхностью печати служил, вероятно, антик с довольно грубым, возможно, поврежденным при неумелой реставрации изображением какой-то (военной?) сцены. Отнести эту перстневую печать ко второй половине XIII в. не представляется возможным. Княжеские печати этого времени отличает изображение патронального святого [Каменцева, Устюгов, с. 76–84]. Перстневые печати появились только с XV в. [Станюкевич, Авдеев, с. 44].

Следующий по времени перстень М. А. Оболенский приписал князю Константину Юрьевичу Оболенскому и датировал 1276–1306 гг. (ил. 2) [Снимки, табл. 109]. Автор оперировал вариантом родословия, отличным от того, что представлен в Типографской летописи и в Государевом родословце.

Схема «Михаил (ум. в 1246 г.) — Юрий — Константин (ум. в 1368 г.)» была известна благодаря подготовленной Н. И. Новиковым (1787) публикации Бархатной книги [Родословная книга, 1787, ч. 1, с. 201, 212], в основе которой лежал текст Государева родословца. Явная хронологическая несостоятельность этой схемы была отмечена еще в начале XVI в. В сборнике Дионисия Звенигородского, а затем в родословных книгах Летописной редакции в эту схему были встроены два поколения в лице фантомных фигур князей Ивана Константиновича и Константина Ивановича. Тем самым хронологическая неувязка была исправлена, однако этот вариант вошел в противоречие с данными летописей о событиях 1368 г., в которых фигурирует князь Константин *Юрьевич*, а не *Иванович*: «А у Ивана Костянтин же Оболенский, его ж убил Олгирд в Оболенске, егда к Москве приходил безвестно, в лето 6876» [Бычкова, с. 76].

В 1840 г. П. В. Долгоруков опубликовал вариант родословия князей Оболенских, исходящий из схемы Летописной редакции, причем объявил, что тем самым исправил ошибку Бархатной книги, в которой «пропущены два поколения»

² Вполне убедительна версия о том, что это событие произошло ранее, в 1245 г. [Фролов, Прошкин, с. 10]. Наиболее ранним источником, где представлен этот вариант родословия, является Типографская летопись конца XV — начала XVI в. «А се род князя великого Михаила Черниговского: сын его князь Юрь, внук его князь Костянтин» [ПСРЛ, т. 24, с. 234]; по Никоновской летописи, Ольгерд «во Оболенске уби князя Константина, Юрьева сына, внука блаженного великого князя Михаила Черниговского» [ПСРЛ, т. 11, с. 11].

[Долгоруков, кн. 1, с. 58.]³. Публикация в 1851 г. Синодального II списка редакции начала XVII в. укрепила доверие к этой версии — он также содержал имена оболенских князей Ивана Константиновича и Константина Ивановича [Родословная книга, 1851, с. 46; ГИМ. Син. № 860].

Здесь следует отметить, что как первый, так и второй вариант родословия князей Оболенских привязывал их к святому князю Михаилу черниговскому совершенно безосновательно [Беспалов].

Таким образом, датировка перстня, предложенная М. А. Оболенским, была основана на варианте родословия, восходящем к Летописной редакции, и, как и в случае с перстнем князя Юрия Михайловича, была получена простым арифметическим действием ($1246 + 30 + 30 = 1306$).

На печати изображена некая птица с «З»-образным знаком над ней в точечном ободке. Перстень выполнен в пышных, вычурных формах барокко и явно принадлежит к XVII–XVIII вв.

Следующий по времени, согласно датировке М. А. Оболенского, перстень князя Ивана Константиновича Оболенского 1306–1336 г. (ил. 3) [Снимки, табл. 111]. Иван Константинович, как было сказано, неизвестен по иным источникам, кроме родословной Оболенских в варианте Дионисия Звенигородского и восходящих к нему, и был придуман для заполнения временной лакуны в первых поколениях князей Оболенских. Согласно этому варианту родословной М. А. Оболенским и предложена датировка перстня: $1246 + 30 + 30 + 30 = 1336$.

На печати восьмигранной формы изображен конный воин. Вероятно, и сам перстень, и матрицу следует отнести к XVII в. Печати с изображением всадника, подражающие, очевидно, великокняжеским, были довольно широко распространены среди служилых людей XVI–XVII вв. [Иванов, табл. IV, № 35 (1537); табл. XVI, № 211 (1662); № 223 (1668); табл. XVIII, № 265 (1683); № 271 (1684)].

«Перстень князя Константина Ивановича Оболенского», т. е. того, кто заменил в родословии известного по летописям князя Константина Юрьевича, М. А. Оболенский датировал 1368 г. (ил. 4) [Снимки, табл. 112], т. е. годом гибели в Оболенске этого князя от руки Ольгерда.

С. Н. Тройницкий описал эту печать как «изображение двух птиц по сторонам растения, восточного происхождения», которое «часто встречалось на печатях XIII и XIV вв.» [Гербовник А. Т. Князева, с. 127]. Тройницкий не привел никаких параллелей для обоснования своих суждений. На самом деле композиция печати, выполненная в стиле русского барокко XVII в., не позволяет отнести ее к XIV и тем более к XIII в. Вряд ли можно связывать ее происхождение с Востоком, если С. Н. Тройницкий имел в виду мусульманский Восток, где изображения живых существ были табуированы.

Заманчиво предположить, что изображение именно этой печати послужило образцом для нижнего поля герба князей Оболенских, Репниных и Тюфякиных,

³ Автор ссылался на некую «родословную рукопись, доведенную до 1614 года, и хранящуюся в библиотеке Московского архива Министерства иностранных дел, в отделении рукописей под № 1». Под этим номером в настоящее время в ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД) значится сборник, содержащий две рукописи Хронографы.

Гравированные изображения печатей

Ил. 1

Ил. 2

Ил. 3

Ил. 4

Ил. 5

содержащего фигуры двух (у Тюфякиных одной) птиц или гарпий. Однако, возможна и обратная зависимость: печать могла заинтересовать М. А. Оболенского именно схожестью сюжета с его гербом.

Перстень князя Семена Константиновича Оболенского [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 252, № 4; Кобрин, с. 95, № 2] был датирован М. А. Оболенским 1376 г. (ил. 5) [Снимки, с. 113]. Основанием для этой датировки послужил разряд похода московского князя Дмитрия Ивановича на Тверь, содержащий имя Семена Константиновича. При жизни М. А. Оболенского этот разряд был издан в составе Новгородской IV (с датой 1375) [ПСРЛ, т. 4, с. 70] и других летописей. Отсылка к летописной статье с этим разрядом содержится также в родословцах Летописной и Разрядной редакций [Бычкова, с. 154]. Один из списков, относящийся к последней редакции, находился в коллекции М. А. Оболенского [Там же, с. 75]. Источник, находившийся в распоряжении автора, содержал, вероятно, неверную дату, либо она была искажена при переводе даты на эру от Р. Х.: поход на Тверь датируется 1375 г. (29 июля 6883 г. от С. М.). На печати изображен человек, протягивающий одну руку к дереву, а в другой держащий некий предмет. Вероятно, это сцена грехопадения Евы («и взяла плодов его и ела»; Быт. 3:6). Подобные изображения достаточно распространены в сфрагистике [Иванов, табл. VII, № 131 (1585); табл. XII, № 114 (1631); табл. XIII, № 131 (1635); табл. XV, № 182 (1649)], как и сцена с участием обоих прародителей («и дала также мужу своему, и он ел») [Иванов, табл. IV, № 37 (1541); табл. IX, № 30 (1617); табл. XII, № 95 (1629); № 98 (1629); табл. XVII, № 240 (1675); табл. XVIII, № 281 (1686)], и датируются XVI–XVII вв.

М. А. Оболенский приписал печать западноевропейского происхождения, вероятно, XVII–XVIII вв. (ил. 6) [Снимки, с. 81] князю Семену Ивановичу Оболенскому [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 253–254, № 10; Кобрин, с. 95–96, № 8] и датировал ее 1446–1452 гг. На печати изображен парный герб, составленный по правилам европейской геральдики, что, конечно, делает необоснованным предположение об использовании ее русским князем XV в. Основания предложенной М. А. Оболенским датировки вполне ясны — под этими датами князь Семен Иванович упоминается в летописях, в том числе в доступной для автора Воскресенской [ПСРЛ, т. 8, с. 117, 125].

Печать, приписанная М. А. Оболенским князю Исааку (в иноках Иоасаф) Михайловичу Оболенскому [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 262, № 29; Кобрин, с. 97, № 27], архиепископу ростовскому и ярославскому (1481–1514), представляет собой нательный образок с ростовым изображением св. Николая Мирликийского (иконографического типа Николы Зарайского), окруженным витым жгутом (ил. 7) [Снимки, табл. 82]. Этот предмет, очевидно, привлек внимание М. А. Оболенского тем, что изображение на нем зеркально обращено: св. Николай, вопреки традиции, держит евангелие в правой руке, а благословляет левой. Это, возможно, дало ему основание предполагать, что образок мог использоваться и в качестве матрицы печати — на оттиске изображение получалось бы каноничным. Печать-образок датирована временем от начала пребывания архиепископа Иоасафа на ростовско-ярославской кафедре до его кончины, согласно справочнику П. М. Строева [Строев, стб. 332].

Нам известны печати предшественников Иоасафа и его преемника на кафедре, в общем, не отличающиеся от иных архиерейских печатей: архиепископов ростовских и ярославских Ефрема (1427–1454), Трифона (1462–1467), Вассиана (1468–1481) и Тихона (1489–1503). Все печати двусторонние, содержат на лицевой стороне изображение Богоматери «Знамение» или на престоле, а на оборотной — текст «Милостию божиею смиренный архиепископ (имярек) ростовский и ярославский» [Соболева, с. 188, № 158, 159, 160; с. 189, № 162.].

Печать 1536 г. боярина и конюшего князя Ивана Федоровича Оболенского [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 397–399, № 8; Кобрин, с. 101, № 59] содержит изображение крылатой богини победы Ники в профиль с ее непременным атрибутом — венком в правой руке, предмет же в левой руке прорисован плохо, но, вероятно, это пальмовая ветвь (ил. 8) [Снимки, с. 84; схожее изображение: Иванов, табл. IV, № 41 (1542)]. При публикации она была описана как: «Печать, вытиснутая на желтом воску, с изображением архангела Михаила [sic! — О. Х.] с надписью вокруг, из которой уцелели только буквы “ВАН... РОВИЧА О...” приложена к данной грамоте душеприказчиков боярина князя Михаила Васильевича Горбатого от 1 января 1536 г. об отказе им, по духовному завещанию, сельца Чернцы с деревнями в монастырь к Николе Чудотворцу на Шаркму. Подлинная грамота находится в фамильном собрании актов, принадлежащем князю М. А. Оболенскому» [Снимки, с. 84].

Духовная М. В. Горбатого 1534/35 г. сохранилась в подлиннике. Николаевский Шартомский монастырь (Никола на Цатне, на Шатне) действительно получил по ней сельцо Чернцы с деревнями, а князь И. Ф. Оболенский, наряду с В. В. Шуйским и И. Ю. Поджогиным, назван душеприказчиком [Акты, № 35, с. 90–93]. Данная грамота душеприказчиков М. В. Горбатого 1536 г. должна была храниться в ризнице Николо-Шартомского монастыря, после секуляризации, — вероятно, среди грамот Коллегии экономии. Когда и каким образом она попала в фамильное собрание актов, принадлежавшее князю М. А. Оболенскому, — неизвестно.

Упомянутый в духовной М. В. Горбатого князь И. Ф. Оболенский вполне корректно был титулован в публикации боярином и конюшим, т. к. в 1534/35–1536 гг. иных князей с таким именем и отчеством среди Оболенских, кроме И. Ф. Овчины Телепнева, не было.

В том же 1536 г. И. Ф. Оболенский пользовался и другой печатью. Описавший ее по оттиску М. М. Кром по неназванным основаниям посчитал ее перстневой. Она имела диаметр около 2 см, была оттиснута на красном воске под кустодией и изображала руку, держащую поднятый вверх меч [Кром, с. 159; Радзивилловские акты, № 85, с. 187].

Сам перстень, атрибутированный М. А. Оболенским окольничему князю Венедикту Андреевичу Оболенскому и датированный издателем 1627–1640 гг., не дает для этого формальных оснований (ил. 9) [Снимки, с. 119]. В. А. Оболенский, прямой предок М. А. Оболенского, упоминается в источниках с 1626 г. Он стал окольничим 17 марта 1651 г. и в том же году умер [Власьев, т. 1, ч. 2, с. 275–276, № 89]. Парные изображения льва и единорога, помещенные на этой печати, были широко распространены как в декоре конца XVI–XVII в., так и в сфрагистике [Иванов, табл. XII, № 109 (1631); табл. XVI, № 209 (1661), № 213 (1662); табл. XVIII, № 263 (1683)].

Печать боярина князя Константина Осиповича Щербатова 1696 г. представлена штемпелем (ил. 10) [Снимки, с. 102], но, возможно, ее оттиск был известен М. А. Оболенскому по датированному этим годом документу. К. О. Щербатов упоминается с 1649 г., он стал боярином в 1682 г., умер в 1697 г. [Власьев, т. 1, ч. 3, с. 240–242, № 71]. На печати в пышном барочном картуше под княжеской короной помещены инициалы в три строки: «П[ечать] | к[нязя] К[онстантина] | Щ[ербатова]».

Таким образом, среди опубликованных М. А. Оболенским печатей восемь без каких-либо оснований были им приписаны представителям его собственного рода. Оттиски этих печатей не встречаются на исходящих от князей Оболенских или заверенных ими документах, что оправдало бы их атрибуцию и датировку. На печатях отсутствуют надписи либо иные признаки, позволяющие связать их с этим княжеским родом. Это заставляет предположить, что М. А. Оболенский руководствовался иными, нежели научные, мотивами.

В середине XIX в. конструкция родословия князей Оболенских, восходящая к Летописной редакции родословных книг, получила широкую известность в связи с работами П. В. Долгорукова и публикацией Синодального II списка редакции начала XVII в. Читатели могли узнать неизвестные Бархатной книге имена оболенских князей Ивана Константиновича и Константина Ивановича. Публикация Оболенского должна была поддержать эту версию родословной росписи, являясь ее своеобразной иллюстрацией. Печати ранее неизвестных оболенских князей, представленные публике, делали из эфемерных, искусственно сконструированных элементов родословной схемы реальных исторических личностей.

Публикация М. А. Оболенского (во всяком случае, в части, посвященной князьям Оболенским) преследовала не столько научные цели, сколько родословные. Она может рассматриваться наряду с такими способами конструирования истории рода и демонстрации сословной и родовой идентичности, как разработка родословной легенды, изготовление фальсификатов, призванных ее подкрепить, и составление гербов, ее презентующих.

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1998. 640 с. [Akty Suzdal'skogo Spaso-Evfim'eva monastyrja 1506–1608 gg. / sost. S. N. Kisterev, L. A. Timoshina. M., 1998. 640 s.]

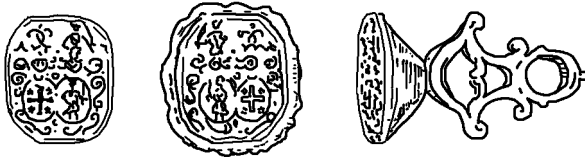
Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения : сб. науч. ст. и материалов. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 63–97. [Bespalov R. A. «Novoe potomstvo» knjazja Mihaila Chernigovskogo po istochnikam XVI–XVII vekov (k postanovke problemy) // Problemy slavjanovedenija : sb. nauch. st. i materialov. Brjansk, 2011. Вып. 13. С. 63–97.]

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. : ист.-генеал. исслед. М., 1986. 219 с. [Bychkova M. E. Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v. : ist.-geneal. issled. M., 1986. 219 s.]

Власьев — Потомство Рюрика : материалы для составления родословий / сост. Г. А. Власьев. СПб., 1906–1907. Т. 1 : Князья черниговские, ч. 2–3. [Potomstvo Rjurika : materialy dlja sostavlenija rodoslovij / sost. G. A. Vlas'ev. SPb., 1906–1907. Т. 1 : Knjaz'ja chernigovskie, ch. 2–3.]

Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 г. / изд. С. Н. Тройницкий. СПб., 1912. [Gerbovnik Anisima Titovicha Knjazeva 1785 g. / izd. S. N. Trojnickij. SPb., 1912.]

Гравированные изображения печатей

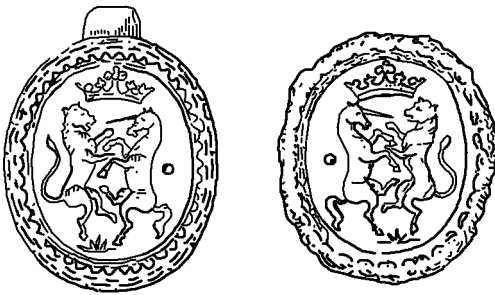
Ил. 6

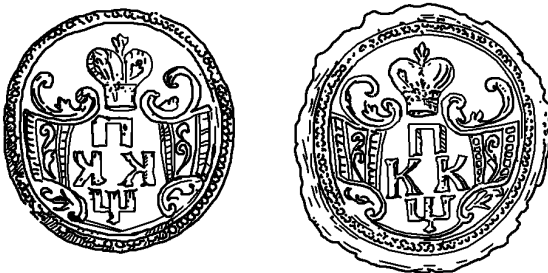
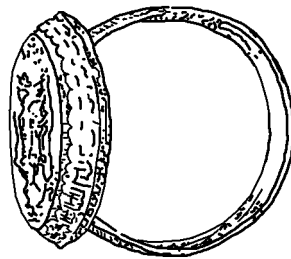
Ил. 7

Ил. 8

Ил. 9

Ил. 10

Долгоруков П. [В.] Российский родословный сборник. СПб., 1840. Кн. 1. 111 с. [Dolgorukov P. [V.] Rossijskij rodoslovnij sbornik. SPb., 1840. Kn. 1. 111 s.]

Дремина Г. А., Чернов А. В. Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959. [Dremina G. A., Chernov A. V. Iz istorii Central'nogo gosudarstvennogo arhiva drevnih aktov SSSR (Gosudarstvennoe drevlehranilishhe hartij i rukopisej i Moskovskij arhiv Kollegii inostrannyh del). M., 1959.]

Иванов П. И. Сборник снимков с древнейших русских печатей, приложенных к грамотам и другим документам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1858. 69 с. [Ivanov P. I. Sbornik snimkov s drevnejshih russkikh pechatej, prilozhennyh k gramotam i drugim dokumentam, hranjashhimsja v Moskovskom arhive ministerstva justicii. M., 1858. 69 s.]

Иванова Л., Коншина Е. О портрете Пушкина работы Тропинина // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 344–346. [Ivanova L., Konshina E. O portrete Pushkina raboty Tropinina // Pushkin. Lermontov. Gogol'. M., 1952. S. 344–346.]

Камецева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд. М., 1974. 264 с. [Kamenceva E. I., Ustjugov N. V. Russkaja sfragistika i geraldika. 2-e izd. M., 1974. 264 s.]

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. 243 с. [Kobrin V. B. Materialy genealogii knjazhesko-bojarskoj aristokratii XV–XVI vv. M., 1995. 243 s.]

Костомаров Н. [И.] Князь М. А. Оболенский // Русский архив. 1873. Кн. 4. Стб. 667–655. [Kostomarov N. [I.] Knjaz' M. A. Obolenskij // Russkij arhiv. 1873. Kn. 4. Stb. 667–655.]

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с. [Krom M. M. «Vdovstvujushhee carstvo»: politicheskij krizis v Rossii 30–40-h godov XVI veka. M., 2010. 888 s.]

[Кубасов И. А.] *Ив. К. Оболенский, князь Михаил Андреевич* // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [12]: Обезьянинов — Очкин. С. 44–47. [[Kubasov I. A.] Iv. K. Obolenskij, knjaz' Mihail Andreevich // Russkij biograficheskij slovar'. SPb., 1905. T. [12]: Obez'janinov — Ochkin. S. 44–47.]

Маловичко С. И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2013. Вып. 44. С. 112–126. [Malovichko S. I. Fenomenologicheskaja koncepcija istochnikovedenija kak teoreticheskaja osnova istochnikovedenija istoriografii // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii. M., 2013. Vyp. 44. S. 112–126.]

Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Историографическое произведение как объект источниковедческого изучения в предметном поле источниковедения историографии // Библиотека в контексте истории: материалы 10-й Всерос. с междунар. участием науч. конф. Москва, 3–4 окт. 2013 г. М., 2013. Ч. 1. С. 9–21. [Malovichko S. I., Rumjanceva M. F. Istoriograficheskoe proizvedenie kak ob'ekt istochnikovedcheskogo izuchenija v predmetnom pole istochnikovedenija istoriografii // Biblioteka v kontekste istorii: materialy 10-j Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf. Moskva, 3–4 okt. 2013 g. M., 2013. Ch. 1. S. 9–21.]

ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4; СПб., 1859. Т. 8. Ч. 2; СПб., 1897. Т. 11; СПб., 1863. Т. 15; Пг., 1921. Т. 24; Л., 1977. Т. 33. [PSRL. SPb., 1848. T. 4; SPb., 1859. T. 8. Ch. 2; SPb., 1897. T. 11; SPb., 1863. T. 15; Pg., 1921. T. 24; L., 1977. T. 33.]

Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / сост. М. М. Кром // Памятники истории Восточной Европы. (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). М.; Варшава, 2002. Т. VI. 267 с. [Radzivillovskie акты iz sobranija Rossijskoj nacional'noj biblioteki: pervaja polovina XVI v. / sost. M. M. Krom // Pamjatniki istorii Vostochnoj Evropy. (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). M.; Varshava, 2002. T. VI. 267 s.]

Родословная книга // Временник имп. Московского о-ва истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 1–130. [Rodoslovnaja kniga // Vremennik imp. Moskovskogo o-va istorii i drevnostej rossijskikh. M., 1851. Kn. 10. S. 1–130.]

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих / изд. Н. И. Новиков. М., 1787. Ч. 1. 392 с. [Rodoslovnaja kniga knjazej i dvorjan rossijskih i vyezжих / izd. N. I. Novikov. M., 1787. Ch. 1. 392 s.]

Самошенко В. Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII – начало XX вв.). М., 1990. 214 с. [Samoshenko V. N. Istoricheskie arhivy Moskvy i Peterburga (XVIII – nachalo XX vv.). M., 1990. 214 s.]

Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц / изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М., 1882. Вып. 1. 194 с. [Snimki drevnih russkih pechatей gosudarstvennyh, carskih, oblastnyh, gorodskih, prisutstvennyh mest i chastnyh lic / izd. Komissii pechatanija gosudarstvennyh gramot i dogovorov. M., 1882. Вып. 1. 194 s.]

Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991. 239 с. [Soboleva N. A. Russkie pechati. M., 1991. 239 s.]

Станюкевич А. К., Авдеев А. Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XII–XVIII веков из частных собраний. М., 2007. 181 с. [Stanjukevich A. K., Avdeev A. G. Neizvestnye pamjatniki russkoj sfragistiki. Prikladnye pechati-matricy XII–XVIII vekov iz chastnyh sobranij. M., 2007. 181 s.]

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. 573 с. [Stroev P. M. Spiski ierarhov i nastojatelej monastyrej rossijskoj cerkvi. SPb., 1877. 573 s.]

Фролов А. С., Прошкин О. Л. Таруса в X–XIV веках (по данным археологии). Калуга, 2011. 88 с. [Frolov A. S., Proshkin O. L. Tarusa v X–XIV vekah (po dannym arheologii). Kaluga, 2011. 88 s.]

Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель : в 4 т. М., 1991. Т. 1. 528 с. [Central'nyj gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov SSSR. Putevoditel' : v 4 t. M., 1991. T. 1. 528 s.]

Статья поступила в редакцию 19.01.2014 г.

УДК 27-4(091) + 27-788(571.1) + 27-526.62

И. Л. Манькова

ДОЗОРНАЯ КНИГА 1624 Г. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАВОСЛАВНОГО ЛАНДШАФТА ТОБОЛЬСКА

На основе дозорной книги 1624 г. проанализировано размещение и храмоименование приходских церквей и монастырей на территории Тобольска, установлена их взаимосвязь и особенности, рассмотрен состав местных икон в церковных иконостасах, выявлены наиболее почитаемые образы. Определено, что самым популярным святым являлся Николай Чудотворец, отмечено, что в столице Сибири получили развитие культы русских святых, связанных с отдельными местностями, — Кирилла Белозерского, Прокопия Устюжского, Леонтия Ростовского, Василия Блаженного. Комплексный анализ сведений дозорной книги 1624 г. позволил реконструировать православный ландшафт Тобольска первой четверти XVII в.

Ключевые слова: дозорные книги XVII в.; история православия; монастыри; православный ландшафт; приходские церкви; Сибирь; Тобольск; церковные иконы.

В 1623/24 г. «Книги письма и дозору» были составлены по многим городам Урала и Западной Сибири¹. Территориально они охватывали город и прилегавший к нему уезд. В них зафиксированы административные и торговые постройки, церкви и монастыри, дворы и дворовладельцы, а также пашни и покосы, находившиеся в личных хозяйствах и на государственной десятине. Книги являются ценным источником по истории хозяйственного освоения урало-сибирского региона, давно используются исследователями [Буцинский; Дмитриев, с. 5–30, 121–139; Шунков; Чагин и др.]. В настоящее время к ним обращаются генеалоги для решения своих задач. Вместе с тем далеко не все информационные возможности этих документов исчерпаны.

В ряде книг приведены описания внутреннего убранства приходских и монастырских церквей: перечислены иконы, книги, церковная утварь, священнические облачения, колокола. Дозорная книга Тобольска 1624 г. [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 1–70 об.] (далее — ДК) выделяется полнотой подобных сведений, что позволяет считать ее важнейшим источником для реконструкции православного ландшафта столицы Сибири первой четверти XVII в. Она использовалась В. И. Кочедамовым для изучения городской планировки первой половины XVII в. На составленной им схеме из культовых объектов отмечены лишь Софийский двор, Знаменский и «Девичий» монастыри [Кочедамов, 1963, с. 11]². Однако в ДК дано описание 9 приходских церквей, Знаменского и Успенского монастырей³.

¹ Копии XVII в. дозорных книг Верхотурья, Пельма, Тюмени, Тары, Туринска собраны в одну книгу [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 5]. В Приуралье дозорные книги были составлены М. Кайсаровым в 1623/24 г. (опубликованы: [Шишонко, с. 144–251]).

² В другой работе В. И. Кочедамова использована эта же схема, но с другими комментариями. Там все отмеченные объекты названы просто «монастырями» [Кочедамов, 1978, с. 75].

³ Опираясь на данные книги 1624 г., П. Н. Буцинский отметил общее количество тобольских церквей — 10, расхождение с указанной нами цифрой связано с тем, что мы не включили в эти данные Софийскую церковь, поскольку она располагалась на архиерейском дворе и не являлась приходской [Буцинский, с. 109].

Она была опубликована в 1885 г., но по дефектному списку с существенными утратами текста [Тобольск, с. 1–10]. В фонде Сибирского приказа (РГАДА) сохранилась ее полная копия XVII в. [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 1–70 об.]. В данной статье мы попытаемся показать информационный потенциал этого источника для характеристики приходских церквей и монастырей Тобольска в контексте православного ландшафта города первой четверти XVII в.⁴

Под «православным ландшафтом» понимается система объектов (архиерейские дворы, приходские церкви, монастыри, часовни, поклонные кресты, могилы подвижников православия, святые источники и др.), которая маркировала территорию как находящуюся под защитой высших христианских сил, т. е. сакрализовала пространство. На основе этой системы развивались отношения внутри местного конфессионального сообщества, выстраивались внутри- и межрегиональные связи. Православный ландшафт создавал человеку условия для удовлетворения духовных потребностей и совершения ритуальных практик⁵. Первым шагом в реконструкции православного ландшафта является выявление и характеристика базовых (институциональных) объектов, а именно приходских церквей и монастырей. В определенных случаях к такого рода объектам можно отнести часовни. По материалам Восточной Сибири прослеживается практика, когда при основании русских поселений сначала строились часовни для совершения общественных молений, позднее их заменяли на церкви [Дулов, Санников, с. 15].

Тобольск был основан в 1587 г. при впадении Тобола в Иртыш. Геополитическое положение предопределило его дальнейшее назначение как административного и экономического центра Сибири. С учреждением Сибирской и Тобольской епархии в 1620 г. он стал и церковно-административным центром обширного региона. «Столичность» Тобольска отразилась и на его православном ландшафте. Особенностью православного ландшафта Тобольска являлось то, что сеть церквей, находившихся в городе, включала приходские, монастырские и архиерейские храмы. Поэтому выбор их месторасположения, посвящений престолов, внутреннего убранства отражал духовные пристрастия и возможности прихожан, монашеских общин, сибирских архиереев, а также московских властей.

Приходские церкви

В ДК последовательность описания церквей связана с их местоположением в сложившейся городской структуре, обусловленной природным ландшафтом. Естественным образом Тобольск был разделен на две части: на горе — верхний посад, укрепленный острогом, и под горой — нижний посад. Начальной точкой описания 1624 г. был «город» — административное ядро населенного пункта, обнесенное стеной. На территории «города» располагалась церковь Вознесения с приделом Стефана Великопермского. Именно с нее начинается описание тобольских церквей в ДК. Как правило, храмы, расположенные в административных центрах сибирских городов, имели статус соборных, главных «официальных» церквей, их прихожанами были воеводы и приказные люди с семьями, там

⁴ В данной статье при анализе источника использована архивная копия, поэтому при цитировании этого документа в ссылках будут указаны только номера листов.

⁵ Существуют другие подходы к изучению религиозных ландшафтов [см. Главацкая; Нечаева].

служили молебны в честь важнейших событий в жизни царской семьи, давали присяги. Их строительство, содержание и обеспечение осуществлялось за счет государевой казны.

В 1599/1600 г. по царскому указу воевода С. Сабуров перенес административный центр («город») Тобольска с Троицкого мыса на противоположную сторону Торгового взвоза ближе к Иртышу. Тогда же была построена и Вознесенская церковь. Очевидно, она сразу же строилась с придельным храмом. Об этом свидетельствует грамота от 29 февраля 1600 г., адресованная тюменскому воеводе Л. Щербатову, о посылке в Тюмень «церковного строения» для новой церкви. Вместе с этим имуществом из Москвы были отправлены два антиминса, которые надо было послать в Тобольск «точас с кем пригож» [Миллер, с. 182]. Скорее всего, эти антиминсы были предназначены для Вознесенской церкви с приделом.

Когда была создана Сибирская и Тобольская епархия, Вознесенская церковь чуть было не стала и главным архиерейским храмом. Первоначально, когда первый сибирский архиепископ Киприан только собирался в Сибирь, был план построить архиерейский двор в «городе», и в связи с этим возвести новый Вознесенский собор [Тобольский архиерейский дом, с. 145–148]. Расположение архиерейского двора в «городе» должно было подчеркнуть равенство новой региональной церковной власти и тобольской светской администрации. Однако в реальности все оказалось сложнее. В конечном итоге архиерейский двор был построен на Троицком мысу, там же возвели и архиерейскую Софийскую церковь. «Город» с Вознесенской церковью и Софийский двор были расположены друг напротив друга по разные стороны Торгового взвоза — главной дороги, соединявшей нижний и верхний посады. На протяжении всей последующей истории города они оставались его важнейшими и равновеликими доминантами. Во время составления ДК Вознесенская церковь оставалась «ветхой и невеликой» [Там же, с. 156].

Далее в ДК шло описание остальных тобольских церквей на верхнем посаде внутри острога. Оно было сгруппировано по своеобразным «кустам», иногда сначала перечислялось несколько церквей, затем шло их описание, иногда указывалось расположение церкви по отношению к упомянутой ранее. Очевидно, это свидетельствует о близости нахождения этих храмов, что в ряде случаев подтверждается и другими документами. Данный принцип компоновки материала в ДК помог определить местонахождение церквей в тех случаях, когда это не позволяли сделать другие источники.

Итак, на верхнем посаде вслед за Вознесенской церковью были отмечены соборная церковь Софии премудрости Божией и церковь во имя Спаса с приделом во имя Иоанна Предтечи. Софийская церковь располагалась на архиерейском дворе, его описание было сделано отдельно в 1625 г.⁶, поэтому в ДК она лишь упоминается. О том, что тогда Спасская церковь размещалась рядом с Софийской, свидетельствует тот факт, что после пожара 1643 г. новая Софийская церковь была возведена на том месте, где до пожара стояла Спасская церковь. Согласно

⁶ Описание Софийской церкви 1625 г. опубликовано: [Тобольский архиерейский дом, с. 37–54].

отписке в Москву воеводы М. С. Гагарина и архиепископа Герасима 1646 г., такое решение было принято потому, что «на прежнем церковном месте той соборной церкви поставить было нельзя за теснотою и потому, что с прежняго места не было выходу к площади» [Буцинский, с. 303]. Далее в ДК после фразы «да вверху церкви» была отмечена церковь во имя Богородицы явление иконы Казанской с приделом Михаила Малеина [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 8–8 об.]. После этого шло общее описание Спасской и Казанской церквей. Следовательно, последний храм находился рядом со Спасской и Софийской церквями. В ДК в Казанской церкви не отмечено напрестольных Евангелий, других богослужебных книг, церковной утвари, облачений, колоколов. Этому могут быть два объяснения: либо все это погибло во время пожара и к моменту составления ДК не успели восстановить утраты, либо эта церковь была приписной к какой-то другой, например, Спасской, потому что их описания в ДК перемежаются. Может быть, Казанская церковь была построена по обету кем-то из прихожан Спасского прихода. Более поздних сведений об этой церкви нет. Возможно, она так же, как и Спасская церковь, не была восстановлена после пожара 1643 г. в связи с переносом на это место Софийского собора.

Следующей «на посаде» зафиксирована Троицкая церковь с приделом Николая Чудотворца и дано ее описание. По свидетельствам сибирских летописей, она была построена при основании Тобольска в 1587 г. Составитель «Книги записной» определил ее местоположение относительно современного ему ландшафта — «где ныне Софийский двор и святительской сад, позаде каменной палаты» [ПСРЛ, т. 36, ч. 1, с. 139]. Согласно переписке центральной и местной властей 1621 г., приехав в Тобольск, архиепископ Киприан временно поселился во дворе подъячего Якима Денисова «на старом городище... у церкви Живоначальные Троицы» [Тобольский архиерейский дом, с. 155–156]. Именно там, у церкви, преосвященный Киприан велел построить свой двор. Как писали тобольские воеводы, выбор архиепископом именно этого места был обусловлен близостью Троицкой церкви, которая «в Тоболску с сибирсково взятыя первоначалья ставлена блаженные памети при государе царе и великом князе Феодоре Ивановиче всеа Руси» [Там же, с. 156]. Таким образом, Троицкая церковь являлась самой ранней из церквей Тобольска и в первой четверти XVII в. находилась рядом с Софийской, Спасской и Казанской церквями. Согласно чертежу Тобольска С. Ремезова, в начале XVIII в. она уже размещалась на другом месте [Ремезов].

Далее в ДК отмечена «на посаде» Воскресенская церковь с приделом во имя Ильи пророка [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 16]. «Против церкви Воскресения под колоколы» была поставлена церковь Флора и Лавра [Там же, л. 26]. Описания этих церквей приведены раздельно. «На посаде же» располагались Никольская церковь с приделами во имя праздника Входа во Иерусалим Иисуса Христа, Георгия, Параскевы Пятницы и «против храму Николы чудотворца» церковь во имя Рождества Богородицы с приделом Димитрия Солунского [Там же, л. 27, 32]. У них была общая колокольня «на одном столбе» с пятью колоколами. Около этих церквей находилось 13 келий, в которых проживала 21 старица. Любопытно, что писец не назвал эти строения монастырем, как это

сделано в отношении Успенского и Знаменского монастырей. Скорее всего, эти храмы были приходскими и при них когда-то возникла женская монашеская община. Никольская церковь, а следовательно и Богородицерождественская, находились около второго взвоза, который в более поздних документах назывался Премским⁷ или Никольским. На этом месте в конце XVII в. будет построена каменная Никольская церковь с Входеоерусалимским и Георгиевским приделами.

По данным 1624 г., подгорная часть Тобольска была заселена в меньшей степени по сравнению с верхним посадом. Из приходских храмов там находилась лишь Богоявленская церковь с приделом Прокопия Устюжского. Составитель ДК указал ее местонахождение — «под горою за речкою Курдюмкою промеж заливов на мыси» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 69 об.]. Около церкви отмечена келья, в которой жил черный поп Еуфимий.

Далеко не у всех тобольских церквей, упоминающихся в ДК, известно время постройки. На основании разных источников можно определить год возведения Троицкой (1587/88) и Вознесенской (1599/1600) церквей. Не позднее 1593 г. была построена Спасская церковь [ПСРЛ, т. 36, ч. 1, с. 139]. Богоявленская церковь на нижнем посаде была возведена незадолго до составления ДК [РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 139, л. 13]. На наш взгляд, подсказку о приблизительном времени строительства других церквей могут дать названия улиц, зафиксированные в ДК. По этимологии их можно разделить на две группы: первая — названия, отражающие места выходов первых жителей Тобольска или их этническую принадлежность (Зырянская, Вилигорская, две Устюжских, Пермская)⁸; вторая — улицы, связанные с названием церквей. Последних было три — Троицкая, Воскресенская и Никольская. Причем Воскресенская церковь использовалась в качестве ориентира для описания трех улиц, у которых еще не было названий, например, «от храма Воскресения же Христова в другой улице» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 54 об.]. На возникновение устойчивого названия требуется время. Например, такая значимая для Тобольска церковь как Софийская, построенная в 1621 г., еще не получила отражения в названиях улиц 1624 г., позже такая улица появится [Ремезов]. Поэтому можно предположить, что Воскресенская и Никольская церкви появились в Тобольске задолго до 1624 г.

Любопытно отметить следующее совпадение и, скорее всего, не случайное. В Верхотурье точно так же, как и в Тобольске, первой была построена Троицкая церковь, а около гостиного двора была возведена Воскресенская⁹. Выбор посвящений Троице первых церквей в сибирских городах, основанных в конце XVI — начале XVII в., был сделан московскими властями и имел идеологические основания [подробнее см.: Манькова, с. 41]. Воскресенские церкви, скорее всего, строились по инициативе или при активном участии торговых людей, которые

⁷ Можно встретить написание названия этого взвоза как «Прямской». На наш взгляд, «Премской» — это трансформированное самое раннее название взвоза — «Перемской». По мнению Г. Н. Чагина, «пермь» является производной от более раннего слова «перемь», пришедшего из вепсского языка [Чагин, с. 9–10].

⁸ Возможно, в новом городе новопоселенцы селились своеобразными землячествами по территориальному признаку.

⁹ В Верхотурье Троицкая церковь была построена в 1597/98 г., Воскресенская — в 1607 г.

приезжали торговать «с Руси». Они проживали в Верхотурье и Тобольске временно (но порой довольно долго) и не принадлежали ни к одному из городских приходов, им нужна была церковь, которую они могли бы посещать по воскресным и праздничным дням. Поэтому рядом с гостинными дворами возводились церкви, главные престолы которых посвящались Воскресению Господню. И тобольская, и верхотурская Воскресенские церкви имели придельные храмы Ильи пророка — защитника от природных стихий и пожаров. Возможно, со стремлением обеспечить своему торговому делу защиту высших сил связано строительство рядом с гостинными дворами сначала Воскресенских, а затем и других церквей. В Тобольске это маленькая церковь Фрола и Лавра, использовавшаяся под колокола Воскресенской церкви, а в Верхотурье — Спасская церковь с приделом Алексея человека Божия¹⁰. Скорее всего, эти церкви строились по обету и на средства местных и приезжих торговых людей.

Была еще одна причина, по которой рядом с гостинными дворами и базарными площадями появились церкви. В 1685 г. прихожане Богоявленской церкви обратились к митрополиту Павлу за разрешением построить каменный храм. К тому времени Богоявленская церковь уже была перенесена от реки Курдюмки к базарной площади нижнего посада. В этой челобитной прихожане просили построить храм с «теплой пространной низмянной трапезой», «что(бы) нам всем градским людям горным и подгорным и приезжим всяких чинов людям в зимнее время всем было прибежище для того, что та церковь стала близ площади на базаре, безпрестанно и безвыходно всякие люди в трапезе греются» [Грамматин, с. 6]. Таким образом, церкви рядом с местами торговли имели еще и бытовое значение.

В ДК не отмечено, были ли церкви «теплыми» или «холодными», как это сделано, например, в дозорной книге Тюмени. Скорее всего, все тобольские церкви были построены таким образом, чтобы службы в них велись круглый год: летом — в главном храме, зимой — в отапливаемом приделе. Почти все они имели по одному придельному престолу, за исключением однопрестольной Фрололаврской и четырехпрестольной Никольской церквей. Согласно описанию тобольских церквей XVII в., приведенному в статье священника Александра Грамматина, по планировке они напоминали крест: крыльцо, паперть, «пространная в широте» трапеза («она была зимнею церковью с устроенным на одной стороне алтарем»), летняя церковь («уже менее трапезы») и «особо выдававшийся на восток алтарь» [Там же, с. 3]. Некоторые детали этой характеристики просматриваются и в описаниях церквей из ДК.

Анализ выбора храмоименований приходских церквей показывает, что из 9 главных престолов были посвящены: 5 — Господскому циклу (Спасу, Воскресению, Вознесению, Троице, Богоявлению), 2 — Богородичному циклу (Рождество Богородицы, Казанской иконе Божией матери), 2 — святым (Николаю, Фролу и Лавру) (см. табл. 1).

¹⁰ Верхотурская Спасская церковь построена в середине XVII в.

Таблица 1

Посвящения престолов церквей Тобольска по дозорной книге 1624 г.

Посвящения престолов	Виды престолов		
	приходские	монастырские	архиерейские
Во имя Господских праздников			
Вознесения	г		
Воскресения	г		
Входа Господня в Иерусалим	п		
Крещения (Богоявления)	г		
Спаса Нерукотворного	г		
Троицы	г		
Во имя Богородичных праздников			
Знамения Богородицы Новгородской		г	
Казанской иконы Богородицы	г		
Рождества Богородицы	г		
Софии премудрости Божией			г
Успения		г	
Во имя святых, пророков, апостолов			
Варлаама Хутынского		п	
Георгия Победоносца	п		
Димитрия Солунского	п		
Илии пророка	п		
Иоанна Предтечи	п		
Николая Мирликийского Чудотворца	п, г	г	
Михаила Малеева	п		
Параскевы Пятницы	п		
Прокопия Устюжского	п		
Стефана Пермского	п		
Фрола и Лавра	г		

Обозначения: г – главный престол; п – придельный престол.

Источник: РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 1–70 об.

Возможно, что посвящения престолов в честь двенадцатых праздников связаны с освящением церквей именно в эти дни. Как правило, к этим праздникам приурочивались и важнейшие события в жизни российских царей (венчание на царство, бракосочетание). Так, в «Книге записной» упоминается, что царь Федор Иоаннович венчался на царство 1 мая 1584 г. в праздник Вознесения Христова [ПСРЛ, т. 36, ч. 1, с. 138]¹¹. Этот царь занимает особое место в истории Тобольска – по его указу был основан город, поэтому выбор посвящения главной городской церкви во имя особо значимого для него праздника Вознесения выглядит закономерным.

Придельные храмы в основном посвящались святым (9 из 10), среди которых были как святые православной церкви (Николай Чудотворец, Илья Пророк, Георгий Победоносец, Флор и Лавр, Димитрий Солунский), так и русские святые

¹¹ Неверно указан день венчания, должно быть 31 мая.

(Стефан Пермский и Прокопий Устюжский). Естественно, что в городе, который основали служилые люди, где располагался один из самых крупных сибирских гарнизонов, появились храмы Дмитрия Солунского и Георгия Победоносца. Единственный святой, в честь которого были названы и главный, и придельный престолы, а также монастырский храм — это Николай Чудотворец. Это еще раз подчеркивает, что он был самым популярным святым в России. Преподобный Михаил Малейн считался небесным покровителем царя Михаила Федоровича. Возможно, посвящение престола придельного храма Казанской церкви во имя этого святого связано с воцарением первого царя Романова.

Выбор посвящения придельного храма Вознесенского собора во имя Стефана Пермского относится к тем временам, когда Сибирь находилась в ведении архиепископов Великопермских и Вологодских. Для Перми Великой святитель Стефан — особо чтимая фигура, креститель зырян, первый пермский архиепископ [Лимеров, Соболева]. В Сибири, где еще предстояло провести христианизацию коренного населения, прославление миссионерского подвига Стефана Пермского как образца распространения православия на колонизируемых землях было актуально, поэтому у главной Вознесенской церкви и появился придел в честь святителя Стефана. Вместе с тем среди жителей Тобольска первых десятилетий было немало переселенцев из Пермских земель, которым Стефан Пермский был близок как святой, связанный с их родиной. Почитание Прокопия Устюжского, причисленного к лику святых на Соборе 1547 г., было принесено на сибирские земли выходцами из Великого Устюга, где он был весьма почитаем как спаситель города. Таким образом, можно говорить, что посвящения тобольских престолов во имя русских святых отражают региональную специфику.

Монастыри

В ДК приведены описания Успенского и Знаменского монастырей. Эти описания построены по принципу «центр — периферия», что указывало на иерархию монастырских объектов. Центром, с которого начиналось описание, были монастырские храмы, затем упоминались жилые постройки, потом хозяйственные строения, располагавшиеся в монастыре и «за монастырем». Из последнего следует, что обители имели обособленную территорию, обнесенную оградой.

Успенская обитель находилась «за острогом на горе», т. е. в верхней части города. В монастыре были Успенская церковь с приделом Варлаама Хутынского и Никольский храм, а также 7 келий, келарская изба, «анбар на погребце» и «за монастырем мельница конская, около мельницы анбар» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 61, 65 об.]. Иногда по Никольскому храму этот монастырь называли Никольским. По летописным свидетельствам обитель была построена в 118 (1609/10) г., в нее переселились монахи «из-за реки Иртыша», где первоначально находился монастырь. Летопись уточняет место нахождения Успенской обители: «на горе за острогом за Воскресенскими вороты, где ныне девич Успенской монастырь» [ПСРЛ, т. 36, ч. 1, с. 143]. Воскресенские ворота были главным въездом в город с севера, они соединялись с центром Тобольска Воскресенской улицей. Расположение Успенского монастыря соответствовало древнерусской традиции строительства монастырей при въезде в город. Выбор посвящения главного храма во имя Успения

Богородицы также отражал эти традиции. Как отметил Д. С. Лихачев, Успенские храмы получили широкое распространение на Руси в связи с особым почитанием русскими Богородицы как покровительницы русского воинства. Обычно Успенские церкви размещались на горе, на крутом берегу, в центре оборонительных сооружений (кремлей, монастырей). По мнению Д. С. Лихачева, эта традиция уходила корнями в легенды и символы, сложившиеся во Влахернском и Киево-Печерском монастырях [Лихачев, с. 17–23].

Согласно ДК, «за острогом под горою на усть речки Мостовые» находился Знаменский монастырь [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 66]. В «Книге записной» есть важное уточнение, что новая обитель была поставлена «за татарскими юртами на лугу к Мостовой речке и на берегу близ реки Иртыша» [ПСРЛ, т. 36, ч. 1, с. 147], как раз около той части берега, где находилась пристань. Таким образом, и этот монастырь был построен за городом. Его расположение также было связано с дорогой. По Иртышу проходил путь до Оби — важнейшей транспортной артерии Западной Сибири.

Центром Знаменского монастыря являлась церковь «Знамения Богородицы Новгородские», затем в ДК указаны «5 келий, первая житница, погреб под церковью, келарская под трапезою, за монастырем житница, двор коровянной» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 66, 68 об.]. Его строительство началось в 1622/23 г. 5 февраля 1624 г. архиепископ Киприан освятил Знаменскую церковь [ПСРЛ, т. 36, ч. 1, с. 147]. Известно, что архиепископ Киприан был большим почитателем образа новгородской иконы Знамения Богородицы. Именно с его деятельностью исследователи связывают распространение в Сибири икон и посвящений престолов во имя новгородских святых и Знамения Богородицы. Духовная связь с Новгородом Тобольского монастыря прослеживается и в посвящении придела Успенской церкви во имя Варлаама Хутынского. Возможно, инициатором выбора посвящения придельного храма в Тобольском монастыре был человек, связанный с Хутынским Преображенским монастырем. Может быть, этот придел появился в первые годы существования Сибирской епархии, и тогда инициатором выбора его посвящения мог быть архиепископ Киприан, до поставления на Тобольскую кафедру служивший игуменом Хутынского монастыря.

В момент составления ДК территории Успенского и Знаменского монастырей принадлежали мужской общине, но уже в 1625 г. в Успенскую обитель были переселены монахи, жившие при церкви Рождества Богородицы [РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 13, л. 165].

Церковные иконы

Неотъемлемой частью любого храма является его внутреннее убранство и имущество (по терминологии документов XVI–XVII вв. «церковное строение»), т. е. иконы, церковная утварь, книги, священнические одежды. На наш взгляд, важную характеристику храма как объекта православного ландшафта дают его иконы. Они могут рассказать о духовных предпочтениях прихожан. Обратим внимание на сюжеты местных икон и иконы, у которых отмечены приклады. Состав местных икон зависел от традиций каждого храма, это были местночтимые образы. Вместе с тем существовали и общие правила для всех

церквей, которые обусловили присутствие в местных рядах тобольских церквей определенных икон. Так, из богородичных икон наиболее часто упоминается Одигитрия (см. табл. 2), что соответствовало общей традиции того времени размещать этот образ слева от царских врат.

Таблица 2

Местные иконы в иконостасах приходских и монастырских церквей Тобольска (1624 г.)

Церковь	Богородичные иконы	Господние иконы	Иконы святых, архангелов, пророков
Вознесенская с приделом Стефана Великопермского	Умиление, Воплощение, Знамение	<i>Вознесе-ние*</i>	<i>Стефан Великопермский;</i> Борис и Глеб, Феодор Стратилат и Мария Магдалина; Михаил Малейн; Стефан Великопермский с Антипием
Спаская с приделом Ивана Предтечи		<i>Спас (2)**</i>	Усекновение главы Ивана Предтечи
Казанская с приделом Михаила Малейна	<i>Богородица Казанская</i>	Спас	Михаил Малейн
Троицкая с приделом Николая чудотворца	Богородица Одигитрия	<i>Троица</i>	Николай чудотворец «с деянием»
Воскресенская с приделом Ильи пророка	Успение	<i>Воскресе-ние;</i> «Праздники Христовы и Богородичны и святых многих»	<i>Илья пророк «с житием»;</i> Николай Чудотворец; Кирилл Белозерский
Церковь Фрола и Лавра			Фрол и Лавр
Никольская с приделами Вход во Иерусалим Иисуса Христа, Георгия Победоносца, Параскевы Пятницы	Богородица Одигитрия (2)	<i>Вход во Иеру-салим</i>	<i>Николай Можайский (2);</i> <i>Георгий Победоносец,</i> <i>Параскева Пятница;</i> Николай Чудотворец; Николай Великорецкий
Рождества Богородицы с приделом Димитрия Солунского	<i>Рождество Богородицы</i>	Рождество	<i>Димитрий Солунский</i>
Богоявленская с приделом Прокопия Устюжского		<i>Богоявление</i>	<i>Прокопий Праведный</i>
Успенская церковь с приделом Варлаама Хутынского Успенского монастыря	<i>Успение</i>		<i>Варлаам Хутынский,</i> Илия пророк, Николай Чудотворец, Борис и Глеб

Окончание табл. 2

Церковь	Богородичные иконы	Господние иконы	Иконы святых, архангелов, пророков
Никольская церковь Успенского монастыря	Успение		<i>Николай Можайский,</i> Кирилл Белозерский
Знаменская церковь Знаменского монастыря	<i>Знамение,</i> Успение, Богородица Одигитрия		

* Курсивом отмечены храмовые иконы, разрядкой — иконы, у которых были приклады.

** В скобках указано количество икон с данным сюжетом.

В местных рядах икон почти всех тобольских приходских церквей в основном были представлены только образы праздников и святых, которым были посвящены престолы (см. табл. 2). Так, икона Успение была среди местных образов во всех монастырских храмах Тобольска, поскольку в честь этого праздника был освящен главный престол Успенской обители.

В Вознесенской и Воскресенской церквях помимо храмовых были и другие местные иконы. В первой на местных иконах в основном изображены небесные покровители царственных особ, а именно икона «Борис и Глеб, Федор Стратилат, Мария Магдалина», а также образ Михаила Малеина. Не исключено, что первая икона была приобретена или подарена храму в царствование Бориса Годунова. По своему сюжету она принадлежит к так называемым «годуновским» иконам, на которых Борис и Глеб изображались вместе с покровителями самого Бориса Годунова и членов его семьи. В данном случае Федор Стратилат был покровителем сына Федора, а равноапостольная Мария Магдалина — святая супруги. Икона Михаила Малеина, скорее всего, появилась в главном городском храме в связи с воцарением Михаила Романова. Как правило, иконы, связанные с царственными покровителями, приобретались на казенные средства для служб в дни царских именин. Может быть, они были присланы из Москвы, что часто практиковалось в отношении сибирских церквей. Таким образом, и местный ряд икон подчеркивает особый статус Вознесенской церкви. Также в описании отмечены две храмовые иконы Стефана Великопермского. На одной из них пермский святой изображен с чудотворцем Антипием. Этот сюжет не известен в канонической иконографии. Возможно, икона была заказана человеком, чьим покровителем был святой мученик Антипа. Этому святому молятся при зубной боли, и в связи с этим он широко почитался у православного населения.

Среди местных икон Воскресенской церкви указаны иконы Николая Чудотворца и Кирилла Белозерского. Они были выполнены «на краске» и украшены серебряными с позолотой венцами и гривнами. Также икона Кирилла Белозерского имела в местном ряду Никольской церкви Успенского монастыря. Она была выполнена «на празелени» высотой в аршин (0,7 м). По мнению А. Г. Мельника, присутствие в храме так называемых «больших» икон (т. е. больше пядничных) свидетельствует об особом почитании изображенного на них святого местным сообществом и, скорее всего, они специально заказывались для храмов [Мельник,

с. 401]. Присутствие в Тобольске двух «больших» образов Кирилла Белозерского показывает, что этот святой был весьма почитаем в столице Сибири.

В 5 из 12 церквей Тобольска в местном ряду иконостасов присутствовали иконы Николая Чудотворца. Напомним, что в Тобольске было 3 Никольских престолов. В Никольской церкви с 3 приделами среди местных икон только главного храма отмечены 4 образа: Николай чудотворец, Николай Великорецкий и две иконы Николая Можайского. Еще один образ был в придельной Входаиерусалимской церкви. Особым величием выделяются иконы Николая Можайского, у одного из них имелось много прикладов. Еще больше знаков особого почитания было у пядничного образа Николая Чудотворца из местного ряда монастырской Успенской церкви. Среди прикладов отмечены маленькие серебряные иконы, нательные кресты, золоченые и «неколоченые» копейки, бархатная пелена. Очевидно, эти иконы почитались как чудотворные.

Иконы с прикладами имелись практически в каждой церкви, как правило, это были храмовые образы. Отсутствие знаков особого почитания у храмовых икон в Богоявленской и Знаменской церквях можно объяснить тем, что эти храмы были построены незадолго до составления ДК, их храмовые иконы были новыми, поэтому они еще не успели приобрести особое сакральное значение. Вместе с тем, у иконы Одигитрия в Знаменской церкви уже имелись приклады. Скорее всего, этот образ перенесли в новую Знаменскую церковь из Успенского монастыря, и это было еще одной «связующей нитью» двух монастырских территорий, объединявшей монастырское сакральное пространство.

В описаниях ДК встречаются упоминания прикладов не только у икон местного ряда. Так, в Воскресенской церкви были приклады у образа Спаса, расположенного над деисусом, и деисусной иконы Михаила Архангела. Эта церковь, построенная около гостиного двора, выделяется среди других большим количеством икон. Помимо иконостаса там имелась еще 21 икона. Их описание начиналось с находившихся на аналое образов Воскресения и «Василя Кесарийского да Василя Уродивого да в облаце Богородица вопрошение» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 3, л. 17 об.–18]. Главной фигурой в сюжете второй иконы является Василий Блаженный, канонизированный в 1588 г. как чудотворец Московский. Изображение московского чудотворца с его небесным покровителем Василием Великим (Кесарийским) стало популярным в конце XVI–XVII вв. и отражало традицию парных изображений святых с их небесными покровителями [Преображенский, с. 129]. Скорее всего, эту икону привез в Тобольск кто-то из москвичей, оказавшихся в Сибири на службе или по торговым делам. Судя по значительному количеству прикладов можно предположить, что она появилась в Тобольске довольно давно, т. е. в конце XVI — начале XVII вв., и связана с ранним этапом почитания Василия Блаженного. По количеству прикладов она превосходила все остальные, отмеченные в ДК, включая и образы Николая Чудотворца. Очевидно, она считалась чудотворной и не исключено, что причиной этому стали известия о чудесах у мощей нового московского чудотворца.

Сюжеты и разные размеры «домовых» икон Воскресенской церкви свидетельствуют о том, что они в большинстве случаев не приобретались в определенном порядке приходской общиной, а были принесены разными людьми. В пользу

этого предположения говорит и тот факт, что встречается по несколько икон с одним и тем же сюжетом. Например, 2 образа Богородицы Одигитрии, 3 иконы Николая Чудотворца, 4 иконы Воскресения. Разнообразен круг святых, изображенных на «домовых» иконах — архангел Михаил и апостол Петр «на одной дщке», популярные в народе Фрол и Лавр, Параскева Пятница, а также Спиридон Тримифунский, почитавшийся как покровитель домашнего скота и крестьянского труда, и великий подвижник Русской земли Сергей Радонежский. В стоявшей рядом с Воскресенской небольшой Фрололаврской церкви также были «домовые» иконы, а именно 2 образа Воскресения, Богородица Казанская и Леонтий Ростовский.

В ы в о д ы

Таким образом, ДК позволяет сделать вывод о том, что к концу первой четверти XVII в. Тобольск являлся духовным центром Сибири, и это было связано не только с размещением здесь Сибирской кафедры. Тобольск существенно опережал другие города Урала и Сибири по количеству приходских храмов. Этот документ дает уникальную возможность получить представление о православном ландшафте города до того времени, когда он начал меняться в связи с перестройкой Софийского архиерейского двора и многочисленными пожарами, что в конечном итоге привело к переносу, а в ряде случаев и исчезновению ряда приходских храмов.

По принципам размещения церквей и монастырей Тобольск развивался в русле общероссийских традиций. Проекция на план Тобольска данных ДК о местонахождении приходских церквей и монастырей дает возможность сделать следующие наблюдения. Основная часть приходских церквей была сосредоточена в центральной части города на «старом городище» около Торгового взвоза, гостиного двора и торговых рядов. Еще одна группа церквей (Богородицерождественская и Никольская) возникла около второго взвоза, соединявшего верхнюю и нижнюю части города. Успенский и Знаменский монастыри были построены за пределами острога около основных въездов в него. Таким образом, приходские церкви оберегали въезды в верхний посад (где находилось историческое ядро Тобольска) и внутригородское пространство, в том числе и торговые места, а монастыри в силу более высокой степени благочестия должны были защищать входы в город, оберегать его от внешнего неблагоприятного воздействия. Очевидно, можно говорить о распределении сакральных защитных функций между объектами православного ландшафта. Вместе с тем, сакральное и обыденное были неразрывно связаны в повседневности средневекового Тобольска. Так, главной причиной переноса мужского монастыря стал трудный доступ к реке, а церкви около торговых мест нужны были и для обогрева торгующих зимой.

Посвящения престолов, выбор местных икон, приклады к особо почитаемым образам свидетельствуют о том, что самым популярным святым был Николай Чудотворец, что отражало ситуацию в целом в России. Наряду со святыми, имевшими общероссийскую популярность (Фрол и Лавр, Илия пророк, Параскева Пятница), в Тобольске имело место почитание русских святых, связанных

с отдельными местностями (Кирилл Белозерский, Прокопий Устюжский, Леонтий Ростовский, Василий Блаженный, Варлаам Хутынский). Переселяясь на новые земли русское население переносило культы святых, особо почитавшихся на их родине. Если сравнивать «представительство» в православном ландшафте Тобольска Господского и Богородичного циклов, то в храмоименованиях приходских и монастырских церквей наблюдается преимущество Господского цикла. Среди икон преобладали Богородичные образы, что было естественным для православного населения Тобольска. В народном сознании Богородица была вечной заступницей, ее образ был близок всем, независимо от того, был ли человек грамотен или нет. Именно с Богородицей связано большинство видений в Западной Сибири и наиболее известные чудотворные иконы.

Буцинский П. Н. Соч. : в 2 т. Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень, 1999. 328 с. [Bucinskij P. N. Soch. : v 2 t. T. 1. Zaselenie Sibiri i byt pervyh ee naseľnikov. Tjumen', 1999. 328 s.]

Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Урал. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 76–82. [Glavackaja E. M. Religioznyj landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstrukcii, metody issledovanija // Ural. ist. vestn. 2008. № 4 (21). S. 76–82.]

Грамматин Александр, священник. Богоявленская церковь Тобольска // Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 13–14, неофиц. ч. С. 287, 288, 3–14, 301. [Grammatin Aleksandr, svjashh. Bogojavlenskaja cerkov' Tobol'ska // Tobol'skie eparhial'nye vedomosti. 1891. № 13–14, neofic. ch. S. 287, 288, 3–14, 301.]

Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 3. Пермь, 1891. 186 с. [Dmitriev A. A. Permskaja starina. Выр. 3. Perm', 1891. 186 с.]

Дулов А. В., Саников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Ч. 1. Иркутск, 2006. 294 с. [Dulov A. V., Sannikov A. P. Pravoslavnaja cerkov' v Vostochnoj Sibiri v XVII – nachale XX vekov. Ch. 1. Irkutsk, 2006. 294 s.]

Кочедамов В. И. Тобольск (как рос и строился город). Тюмень, 1963. 156 с. [Kochedamov V. I. Tobol'sk (kak ros i stroilsja gorod). Tjumen', 1963. 156 s.]

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978. 190 с. [Kochedamov V. I. Pervye russkie goroda Sibiri. M., 1978. 190 с.]

Лимеров П. Ф., Соболева Л. С. Миссионерство и подвижнический труд Стефана Пермского // История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. М., 2012. С. 37–58. [Limerov P. F., Soboleva L. S. Missionerstvo i podvizhnicheskij trud Stefana Permskogo // Istorija literatury Urala. Konec XIV–XVIII v. M., 2012. S. 37–58.]

Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля : материалы и исследования. М., 1985. С. 17–23. [Lihachev D. S. Gradozashhitnaja semantika Uspenskih hramov na Rusi // Uspenskij sobor Moskovskogo kremlja : materialy i issledovanija. M., 1985. S. 17–23.]

Манькова И. Л. Маркеры российской государственности в православном ландшафте Урала и Сибири (конец XVI–XVII вв.) // Урал. ист. вестн. 2013. № 3 (40). С. 40–46. [Man'kova I. L. Markery rossijskoj gosudarstvennosti v pravoslavnom landshafte Urala i Sibiri (konec XVI–XVII vv.) // Ural. ist. vestn. 2013. № 3 (40). S. 40–46.]

Мельник А. Г. Описи церквей и монастырей как источник по истории почитания русских святых в XVI – начале XVII в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археологии. Материалы XXIV Междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 400–402. [Mel'nik A. G. Opisi cerkvej i monastyrej kak istochnik po istorii pochitanija russkih svjatyh v XVI – nachale XVII v. // Problemy diplomatiki, kodikologii i aktovoj archeologii. Materialy XXIV Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 2–3 fevralja 2012 g. M., 2012. S. 400–402.]

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. М., 2000. 796 с. [Miller G. F. Istorija Sibiri. T. II. M., 2000. 796 s.]

Нечаева М. Ю. Монастырские ландшафты Среднего Урала: исследовательские подходы и объекты наследия // Урал. ист. вестн. 2011. № 4 (33). С. 96–102. [Nechaeva M. Ju. Monastyrskie landshafty Srednego Urala: issledovatel'skie podhody i ob'ekty nasledija // Ural. ist. vestn. 2011. № 4 (33). S. 96–102.]

Покровский Н. Н. Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в. // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 77–86. [Pokrovskij N. N. Tri dokumenta po istorii cerkvi v Sibiri v XVII v. // Hristianstvo i cerkov' v Rossii feodal'nogo perioda (materialy). Novosibirsk, 1989. S. 77–86.]

Преображенский А. С. Василий Блаженный. Иконография // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 128–131. [Preobrazhenskij A. S. Vasilij Blazhennyj. Ikonografija // Pravoslavnaja jenciklopedija. T. 7. M., 2004. S. 128–131.]

ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. 382 с. [PSRL. T. 36: Sibirskie letopisi. Ch. 1: Gruppy Esipovskoj letopisi. M., 1987. 382 s.]

РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Д. 3, 5; Оп. 3. Д. 13. [RGADA. F. 214 (Sibirskij prikaz). Op. 1. D. 3, 5; Op. 3. D. 13.]

Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. Нач. XVIII в. Факсимильное воспроизведение, 2004. [Remezov S. U. Chertezhnaja kniga Sibiri. Nach. XVIII v. Faksimil'noe vosproizvedenie, 2004.]

Сулоцкий А. И. Описание церквей, существующих в г. Тобольске, и Тобольского Софийского собора // Сулоцкий А. И. Соч. : в 3 т. Т. 1. О церковных древностях Сибири / под ред. В. А. Чупина. Тюмень, 2000. С. 15–69. [Sulockij A. I. Opisanie cerkvej, sushhestvujushhij v g. Tobol'ske, i Tobol'skogo Sofijskogo sobora // Sulockij A. I. Soch. : v 3 t. T. 1. O cerkovnyh drevnostjakh Sibiri / pod red. V. A. Chupina. Tjumen', 2000. S. 15–69.]

Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. 144 с. [Tobol'sk. Materialy dlja istorii goroda XVII i XVIII stoletij. M., 1885. 144 s.]

Тобольский архиерейский дом в XVII веке / сост. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. 294 с. [Tobol'skij arhierejskij dom v XVII veke / sost. N. N. Pokrovskij, E. K. Romodanovskaja. Novosibirsk, 1994. 294 s.]

Чагин Г. Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004. 256 с. [Chagin G. N. Goroda Permi Velikoj Cherdyn' i Solikamsk. Perm', 2004. 256 s.]

Шишонко В. Пермская летопись. Период II. Пермь, 1882. 502 с. [Shishonko V. Permskaja letopis'. Period II. Perm', 1882. 502 s.]

Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М., 1946. 228 с. [Shunkov V. I. Oчерki po istorii kolonizacii Sibiri v XVII — nachale XVIII vekov. M., 1946. 228 s.]

Статья поступила в редакцию 21.03.2014 г.

УДК 377.2 + 377.36 + 67/68(470.23-25)

А. В. Келлер

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ XVIII – НАЧАЛА XX в.*

Выявлены основные тенденции развития ремесленного образования с 1722 г. по начало XX в. Показана роль цехов и государства в деле обучения учеников и становлении институтов начального и среднего профессионального образования среди ремесленников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цехи; городское ремесло; модернизация; ремесленники; мастеровые; ремесленные ученики; профессиональное ремесленное образование.

Инновационные элементы, введенные в эпоху усиленной трансформации российского общества во время петровских реформ, невозможно делить на «искусственные» и «оригинальные», т. к. усвоение знаний или методика применения новых технологий имеют зачастую универсальный характер, независимый от национальной специфики. Конечно, «чисто национальные» решения принципиально возможны, но при детальном рассмотрении петровских реформ должно признать, что их успех заключается прежде всего в их универсальном характере.

Карл Аймермахер, отметил, «что именно универсальный характер сходных форм сознания проявляется прежде всего во взаимодействии сходных и различных знаковых систем», что «семиотическая способность человека... находит выражение в том числе и в линиях развития и эволюционных возможностях культуры». Именно «в сознательном наложении или же комбинации элементарных и сложных знаковых комплексов... возникают новые, вторичные знаковые модели» [Аймермахер, с. 28–31]. Во время и после Петровских реформ прослеживается именно это «соединение или смешение различных знаковых систем» [Там же].

Любая реформа, будь она разработана иностранными специалистами или отечественными, с заимствованием иностранного или развитием собственного опыта, всегда является процессом, в ходе которого старые формы и содержание видоизменяются (модифицируются) или им на смену приходят новые, когда в процессе освоения, усвоения или адаптации происходит ассимиляция информации и ее интеграция в уже существующий «национальный» комплекс знаний и опыта. Последние, в свою очередь, становятся в процессе осознания, запечатления и практики неотъемлемой частью «национальной» специфики или «национального самосознания».

Новая столица Российской империи с самого начала ее существования стала тем экспериментальным пространством [см.: Schlögel], в котором с созданием цехов проходили введение, апробация и «подгонка» новых социальных

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

(самоуправление), профессиональных (введение технических стандартов) и образовательных (обучение учеников и подмастерьев) институтов [Keller, 2006]. В тесной связи с этим стояли вопросы ремесленного и технического образования.

В. Н. Татищев утверждал, согласно положениям меркантилизма, «что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности народа к рукоделиям...» [Татищев, с. 392]. Развитие «рукоделий», или ремесел, предусматривал именной указ 1722 г. о введении цехов в России, в котором был впервые законодательно закреплён статус ремесленного ученичества¹, но не был поставлен вопрос о ремесленном образовании. Методы и содержание обучения оставались личным делом каждого отдельного мастера. И все же контекст формулировки в петровском указе: «и освидетельствовать так, как в чужих краях» [ПСЗРИ-1, т. 6, № 3980], приобрел после присоединения остзейских провинций в 1721 г. согласно Ништадтскому мирному договору совершенно иное звучание. Теперь опыт цеховой организации ремесла не переносится на «русскую почву» исключительно из-за границы, но распространяется из западных областей Российской империи на ее прочие регионы. Остзейские провинции, а позднее Великое княжество Финляндское с 1809 г. и Царство Польское с 1815 г. стали теми площадками, где проходили апробацию социальные новации. Санкт-Петербург в данном случае был тем передаточным звеном, где данные социальные новации внедрялись и «обкатывались».

Вплоть до 1840-х гг. XIX в. ремесленное образование не являлось темой для обсуждения в правительственных и общественных кругах. К середине XIX в. деятелями новой педагогической науки уделяется все больше внимания роли «трудового», рукодельного или ремесленного обучения в народном образовании, когда обучение какому-либо ремеслу начинает занимать важное место в педагогических теориях и практике [см.: Ушинский].

Изменившееся к середине XIX в. «настроение умов» имело своим следствием не только развитие педагогической науки, но и распространение идей о «современном», соответствующем «духу времени» воспитании детей, что, в свою очередь, повлияло на усиление внимания к ремесленному образованию [Эймонтова]. Посмотрим на конкретных примерах, каким образом это сказывалось на законодательной деятельности правительства, а также в профессионально-ремесленной и общественно-культурной областях.

Пристальное внимание общественности и правительства к образованию ремесленных учеников имело и более конкретную причину. В результате постепенного ускорения индустриализации с 1860-х гг., наивысших темпов индустриального развития 1890-х и 1910–1913 гг. особенно остро стал чувствоваться недостаток технических специалистов в промышленности, рекрутировавшихся, в том числе, и из ремесленных мастеров и подмастерьев. Более того, принципы

¹ «...и учеников с гражданы не числить, и жить им в тех местах, сколько кто похочет, (а ученикам ранее семи лет не отходить, а по семи летам давать свидетельствованные письма, и освидетельствовать так, как в чужих краях)» [ПСЗРИ-1, т. 6, № 3980, с. 665; ср. № 3708].

ремесленного образования и ученичества были перенесены на фабрики и заводы почти в неизменном виде.

До XVIII в. условия ученичества в России не были законодательно оформлены. Срок ученичества определялся по традиции в 5 лет, реже в 3–4 года [Очерки..., 1985, с. 165]. Первые инициативы русского правительства в области обучения ремеслам в начале XVIII в. имели три причины.

Во-первых, ремесло как материальная база армии, флота и двора обеспечивало последние необходимым материалом (сукно) и продуктами (конская сбруя, снаряжение и иные изделия из кожи, изделия металлические и портновские). Этот аспект нашел свое законодательное оформление в сенатских указах 1731 [Очерки, 1985, с. 167; ПСЗРИ-1, т. 15, № 5757] и 1761 [ПСЗРИ-1, т. 15, № 11224] гг. Предписанное ранее обучение ремеслам рекрутов от 20 до 35 лет лишь отчасти дало желаемый результат. Иностранные ремесленники смогли наладить выпуск массовой продукции, необходимой для армии и флота, вводя, скорее всего, элементы поточного (мануфактурного) производства, когда подмастерья или рабочие получали лишь ограниченные навыки для производства какой-либо операции, отдельной детали, фрагмента, выкройки по лекалам. Такое производство не предполагало полноценного долгосрочного обучения, как это предусматривалось в цехах: пять лет учеником и три года подмастерьем с последующим экзаменом. Можно предположить, что иностранные мастера, приписанные к полкам, не были заинтересованы в обучении русских учеников, т. к. получали высокий оклад и не желали выращивать себе конкурентов. Косвенное подтверждение тому дает факт их тридцатилетнего существования при Кадетском корпусе, где они не выучили ни одного ремесленного ученика [см. ПСЗРИ-1, т. 15, № 5811, 11224].

При таких обстоятельствах было трудно говорить о подготовке профессиональных кадров в ремесле, мастеров, знающих в совершенстве свое ремесло, материалы и технологии. Видя это, правительство указом 1761 г. предписывает набрать в обучение в Первом Кадетском корпусе Петербурга 150 учеников гарнизонной школы в возрасте от 13 до 15 лет для потребностей армии. Сюда же на обучение ремеслам посылались дети служащих и дети лиц из свободного состояния того же Кадетского корпуса. Кроме обучения письму, чтению, математике, геометрии и рисованию, ученикам преподавался немецкий язык, т. к. «все хорошие мастеровые немцы, которые не довольно русского языка знающие» [ПСЗРИ-1, т. 15, № 11224, с. 670]. В контексте этих указов не следует забывать, как правило, «негативную» направленность большинства законов, издававшихся, чтобы решить определенную проблему.

Во-вторых, ремесло являлось в XVIII и XIX вв. одной из важнейших отраслей экономики любой европейской страны, не вступившей в фазу индустриальной революции. Это был традиционный институт социализации и главный источник дохода низших и средних слоев как городского, так и отчасти сельского населения, был важным социально-экономическим фактором в жизни страны.

В-третьих, преподавание ремесла было основным методом так называемого «трудового воспитания». Именно этим руководствовались основатели Воспитательного дома (1770) и Коммерческого училища (1772) Петербурга, где предусматривалось обучение «художествам и мастерствам» [Очерки..., 1985, с. 167].

Мотивы правительства, объясняющие его политику в области образования, основывались на принципах европейского Просвещения [Артамонова, с. 169, 177], предусматривавших гармоничное воспитание молодого поколения, в котором важная роль отводилась приобретению навыков ручного труда. Заслуга Жан-Жака Руссо и Дени Дидро заключалась именно в систематическом осмыслении взаимосвязи труда умственного и ручного (понимая всю условность деления труда на интеллектуальный и физический) в процессе воспитания как важнейшей предпосылки успешного развития ребенка. Поэтому понятно, что пребывание Дидро в Петербурге не ограничилось только беседами с императрицей², но имело большое символическое и декларативное значение для развития системы российского образования. Идеи Просвещения получили свое оформление в основании детских приютов, воспитанники которых обучались какому-либо ремеслу [Бецкой; Эймонтова]. Заметим, что задолго до того, в 20-е гг. XVIII в., об этом же, но в контексте основания горнозаводских школ на Урале, говорил В. Н. Татищев, считавший важным в обучении учеников сочетание теории и практики [Очерки..., 1985, с. 205].

«Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. включила в себя Ремесленное положение, впервые подробно описавшее и регламентировавшее в 123 статье в подпунктах 1–117 отношения мастеров, подмастерьев и учеников. Мастеру ученика предписывалось «учить порядочно, обходиться с ним человеколюбиво и сходственно здравому разсудку, без причины не наказывать, излишней и необыкновенной не по ремеслу работы на него не налагать самому, и семье своей не дозволять налагать» [ПСЗРИ-1, т. 22, № 16187]. Подмастерьям же и ученикам наказывалось «быть верными, послушными и почтительными к мастеру и его семье» [Там же].

В контексте идей Просвещения находится Устав уездных училищ 1804 г., предусматривавший предметы для привития навыков ручного труда [см.: Аминов, с. 26–28]. Но в данном случае было бы преувеличением говорить о полноценном ремесленном образовании. Эти предметы можно скорее сравнить с уроками труда в советской школе, дававшими навыки ручного труда, но далекими от полного ремесленного образования. С началом гражданских реформ 1860-х гг. правительство принимает конкретные меры по улучшению технического образования, стоящие в общем контексте развития технического образования в странах Европы и Америки [см.: Summerfeld; Hazon; Fox; Grootaers; Schlagenhaut; Day].

Указы 1869 г. «Об общественных организациях по распространению технических знаний», и 1888 г. «Основное положение о ремесленных училищах», разрешавшие организацию и регламентировавшие порядок учреждения промышленных или ремесленных училищ, создали необходимые законодательные предпосылки для возникновения системы низшего и среднего профессионально-технического образования в России и в частности в Петербурге, где находились старейшие и наиболее развитые по уровню подготовки преподавательского

² Жан-Жак Руссо придавал в воспитании особое значение ручному труду; Дени Дидро, во время пребывания в Санкт-Петербурге (1773–1774), написал по просьбе Екатерины II ряд заметок о воспитании («О школе для молодых девиц», «Об особом воспитании», «О публичных школах» и др.), имевших важное значение для развития педагогической мысли в России [Бильбасов].

состава и технического оборудования заведения подобного рода [Ремесленные училища..., с. 5, 21, 43–67; Указатель..., с. 55–71; Список..., с. 26, 30, 32, 36, 38].

Эти правительственные меры способствовали становлению профессионального ремесленного образования и выделению его из лона фабрик, заводов и ремесленных мастерских как самостоятельного подразделения в системе образования [Ремесленные курсы...].

До середины XIX в. вопросы образования ремесленных учеников, находящиеся непосредственно в ведении ремесленной управы российских цехов, оставались исключительно в ведении последних. Закрепленные буквой закона, они оставались личной прерогативой каждого конкретного мастера, в дела которого мог вмешаться старшина какого-либо ремесленного цеха или даже глава ремесленных цехов, но на практике этого не происходило. Постепенное осознание важности организации ремесленного образования, как правительством, так и ремесленной управой, привело к возникновению со стороны ремесленников различных инициатив.

Значение полноценного общего образования для русских ремесленников, среди которых к началу XIX в. было еще много безграмотных, особенно ясно осознавалось при сравнении с иностранными ремесленниками, экономическое положение которых было значительно лучшим [РГИА, ф. 1287, оп. 37, д. 135, л. 3]. Причем характерной чертой российской действительности было не наличие иностранных ремесленников как таковых, а их техническое и материальное превосходство над российскими ремесленниками, что признавалось последними, вплоть до середины XIX в. [см.: Очерки..., 2009, с. 8]. Образование формировало у ремесленника «хороший вкус» и помогало ему лучше следить за развитием моды. Эта связь между хорошим образованием и качеством продукта, отличительной особенностью которого была не только практическая, но и эстетическая компонента, стала со временем ясно осознаваться русскими ремесленниками [Тромонин; Ракеев, с. 20–22].

С 1840-х гг. именно цеховые ремесленники Петербурга стали настойчиво говорить о необходимости систематической организации ремесленного образования. На это же время приходится правительственные комиссии под началом барона Ю. Ф. Корфа, выявившие совершенно неудовлетворительное его состояние в ремесленных мастерских [Труды..., с. 79–80, 304]. Некая односторонность взгляда и предубеждения со стороны представителей технической интеллигенции и государства, резко критиковавших положение в ремесле, приводила к тому, что не принимались в расчет существенные отличия в качестве образования между различными ремеслами и мастерскими. Для них ремесленники — это представители «темного царства» [см.: Радецкий]. При этом именно из среды ремесленников раздавались голоса мастеров, понимавших важность повышения уровня общего образования среди ремесленных учеников. Для этих целей в Петербурге в 1836 и 1841 гг. правительством открываются две школы рисования для обучения детей основам черчения и рисования [Тюфилин, с. 13–14], а в 1876 г. по указу Александра II основано Центральное училище технического рисования, носящее сегодня имя престижной Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица [см.: Энциклопедия..., 1999; Энциклопедия Санкт-Петербург].

На необходимость повышения общего образовательного уровня ремесленных учеников указывал мастер ювелирных дел и старшина ювелирного цеха Гронмейер [Keller, 2002, S. 277; см. Труды...]. В своей брошюре, выпущенной в 1847 г. и посвященной проблемам образования в портновском ремесле, старшина цеха портных В. А. Резанов отмечал, что образование ремесленных учеников совершенно недостаточно и не соответствует современным требованиям. Задаваясь вопросом, почему русские ремесленники не могут конкурировать с иностранными, он отмечал низкий уровень образования учеников, которые, как правило, не имели возможности научиться читать и писать вне стен мастерской [РГИА, ф. 1287, оп. 37, д. 93; Резанов, с. 136].

Резанов пришел к выводу о необходимости организации ремесленного образования вне стен ремесленной мастерской. Ведь попытки улучшения ремесленного образования стояли в непосредственной связи с процессами становления системы общего образования в России того времени и связанными с этим реформами 1830-х гг., проводившимися министром народного просвещения П. Д. Киселевым. Здесь можно увидеть взаимосвязь между началом становления системы общего и ремесленного образования: начальных школ, школ рисования и ремесленных школ. Однако между пониманием проблемы и ее решением лежали десятилетия кропотливого ежедневного труда. Еще в 1889 г. фабричным инспектором Г. Ф. Ракеевым отмечалось неудовлетворительное положение дел [Тромонин, с. 10; Ракеев, с. 20–22].

Осознавая важность повышения образовательного уровня ремесленных учеников, ремесленный голова русских цехов Никита Максимович Комаров предложил в 1856 г. на заседании ремесленного отделения Петербургской Городской думы преобразовать «Приют для сирот и детей бедных ремесленников», содержащийся обществом ремесленников, в Александровскую школу, находившуюся впоследствии на полном содержании Ремесленной управы русских цехов [Дом..., 1887; 1896]. Несколькими годами позже, 23.11.1862, при школе последовало открытие интерната [Пятидесятилетний отчет..., с. 3–7, 9–11, 26–28].

Эта школа была первым неправительственным учебным заведением Петербурга, дававшим детям ремесленников полноценное ремесленное и общее начальное образование. Дата основания этой школы может по праву считаться началом «регулярного» ремесленного образования на общественной основе. Здесь, в специально оборудованных мастерских, преподавались столярное, токарное, кузнечное и литейное ремесла. Кроме того, в школе преподавались закон Божий, русский язык, арифметика, рисование, география, чистописание и музыка. К 1873 г. в школе-интернате обучалось 106 учащихся, в 1874 г. их число было увеличено до 200, а в 1887/88 г. оно достигло 242 [Отчет..., 1888, с. 125].

Всего с 1862 по 1912 гг. на содержание и обучение 2 344 ремесленных учеников было израсходовано 993 960 руб. или в среднем по 424 руб. на одного ученика. Помимо этого, на средства ремесленной управы содержалась «Бесплатная Воскресная рисовальная школа для детей цеховых ремесленников» [Пятидесятилетний отчет, с. 3–7, 9–11, 26–28]. Вероятно, эта школа была преобразована позже в Классы рисования и черчения, т. к. в годовом отчете ремесленной управы за 1903 г. она более не упоминается. В этих классах имелось в 1911 г. 200 учащихся,

а в кассе насчитывалось 60 000 руб. капитала. Этот капитал составил из годовых отчислений петербургских цехов. Так, за 1903 г. последовали среди прочих выплаты цеха портных — 1 297,5 руб., хлебопекарного — 1 020,25 руб. и серебряных дел и позаментного — 969 руб. [Отчет..., 1906, с. 167].

Кроме упомянутых мер по повышению уровня ремесленного образования уже известный ремесленный голова Н. М. Комаров вынес 5 июня 1858 г. на обсуждение ремесленного отделения Городской думы вопрос об издании журнала «Русский ремесленник», издававшегося Ремесленной управой с 1862 по 1864 гг. Характерна аргументация Комарова, вынесшего свои наблюдения из повседневной жизни. Задавшись вопросом, почему русские ремесленники представлены в основном в низкооплачиваемых ремеслах, требующих больших затрат физической силы и меньшей квалификации, тогда как иностранные ремесленники заняты в основной своей массе в ремеслах, требующих высокой квалификации, продукты которых оплачивались соответственно гораздо выше, он видит причину такой структурной дискриминации русского ремесла в недостаточном ремесленном образовании [Keller, 2002, S. 277–279; см.: Анопов].

Такое разделение труда поддерживалось закрепившимися в сознании «русской публики» ассоциативными и синонимическими рядами, заведомо определявшими оценки потенциальных покупателей в отношении «товара русского» и «товара иностранного», которым соответствовали такие оценочные определения как «плохой» и «хороший» [Keller, 2002, S. 278]. Комаров тут же отметил, что источником подобных представлений, имеющих под собою отчасти реальную основу, являются все-таки предрассудки, т. к. можно было привести достаточно примеров качественных продуктов русских ремесленных мастерских, не имевших пока массового характера. Комаров предлагал два способа устранения этих недостатков, а именно: создание ремесленных школ и печатного органа для русских ремесленников [Там же; см.: Резанов, с. 1].

Одним из образцовых учреждений в этой области явилось Ремесленное училище цесаревича Николая, преобразованное в 1875 г. из отделения Дома призрения бедных детей в профессионально-техническое учебное заведение для мальчиков преимущественно из бедных семей, готовившее мастеров-слесарей для развивающейся промышленности. Характерна при этом взаимосвязь, прослеживаемая между основанием детских приютов, домов призрения и ремесленным образованием. О качестве преподавания в Ремесленном училище цесаревича Николая говорит тот факт, что 26 марта 1900 г. по новому стилю Государственный совет вынес решение об учреждении на его базе механико-оптического и часового отделения. Впоследствии на базе училища был создан Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики [Основные вехи...].

Успех правительственных мер и дополнявших их частных инициатив привел к появлению в начале XX столетия разветвленной сети профессионально-технических учебных заведений. Специфика системы профессионально-технического образования до 1917 г. заключалась в том, что часть ремесленных и технических учебных заведений подчинялась министерству народного просвещения, другая — министерству торговли и промышленности. Первому были

подведомственны 249 учебно-профессиональных заведений, многие из которых находились в Петербурге [Тюфилин, с. 13–15]. Они подразделялись на четыре категории: профессиональные учебные заведения по уставу 1889 г., общеобразовательные школы для ремесленных учеников, начальные профессиональные школы и профессиональные школы с особыми уставами. В 1904 г. в данных заведениях обучалось при имевшихся 8 154 местах 6 942 ученика [Современное состояние..., с. 6, 31]. Такое соотношение имеющихся мест и наличного состава учеников не должно приводить в заблуждение относительно повышенного спроса на обучение в подобных учреждениях. Ведь многие из них были платными, что было существенным препятствием для поступления в них детей из малоимущих семей [см.: К вопросу..., с. 88–103; Краткие сведения...; Кронгауз; Кузьмин].

Интересно процентное соотношение 96 учебных заведений подобного рода из общего числа 249, подавших в 1904 г. отчеты для обсуждения на 3-м съезде русских деятелей по техническому и ремесленному образованию, относительно количества преподаваемых ремесел: в 27 % из них преподавалось лишь одно ремесло, в 47 % — два, в 19 % — три, в 7 % — более трех ремесел. Можно предположить, что многопрофильные учебные заведения с несколькими профессиями находились именно в обеих столицах, а также в таких крупных городах, как Казань, Харьков и Одесса [Современное состояние..., с. 5; см.: Магсумов; Маленко; Положение...].

Эти усилия приносят свои плоды. Вопреки часто встречающемуся негативному мнению ученых, литераторов, видных общественных деятелей того времени по отношению к общему уровню грамотности (умение читать и писать) среди ремесленников, исследование Г. И. Архангельского, проведенное в 1869 г., показало, что на первом месте по уровню грамотности среди женщин (средний показатель 47 %) находились именно представительницы ремесленного сословия (54 %). Им следовали разночинцы (46 %), мещане (38 %), крестьяне и семьи армейских служащих (соответственно по 26 %). Следовательно, по уровню грамотности среди женщин ремесленное сословие уступало только дворянскому и купеческому [Архангельский, с. 60].

Всероссийские ремесленные выставки 1875 и 1899 гг. и всероссийские съезды русских ремесленников 1900 и 1911 гг., прошедшие в Петербурге, показали реальные успехи на поприще ремесленного производства и появление целого ряда русских ремесленных мастерских, по праву заслуживших поставить на своих товарах клеймо «made in Russia»³.

К концу XIX в. наблюдается принципиальный сдвиг в общественном сознании в понимании необходимости ремесленных общеобразовательных заведений.

³ Впервые клеймо «Made in Germany» появилось в конце XIX в. по инициативе Англии для защиты от дешевых товаров плохого качества, импортировавшихся из Германии. Сегодня, напротив, оно служит для многих знаком качества. К примеру, на Всемирной выставке в Филадельфии в 1876 г. участник жюри из Германии Франц Рёло (Franz Reuleaux) поставил свое заключение по поводу качества немецких экспонатов: «Немецкие товары дешевые и плохие» [Braun]. Неоднозначность ситуации показывает случай слесаря Иоганна фон Циммерманна из Хемница, основоположника металлорежущего машиностроения. На Всемирной выставке в Лондоне в 1862 г. были представлены его машины, положившие конец монополии английских машин на европейском рынке. Известный участник жюри Джозеф Витуорт назвал машины Циммерманна «very good indeed» («действительно очень хорошие») [Spur].

Последние основывались теперь не только общественными и государственными учреждениями, но и частными лицами вне цеховой ремесленной среды, как в благотворительных и воспитательных, так и в коммерческих целях. Показателен состав участников на Всероссийской ремесленной выставке 1899 г., на которой было представлено множество частных ремесленных учебных заведений Петербурга, подведомственных Министерству торговли и промышленности [Указатель..., с. 55–71]. По состоянию на 1914 г. к ним добавляются заведения П. И. Межерича, В. П. Панова, И. А. Гаврилова, Н. П. Львова, М. А. Шуммера, а также Женская городская ремесленная школа имени В. А. Крылова. Министерству также были подотчетны Петроградские политехнические курсы, курсы для ткачей-подмастерьев и курсы для таких относительно новых профессий как электротехники и электромонтеры, организованные Петроградским Товариществом профессоров и преподавателей [Список..., с. 26, 30, 32, 36, 38].

С конца XIX в. уделяется все большее внимание вопросам женского образования [см.: О состоянии...; Отчет..., 1894]. Для преодоления гендерных ограничений в системе начального образования, и в особенности для девочек из бедных семей, в Петербурге появляются учебные заведения для этой категории населения. Так, по инициативе Антона Путвинского, председателя «Общества распространения ремесленного образования среди бедного населения» (основано в 1903 г.) при Императорском человеколюбивом обществе в Петербурге в 1906 г. была основана 1-я ремесленная школа для женщин. Путвинский, несмотря на явное непонимание среди большинства представителей среднего и низшего слоев населения необходимости общего образования для девочек, добился введения в учебную программу этой школы естественнонаучных и гуманитарных предметов. О насущной необходимости подобных учебных заведений говорит факт роста численности учениц за короткий срок с 1906 по 1908 гг. с 80 до 136 [Доклад..., с. 1–3; III-й отчет..., с. V–VII].

Несмотря на растущую активность, выражавшуюся, в частности, в форме выдачи стипендий общественных и благотворительных организаций в деле ремесленного и общего образования, эти инициативы были совершенно недостаточны ввиду бурного промышленного роста, под которым должно понимать не только быстрое увеличение численности предприятий крупной промышленности, но и значительный рост численности ремесленных мастерских. По числу основанных предприятий в 1881/82, 1883/84, 1885, 1887/88 и в 1897 гг. ремесленные мастера и ремесленники вне цехов опережали все остальные социальные слои купечества, мещанства и крестьян, что составляет в процентном выражении 32,2 %, 42,5 %, 35,9 %, 32,2 % и 32,1 % от общего числа [Keller, 2002, S. 526].

Именно ремесленные временные мастера русских цехов и подмастерья, десятилетиями боровшиеся за равные права с вечными мастерами внутри цехов, активно выступили после революции и демократических реформ 1905–1906 гг. инициаторами профсоюзного движения, профессионального образования и социальной защиты. Так, петербургское «Общество ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров и торговцев» в 1912 г. учредило дочернее «Общество распространения художественно-ремесленного образования», которое, в свою очередь, занималось организацией учебных мастерских и курсов в столице [Устав..., с. 3–4].

Императорское Российское Техническое общество (ИРТО), существовавшее с 1866 по 1917 гг., внесло значительный вклад в развитие профессионально-технического образования. С 1868 г. Постоянная комиссия по техническому образованию при ИРТО стала важным институтом по организации профессиональных учебных заведений. Ею осуществлялись методические разработки по техническому и профессиональному образованию [Михайлов]. С Постоянной комиссией сотрудничали видные предприниматели, ученые и педагоги. В 1889, 1895 и 1904 гг. комиссия проводила Всероссийские съезды по техническому и профессиональному образованию. С 1892 г. Комиссией издавался журнал «Техническое образование». В результате ее деятельности в России к 1917 г. более чем в 50 учебных заведениях обучалось 8 тыс. учащихся и преподавало 500 педагогов [Бим-Бад, с. 209].

Подводя итог сказанному, можно заключить, что до 1917 г. в Петербурге сложилась разветвленная сеть учебных заведений профессионально-технического профиля, выполнявшая функции воспроизводства образованных и профессионально развитых рабочих кадров в соответствии с требованиями рынка труда и развитием научно-технического прогресса. Полное общее и профессиональное (ремесленное) образование повышало конкурентоспособность выпускников этих учебных заведений на рынке и позволяло занимать специальные ниши, дополнявшие крупное промышленное производство [см.: Ремесленные курсы...; Ремесленные училища; Современное состояние...]. Более того, во многих отраслях промышленности вплоть до 1920-х гг. ремесленники оставались основными поставщиками продуктов питания и предметов первой необходимости: одежды, обуви, домашней утвари. Не случайно именно экспроприированные ремесленники составили после революции 1917 г. костяк специалистов низшего и среднего звена на заводах и фабриках Петрограда.

На протяжении десятилетий за время с 1860-х гг. в результате деятельности правительства, энтузиазма частных лиц, членов благотворительных (дома трудолюбия, детские приюты), профессиональных (ремесленные управы) и научных технических обществ (ИРТО) была создана солидная материальная и теоретическая база⁴, на основе которой, при должной и эффективной организации имевшихся ресурсов, стало возможным массовое обучение профессиональных кадров.

Заглядывая вперед, можно сказать, что, несмотря на значительный прогресс в развитии низшего и среднего профессионально-технического образования в России, открытие правительством в XVIII и XIX вв. ряда ремесленных учебных заведений, постоянная нехватка технических специалистов наблюдалась вплоть до 1930-х гг., когда была налажена их массовая подготовка. Вместе с тем наблюдалось ухудшение качества профессионально-технического образования и снижение престижности получения теперь уже рабочей, а не ремесленной профессии в связи с «увеличением дистанции между системами общего

⁴ К 1908 г. в России имелось 27 ремесленных училищ в ведении МНП и 75 училищ, работавших по особому учрежденным уставам, в которых обучалось около 14 тыс. учащихся, а также 70 частных ремесленных училищ, работавших под контролем правительственных органов [Энциклопедия..., 1999, с. 42].

и профессионально-технического образования» [Леднев, с. 50]. Ремесленники как самостоятельные производители перестали существовать и деградировали в работников домов бытового обслуживания или вели свое существование в нишах декоративно-прикладного искусства.

III-й отчет о деятельности Общества распространения ремесленного образования среди бедного населения за 1906 год. СПб., 1907. [III-j otchet o dejatel'nosti Obshhestva rasprostraneniya remeslennogo obrazovaniya sredi bednogo naselenija za 1906 god. SPb., 1907.]

Аймермакер К. Знак. Текст. Культура. М., 1997. 258 с. [Ajmermakher K. Znak. Tekst. Kul'tura. M., 1997. 258 s.]

Аминов Т. М. Преподавание ручного труда в учебных заведениях дореволюционной России // Становление и развитие ремесленничества и профессионального ремесленного образования в России : сб. науч. ст. IV междунар. НПК. Екатеринбург, 2011. С. 26–28. [Aminov T. M. Prepodavanie ruchnogo truda v uchebnyh zavedenijah dorevoljucionnoj Rossii // Stanovlenie i razvitie remeslennichestva i professional'nogo remeslennogo obrazovaniya v Rossii : sb. nauch. st. IV mezhdunar. NPK. Ekaterinburg, 2011. S. 26–28.]

Анопов И. А. Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. СПб., 1889. [Anopov I. A. Opyt sistematicheskogo obzrenija materialov k izucheniju sovremennogo sostojaniya srednego i nizshogo tehničeskogo i remeslennogo obrazovaniya v Rossii. SPb., 1889.]

Артамонова Л. М. Просвещение как составная часть модернизации России в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы истории России : исторический источник и исторический контекст : сб. науч. тр. Вып. 10. / Д. А. Редин (отв. ред.) Екатеринбург, 2013. С. 159–178. [Artamonova L. M. Prosveshhenie kak sostavnaja chast' modernizacii Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. // Problemy istorii Rossii : istoricheskij istochnik i istoricheskij kontekst : sb. nauch. tr. Vyp. 10. / D. A. Redin (otv. red.) Ekaterinburg, 2013. S. 159–178.]

Архангельский Г. И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. Кн. 2 (июнь), ч. 3. СПб., [1869]. С. 33–85. [Arhangel'skij G. I. Zhizn' v Peterburge po statisticheskim dannym // Arhiv sudebnoj mediciny i obshhestvennoj gigieny. Kn. 2 (ijun'), ch. 3. SPb., [1869]. S. 33–85.]

Бецкой И. И. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России, обоого пола благородного и мещанского юношества: С прочими в пользу о-ва установлениями. Т. 1–3. СПб., 1789–1791. [Beckoj I. I. Sobranie uchrezhdenij i predpisanij, kasatel'no vospitanija v Rossii, oboego pola blagorodnogo i meshhanskogo junoshestva: S prochimi v pol'z o-va ustanovlenijami. T. 1–3. SPb., 1789–1791.]

Бильбасов В. А. Дидро в Петербурге. СПб., 1884. 325 с. [Bil'basov V. A. Didro v Peterburge. SPb., 1884. 325 s.]

Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. [Bim-Bad B. M. Pedagogicheskij jenciklopedicheskij slovar'. M., 2002.]

Доклад инспектора училища Авдия Ивановича Сковородова. [СПб., 1908]. [Doklad inspektora uchilishsha Avdija Ivanovicha Skovorodova. [SPb., 1908].]

Дом призрения и ремесленного образования бедных детей в Петербурге. СПб., 1887. [Dom prizrenija i remeslennogo obrazovaniya bednyh detej v Peterburge. SPb., 1887.]

Дом призрения и ремесленного образования бедных детей в Петербурге. СПб., 1896. [Dom prizrenija i remeslennogo obrazovaniya bednyh detej v Peterburge. SPb., 1896.]

К вопросу о ремесленном обучении преимущественно детей // Детская помощь. 1885. С. 88–103. [K voprosu o remeslennom obuchenii preimushhestvenno detej // Detskaja pomoshh'. 1885. S. 88–103.]

Краткие сведения, касающиеся введения и распространения ручного труда в С.-Петербургских детских приютах. СПб., 1899. [Kratkie svedenija, kasajushhiesja vvedeniya i rasprostraneniya ruchnogo truda v S.-Peterburgskih detskih prijutah. SPb., 1899.]

Кронгауз А. Фабрично-заводские и ремесленные ученики в царской России // Ист. журн. 1941. Т. 2. С. 99–101. [Krongauz A. Fabrichno-zavodskie i remeslennye ucheniki v carskoj Rossii // Ist. zhurn. 1941. T. 2. S. 99–101.]

Кузьмин М. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск, 1971. 280 с. [Kuz'min M. N. Nizshee i srednee special'noe obrazovanie v dorevoljucionnoj Rossii. Cheljabinsk, 1971. 280 s.]

Леднев В. П. Профессионально-педагогическое образование на Урале: становление и развитие. Екатеринбург, 2004. 141 с. [Lednev V. P. Professional'no-pedagogicheskoe obrazovanie na Urale: stanovlenie i razvitie. Ekaterinburg, 2004. 141 s.]

Магсумов Т. А. Казанское ремесленное училище в конце XIX — начале XX века: проблемы функционирования ремесленного образования // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 41–46. [Magsumov T. A. Kazanskoe remeslennoe uchilishhe v konce XIX — nachale XX veka: problemy funkcionirovanija remeslennogo obrazovanija // Vestn. Cheljab. gos. un-ta. 2009. № 10 (191). Istorija. Vyp. 39. S. 41–46.]

Маленко А. Т. К вопросу о подготовленности мастеров ремесленного обучения дореволюционной профессиональной школы России // Некоторые вопросы истории педагогики. Вып. 13. М., 1971. С. 33–43. [Malenko A. T. K voprosu o podgotovlennosti masterov remeslennogo-obuchenija dorevoljucionnoj professional'noj shkoly Rossii // Nekotorye voprosy istorii pedagogiki. Vyp. 13. M., 1971. S. 33–43.]

Михайлов В. В. Итоги 25-й летней деятельности Постоянной комиссии по техническому образованию // Техническое образование. № 8. СПб., 1893. [Mihajlov V. V. Itogi 25-j letnej dejatel'nosti Postojannoj komissii po tehničeskomu obrazovaniju // Tehničeskoe obrazovanie. № 8. SPb., 1893.]

О состоянии 1-го женского ремесленного училища общества распространения ремесленного образования среди бедного населения. Доклад инспектора училища Авдия Ивановича Сквородова. [СПб., 1908]. [O sostojanii 1-go zhenskogo remeslennogo uchilishha obshhestva rasprostraneniya remeslennogo obrazovanija sredi bednogo naselenija. Doklad inspektora uchilishha Avdija Ivanovicha Skovorodova. [SPb., 1908].]

Основные вехи истории университета в картинках и лицах [Электронный ресурс]. URL: <http://voenmeh.ru/university/history/story> (дата обращения: 21.01.2014). [Osnovnye vehi istorii universiteta v kartinkah i lichah [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://voenmeh.ru/university/history/story> (data obrashhenija: 21.01.2014).]

Отчет о деятельности Общества распространения ремесленного образования среди бедного населения за 1906 год. СПб., 1907. [Otchet o dejatel'nosti Obshhestva rasprostraneniya remeslennogo obrazovanija sredi bednogo naselenija za 1906 god. SPb., 1907.]

Отчет Санкт-Петербургского общества поощрения женского художественно-ремесленного труда 1893–1894. СПб., 1894. [Otchet Sankt-Peterburgskogo obshhestva pooshhrenija zhenskogo hudozhestvenno-remeslennogo truda 1893–1894. SPb., 1894.]

Отчет Санкт-Петербургской ремесленной управы за 1887. СПб., 1888. [Otchet Sankt-Peterburgskoj remeslennoj upravu za 1887. SPb., 1888.]

Очерки истории технических наук в Санкт-Петербурге (XVIII–XIX вв.) / отв. ред. Ю. Ф. Тарасюк. СПб., 2009. 434 с. [Ocherki istorii tehnicheskikh nauk v Sankt-Peterburge (XVIII–XIX vv.) / отв. red. Ju. F. Tarasjuk. SPb., 2009. 434 s.]

Очерки русской культуры XVIII века / ред. Б. А. Рыбаков. Т. 1. М., 1985. 384 с. [Ocherki russkoj kul'tury XVIII veka / red. B. A. Rybakov. T. 1. M., 1985. 384 s.]

Положение учеников ремесленных училищ в дореволюционной Твери // Красный архив. 1941. Т. 1 (104). С. 143–150. [Polozhenie uchenikov remeslennyh uchilishh v dorevoljucionnoj Tveri // Krasnyj arhiv. 1941. T. 1 (104). S. 143–150.]

ПСЗРИ-1. Т. 6 (1720–1722). № 3708 — Регламент или устав Главного Магистрата от 16.01.1721. СПб., 1830. С. 291–309. [PSZRI-1. T. 6 (1720–1722). № 3708 — Reglament ili ustav Glavnogo Magistrata ot 16.01.1721. SPb., 1830. S. 291–309.]

ПСЗРИ-1. Т. 6 (1720–1722). № 3980 (27.04.1722) — Именной: О цехах. С. 664–665. СПб., 1830. [PSZRI-1. T. 6 (1720–1722). № 3980 (27.04.1722) — Imennoj: O cehah. S. 664–665. SPb., 1830.]

ПСЗРИ-1. Т. 15. № 5757 от 17.05.1731 — О распределении малолетних детей отставных солдат в гарнизонные школы, а годных в службу по полкам. [PSZRI-1. Т. 15. № 5757 от 17.05.1731 — O raspredelenii maloletnih detej otstavnyh soldat v garnizonnye shkoly, a godnyh v sluzhbu po polkam.]

ПСЗРИ-1. Т. 15. № 5811 от 29.07.1731 — Об учреждении Кадетского Корпуса. [PSZRI-1. Т. 15. № 5811 от 29.07.1731 — Ob uchrezhdenii Kadetskogo Korpusa.]

ПСЗРИ-1. Т. 15. № 11224 от 27.03.1761 — О числе учеников, определяемых к обучению ремеслам при Кадетском Корпусе. [PSZRI-1. Т. 15. № 11224 от 27.03.1761 — O chisle uchenikov, opredeljaemyh k obucheniju remeslam pri Kadetskom Korpuse.]

ПСЗРИ-1. Т. 22 (1784–1788). № 16187 (21.04.1785) — Грамота на права и выгоды городам Российской империи. СПб., 1830. С. 358–384. Там же: № 16188. Ремесленное положение. [PSZRI-1. Т. 22 (1784–1788). № 16187 (21.04.1785) — Gramota na prava i vygody gorodam Rossijskoj imperii. SPb., 1830. S. 358–384. Ibid.: № 16188. Remeslennoe polozhenie.]

Пятидесятилетний отчет Александровской школы для детей бедных ремесленников С.-Петербургского ремесленного общества. СПб., 1912. [Pjatidesjatiletnij otchet Aleksandrovskoj shkoly dlja detej bednyh remeslennikov S.-Peterburgskogo remeslennogo obshhestva. SPb., 1912.]

Радецкий И. М. Мученики темного царства. Ответы на вопросы о положении ремесленных детей. СПб., 1894. 44 с. [Radeckij I. M. Mucheniki temnogo carstva. Otvety na voprosy o polozhenii remeslennyh detej. SPb., 1894. 44 s.]

Ракеев Г. Ф. Об ученичестве у мастеров // Труды общества для содействия русской промышленности и торговли. Записки V. Отделения по кустарной и ремесленной промышленности 1889–1891. СПб., 1892. [Rakeev G. F. Ob uchenichestve u masterov // Trudy obshhestva dlja sodejstvija russkoj promyshlennosti i torgovle. Zapiski V. Otdelenija po kustarnoj i remeslennoj promyshlennosti 1889–1891. SPb., 1892.]

РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 93 (По проектам мастеров). [RGIA. F. 1287. Op. 37. D. 93 (Po proektam masterov).]

Резанов В. А. Взгляд на ход портного мастерства в России. СПб., 1847. [Rezanov V. A. Vzgljad na hod portnogo masterstva v Rossii. SPb., 1847.]

Ремесленные курсы для народных учителей при императорском русском техническом обществе 188–1881. СПб., 1881. [Remeslennye kursy dlja narodnyh uchitelej pri imperatorskom russkom tehničeskome obshhestve 188–1881. SPb., 1881.]

Ремесленные училища. Школы ремесленных учеников. СПб., 1909. [Remeslennye uchilishha. Shkoly remeslennyh uchenikov. SPb., 1909.]

Современное состояние ремесленных учебных заведений по данным 3-го съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России (декабрь 1903 — январь 1904). СПб., 1904. [Sovremennoe sostojanie remeslennyh uchebnyh zavedenij po dannym 3-go s'ezda russkih dejatelej po tehničeskomu i professional'nomu obrazovaniju v Rossii (dekabr' 1903 — janvar' 1904). SPb., 1904.]

Список ремесленных и технических учебных заведений ведомства министерства торговли и промышленности. Петроград, 1914. [Spisok remeslennyh i tehničeskikh uchebnyh zavedenij vedomstva ministerstva torgovli i promyshlennosti. Petrograd, 1914.]

Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. 464 с. [Tatishhev V. N. Izbrannye proizvedenija. L., 1979. 464 s.]

Тромонин К. О художестве в ремеслах. М., 1846. [Tromonin K. O hudozhestve v remeslah. M., 1846.]

Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Т. 1–3. СПб., 1863. [Trudy komissii, uchrezhdennoj dlja peresmotra ustavov fabrichnogo i remeslennogo. T. 1–3. SPb., 1863.]

Тюфилли А. М. Записка о состоянии ремесленности. Казань, 1906. [Tjufilin A. M. Zapiska o sostojanii remeslennosti. Kazan', 1906.]

Указатель С.-Петербургской ремесленной выставки 1899 г. СПб., 1899. 71 с. [Ukazatel' S.-Peterburgskoj remeslennoj vystavki 1899 g. SPb., 1899. 71 s.]

Устав общества распространения художественно-ремесленного образования. СПб., [1912]. [Ustav obshhestva rasprostranenija hudozhestvenno-remeslennogo obrazovanija. SPb., [1912].]

Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. М., 2004. 574 с. [Ushinskij K. D. Chelovek kak predmet vospitanija. Opyt pedagogicheskoi antropologii. M., 2004. 574 s.]

Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России: (50–60-е гг. XIX в.). М., 1998. 407 с. [Jeimontova R. G. Idei prosveshhenija v obnovljajushhejsja Rossii: (50–60-e gg. XIX v.). M., 1998. 407 s.]

Энциклопедия профессионального образования. Т. 3. М., 1999. 486 с. [Jenciklopedija profesional'nogo obrazovanija. T. 3. M., 1999. 486 s.]

Энциклопедия Санкт-Петербург. С. В. Боглачев. Центральное училище технического рисования А. Л. Штигица [Электронный ресурс]. URL: <http://encspb.ru/object/2804028810> (дата обращения: 05.02.2014). [Jenciklopedija Sankt-Peterburg. S. V. Boglachev. Central'noe uchilishhe tehničeskogo risovanija A. L. Shtiglica [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://encspb.ru/object/2804028810> (data obrashhenija: 05.02.2014).]

Braun H.-J. Billig und schlecht? Franz Reuleaux' Kritik an der deutschen Industrie und seine wirtschaftspolitischen Vorschläge 1876/77 // Kultur und Technik, 9. Jahrgang 1985, Heft 2. S. 106–114.

Day Ch. R. Schools and work. Technical and vocational education in France since the Third Republic. Montreal [u.a.], 2001. 236 p.

Fox R., Guagnini A. Education, technology and industrial performance in Europe: 1850–1939. Cambridge, 1993. 302 p.

Grootaers D. Histoire de l'enseignement technique et professionnel en Belgique: 1860–1960. Bruxelles, 1994.

Hazon F. Storia della formazione tecnica e professionale in Italia. Roma, 1991.

Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Frankfurt am Main u. a., 2002. 601 S.

Keller A. Die Zünfte in Russland und die Anfänge der städtischen Selbstverwaltung // Burghart Schmidt (Hg.). Mittelständische Wirtschaft, Handwerk und Kultur im baltischen Raum. Von der Geschichte zur Gegenwart und Zukunft. Hamburg, 2006. S. 227–231.

Schlagenhauf W. Historische Entwicklungslinien des Verhältnisses von Realschule und technischer Bildung: von den Anfängen bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1997. 496 S.

Schlögel K. Petersburg. Das Laboratorium der Moderne 1909–1921. München, 2002. 702 S.

Spur G. Vom Wandel der industriellen Welt durch Werkzeugmaschinen, eine kulturgeschichtliche Betrachtung der Fertigungstechnik. München ; Wien, 1991. 628 S.

Summerfield P. Technical education and the state since 1850: historical and contemporary perspectives. Manchester, 1990. 188 p.

Статья поступила в редакцию 27.03.2014 г.

УДК 27-725 + 395.3 + 329.3

А. В. Мангилева

БЕЛОЕ ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ СОСЛОВИЯ К ПРОФЕССИИ*

Рассматривается процесс формирования сословного самосознания в среде белого православного духовенства, анализируется соотношение сословного и профессионального компонентов в самосознании этой социальной группы к концу имперского периода истории России.

Ключевые слова: приходское духовенство; сословие; профессия; образование; иерархия; общественные организации.

Поскольку не существует общепризнанного определения сословия, то и вопрос о временных границах существования сословий в Российском государстве до сих пор является дискуссионным. В настоящей работе будут рассматриваться те признаки сословия, которые не вызывают возражений у исследователей. Если говорить об особом правовом статусе, то сословные привилегии у духовенства появляются во второй половине XVII в. [Стефанович, с. 232], тогда как наследственность духовного звания *de facto* возникает еще раньше [Баловнев, с. 258]. В то же время формально духовное сословие долгое время было открыто на входе, у приходской общины существовало право выбора кандидатов на церковные должности, которое было признано и Духовным регламентом. С этой точки зрения говорить об окончании формирования духовного сословия можно лишь с конца XVIII в., когда официально будут запрещены приходские выборы священников (1797), а военные разборы и меры по повышению уровня образования духовенства практически полностью исключат из сословия податные элементы.

Сам состав сословия был достаточно сложен, поскольку в него входило как черное, так и белое духовенство. Поскольку монашеский статус не наследовался, то не все историки признают черное духовенство частью духовного сословия [Миронов, т. 1, с. 98]. Ответ на вопрос о принадлежности монашества к духовному сословию не имеет принципиального значения для заявленной темы (поскольку речь пойдет только о белом духовенстве), но можно отметить, что, несмотря на то, что, как в глазах общества, так и с точки зрения законодательства, черное и белое духовенство принадлежало к одному «состоянию», на протяжении имперского периода истории России между ними нарастает конфронтация. Наиболее ярко она проявилась в двух нашумевших зарубежных изданиях — книге священника И. С. Белюстина «Описание сельского духовенства» (1858) и работе профессора богословия Д. И. Ростиславова «О православном белом и черном духовенстве в России» (1866). Причем, если священник просто пишет

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдичионной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013.

о приниженном положении, в котором находится приходское духовенство по отношению к монашествующим и мирянам, служащим в церковном ведомстве, то профессор пытается проследить истоки неравенства и разногласий между двумя группами духовенства.

Характерно, что обе книги появились в царствование Александра II, а главным событием, произошедшим в промежуток времени между их изданием, стала отмена крепостного права, ознаменовавшая собой начало реформ, направленных на формирование гражданского общества и разрушение сословного строя. В 1869 г. сыновья духовенства были исключены из состава сословия с правом выбирать себе род службы. Уставы духовных семинарий (1867) и академий (1869) позволяли поступать в эти учебные заведения представителям всех сословий православного исповедания. Таким образом, наследственность как основа существования сословия была разрушена, но, тем не менее, абсолютное большинство духовных лиц в последующем были выходцами из семей духовенства.

В этой связи интерес представляет не столько формальная сторона дела — законодательно закрепленное разрушение сословных границ и превращение церковного служения в профессию, доступную при получении соответствующего образования любому представителю конфессии, — сколько самоощущение духовенства, соотношение в его самооценке сословных и профессиональных черт.

По мнению П. С. Стефановича, формирование духовного сословия в Московском государстве «не основывалось на развитии феодальных прав и привилегий, сословного самосознания и корпоративных интересов» [Стефанович, с. 317]. При этом автор в своей работе перечисляет привилегии, которыми обладало духовенство к концу XVII в. (см. выше), пишет и об элементах сословного самоуправления [Там же, с. 212–231], так что, возможно, корректнее было бы говорить о слабой выраженности сословного самосознания и корпоративных интересов в это время. Б. Н. Миронов, отстаивающий тезис о раннем развитии сословного самосознания у духовенства, приводит пример из жизни святителя Тихона Задонского, относящийся к первой половине XVIII в., доказывающий формирование у духовенства чувства сословной чести. Другие факты, приводимые в поддержку этого тезиса [Миронов, т. 1, с. 102]¹, выглядят скорее доказательством того, что сословное самосознание у духовенства к концу XVIII в. было развито слабо, поскольку все они свидетельствуют лишь о стремлении либо подражать дворянству, либо добиться увеличения количества способов получить дворянство.

¹ Более интересный пример (относящийся к рубежу XVIII–XIX вв.) выделения духовенством себя как особой группы, отличной и от низов, и от верхов, приводит В. М. Живов. Он цитирует письмо митрополита Платона (Левшина) митрополиту Амвросию (Подобедову): «Чтоб на русском языке у нас в училище лекции преподавать, я не советую. Наши духовные и так от иностранцев почитаются почти неучеными, что ни по французски, ни по немецки говорить не умеем. Но еще нашу поддерживает честь, что мы говорим по латыне и переписываемся. Ежели же латинскому учиться так, как греческому, то и последнюю честь потеряем, поелику ни говорить, ни переписываться не будем ни на каком языке; прошу сие оставить». Автор статьи комментирует этот отрывок следующим образом: «Образованность отчетливо выступает здесь как социальная привилегия, которую нужно сохранять и поддерживать из опасения слиться с социальными низами; вместе с тем латинская образованность духовенства имплицитно противопоставляется новоевропейской образованности элиты, причем подразумевается ее ущербность с точки зрения этой последней (хотя эта точка зрения и приписана “иностранцам”» [Живов].

Уральский материал в целом также доказывает, что сословное самосознание у духовенства к началу XIX в. было развито слабо. Зачатки сословного чувства чести проявлялись в стремлении отделить себя от низших социальных групп, что достигалось прежде всего подражанием дворянскому образу жизни [см.: Мангилева, 2011].

Массовое отношение клириков к своему социальному статусу демонстрируют не дневники и воспоминания, созданные людьми, выделяющимися из общей среды, а другие данные, например, происхождение жен духовенства. К примеру, из 196 жен служащих клириков Шадринского уезда, значащихся в клировой ведомости 1808 г., 77 — иносословные (39,3 %). Правда, 12 из них значатся дочерьми солдат, т. е. они могли происходить из семей клириков, забранных на военную службу, но и в этом случае не принадлежали к духовному сословию по происхождению 65 жен клириков (33,1 %), т. е. треть жен духовных лиц. Больше всего среди них было дочерей крестьян (48 человек, 24,5 % от общего числа), причем были женаты на крестьянских дочерях 20 священников, 5 диаконов и 23 причетника, так что можно сказать, что крестьянки в равной степени котировались во всех стратах духовенства: сан получали уже женатые, но в значительном числе случаев возможности служебного роста были понятны еще до брака.

При этом более чем на два года были старше мужей жены 9 священников, 2 диаконов и только 6 церковнослужителей. Разница в возрасте представляется в данном случае важной, поскольку она показывает, какие качества ценились в невесте. Духовенство вело такое же хозяйство, как и прихожане, поэтому на селе при выборе невесты не последнюю роль играли ее выносливость и физическая сила. Возможно, невесты-крестьянки происходили из достаточно зажиточных семей, поэтому родители малолетних «духовных» женихов рассчитывали на относительно богатое приданое, тогда как родственники невест пытались поднять свой социальный статус. В условиях, когда значительное число клириков по наследству занимало места своих старших родственников, должна была возникать достаточно устойчивая связь между семьями духовенства и сельским миром, поэтому могло приниматься в расчет и положение семьи невесты в крестьянской общине.

Следующими по численности были дочери мещан, на которых были женаты 3 священника, 3 диакона и 3 причетника (опять священнослужители численно преобладают), при этом был младше жены более чем на 2 года только один диакон. На дочерях мастеровых были женаты 1 священник и 2 диакона; малая численность этой группы понятна, поскольку Шадринский уезд был сельскохозяйственным. В этой группе не было женщин, значительно превосходивших мужей по возрасту. На дочерях солдат были женаты 5 священников, 3 диакона, 4 причетника; в этой группе 3 жены церковнослужителей были старше мужей на 2 года, но такая разница в возрасте существенной роли не играет. 1 священник и 1 причетник были женаты на дочерях канцелярских служащих (возможно, выходцев из духовного сословия), на казачке — 1 священник (жена была старше мужа на пять лет). Наконец, шадринский протоиерей, обучавшийся в богословском классе семинарии, был женат на дочери купца, а священник, обучавшийся по философии, — на дочери офицера [ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 430]. С уверенностью

можно предположить, что в двух последних случаях браки были заключены во время обучения в семинарии (т. е. во время пребывания в крупном городе), а согласие на брак со стороны родни невест последовало именно благодаря высокому уровню образования женихов. Таким образом, чаще всего представители духовного сословия женились на более старших по возрасту женщинах, если те происходили из крестьянской среды: непрестижность брака с социальной точки зрения должна была компенсироваться какими-то иными преимуществами.

Поднять престиж сословия, ограничив число браков с представительницами податных социальных групп, пытались прежде всего епархиальные архиереи. Епископ Иоанн, возглавлявший Пермскую кафедру в 1800–1801 гг., предписывал, чтобы «желающие вступить в священно-церковно-служительские чины, вступая в брак, не брали за себя невест, как только из священно-церковно-служительских дочерей и наипаче из остающихся бедных, но честное и непорочное житие препровождающих сирот. Обучавшиеся же в семинарии, с отличным успехом, богословии, — могут брачиться и на сторонах, но не иначе, как только с нашего пастырского позволения» [Шишонко, с. 35]. Постепенно преграды межсословным бракам становились все жестче [ГАСО, ф. 251, оп. 1, д. 58, л. 159 — наказание за вступление в межсословный брак; д. 14, л. 23 — разрешение на подобный брак], кроме того, сходило со сцены поколение, для которого подобные браки были нормой. Уже во втором десятилетии XIX в. внутрисословные браки составляли подавляющее большинство [см.: Мангилева, 1998, с. 76].

Конечно, неизвестно, насколько такое быстрое изменение отношения к межсословным бракам было признаком роста самооценки, а насколько — следствием начальственных запретов, но вообще следует отметить большую роль епископата в росте сословного самосознания. Об епископе Кирилле, возглавлявшем Вятскую кафедру в 1827–1832 гг., сын местного сельского священника вспоминал следующее: «Вятская епархия признает Кирилла своим цивилизатором, о нем до сих пор и говорят, что он умыл, одел, причесал и научил жить вятское духовенство. <...> Приехав в село, он, разумеется, прежде всего шел в церковь и осматривал, хорошо ли она устроена и чисто ли содержится, хорошо ли служит клир... Потом отправлялся в дом священника, дьякона, а иногда и дьячка, требовал, чтобы они показали ему свое хозяйство, опрятно ли живут, как сами одеваются и одевают детей, как их учат, при этом делал разные наставления» [Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева, с. 143]. Викарный епископ Екатеринбургский Иона в 1856 г. отказал в выдаче паспортов «для занятия у чужих людей» дочерям умершего священника Ивана Дерябина с такой резолюцией на их прошении: «Священническим дочерям девицам искать работы и пропитания на чужой стороне у людей всякого поведения, без надзора Духовного и своего Начальства, жалко, неприлично и предосудительно: поэтому поискать для них в здешнем и Шадринском уездах просфорнических мест» [Материалы для истории Екатеринбургской епархии, с. 60].

Подобная забота о повышении статуса духовенства в глазах прихожан, о защите от негативного внешнего влияния должна была явиться существенным фактором в повышении уровня самооценки духовенства, основным же фактором, повлиявшим на выработку корпоративной солидарности, стало, судя по всему,

обязательное обучение в духовной школе. Здесь дети из семей духовенства впервые сталкивались с отчужденностью своего сословия от других социальных групп. Инословленные ученики в семинариях первой половины XIX в. были крайней редкостью; в дороге к месту учебы и обратно домой, на квартирах семинаристы зачастую были вынуждены терпеть пренебрежение, а то и оскорбления со стороны «других», на которые они отвечали подчеркнуто девиантным поведением².

Зачастую возникала отчужденность и между учениками и преподавателями, причем истоки ее необходимо искать не только в слабой педагогической подготовке последних, но и в разнице социального статуса приходского духовенства и преподавателей духовной школы. В первой половине XIX в. белому духовенству был практически закрыт доступ к местам преподавателей, да оно и само было не слишком заинтересовано в поступлении на низкооплачиваемую работу в духовных школах. Преподавателями были либо миряне, либо представители ученого монашества. И те, и другие были выходцами из семей белого духовенства, но относились к нему зачастую пренебрежительно, поскольку сами сознательно отвергли приходскую службу. Именно в этой обстановке впервые зарождается то отрицательное отношение к монашеству, которое нашло себе выход в работах И. С. Белюстина и Д. И. Ростиславова³. В результате к моменту церковных реформ Александра II конца 1860–1870-х гг. белое духовенство как корпорация четко отделяет себя не только от высших и низших по отношению к себе страт российского общества [Мангилева, 2011, с. 90–91], но и от черного духовенства, формально являющегося частью того же сословия.

Церковные реформы могли бы нанести удар по чувству корпоративной солидарности приходского духовенства: духовная школа стала всесословной, белое духовенство получило возможность поступать на преподавательские и административные должности. Но при этом абсолютное большинство учеников по-прежнему составляли дети духовенства, а уравнивание возможностей белого и черного духовенства в учебной сфере повысило самооценку белого духовенства, но не снизило остроту конфликта.

² См., например, воспоминания И. А. Ардашева «Шесть лет в Крутогорской семинарии»: «Дни отпусков на рождественские и летние каникулы также сопровождалась попойками. Выпивка тогда происходила только не в стенах семинарии, а дорогой. Разливанное море бывало тогда на постоянных дворах ближайших к Крутогорску сел, где имели обыкновение кормить лошадей “протяжные” ямщики, приезжавшие, по их выражению, за “церковными вещами”, т. е. за семинаристами.

Любители выпивки, не стесняемые никаким контролем, расходились здесь вовсю: бродили по селу и своим громогласным зёвом оглашали мирные селения, обыватели которых поэтому уже прекрасно знали, что “кутейники” на Рождество едут; напивались до бесчувствия, напивали и своих возниц. Иной раз случалось, что некоторых укладывали в повозки, как какие-нибудь неодоушевленные предметы» [ГАСО, ф. 101. оп. 3, д. 121, л. 31].

Ср.: «Раскуривая папиросу, Александр Иванович рассказал, какую штуку он устроил проклятой старухе. — Не пожалел трех папирос и раскрыл их по всем полатам... Пусть старуха почихает. Жаль, что не было с собой нюхательного табаку» [Мамин-Сибиряк, т. 10, с. 268]. Речь в обоих случаях идет о ситуации во второй половине XIX в., но вряд ли она была лучшей в предшествующее время.

³ Ср.: «Показался Елисавет. Дедушка [диакон. — А. М.] показал на низенькое белое каменное здание, приютившееся у самой церкви, и проговорил:

— Вон воронье гнездо...

Он питал какую-то необъяснимую ненависть к монахиням, а в Елисавете они действительно вили себе гнездо» [Там же, с. 236].

В то же время следует отметить, что дальнейшее развитие духовного сословия шло в период реформ за счет инициатив правительства, Синода и епархиальных архиереев. Именно благодаря им появляются зачатки сословного самоуправления (проводятся выборы благочинных, епархиальные съезды, создаются училищные комиссии). Что же касается самого духовенства, то, судя по церковной публицистике, его в этот период особенно беспокоили два вопроса: материальное содержание и участие в деле народного образования. Что касается второго вопроса, то его активное обсуждение, ревнивое отношение духовенства к земским школам свидетельствует о том, что духовенство к тому времени стало воспринимать просвещение народа как свою сословную обязанность, отличающую его от других социальных групп.

Более сложным представляется отношение духовенства к вопросу о мерах по улучшению его материального содержания. Значительное число клириков в епархиях Центра высказывалось за сохранение традиционных способов содержания духовенства и требовало наделения причтов новыми земельными участками. В то же время появляется довольно значительное число публикаций, авторы которых предлагают перевести духовенство на государственное жалование. Средства на выплату жалования предлагается изыскать за счет введения особого налога. Таким образом решалась проблема зависимости духовенства от прихожан, но, с другой стороны, духовенство теряло последние формальные отличия от чиновничества. Требование перевода на жалование свидетельствует о зарождении профессионального отношения духовенства к своему служению. Такое отношение более соответствовало духу модернизационных преобразований, но встретило достаточно скептическое отношение в обществе. Представителей «*homo novus*» [Мамин-Сибиряк, т. 1, с. 60] обвиняют прежде всего в холодности по отношению к прихожанам и к церковному служению (М. Лукашевич отмечает, что в художественной литературе периода реформ персонажи-клирики никогда не изображаются служащими в храме, основная сфера их деятельности — общественная [Лукашевич, с. 181], но при этом они не сопереживают людям, которым оказывают помощь). Имплицитно за этими обвинениями в адрес нового духовенства скрывается еще одно — в стремлении уподобить церковное служение государственной службе. Напрямую это обвинение выдвинул против «нового» духовенства, пожалуй, лишь церковный публицист Н. П. Гиляров-Платонов, придумавший определение «клерикало-бюрократы» [Там же, с. 49, 190].

Таким образом, формальное превращение сословия в профессию не решало основной проблемы духовенства — отчужденности от общества, к которой привела сословная замкнутость. Особое внимание, которое начинает придавать духовенство своей общественной деятельности (что нашло отражение в публицистике и художественной литературе), является признаком того, что проблема эта осознавалась, и духовенство искало выход из сложившейся ситуации. Эта общественная активность духовенства должна была бы приветствоваться правительством, которое отводило духовенству роль лидера в пореформенной деревне, но при этом правительство не желало выпускать деятельность духовенства из-под своего контроля. Бюрократизация работы братств и попечительств в пореформенный период должна была уменьшить как авторитет этих организаций в обществе, так и желание

работать в них. Элементы самоуправления, возникшие на епархиальном уровне (и здесь опять следует отметить роль иерархии), также исчезают к 1880-м гг., что станет препятствием для развития новой корпорации, объединяющим фактором в которой могла бы стать профессиональная деятельность.

В этих условиях активность духовенства все чаще направляется в те сферы, которые не имеют непосредственной связи с пастырством. Это прежде всего уже упомянутое и привычное духовенству школьное преподавание. Достаточно широкую поддержку среди духовенства нашли инициативы церковных и светских властей в области борьбы с пьянством, создания на приходах чайных, библиотек и т. п. В основе подобной активности лежало представление не столько о профессиональной, сколько о моральной ответственности духовенства за жизнь своих прихожан.

Словным по преимуществу оставалось и отношение духовенства к своему образованию. Высокий уровень образования представлялся ценностью не только как основание для достижения жизненного и служебного успеха: в этом отношении ценность образования в результате реформ даже несколько девальвировалась, поскольку отток молодежи из сословия привел к дефициту подготовленных кадров, так что уровень образования рукополагаемых в сан несколько снизился. Относительно высокий уровень образования обеспечивал возможность претендовать на лидерство в широко понимаемом деле народного просвещения. Не случайно в последней трети XIX — начале XX в. повсеместно возникают церковно-исторические, церковно-археологические общества, занимающиеся также статистикой, этнографией и т. п. Эти общества, а также епархиальная периодика могли играть ведущую роль в объединении местной культурной и научной элиты⁴. Обращалось внимание и на недостаточный уровень сугубо церковной культуры различных общественных групп, так что распространение получают воскресные чтения, лекции, собеседования на богословские и церковно-исторические темы.

Следует также отметить, что поддержка инициированных правительством мероприятий не всегда означала, что сами клирики придерживались правых взглядов, общественная активность духовенства не была четко связана с той или иной политической ориентацией. Скорее ее можно связать с поиском духовенством новой идентичности, формированием новой корпорации, в которой объединение по профессиональному признаку поддерживалось бы сознанием своей общественной роли, сложившимся в рамках сословия. Процессы эти не успели завершиться, что и привело к внутренним конфликтам в среде духовенства в начале XX в., повлиявшим и на события в стране в целом. По большому счету, процессы самоидентификации и поиска своего места в обществе идут в среде православного духовенства и сегодня.

Баловнев Д. А. Приходское духовенство в Древней Руси. X–XV вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 252–258. [Balovnev D. A. Prihodskoe duhovenstvo v Drevnej Rusi. X–XV vv. // Pravoslavnaia jenciklopedija. Russkaja pravoslavnaia cerkov'. М., 2000. S. 252–258.]

⁴ Подробно механизмы подобного процесса исследованы в работе Р. В. Чижова [см.: Чижев].

Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева, профессора русской словесности Казанской духовной академии // Православный собеседник. 2005. № 2 (10). С. 88–170. [Vospominanija Ivana Jakovlevicha Porfir'eva, professora russkoj slovesnosti Kazanskoj duhovnoj akademii // Pravoslavnyj sobesednik. 2005. № 2 (10). S. 88–170.]

ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 430; Ф. 101. Оп. 3. Д. 121; Ф. 251. Оп. 1. Д. 14, 58. [GASO. F. 6. Op. 2. D. 430; F. 101. Op. 3. D. 121; F. 251. Op. 1. D. 14, 58.]

Живов В. М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/givov.html> (дата обращения: 15.08.13). [Zhivov V. M. Marginal'naja kul'tura v Rossii i rozhdenie intelligencii. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/givov.html> (data obrashhenija: 15.08.13).]

Лукашевич М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60-х – 70-х гг. XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Варшава, 2009. [Lukashevich M. Obraz prihodskogo svjashhennika v russkoj belletristike 60-h – 70-h gg. XIX veka : dis. ... kand. filol. nauk. Varshava, 2009.]

Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 10 т. М., 1958. [Mamin-Sibirjak D. N. Sobr. soch. : v 10 t. M., 1958.]

Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. [Mangileva A. V. Duhovnoe soslovie na Urале v pervoj polovine XIX v. (na primere Permskoj eparhii). Ekaterinburg, 1998.]

Мангилева А. В. Развитие сословного самосознания уральского духовенства в XIX в. // Урал. ист. вестн. 2011. № 4 (33). С. 89–95. [Mangileva A. V. Razvitie soslovnogo samosoznaniya ural'skogo duhovenstva v XIX v. // Ural. ist. vestn. 2011. № 4 (33). S. 89–95.]

Материалы для истории Екатеринбургской епархии. Иона Епископ Екатеринбургский, викарий Пермской епархии, бывший на кафедре с 1849 по 1859 г. Екатеринбург, 1915. [Materialy dlja istorii Ekaterinburgskoj eparhii. Iona Episkop Ekaterinburgskij, vikarij Permskoj eparhii, byvshij na kafedre s 1849 po 1859 g. Ekaterinburg, 1915.]

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. [Mironov B. N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). SPb., 1999.]

Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. [Stefanovich P. S. Prihod i prihodskoe duhovenstvo v Rossii v XVI–XVII vekah. M., 2002.]

Чижов Р. В. Роль периодической печати в консолидации регионального культурного сообщества (на примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей» 1860–1917 гг.) : дис. ... канд. культурологии. М., 2006. [Chizhov R. V. Rol' periodicheskoj pečati v konsolidacii regional'nogo kul'turnogo soobshhestva (na primere dejatel'nosti «Jaroslavskih eparhial'nyh vedomostej» 1860–1917 gg.) : dis. ... kand. kul'turologii. M., 2006.]

Шишонко В. Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. [Shishonko V. N. Materialy dlja opisanija razvitiya narodnogo obrazovanija v Permskoj gubernii. Ekaterinburg, 1879.]

Статья поступила в редакцию 10.02.2014 г.

УДК 622.3(470.5) + 376(470.5)

Э. А. Черноухов

ЗАВЕДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В ЧАСТНЫХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Проанализирована организация и деятельность богаделен, воспитательных домов и детских приютов в частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в. Показано, что создание здесь специальных заведений общественного призрения привело к противоречивым результатам.

Ключевые слова: горнозаводские хозяйства; богадельня; воспитательный дом; детский приют; общественное призрение; Урал.

В Российской империи XIX в. государственная система призрения и благотворительность часто выступала в формах смешанных, пограничных, в которых различные по своей социальной природе компоненты находились в сложной взаимосвязи [см.: Соколов, с. 80]. Подобное противоречивое положение было характерно и для частных горнозаводских хозяйств Урала. Здесь попечение заводовладельцев о работниках, по формам абсолютно воспроизводившее благотворительные передачи, нередко было системой обязательных выплат, регламентированной нормативными актами центральных и региональных органов власти. Оно во многом было основано не на их добровольных побуждениях, а на государственном принуждении, а также вынужденных уступках требованиям времени и обеспечения себя физически здоровой рабочей силой [см.: Орлов, с. 145].

Проект Горного положения 1806 г. обязывал заводовладельцев иметь попечение «о прокормлении бедных и неимущих, престарелых и увечных людей» [ПСЗРИ-1, т. 29, № 22208, ст. 804]. Подобные предписания впоследствии содержались в «Уставе горном» и ряде других нормативных актов. Руководство горного ведомства регулярно требовало от заводовладельцев недопущения «нищенства» в их хозяйствах, а они обращали внимание на это в переписке со своими управлениями и конторами. В свою очередь, заводовладельцы Урала традиционно объясняли высокие цены на свою продукцию необходимостью содержания обширной социальной инфраструктуры для своих работников.

В первой половине XIX в. система общественного призрения в частных горнозаводских хозяйствах региона была во многом подобна той, что сформировалась на казенных предприятиях. Призреваемое население получало различные пособия в денежной и натуральной форме [см.: Голикова, Дашкевич, 2008].

Действующее общеимперское и ведомственное законодательство не обязывало содержать специальные заведения для призрения нуждающейся части населения в частных горнозаводских хозяйствах (в казенных горных округах требовалось иметь богадельню [Черноухов, 2013, с. 328]). Большинство заводовладельцев Урала также не видело надобности в их создании. Но некоторые из них считали, что именно специальные заведения будут способствовать

лучшему решению проблемы общественного призрения местного населения и оптимизируют расходы в этой сфере. Часть из них, получив негативный опыт их организации и деятельности, быстро отказались от этих взглядов, другие (особенно нижнетагильские Демидовы) методично отстаивали их необходимость.

Первый, крайне слабо отраженный в источниках опыт организации и деятельности заведений общественного призрения в частных горнозаводских хозяйствах Урала относится еще к XVIII в. Здесь имелись дом для воспитания незаконнорожденных детей в Нижнетагильском поселке и богадельни при нескольких заводах.

В первой половине следующего столетия сеть заведений общественного призрения несколько расширилась, появились их новые разновидности. Для удобства анализа автор будет придерживаться следующей классификации: богадельня, воспитательный (или приемный) дом, детский приют. Сразу отметим ее определенную условность: действующие нормативные акты не содержали четких критериев в этой сфере. По отношению к ним применялись различные термины, имелись и заведения «смешанного» типа (в Пермском имении Лазаревых).

Богадельни предназначались для лиц, достигших преклонного возраста и увечных. Эти заведения закрытого типа долго не приживались на частных горных заводах Урала. В них, как и на казенных предприятиях региона, поступали только в случае крайней необходимости те, кто совершенно не имел родственников и средств к существованию.

Проект Горного положения 1806 г. предлагал заводить богадельни и при частных горных заводах, предоставляя сведения о них по инстанциям [ПСЗРИ-1, т. 29, № 22208, ст. 803, 804]. Но, по мнению их владельцев, в этом не было потребности. Поэтому при запросе о богадельнях из Департамента горных и соляных дел 1818 г. выяснилось, что при частных заводах нет ни богаделен, ни особого богадельного капитала [РГИА, ф. 37, оп. 13, д. 356].

Фактически единственным исключением оставался Нижнетагильский заводской поселок, где богадельня действовала со второй половины XVIII в. в одном из подсобных церковных помещений. В 1849 г. она была преобразована, получив наименование «Авроринской» (в честь Авроры Карловны Демидовой). Ее штат был определен в 24 человека (по 12 мужчин и женщин), с возможностью расширения в случае необходимости. Расходы на содержание формально составляли всего 126 рублей (плата одному надзирателю). Это объяснялось тем, что в тот период времени богадельня была перемещена в один из флигелей Нижнетагильского госпиталя, который обеспечивал ее обитателей пищей, бельем и прислугой. Фактически содержание одного «богадельщика» обходилось в 25–30 руб. в год. Это сопоставимо с затратами в богадельнях казенных горных округов региона (28–29 руб. на человека), также располагавшихся при госпиталях [Черноухов, 2011, с. 134–135].

В тот период богадельни были созданы еще в нескольких частных горнозаводских хозяйствах региона. В 1840–1850-х гг. они имелись при Нытвенском (на 10 человек), Алапаевском (на 20), Сысертском и Юговском (без определения штатного комплекта) заводских поселках [Мозель, с. 635, 638; РГИА, ф. 1287, оп. 20, д. 84, л. 314–319; ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 280; оп. 2, д. 1691, 1836, 1920]. Кроме

того, в течение нескольких лет действовали, но позднее были закрыты богадельни в Холуницком заводе и селе Ильинском — центре Пермского имения Строгановых [РГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 4616, л. 14].

В Пермском имении Лазаревых в 1851 г. были созданы заведения общественного призрения смешанного типа, получившие наименование «приюты». Их учреждению способствовал субъективный фактор: смерть в шестилетнем возрасте единственного сына Ивана одного из владельцев — Христофора Екимовича. Одно из этих заведений объединило детский приют (на 20 сирот) и богадельню (на 20 женщин), а второе было мужской богадельней (на 20 человек). В целях экономии средств их разместили на свободных площадях госпиталей: Чермозского, с 1855 г. — Усольского (мужской приют); Полазнинского (женско-детский).

Эти заведения в хозяйстве Лазаревых не пользовались популярностью у населения. В 1855 г. здесь был заполнен только комплект сирот — 20 человек. Богадельщиков (и мужчин, и женщин) было почти вдвое меньше штатного: 18 и 6 соответственно. Поэтому на содержание обоих заведений тратилось вдвое меньше, чем предполагалось: 721–758 руб., а не 1500 ежегодно. Эти расходы (в среднем по 25 руб. на человека в год) были сопоставимы с затратами в богадельнях на казенных заводах и Нижнетагильской [ОПИ ГИМ, ф. 333, оп. 1, д. 54, л. 61–64, 101–103 об; ГАПК, ф. 280, оп. 1, д. 1281, л. 41, 49, 53–54].

В целом в первой половине XIX в. в частных горнозаводских хозяйствах Урала, с учетом двух заведений смешанного типа в Пермском имении Лазаревых, имелось, и не одновременно, не более десятка богаделен, причем часть из них действовала всего по несколько лет.

Еще менее распространенным типом заведений общественного призрения на горнозаводском Урале были воспитательные (приемные) дома для незаконнорожденных детей. Самый известный был создан в 1806 г. по предписанию Н. Н. Демидова в Нижнетагильском заводском поселке. В нем следовало принимать и содержать подкидышей, которых со временем планировалось передавать на воспитание приемным родителям.

При этом заводовладелец поинтересовался у приказчиков, а будут ли принадлежать ему как крепостные эти незаконнорожденные дети. Ведь по законодательству Екатерины II из воспитательных домов Москвы и Санкт-Петербурга все воспитанники выходили вольными людьми и сохраняли этот статус в дальнейшем. Те успокоили Н. Н. Демидова, ответив, что поскольку «заведения сии для несчастно рожденных не есть публичные и формальные... следовательно, все таковые дети по правилам принадлежат к крепостному состоянию, которые и по ревизиям записываются с прочими без исключения» [цит. по: Неклюдов, с. 61]. Ни о каком альтруизме заводовладельца в этом вопросе не было и речи, налицо сочетание прагматизма с патернализмом. Незаконнорожденных детей также принимали все госпитали при заводах Нижнетагильского округа.

В 1825 г. воспитательный дом был переименован в приемный, чтобы «уберечься от чрезмерных требований Правительства» к подобным заведениям [РГАДА, ф. 1267, оп. 3, д. 383, л. 9–10]. Результаты его деятельности вызвали постоянное недовольство заводовладельцев: Н. Н. Демидова, а затем и его сына Павла. Главной проблемой этого заведения была высокая смертность поступавших детей,

вызванная недобросовестностью ответственных за его содержание приказчиков и персонала.

В 1853 г. он был преобразован в Авроринский сиротский дом, действующий при одноименном приюте. После этого какие-либо отдельные сведения об этом заведении в источниках отсутствуют [см.: Черноухов, 2011, с. 125–130].

Еще один воспитательный дом в начале XIX в. располагался в поселке Невьянского завода [Описание заводов..., с. 166]. Но о его дальнейшей судьбе каких-либо сведений пока не обнаружено.

Другим типом заведений общественного призрения в частных горнозаводских хозяйствах Урала были детские приюты. Если исходить из современных понятий, то они сочетали в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для малообеспеченных родителей и начального образовательного учреждения. Первый такой приют был создан А. Н. Демидовым при Петербургском доме трудолюбия в 1837 г. Это учреждение сразу получило «высочайшее» одобрение.

В 1843 г. А. Н. Демидов обратился в «Комитет главного попечительства детских приютов» за разъяснениями по возможному созданию подобных заведений при уральских заводах. В качестве нормативной базы их деятельности ему было прислано «Положение о детских приютах» 1839 г., требовавшее всестороннего бюрократического контроля. К тому же, заводовладельцу рекомендовалось нанять специально подготовленную женщину, служившую в образцовом приюте. Это несколько задержало их создание на Урале [Дашкевич, с. 125].

Торжественное открытие первого Нижнетагильского приюта, получившего название Авроринского, состоялось 31 июля 1849 г. во время посещения округа А. К. Демидовой-Карамзиной. Она предписала принимать в приют детей жителей округа (всех желающих) от 1 года до 8 лет. Они должны были находиться в них в дневное время, получая полное содержание за счет заводовладельцев: питание, особое платье, постельные принадлежности.

Авроринский приют стал образцом для создания в том же 1849 г. подобных заведений в заводских поселениях округа. 18 августа был открыт приют в селе Воскресенском, 1 сентября — в деревне Никольской.

Эти заведения быстро завоевали популярность у заводского населения. В среднем в них ежедневно призревало 50–70 человек, иногда доходя до 150, в том числе и из окрестных поселков и деревень, которым разрешалось здесь ночевать. Возраст принимаемых детей доходил до 12 лет.

Управляющий Нижнетагильским округом Д. В. Белов в 1850 г. попытался доказать пользу создания еще четырех приютов. Однако заводовладельцы ограничились только открытием 8 октября 1853 г. еще одного приюта в Нижнетагильском поселке. Он получил наименование Павловского, в честь владельца округа П. П. Демидова.

Важнейшей целью деятельности приютов было провозглашено нравственное развитие воспитанников. Поэтому главным предметом обучения являлся закон Божий. Кроме того, воспитанники получали основы первоначальной грамоты, обучались церковному пению и навыкам рукоделия.

В 1859 г. в четырех приютах округа призревалось 174 мальчика и 219 девочек. По желанию принимались дети всех заводских жителей. Здесь работали начальница приютов, 13 служащих и 12 человек прислуги [см.: Черноухов, 2011, с. 132–133].

В 1860 г. Нижнетагильское заводууправление, ввиду резкого роста цен на «жизненные припасы», инициировало сбор средств на открытие временного приюта для детей из бедных семей — третьего в его центральном поселке. Для этого удалось собрать 4 396 руб. (37 человек сделали единовременные пожертвования от 30 коп. до 1100 руб., а 47 человек отчисляли 0,5–2 % от годового жалования). Новый приют был открыт 1 января 1861 г. и проработал до июня 1862 г., пока не был истрачен весь собранный общественный капитал [ГАСО, ф. 643, оп. 1, д. 1476].

В 1858 г. в Сысертском заводском поселке был создан приют для девочек, получивший название Иверского. Его штат установили в 20 воспитанниц, которые содержались на средства заводууправления (1950 руб. в год) вплоть до совершеннолетия. При приюте действовала начальная женская школа, которую посещало и значительное число приходящих девочек [Голикова, Дашкевич, 2013, с. 45; ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 23, л. 2; ф. 43, оп. 1, д. 280, л. 115].

Детские приюты оказывали существенную помощь детям малообеспеченных родителей и оставшимся сиротами. Здесь они бесплатно получали первоначальное образование и воспитание.

В целом накануне отмены крепостного права в семи частных горнозаводских хозяйствах Урала имелось 14 заведений общественного призрения: семь богаделен (в том числе две с малолетними сиротами), шесть детских приютов и сиротский дом для незаконнорожденных детей. Эти заведения требовали незначительных расходов на содержание, т. к. в большинстве своем располагались при госпиталях. Последние обеспечивали их пищей, бельем и прислужгой.

Заведения общественного призрения обеспечивали прожиточный минимум для наиболее обездоленной части заводского населения. В то же время реальная практика их организации и деятельности зачастую была весьма далека от поставленных владельцами целей. В результате богадельни не пользовались популярностью у местного населения, предпочитавшего получать от заводовладельцев пенсии, пособия и бесплатный провиант.

Это было типичным явлением и для всего региона в целом. В частности, в Пермской губернии Приказ общественного призрения содержал всего три богадельни, а его попытка создать рабочие дома для неимущих лиц провалилась [Исаева, с. 140, 142].

Заводовладельцы Урала традиционно не рассматривали заведения общественного призрения как существенное потенциальное средство сокращения своих расходов в этой сфере, как это было в казенных округах региона [Черноухов, 2013, с. 330–331]. Причины этого четко выразил Х. Е. Лазарев в письме управляющим своего Пермского имения в августе 1848 г. Он указал на полученный негативный опыт их деятельности, связанный с ростом злоупотреблений служительского аппарата. Поэтому «вместо новых каких-либо приютов, богаделен и других особых заведений несравненно основательнее, полезнее, проще, удобнее

в наших заводах, селах и деревнях, достоверно узнав о беднейших, скорбных, сиротах, и тогда у родственников им жить и помогать в необходимом, как в некоторой выдаче хлеба, так и в крайне нужном» [цит. по: Голикова, Дашкевич, 2008, с. 255]. В другом предписании от 10 марта 1850 г. он высказался еще жестче о результатах своих пожертвований на нужды общественного призрения: «при равнодушии и при худом направлении местного нашего управления к прискорбию не достигалась благотворная цель... число бедных не уменьшается, создание приютов и богаделен приведет к новым злоупотреблениям, что уже обнаружено у других помещиков» [ГАПК, ф. 280, оп. 1, д. 976, л. 40–41].

Видимо, Х. Е. Лазарев указывал на соседнее хозяйство Строгановых. Здесь вотчинное «Положение об управлении Пермского нераздельного имения» 1837 г. предусматривало содержание особых сиротских домов и богаделен за господский счет для заводских и промысловых работников при каждом предприятии [РГАДА, ф. 1278, оп. 2, д. 4421, л. 83–84 об.]. Но эти предписания были реализованы в самом минимальном виде. Возможно, Х. Е. Лазарев имел ввиду и многолетний не самый успешный опыт содержания заведений общественного призрения у нижнетагильских Демидовых. Практика их организации и деятельности действительно имела весьма противоречивые результаты.

В заключение следует выделить основные мотивы благотворительности заводовладельцев в рассматриваемый период времени. Существует широкий спектр позиций исследователей по этой проблеме [см.: Соколов, с. 59]. С одной стороны, по обоснованному мнению П. А. Орлова, владельцы горных заводов Урала в сфере благотворительности исходили не из христианской добродетели, некоего морального смысла или статусно-меркантильных интересов, а из целесообразности того или иного социально значимого деяния [Орлов, с. 146]. С другой — о некоторых из них, прежде всего нижнетагильских Демидовых (особенно Николае Никитиче и Авроре Карловне), можно говорить как о «просвещенных» предпринимателях со сложными поведенческими стереотипами. В их деятельности в этой сфере прослеживается не только погоня за внешними признаками респектабельности, но и служение «общественному благу» в русле утвердившейся доктрины патерналистских отношений.

В то же время богатые горнозаводчики, в том числе и нижнетагильские Демидовы, не уделяли особого внимания развитию заведений общественного призрения на Урале. Они явно предпочитали заниматься этим в столицах (а также за границей), потому что общественный резонанс в этих случаях был гораздо шире. Именно там была значительно большей вероятностью получения различных званий и наград, отмечающих в том числе и их деятельность в сфере общественного призрения.

ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 23, 976, 1281. [ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 23, 976, 1281.]

ГАСО. Ф. 18, 43, 643. Оп. 1. Д. 280, 1476; Оп. 2. Д. 1691, 1836, 1920. [ГАСО. Ф. 18, 43, 643. Оп. 1. Д. 280, 1476; Оп. 2. Д. 1691, 1836, 1920.]

Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Система социальной помощи горнозаводскому населению Урала в конце XVIII — первой половине XIX в. // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда. Екатеринбург, 2008. С. 249–267.

[Golikova S. V., Dashkevich L. A. Sistema social'noj pomoshhi gornozavodskomu naseleniju Urala v konce XVIII — pervoj polovine XIX v. // Jekonomicheskaja istorija Rossii XVII–XX vv.: dinamika i institucional'no-sociokul'turnaja sreda. Ekaterinburg, 2008. S. 249–267.]

Голыкова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей на Урале в XVIII — начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013. 436 с. [Golikova S. V., Dashkevich L. A. Prizrenie detej na Urale v XVIII — nachale XX v.: institucional'nyj i sociokul'turnyj aspekty. Ekaterinburg, 2013. 436 s.]

Дашкевич Л. А. Мариинские заведения детского призрения на Урале в XVIII — начале XX в. // Вопр. истории. 2011. № 2. С. 124–126. [Dashkevich L. A. Mariinskie zavedenija detskogo prizrenija na Urale v XVIII — nachale XX v. // Vopr. istorii. 2011. № 2. S. 124–126.]

Исаева М. В. Социальная помощь неимущим в городах Пермской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. // Наука. Общество. Человек. Вестн. УрО РАН. 2011. № 3 (37). С. 139–142. [Isaeva M. V. Social'naja pomoshh' neimushhim v gorodah Permskoj gubernii v konce XVIII — pervoj polovine XIX v. // Nauka. Obshhestvo. Chelovek. Vestn. UrO RAN. 2011. № 3 (37). S. 139–142.]

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. СПб., 1864. 820 с. [Mozel' H. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii. Permskaja gubernija. SPb., 1864. 820 s.]

Неклюдов Е. Г. Николай Никитич Демидов: заводчик и его заводы // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. М., 2002. С. 43–48. [Nekljudov E. G. Nikolaj Nikitich Demidov: zavodchik i ego zavody // Al'manah Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda. Vyp. 2. M., 2002. S. 43–48.]

Описание заводов хребта Уральского, составленное Пермским берг-инспектором П. Е. Томиловым в 1807–1809 годах // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Свердловск, 1956. С. 147–298. [Opisanie zavodov hrebta Ural'skogo, sostavlennoe Permskim berg-inspektorom P. E. Tomilovym v 1807–1809 godah // Gornozavodskaja promyshlennost' Urala na rubezhe XVIII i XIX vekov. Sverdlovsk, 1956. S. 147–298.]

ОПИ ГИМ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 54. [ОПІ ГІМ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 54.]

Орлов П. А. Целесообразность как принцип «хозяйского благопечения» на частных горных заводах Урала во второй половине XIX в. // Благотворительность в России. 2002. СПб., 2003. С. 145–147. [Orlov P. A. Celesoobraznost' kak princip «hozjajskogo blagopechenija» na chastnyh gornyh zavodah Urala vo vtoroj polovine XIX v. // Blagotvoritel'nost' v Rossii. 2002. SPb., 2003. S. 145–147.]

ПСЗРИ-1. Т. 29. № 22208. Высочайше утвержденный доклад министра финансов и проект Горного положения. [PSZRI-1. T. 29. № 22208. Vysochajshe utverzhdennyj doklad ministra finansov i proekt Gornogo polozhenija.]

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 383; Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4421, 4616. [RGADA. F. 1267. Op. 3. D. 383; F. 1278. Op. 2. D. 4421, 4616.]

РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 356; Ф. 1287. Оп. 20. Д. 84. [RGIA. F. 37. Op. 13. D. 356; F. 1287. Op. 20. D. 84.]

Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.). СПб., 2006. 648 с. [Sokolov A. R. Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mehanizm vzaimodejstvija obshhestva i gosudarstva (nachalo XVIII — konec XIX v.). SPb., 2006. 648 s.]

Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, 2011. 176 с. [Chernouhov Je. A. Social'naja infrastruktura Nizhnetagil'skogo gornozavodskogo okruga Demidovyh v XIX veke. Ekaterinburg, 2011. 176 s.]

Черноухов Э. А. Богдельни в казенных горных округах Урала в первой половине XIX в. // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII всерос. ист.-пед. чтения. Екатеринбург, 2013. Ч. 2. С. 327–334. [Chernouhov Je. A. Bogadel'ni v kazennyh gornyh okrugah Urala v pervoj polovine XIX v. // Aktualizacija istoricheskogo znanija i istoricheskogo obrazovanija v sovremennom obshhestve. Ezhegodnik. XVII vseros. ist.-ped. chtenija. Ekaterinburg, 2013. Ch. 2. S. 327–334.]

Статья поступила в редакцию 06.04.2014 г.

УДК 141.82 + 2-1 + 001

С. Б. Крих
О. В. Метель**ФОРМИРОВАНИЕ МАРКСИСТСКОГО ПОДХОДА
К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ (1920-е — начало 1930-х гг.)**

Анализируется процесс формирования марксистского подхода к пониманию феномена религии. Выделяются два основных этапа в развитии марксистского подхода к указанному феномену, первый из которых (1920-е гг.) был связан с появлением значительного числа трактовок религии, а второй (1930-е гг.) обозначил формирование единой марксистской модели, основные принципы которой были сформированы во многом под влиянием изменившегося политического курса большевиков.

Ключевые слова: религия; история религий; марксизм; методология религиоведения.

В последние два десятилетия образ Советского Союза в восприятии широкой общественности подвергся значительной эволюции, связанной с переходом от резкой критики всего советского к его постепенной идеализации. Отмеченные трансформации становятся все более очевидными по мере провала реформ, проводимых руководством страны. Особенно заметны подобные настроения в отношении науки, понесшей в 1990-е гг. серьезные потери как материальных, так и человеческих ресурсов и до конца не оправившейся от полученного удара вплоть до сегодняшнего дня [см.: Аллахвердян, Агамова; Калинов]. Сравнивая уровень научно-технического развития СССР и современной России, большая часть научного сообщества, особенно представители естественных и технических наук, настаивает на превосходстве советской системы организации научно-исследовательской деятельности, оправдывая все неприглядные инструменты, используемые советским руководством, достигнутыми результатами [см.: Петров; Медведев; Кулешов]. В итоге появляется реальная опасность формирования новых мифологем и использования прошлого в идеологических целях, что требует от профессиональных историков глубокого, всестороннего и объективного (в той мере, насколько в принципе возможна объективность в историческом исследовании) анализа истории советского общества в целом и советской науки в частности.

В данной связи нельзя не отметить, что одной из наиболее динамично развивающихся областей современных отечественных науковедческих исследований выступает история советской гуманитаристики. Причем, лидером направления, безусловно, является историческая наука, для которой постижение прошлого своей дисциплины есть не что иное, как форма саморефлексии [Маловичко, с. 12]. В результате долгой и кропотливой работы, растянувшейся практически на два десятилетия, на сегодняшний день реконструированы ключевые этапы эволюции советской историографии, определены ключевые особенности данного феномена, подвергнуты анализу ее концептуальные основы, представлены биографии

ведущих советских исследователей [см.: Гордон; Дубровский; Крих; Юрганов]. Казалось бы, данная предметная область исследована достаточно, однако подобное впечатление является обманчивым. В частности, нередко вне поля зрения исследователей оставался такой важный сюжет, как механизм производства научного знания, связанный в советской историографии с созданием марксистского канона изучения того или иного исторического сюжета. Подобная работа уже предпринималась нами ранее в отношении проблемы происхождения христианства, в рамках данной статьи мы обратимся к смежной тематике — проблеме формирования марксистского понимания религии в советской историографии 1920-х гг.

И предметная область, и хронологический период выбраны нами не случайно. История советского религиоведения является слабо разработанной областью отечественной гуманитаристики, анализ которой связан преимущественно с биографическими исследованиями или изучением отдельных предметных областей. Между тем, понимание общих теоретических установок советского обществоведения в отношении религии и, что более важно, раскрытие механизмов их формирования позволит лучше понять историю развития отечественной науки о религиях и пути ее трансформации в 1990-е гг. Обращение при решении поставленной задачи к первому десятилетию советской власти также связано с неизученностью данного периода, сыгравшего, однако, важную роль в формировании базовых методологических установок применительно к истории религий.

До 1917 г. религиоведческие исследования в России отличались определенной спецификой, связанной с широким распространением философских изысканий, во многом определявших облик данной предметной области, тогда как другие направления научных поисков, широко распространенные в Западной Европе, занимали гораздо более скромное место. В частности, позитивистская методология, ставшая основой научного религиоведения на Западе во второй половине XIX в., в дореволюционной России преобладала в изучении конкретных религий (за исключением христианства, разработка истории которого находилась под влиянием православных традиций).

В последней трети XIX в. на российской почве также пустила корни марксистская традиция, представители которой обращались к изучению религиозных феноменов. Однако для большинства русских марксистов, в частности, для В. И. Ленина, религия была интересна лишь в той мере, насколько это было необходимо для построения социализма. Не случайно после поражения первой русской революции, в период «внутреннего кризиса марксизма» [Леонтьева, с. 31], одна из важнейших дискуссий в кругах российской социал-демократии разворачивалась в связи с совместимостью социализма и религии [см.: Протоколы совещания...]. Разработка общего понимания религии была представлена лишь некоторыми интеллектуалами, среди которых особую роль суждено было сыграть Г. В. Плеханову.

Создатель первой российской марксистской организации «Освобождение труда», эмигрировавший в 1880 г. в Швейцарию, был прекрасно знаком с зарубежной литературой религиоведческого толка, оставил целый ряд рецензий

и собственных изысканий в данной области [см.: Плеханов]. Для Г. В. Плеханова религия — это вера в духовные существа, форма взаимодействия с ними, связанная с моралью и служащая ей санкцией [Там же, с. 152]. Но одновременно религия — это более или менее стройная система представлений, настроений и действий, в которой представления образуют мифологический элемент, настроения связаны с религиозным чувством, а действия — с областью культа [Там же, с. 251]. Основным принципом изучения религии, по мысли Г. В. Плеханова, должен был стать принцип, диктуемый историческим материализмом: «не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание» [Там же, с. 157]. Исходя из данного принципа, первым и самым важным шагом в возникновении религии становится неумение первобытного человека объяснить реальность, вызывающую у него непонимание и страх. Первым «объяснительным конструктом» становится анимизм, предполагавший всеобщую одушевленность мира.

После прихода большевиков к власти ими был развернут масштабный проект изменения общественного устройства, затронувший, в том числе, и научную сферу. Трансформации институциональной структуры отечественной науки сопровождалась мощными концептуальными сдвигами, предполагавшими перестройку науки на марксистские рельсы. Однако масштабные проекты революционеров сталкивались с объективной преградой — отсутствием четко сформулированной марксистской теории. Недаром А. Дмитриев, рассуждая о советском академическом марксизме 1920-х гг., настаивал на изначально пустотном марксистском каноне, заполняемом исследователями по своему усмотрению [Дмитриев, с. 21]. Более того, многие современные исследователи вовсе не считают возможным говорить о марксизме, настаивая на существовании марксизмов — множественных интерпретациях работ К. Маркса, впервые представленных в сочинениях Ф. Энгельса и других лидеров немецкой социал-демократии.

Между тем, превращение марксизма в ведущую, а затем и единственную научную методологию требовало разработки ее основных положений применительно к отдельным областям знания. В отношении науки о религиях было необходимо сформулировать марксистское понимание религии и основные принципы ее изучения. Данная задача представлялась еще более важной и значимой, т. к. в первые годы советской власти в стране была развернута мощная антирелигиозная кампания, предполагавшая не только борьбу с религией силовыми методами (разрушение храмов, репрессии против духовенства), но и идеологическое наступление на религию, требовавшее ее научного объяснения. Резолюция XII съезда ВКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды и агитации» прямо призывала к углублению и систематизации пропаганды, «наглядно и убедительно вскрывающей каждому рабочему и крестьянину ложь и противоречие его интересам всякой религии, разоблачающей связь различных религиозных групп с интересами господствующих классов и ставящей на место отживающих остатков религиозных представлений ясные научные взгляды на природу и человеческое общество» [О постановке антирелигиозной пропаганды..., с. 55].

В первые годы советской власти поиски марксистского подхода к изучению религии затронули самые широкие круги: дореволюционных исследователей, видевших в революционных преобразованиях ключ к освобождению науки от духовной

цензуры и партийных идеологов. Настроения первых нашли выражение в работах историка Древнего мира Н. М. Никольского, рассматривавшего реформы молодой советской власти как путь к свободному, подлинно научному изучению религиозных феноменов [см.: Вишпер; Жебелев]. В 1922 г. в Белорусском государственном университете Н. М. Никольским была прочитана знаменитая лекция, подводившая итоги развития зарубежного религиоведения и намечавшая перспективы эволюции данной дисциплины в СССР [Никольский, 1974, с. 16–37]. Автор исходил из двух основных посылок: принципиального отличия богословского понимания религии от ее научного рассмотрения и наличия в западной научной традиции серьезных методологических изъянов, преодолеть которые можно лишь на путях материалистического понимания истории. В первом случае Н. М. Никольский утверждал, что богословы вовсе не стремятся раскрыть еще не достигнутую истину, но видят свою задачу в том, чтобы доказать истину, уже имеющуюся в наличии [Там же, с. 18]; во втором — моделировал образ западной (преимущественно западноевропейской) религиоведческой традиции Нового времени. Уходящая своими корнями в критическое богословие, вынужденное перестраиваться «на научные рельсы» под влиянием новейших открытий и достижений, наука о религиях, как утверждал Н. М. Никольский, возникла в XIX в., опираясь преимущественно на достижения сравнительного языкознания [Там же, с. 20]. Дальнейшее развитие науки о религиях было связано с прогрессом этнографии, широко использовавшей сравнительный метод для изучения ранних этапов истории человечества.

Не отрицая важности достижений, сделанных исследователями в рамках названных «парадигм», будущее науки о религиях Н. М. Никольский связывал с марксизмом, которому мы обязаны материалистическим пониманием истории. «Марксизм выдвинул и обосновал положение, — писал советский исследователь, — что в основе социальной и политической жизни лежат экономические процессы и что так называемая духовная культура — литература, искусство, религия, наука — не есть явление самостоятельно развивающееся и не может считаться определяющим фактором исторического процесса, но что, наоборот, она сама объясняется из материальных условий жизни данного общества» [Там же, с. 33]. Иными словами, для Н. М. Никольского марксистское изучение религии — это ее материалистическое объяснение как социального явления, изменяющегося одновременно с изменением условий существования общества.

Примеры подобного анализа были представлены Н. М. Никольским в его конкретно-исторических исследованиях религиозных верований, среди которых ключевые позиции занимала иудейская и раннехристианская история. Так, история иудейской религии рассматривалась автором как история постепенной эволюции религиозных идей под влиянием изменяющихся социально-политических и экономических условий: политеистические и монотеистические взгляды евреев находятся в тесной связи с феодальными или капиталистическими отношениями иудеев [Там же, с. 38–147]. Вместе с тем, нельзя не заметить, что Н. М. Никольский не абсолютизирует марксистскую методологию, не отказываясь от традиционных приемов исторического анализа, связанных с детальным изучением идейной составляющей иудейской религии, что впоследствии уступит место детальному анализу экономических отношений эпохи.

Наряду с Н. М. Никольским трактовку марксистского понимания религии предложил организатор советской исторической науки М. Н. Покровский, затронувший данный сюжет еще до революции в работе «Очерк истории русской культуры» [см.: Покровский]. Настаивая на научности истории культуры, трактуемой им в духе «экономизма», М. Н. Покровский полагал, что религия — это «необходимое дополнение права и государственной организации», необходимое для «воспитания подвластных в духе “кротости и смирения”» [Там же, с. 22]. Своим возникновением она обязана факту физиологического свойства — страху смерти. Именно из него появляется чувство, окончательно превращающееся в религию с появлением хозяйственной организации [Там же, с. 23]. Последующее развитие религиозных верований находится в прямой зависимости от эволюции экономической основы общества. Не случайно каждому этапу хозяйственного развития России соответствуют свои культурные и религиозные формы.

Признание марксистского объяснения религии материалистическим было характерно и для партийных функционеров, среди которых стоит назвать имена А. В. Луначарского, И. И. Скворцова-Степанова и Н. И. Бухарина. Предлагая различные варианты прочтения марксистской методологии применительно к истории религий, они, однако, связывали раскрытие «сущности» данного явления с вопросом о происхождении религиозных форм.

А. В. Луначарский, известный в 1900–1910-е гг. своими богостроительскими идеями [см.: Луначарский, 1908], перешел после Октябрьской революции на более ортодоксальные позиции, возглавив Наркомпрос. Свои воззрения на природу религии и ее историю автор изложил уже в 1925 г., опубликовав «Введение в историю религии» в виде популярных лекций, в которых была рассмотрена история возникновения и последующего развития различных религиозных форм [Луначарский, 1972]. Частично развивая идеи, высказанные им еще до революции, А. В. Луначарский связывал происхождение религии со страхом перед трупом, заставившим первобытного человека задуматься о наличии мира иного порядка, чем окружающий его. К этому выводу первобытного человека подталкивал и феномен сна, заставляющий предположить наличие двойника — души, покидающей тело человека во время сна и после смерти. Наряду с подобными умозаключениями, первобытный человек должен был предложить объяснения для окружающих его явлений природы, закономерно вызывающих страх. Для решения данной задачи предположение о наличии духов оказалось как нельзя более уместным, позволив трактовать любое природное явление в качестве действия со стороны духов. Рассматривая анимизм в качестве первой ступени развития религиозных верований, А. В. Луначарский связывал их дальнейшую эволюцию с трансформациями социальной структуры общества, полагая, что «сонмы духов умерших людей превратились в иерархии богов, постепенно все более упорядочивавшиеся в зависимости от такого же расслоения человеческих обществ» [Там же, с. 129].

Становление марксистской теории религии, по мысли другого партийного теоретика, занимавшегося названными сюжетами «в часы досуга», И. И. Скворцова-Степанова, было напрямую связано с критической переработкой огромного фактического материала, «добытого» буржуазными исследователями [см.: Степанов]. «Марксист берет то, что сделано буржуазной

наукой, критически проверяет то, что сделано буржуазной наукой, применяя везде последовательно неизменно метод Маркса и Энгельса, метод исторического материализма», заключающийся в раскрытии влияния материального быта на те или иные религиозные представления [Степанов, л. 5]. Одновременно И. И. Скворцов-Степанов выступает против мнения М. Н. Покровского, в определенной степени проявившегося и в работах А. В. Луначарского, о возникновении религии из страха смерти [см.: Скворцов-Степанов]. Обвиняя организатора советской исторической науки в пренебрежении историческим материализмом, И. И. Скворцов-Степанов, одновременно, считает возможным трактовать историю развития религиозных верований в соответствии с выводами Г. Кунова [Там же], на которые опирался в том числе и М. Н. Покровский [Покровский, с. 23].

Н. И. Бухарин, занимавший в начале 1920-х гг. достаточно устойчивые позиции в партии и ставший одним из видных идеологов, уже в 1921 г. опубликовал знаменитое издание, использовавшееся для подготовки «красных профессоров» — «Теорию исторического материализма», — в котором, размышляя о взаимодействии базиса и надстройки, не мог не затронуть вопросы, связанные с религией [см.: Бухарин]. Рассматривая данный феномен в качестве одного из элементов надстройки, теоретик советского марксизма настаивал на необходимости его изучения в качестве отражения «производственных отношений и обуславливаемого им политического строя» [Там же, с. 187]. Не имея собственного содержания, религия лишь отражает социальные отношения, связанные с отношениями господства и подчинения, и, следовательно, эволюционирует вместе с изменениями общественного устройства. Именно так мы должны подходить к анализу религий древности, соответствующих развитию тех обществ, которые их исповедовали: с появлением монархии на Древнем Востоке стало возможным появление «небесного монарха», нашедшего свое выражение в религиозных верованиях [Там же, с. 190]. Рассматривая религию в качестве отражения социально-политических условий жизни общества, Н. И. Бухарин опирается на исследование А. Богданова и Г. Кунова, в сочетании с работами М. Вебера, Э. Мейера, Б. А. Тураева и Р. Ю. Виппера, у которых он заимствует не только фактический материал, но и некоторые методологические приемы [Там же, с. 188–195]. При этом советский марксист критикует организатора советской исторической науки М. Н. Покровского, считая его теорию возникновения религии из страха смерти в корне ошибочной [Там же, с. 189].

Одновременно с разработкой марксистской методологии религиоведческих исследований активно велась работа по переводу и публикации работ зарубежных исследователей, чьи выводы могли оказаться полезными советским марксистам. К числу таковых, в первую очередь, относились работы представителей зарубежной социал-демократии, проявлявшей значительный интерес к религии. В рамках данной статьи укажем на две фигуры — французского и немецкого теоретиков марксизма П. Лафарга и К. Каутского. Переводы их работ активно велись в Институте марксизма-ленинизма, возглавляемом Д. Б. Рязановым [Рокитянский]. Воззрения П. Лафарга на религию близки к тем, что были рассмотрены нами ранее: он разделял анимистическую теорию, согласно которой происхождение веры в бога нужно усматривать в наблюдениях первобытного

человека над состояниями сна и смерти; кроме того, он соглашался с экономической основой существования религии [см.: Лафарг].

Что касается К. Каутского, то среди его работ особое место занимала монография «Происхождение христианства», являвшаяся «лучшей работой по истории христианства с точки зрения материалистического понимания истории» [Рязанов, с. XII]. «До сих пор, — писал Д. Б. Рязанов в предисловии к изданию 1930 г., — в русской и в иностранной литературе нет другой работы, которая могла бы заменить книгу К. Каутского, поскольку речь идет об исследовании социальной почвы христианства» [Там же, с. XI]. Схожим образом работу немецкого мыслителя оценивали и другие советские авторы, полагавшие, что именно К. Каутский представил первую попытку «раскрыть общественные условия, создавшие раннее христианство» [Боричевский, Кагаров, с. 3]. Названная работа немецкого социалиста выросла, по его собственным словам, из пересмотра введения к работе «Предшественники социализма» и отражала длительный период размышлений о данном предмете [Каутский, с. 21]. Отталкиваясь от выводов Б. Бауэра, К. Каутский показывает процесс возникновения христианской религии из экономических, политических, социальных и идейных условий развития Римской империи. Действием тех же сил он объясняет и эволюцию христианской доктрины, которая развивалась от коммунистических идеалов первого столетия к монархической Церкви, оправдывающей богатство.

Наряду с переводами полных текстов работ имела место публикация хрестоматий — выдержек из отдельных работ, которые могли носить характер образцов для советских исследователей [см.: Антирелигиозная хрестоматия; Глан]. Один из наиболее ярких примеров книг подобного рода дает хрестоматия, составленная Г. А. Гуревым и выдержавшая несколько переизданий. Разбивая материал на отдельные тематические блоки, составитель использовал для иллюстрации марксистского подхода выводы целого ряда авторов, в том числе и тех, кто позднее был подвергнут разрушительной критике. Так, в разделе «Религия в свете марксизма» были представлены фрагменты сочинений П. Лафарга, К. Каутского и Ф. Лютгенау [Антирелигиозная хрестоматия, с. 726].

Любопытно, что наряду с публикацией работ исследователей, действительно работавших в рамках марксизма, широкое распространение получили переводы работ зарубежных авторов, никогда о своей приверженности данной философии не заявлявших. Так, выводы М. Вебера, публикация отдельных фрагментов работ которого появилась в середине 1920-х гг. в журнале «Атеист», оказались полностью соответствующими марксистской теории [Вебер, с. 18]. Широко использовались советскими авторами, а потому активно переводились сочинения зарубежных религиоведов, из которых, согласно распространенному в советской России убеждению, можно черпать материал, необходимый для разработки советской марксистской теории религии. Именно так были переведены сочинения английского антрополога Э. Тайлора, немецкого либерального теолога В. Вреде и других авторов [см.: Тэйлор; Вреде], а также труды целого ряда представителей «мифологической школы», чьи выводы представляли интерес преимущественно для атеистической пропаганды [см.: Робертсон; Древис; Мутье-Руссе; Кушу].

Не всегда имея достаточные средства для публикации необходимой переводной научной литературы и для покупки оригиналов, советское руководство активно использовало еще один метод — заграничные командировки для преданных коммунистов, которым было поручено изучение западноевропейской религиозно-научной литературы. Так, В. К. Никольский, сотрудник Коммунистической академии, 1 МГУ, Института народов Востока [см.: Список старших научных сотрудников...], работал в библиотеках крупнейших научных центров Западной Европы — в Париже и Берлине — и представил по результатам командировки доклад перед коллегами по академии, в котором осветил современное состояние западных религиозно-научных исследований [см.: Никольский В. К.].

Таким образом, в течение 1920-х гг. были утверждены основные «маркеры» советского марксистского подхода к изучению религии и предложены различные варианты его смыслового наполнения. Соглашаясь с тем, что марксистское понимание религии основано на ее материалистическом прочтении, советские исследователи и партийные деятели предлагали различные реконструкции религиозной истории, первым этапом которой, по мнению большинства авторов, был анимизм — вера в одушевленность мира. Предлагая подобные модели марксистского подхода к изучению религии, рассматриваемые нами авторы опирались на выводы зарубежных и отечественных марксистов, а также на фактический материал, накопленный буржуазными исследователями. В результате получался причудливый синтез, когда выводы западного сравнительного религиоведения использовались для иллюстрации марксистских доктрин.

К концу 1920-х гг. ситуация на научном и идеологическом фронтах начала резко меняться. Провозглашенная И. В. Сталиным «культурная революция» предполагала быструю советизацию научных исследований, отныне проводимых *только* марксистскими кадрами [см.: Колчинский]. И. В. Сталин стремился к установлению «застывших» форм знания, выработанных на основе предельно упрощенной марксистской теории, что легко позволяло устроить тотальный идеологический контроль, жестко подавляя всякие поиски за пределами канона. «Сталин не развивал ни учение Маркса, ни учение Энгельса или Ленина, он создал иную версию учения, приспособив ее для нужд партийца с начальным образованием» [см.: Гайда, Любутин, Мошкин, с. 78].

Основным инструментом насаждения подобного идейного единообразия в науке стали множественные дискуссии, в ходе которых были выработаны марксистские принципы изучения базовых проблем всего спектра научных дисциплин. Причем организаторами и лидерами подобных дискуссий стали пришедшие в науку в 1920-е гг. новые «коммунистические» кадры, воспитанные на иных идеалах, нежели их старшие коллеги. «Лабораторией», в которой осуществлялась «выплавка» советского марксистского религиоведения, стала Коммунистическая академия, где с 1920-х гг. начались активные обсуждения вопросов природы и сущности религии. Нельзя сказать, что подобные дискуссии не протекали в стенах академии ранее, однако существенно изменилась не только их тематика, но и тональность. Наиболее показательными, на наш взгляд, являются несколько дискуссий, состоявшихся в 1928–1929 гг. Первым

в данном ряду стало обсуждение проблемы сущности религии в секции истории религий, состоявшееся в 1928 г. Б. И. Горев, выступавший главным докладчиком, подчеркнул, что на сегодняшний день существует несколько вариантов изучения религии с точки зрения материалистического подхода [см.: Горев, л. 1]. Однако борьба с данным феноменом не может не требовать большего единодушия в вопросах понимания сущности религии. Критикуя «группы» Богданова — Бухарина и Скворцова — Кунова — Покровского, докладчик не порывает с их взглядами, определяя религию как веру в сверхъестественных существ и предлагая искать ее истоки в биологии, а именно в страхе смерти [Там же, л. 6, 21]. Религия, по мысли Б. И. Горева, возникает в качестве просьбы человека, которая, в свою очередь, диктуется экономической обстановкой. Иными словами, религия есть выражение идеологии беспомощности.

Менее чем через год на заседании Комиссии по истории религии с докладом о происхождении данного феномена выступил П. Ф. Преображенский, воспитанный еще в дореволюционной традиции, но активно включившийся в советское научное строительство [см.: Преображенский]. Докладчик настаивал на том, что религия развивается по аналогии с развитием языка, искусства и науки, разница лишь в том, что она имеет дело с фантастическими, воображаемыми объектами. Выводы автора вызвали оживленную полемику, основным участником которой стал В. С. Рожицын, подвергший тезисы П. Ф. Преображенского сокрушительной критике. В. С. Рожицын настаивал на изначально неверном утверждении своего оппонента об отсутствии марксистской религиоведческой теории, утверждал, что, напротив, такая теория существует и она напрямую связана, во-первых, с анимизмом, а, во-вторых, с экономической трактовкой истории [Рожицын, л. 29]. Вместе с тем, наиболее важным в прениях оказался вопрос не о трактовках конкретного материала, но методологические споры, развернувшиеся вокруг возможности различных прочтений религиозной истории. По мнению некоторых присутствующих марксизм связан с понятием м о н и з м а, который предлагается понимать в качестве цельного восприятия общественных феноменов [Там же, л. 44]. Однако подобная трактовка не может быть единственной и наталкивает на мысль о возможности различных прочтений тех или иных сюжетов. Справедливость данной точки зрения доказывает хотя бы тот факт, что, возражая В. С. Рожицыну, В. К. Никольский настаивал на невозможности остановиться на точке зрения Ф. Энгельса, ведь «если бы он [Энгельс] жил дольше, то он бы еще дальше продвинулся» [Никольский В. К., л. 52].

Важность поднятых в дискуссии по докладу П. Ф. Преображенского проблем демонстрирует состоявшаяся менее чем через месяц новая дискуссия. В качестве докладчика выступил В. С. Рожицын, который на основе анализа трудов Ф. Энгельса пытался представить развитие мифологии [см.: Рожицын]. Автор доказывал, что изменения орудий труда ведут к закономерным изменениям систем хозяйствования, а последние, в свою очередь, отражаются на религиозных представлениях.

Из стен Коммунистической академии полемика постепенно перешла на страницы периодической печати. Анализ публикаций журнала «Антирелигиозник» за 1930–1935 гг. отражает процесс формирования канонического подхода к пониманию религии в советском обществоведении, ключевую роль в котором сыграл

А. Т. Лукачевский, занимавший пост руководителя Антирелигиозной секции Коммунистической академии. Именно его перу принадлежали программные статьи, появившиеся в указанный период на страницах журнала и претендующие на утверждение единственно верных трактовок. Критикуя Г. В. Плеханова за то, что он не вскрывает социально-экономические корни религии, превратно толкует данный феномен, используя определения иностранных авторов и настаивая на объяснительной функции религии в первобытных обществах, А. Т. Лукачевский отстаивает марксистско-ленинское определение религии как фантастического отражения несовершенного бытия [Лукачевский, 1932а, с. 14–16; 1932б, с. 21–24; 1933, с. 6]. Однако используя цитаты из различных произведений К. Маркса и В. И. Ленина, автор не предлагает качественно нового понимания религии, рассматривая ее возникновение как отражение бессилия дикаря перед природой. Никуда не исчезает и критикуемая за идеализм анимистическая концепция Э. Тайлора. В результате формируется причудливое явление: марксистская методология, рассматривающая религию в качестве надстроечного элемента, чья эволюция зависит от развития социально-экономических процессов, ассимилирует критикуемые ею теории, в первую очередь, опираясь на предшествующую традицию — выводы сравнительного религиоведения XIX в.

Все приведенные примеры демонстрируют начало нескольких любопытных процессов, связанных с утверждением монистического взгляда на марксистское религиоведение: критика выводов тех авторов, которые служили ранее образцами марксистского изучения религии (К. Каутский, Г. В. Плеханов и др.), и создание авторитета классиков марксизма (К. Маркс и Ф. Энгельс, позднее к ним добавится В. И. Ленин). Остановимся на указанных процессах более подробно.

К. Каутский стал объектом критики со стороны советских марксистов уже в начале 1920-х гг., что во многом было связано с оценками В. И. Ленина [Ленин]. Однако, как мы видели, оценка политических позиций пока еще не экстраполировалась на научные изыскания. В начале 1930-х гг. ситуация изменилась и против К. Каутского была развернута мощная кампания, в ходе которой были поставлены под сомнение его выводы в области первохристианской истории [см.: Муравьев]. Немецкого социал-демократа обвиняли, во-первых, в пренебрежении социально-экономическим анализом Римской империи I в. н. э., который является необходимым условием марксистского изучения религии; во-вторых, в ложном отождествлении христианства с революционной идеологией, что искажает реакционную сущность религии и препятствует ее подлинно научному пониманию; в-третьих, в пренебрежении конкретно-историческими выводами Ф. Энгельса, в частности, его анализом социального состава ранних христианских общин.

Критика идей Г. В. Плеханова появилась несколько позднее и была развернута не столь широко. Дабы подтвердить наш тезис, воспользуемся работами А. Т. Лукачевского. В лекциях 1928–1929 гг., опубликованных в качестве отдельного издания в 1930 г., автор ссылается на представленную Г. В. Плехановым классификацию элементов религии, тогда как в статьях 1932 г. он уже резко критикует подход мыслителя как не соответствующий требованиям марксизма [Лукачевский, 1930, с. 6; 1932а, с. 15]. В целом, существенно обобщая, мы можем сказать, что критика трудов Г. В. Плеханова сводилась преимущественно к обвинениям

в идеализме и пренебрежении социально-экономическим анализом общества, в котором возникла религия. Причем любопытно, что выводы опального марксиста не исчезли из работ советских авторов, более того, они использовались некоторыми из них [см., например: Муравьев, Шохор].

Формирование авторитета классиков марксизма, в число которых вошли, в первую очередь, К. Маркс и Ф. Энгельс, а также В. И. Ленин, было связано с несколькими основными процессами: во-первых, с утверждением набора канонических произведений; во-вторых, с определением перечня цитат, обязательных для использования в работах по истории религий; в-третьих, с принятием определенного способа трактовки материала работ классиков [Лукачевский, 1933; Ярославский, с. 46–99, 228–253]. Причем, любопытно, что непререкаемым авторитетом обладали выводы только К. Маркса и В. И. Ленина, тогда как в отношении Ф. Энгельса наблюдались некоторые сомнения в предложенных им трактовках исторического материала. Одновременно нельзя не отметить, что советские авторы использовали работы основателей марксизма-ленинизма в различных целях [Сидорова, с. 35]. Так, указания К. Маркса и В. И. Ленина носили преимущественно методологический характер и использовались для обоснования избранного советскими марксистами подхода к анализу религиозной истории, тогда как идеи Ф. Энгельса должны были проиллюстрировать механизм работы с конкретно-историческим материалом.

Проведенное исследование позволяет нам представить два основных этапа формирования марксистского понимания религии в Советской России: 1920-е гг. как творческое развитие марксистской методологии на основе самых разных образцов социал-демократической литературы (Г. В. Плеханов, Г. Кунов, К. Каутский и др.) и конец 1920-х — начало 1930-х гг. как время насаждения единственно верного марксистского подхода к пониманию религии, созданного на основе толкования набора цитат из работ утверждающихся классиков — К. Маркса, В. И. Ленина и, в дальнейшем, Ф. Энгельса. Стремясь быстрыми темпами сформировать советское марксистское обществоведение, партийные идеологи и ученые, выполнявшие партийный заказ, опирались на разработки своих предшественников, облачая в марксистские одежды накопленный последними фактический материал. Да и сама марксистская теория была предельно упрощена, представ в качестве набора установившихся цитат, служивших маркерами, отличавшими «своих» от «чужих». Причем, наряду с упрощением, имело место и откровенное искажение взглядов основоположников, проводимое в угоду требованиям того времени. Одним из наиболее ярких примеров подобного искажения предстало затушевывание всяких сравнений религии и коммунизма, имевших место в работах немецких социал-демократов XIX в., в частности у Ф. Энгельса.

Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С. Российская наука в постсоветский период: от кадрового обвала к численной стабилизации // Наука та наукознавство. 2005. № 1. С. 51–62. [Allahverdjan A. G., Agamova N. S. Rossijskaja nauka v postsovetiskij period: ot kadrovogo obvala k chislennoj stabilizacii // Nauka ta naukoznastvo. 2005. № 1. S. 51–62.]

Антирелигиозная хрестоматия : пособие для пропагандистов, преподавателей и учащихся / сост. Г. А. Гурев. 3-е изд. М., 1929. 695 с. [Antireligioznaja hrestomatija : posobie dlja propagandistov, prepodavatelej i uchashhihsja / sost. G. A. Gurev. 3-e izd. M., 1929. 695 s.]

Боричевский И. А. Митраизм и христианство; *Кагаров Е. Г.* Религия умирающего и воскресающего Бога. М., 1929. 68 с. + 28 с. [Borichevskij I. A. Mitraizm i hristianstvo; Kagarov E. G. Religija umirajushhego i voskresajushhego Boga. M., 1929. 68 s. + 28 s.]

Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. М., 1921. 383 с. [Buharin N. I. Teorija istoricheskogo materializma. M., 1921. 383 s.]

Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Атеист. 1928. № 25. С. 18. [Veber M. Hozjajstvennaja jetika mirovyh religij // Ateist. 1928. № 25. S. 18.]

Виппер Р. Ю. Возникновение христианства. М., 1918. 118 с. [Vipper R. Ju. Vozniknovenie hristianstva. M., 1918. 118 s.]

Вреде В. Происхождение книг Нового Завета (публичные лекции) / под ред. Н. М. Никольского. 2-е изд., испр. и доп. Гомель, 1925. 104 с. [Vrede V. Proishozhdenie knig Novogo Zaveta (publichnye lekicii) / pod red. N. M. Nikol'skogo. 2-e izd., ispr. i dop. Gomel', 1925. 104 s.]

Гайда А. В., Лjubутин К. Н., Мошкин С. В. Марксизм Иосифа Сталина. Философско-политологические этюды. Екатеринбург, 2001. 288 с. [Gajda A. V., Ljubutin K. N., Moshkin S. V. Marksizm Iosifa Stalina. Filosofsko-politologicheskie jetjudy. Ekaterinburg, 2001. 288 s.]

Глан Я. Хрестоматия по истории атеизма / под ред. и с предисл. А. Т. Лукачевского. М.; Л., 1931. 366 с. [Glan Ja. Hrestomatija po istorii ateizma / pod red. i s predisl. A. T. Lukachevskogo. M.; L., 1931. 366 s.]

Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. 380 с. [Gordon A. V. Velikaja francuzskaja revoljucija v sovetskoj istoriografii. M., 2009. 380 s.]

Горев Б. И. Сущность религии. Стенограмма доклада и прений по нему на заседании [секции истории религии] // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 260. [Gorev B. I. Sushhnost' religii. Stenogramma doklada i prenij po nemu na zasedanii [sekcii istorii religii] // ARAN. F. 350. Op. 2. D. 260.]

Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг.: западный контекст и советские обстоятельства // Новое лит. обозрение. 2007. № 88. С. 10–38. [Dmitriev A. «Akademicheskij marksizm» 1920–1930-h gg.: zapadnyj kontekst i sovetskie obstojatel'stva // Novoe lit. obozrenie. 2007. № 88. S. 10–38.]

Древс А. Миф о Христе. М., 1926. 129 с. [Drevs A. Mif o Hriste. M., 1926. 129 s.]

Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск, 2005. 800 с. [Dubrovskij A. M. Istorik i vlast': istoricheskaja nauka v SSSR i koncepcija istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gody). Brjansk, 2005. 800 s.]

Жебелев С. А. Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919. 125 с. [Zhebelev S. A. Evangelija kanonicheskie i apokrificheskie. Pg., 1919. 125 s.]

Калинов В. В. Государственная научно-техническая политика (1985–2011 гг.). М., 2011. 456 с. [Kalinov V. V. Gosudarstvennaja nauchno-tehnicheskaja politika (1985–2011 gg.). M., 2011. 456 s.]

Каутский К. Происхождение христианства. М., 1990. 463 с. [Kautskij K. Proishozhdenie hristianstva. M., 1990. 463 s.]

Колчинский Э. И. «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932) // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 2003. С. 577–664. [Kolchinskij Je. I. «Kul'turnaja revoljucija» i stanovlenie sovetskoj nauki (1928–1932) // Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki / pod red. Je. I. Kolchinskogo. SPb., 2003. S. 577–664.]

Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013. 320 с. [Krih S. B. Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii. M., 2013. 320 s.]

Кулешов А. Профессионалы не требуются // Эксперт. 2013. № 21. С. 67–71. [Kuleshov A. Professionalny ne trebujutsja // Jekspert. 2013. № 21. S. 67–71.]

Кушу П. Закат бога. М., 1929. 96 с. [Kushu P. Zakat boga. M., 1929. 96 s.]

Лэфарг П. Религия и капитал. М., 1937. 232 с. [Lafarg P. Religija i kapital. M., 1937. 232 s.]

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 37. С. 235–338. [Lenin V. I. Proletarskaja revoljucija i renegat Kautskij // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. M., 1969. T. 37. S. 235–338.]

Леонтьева О. Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX вв. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара, 2004. 206 с. [Leont'eva O. B. Marksizm v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. Problemy metodologii istorii i teorii istoricheskogo processa. Samara, 2004. 206 s.]

Лукачевский А. Т. Происхождение религии (обзор теорий): переработанные стенограммы лекций, читанных для Московского актива СВБ и членов антирелигиозного семинария при МК ВКП(б) в 1928–1929 гг. 2-е изд. М., 1930. 134 с. [Lukachevskij A. T. Proishozhdenie religii (obzor teorii): pererabo-tannye stenogrammy lekcij, chitannyh dlja Moskovskogo aktiva SVB i chlenov antireligioznogo seminarija pri MK VKP(b) v 1928–1929 gg. 2-e izd. M., 1930. 134 s.]

Лукачевский А. Т. Происхождение религии // Антирелигиозник. 1932а. № 2. С. 14–24. [Lukachevskij A. T. Proishozhdenie religii // Antireligioznik. 1932. № 2. S. 14–24.]

Лукачевский А. Т. Происхождение религии // Антирелигиозник. 1932б. № 4. С. 20–27. [Lukachevskij A. T. Proishozhdenie religii // Antireligioznik. 1932. № 4. S. 20–27.]

Лукачевский А. Т. Маркс и история религий // Антирелигиозник. 1933. № 2. С. 4–9. [Lukachevskij A. T. Marks i istorija religij // Antireligioznik. 1933. № 2. S. 4–9.]

Луначарский А. В. Социализм и религия : в 2 т. М., 1908. [Lunacharskij A. V. Socializm i religija : v 2 t. M., 1908.]

Луначарский А. В. Введение в историю религии (1925) // Луначарский А. В. Об атеизме и религии (сб. ст., писем и других материалов). М., 1972. С. 104–217. [Lunacharskij A. V. Vvedenie v istoriju religii (1925) // Lunacharskij A. V. Ob ateizme i religii (sb. st., pisem i drugih materialov). M., 1972. S. 104–217.]

Маловичко С. И. Источниковедение историографии как инструмент для изучения профессиональной исторической культуры // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2012. Вып. 13. С. 11–24. [Malovichko S. I. Istochnikovedenie istoriografii kak instrument dlja izuchenija professional'noj istoricheskoj kul'tury // Stavropol'skij al'manah Rossijskogo obshhestva intellektual'noj istorii. Stavropol', 2012. Vyp. 13. S. 11–24.]

Медведев Ю. Ученый на диете. Даже зарплата в тысячу долларов не остановит «утечку мозгов» [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/printable/2006/01/26/uchenie.html> (дата обращения: 20.06.2013). [Medvedev Ju. Uchenyj na diete. Dazhe zarplata v tysjachu dollarov ne ostanovit «utechku mozgov» [Jelektronnyj resurs] // Rossijskaja gazeta. URL: <http://www.rg.ru/printable/2006/01/26/uchenie.html> (data obrashhenija: 20.06.2013).]

Мутье-Руссэ Э. Существовал ли Иисус Христос? М., 1929. 84 с. [Mut'e-Russje Je. Sushhestvoval li Iisus Hristos? M., 1929. 84 s.]

Муравьев Е. Как К. Каутский извратил марксизм в вопросе происхождения христианства // Под знаменем марксизма. 1933. № 1. С. 193–209. [Murav'ev E. Kak K. Kautskij izvratil marksizm v voprose proishozhdenija hristianstva // Pod znamenem marksizma. 1933. № 1. S. 193–209.]

Муравьев Е., Шохор В. Об элементах религии // Антирелигиозник. 1935. № 6. С. 29–39. [Murav'ev E., Shohor V. Ob jelementah religii // Antireligioznik. 1935. № 6. S. 29–39.]

Никольский В. К. Обзор западноевропейской литературы по вопросу происхождения религии. Стенограмма доклада и прений на заседании Комиссии по истории религии // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 388. [Nikol'skij V. K. Obzor zapadnoevropejskoj literatury po voprosu proishozhdenija religii. Stenogramma doklada i prenij na zasedanii Komissii po istorii religii // ARAN. F. 350. Op. 2. D. 388.]

Никольский Н. М. Избранные произведения по истории религии. М., 1974. 269 с. [Nikol'skij N. M. Izbrannye proizvedenija po istorii religii. M., 1974. 269 s.]

О постановке антирелигиозной пропаганды и агитации (резолюция XII съезда РКП(б)) // О религии и церкви : сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. 2-е изд. М., 1981. С. 62–65. [O postanovke antireligioznoj propagandy i agitacii (rezoljucija XII s'ezda RKP(b)) // O religii i cerkvi : sb. vyskazyvanij klassikov marksizmaleninizma, dokumentov KPSS i Sovetskogo gosudarstva. 2-e izd. M., 1981. S. 62–65.]

Петров М. П. О положении российской науки [Электронный ресурс] // Звезда : ежемессячный литературно-художественный и общественно-политический независимый журнал.

URL: <http://www.astro.spbu.ru/staff/nsot/discussion/petrov.html> (дата обращения: 20.06.2013). [Petrov M. P. O polozhenii rossijskoj nauki [Jelektronnyj resurs] // Zvezda : ezchemesjachnyj literaturno-hudozhestvennyj i obshhestvenno-politicheskij nezavisimyj zhurnal. URL: <http://www.astro.spbu.ru/staff/nsot/discussion/petrov.html> (data obrashhenija: 20.06.2013).]

Плеханов Г. В. О религии и церкви : избр. произв. / под ред. И. А. Крывелева. М., 1957. 607 с. [Plehanov G. V. O religii i cerkvi : izbr. proizv. / pod red. I. A. Kryveleva. M., 1957. 607 s.]

Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Экономический строй: от первобытного хозяйства до промышленного капитализма. Государственный строй: обзор развития права и учреждений. 5-е изд. М., 2010. 256 с. [Pokrovskij M. N. Oчерk istorii russkoj kul'tury. Jekonomicheskij stroj: ot pervobytnogo hozjajstva do promyshlennogo kapitalizma. Gosudarstvennyj stroj: obzor razvitija prava i uchrezhdenij. 5-e izd. M., 2010. 256 s.]

Преображенский П. Ф. Основные проблемы вопроса о происхождении религиозных форм // АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 82. [Preobrazhenskij P. F. Osnovnye problemy voprosa o proishozhdenii religioznyh form // АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 82].

Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария», июнь 1909 г. М., 1934. 294 с. [Protokoly soveshhanija rasshirenoj redakcii «Proletarija», jun' 1909 g. M., 1934. 294 s.]

Робертсон Дж. Евангельские мифы / под ред. и с предисл. Л. А. Шпицберга. М., 1923. 226 с. [Robertson Dzh. Evangel'skie mify / pod red. i s predisl. L. A. Shpicberga. M., 1923. 226 s.]

Рожицын В. С. Социально-экономические основы мифологии. Стенограмма доклада и прения по докладу на заседании комиссии по истории религии // АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 84. [Rozhicyн V. S. Social'no-jekonomicheskie osnovy mifologii. Stenogramma doklada i preniya po dokladu na zasedanii komissii po istorii religii // АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 84.]

Рокитянский Я. Г. Из биографии академика Д. Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931 г.) // Отеч. архивы. 2008. № 4. С. 10–23. [Rokitjanskij Ja. G. Iz biografii akademika D. B. Rjazanova: razgrom Instituta K. Marksa i F. Jengel'sa (mart 1931 g.) // Otech. arhivy. 2008. № 4. S. 10–23.]

Рязанов Д. Предисловие редактора ко второму изданию // Каутский К. Собр. соч. : в 10 т. М. ; Л., 1930. Т. 10 : Происхождение христианства. С. I–XII. [Rjazanov D. Predislovie redaktora ko vtoromu izdaniju // Kautskij K. Sobr. soch. : v 10 t. M. ; L., 1930. T. 10 : Proishozhdenie hristianstva. S. I–XII.]

Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. 37 с. [Sidorova L. A. Sovetskaja istoricheskaja nauka serediny XX veka: sintez treh pokolenij istorikov : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2008. 37 s.]

Скворцов-Степанов И. И. Страх смерти против исторического материализма (Ответ М. Н. Покровскому) // Скворцов-Степанов И. И. Очерк развития религиозных верований. М., 2011. С. 179–216. [Skvorcov-Stepanov I. I. Strah smerti protiv istoricheskogo materializma (Otvét M. N. Pokrovskomu) // Skvorcov-Stepanov I. I. Oчерk razvitija religioznyh verovanij. M., 2011. S. 179–216.]

Список старших научных сотрудников Института истории Коммунистической академии // АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 62. [Spisok starshih nauchnyh sotrudnikov Instituta istorii Kommunisticheskoj akademii // АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 62.]

Степанов [И. И.]. Введение в историю религий: стенограммы лекций № 1–2 // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 18. [Stepanov [I. I.]. Vvedenie v istoriju religij: stenogrammy lekcij № 1–2 // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 18.]

Тейлор Э. Введение к изучению человека и цивилизации (Антропология). 4-е изд. М. ; Пг., 1924. 320 с. [Tejlor Je. Vvedenie k izucheniju cheloveka i civilizacii (Antropologija). 4-e izd. M. ; Pg., 1924. 320 s.]

Юрганов А. Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. 768 с. [Jurganov A. L. Russkoe nacional'noe gosudarstvo: Zhiznennyj mir istorikov jepohi stalinizma. M., 2011. 768 s.]

Ярославский Е. М. О религии. М., 1958. 640 с. [Jaroslavskij E. M. O religii. M., 1958. 640 s.]

Статья поступила в редакцию 13.11.2013 г.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 622.3(470.5) + 316.343-058.13(470.5)

С. Н. Кулбахтин
Э. А. Черноухов

НАСТОЛЬНЫЕ МОНОГРАФИИ ПО ИСТОРИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА

Рец. на книги: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2004. — 600 с.; Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX века: владельцы и владения. — Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2013. — 664 с.

Дана рецензия на две монографии доктора исторических наук Е. Г. Неклюдова, в которых через различные «практики владения» проанализированы биографии всех владельцев горнозаводских хозяйств Урала XIX — начала XX в.

Ключевые слова: горнозаводские хозяйства; заводовладельцы; Е. Г. Неклюдов; Урал.

В отечественной исторической науке первые обстоятельные биографии известных отечественных деятелей были созданы уже в XIX в. Тогда же появились и первые труды о горнозаводчиках Урала: Демидовых (Г. И. Спасский) и Строгановых (Н. Г. Устрялов).

В советский период эта проблематика длительное время не считалась актуальной. Лишь в 1962 г. Н. И. Павленко издал капитальную монографию, в которой воссоздал исторический образ российских предпринимателей в сфере металлургии XVIII в. Значительное место в ней было уделено и заводовладельцам Урала [Павленко]. Можно без преувеличения сказать, что она и сегодня является настольной книгой для специалистов, изучающих различные проблемы этого периода.

После этого многие исследователи занимались историей отдельных металлургических предприятий и горнозаводских хозяйств дореволюционного Урала,

в разной степени уделяя внимания их владельцам. В последние два десятилетия были изданы капитальные труды по истории металлургии региона в целом. Но по заводовладельцам обобщающей работы так и не появилось.

Эту лакуну фактически закрыл известный специалист по истории горнозаводской промышленности Урала Евгений Георгиевич Неклюдов. Его кандидатская диссертация, защищенная в 1988 г., была посвящена рабочим региона в 1830–1850-х гг. В 1990-е гг. многие отечественные исследователи нашли новые, отвечавшие сложившимся «реалиям» темы научных изысканий. Но остались и специалисты, верные традиционной для региона проблематике, в том числе Е. Г. Неклюдов.

В 2004 г. он издал монографию об уральских заводовладельцах первой половины XIX в., ставшую основой для докторской диссертации. Через девять лет появилось продолжение исследования. В нем систематизированы научные разыскания автора по истории горнозаводчиков региона после отмены крепостного права. Эти монографии по праву можно назвать настольными для любого специалиста, занимающегося историей горнозаводского Урала. Они явно привлекут внимание и других заинтересованных исследователей, т. к. содержат огромный массив информации в различных областях гуманитарного знания.

Е. Г. Неклюдов рассмотрел владельцев частных горных хозяйств Урала сквозь призму так называемых «практик владения», в ходе реконструкции которых выявлялся состав и деятельность заводчиков, обусловленная реализацией их базовых функций владения и управления [Неклюдов, с. 3]. Они разделены на две большие группы: «старинные» и «новые» роды. К первым отнесены династии заводовладельцев, сформировавшиеся еще в XVIII в.

Следует особо отметить разнообразие материалов, обобщенных автором. В его монографиях систематизированы сложные генеалогические связи заводовладельцев, даны обстоятельные характеристики их жизни и деятельности, в том числе внутрисемейные радости и проблемы, взаимодействие с правительственными чиновниками, показаны различные аспекты управления обширными многоотраслевыми хозяйствами. Это стало возможным благодаря обширной историографической и источниковой базе, привлеченной Е. Г. Неклюдовым.

В целом автором создана полноценная картина по владельцам горнозаводских хозяйств Урала в XIX — начале XX в. Она уже получила своеобразное дополнение. В издательстве «Сократ» вышли первые научно-популярные книги по истории известных горнозаводских династий Урала: Демидовых, Яковлевых, Турчаниновых. Среди их авторов и Е. Г. Неклюдов.

Отметим и «россыпь» иностранных фамилий в рецензируемых монографиях: от управляющих до скромных специалистов. Она открывает новые возможности для более глубокого изучения их жизни и вклада в развитие горнозаводской промышленности Урала.

В заключение приведем некоторые соображения, которые могут быть учтены при возможном переиздании рецензируемых монографий.

Раздел по истории «старинных» родов в первой из них было бы полезно начать с небольшого экскурса об их появлении на горнозаводском Урале. Это позволило бы лучше оценить их вклад в его развитие.

Примером могут служить Турчаниновы. Н. И. Павленко удивлялся, как «подлородный» купец в середине XVIII в. оказался единственным, допущенным «к разделу казенного пирога»: покупке заводов. Но Турчанинов к тому времени уже не был купцом. Вот фрагмент указа Елизаветы Петровны от 2 марта 1753 г.: А. Ф. Турчанинова «соляного промышленника и Троицкого медного завода и разных металлов посуды и вещей фабриканта... за его в произведение тех заводов и фабрик прилежание и за оказанное в том искусство, пожаловать чином титулярного советника и выключить его из подушного оклада» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 122, л. 163].

Владелец Шилвинского медеплавильного завода Н. Н. Подъячев оказался в числе «новых» заводчиков, а он был представителем горнозаводской династии.

Большой раздел о потомках И. С. Мясникова можно было озаглавить «Потомки И. С. Мясникова и Твердышевых». Ведь сестра последних Наталья Борисовна была замужем за И. С. Мясниковым. В формировании горнозаводской компании, в том числе обеспечении судьбы своих племянниц, Твердышевы сыграли главную, если не решающую роль.

После издания монографий Е. Г. Неклюдова следует ждать появления капитального труда по другому перспективному направлению исследований: «практике управления» казенными горнозаводскими округами Урала в XIX — начале XX в. Принципиальные отличия в этой сфере, в сравнении с частными хозяйствами региона, отмечали уже современники.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 122. [GASO. F. 24. Op. 1. D. 122.]

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX века: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. 664 с. [Nekljudov E. G. Ural'skie zavodchiki vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka: vladel'cy i vladenija. Ekaterinburg, 2013. 664 s.]

Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводовладельцы. М., 1962. 568 с. [Pavlenko N. I. Istorija metallurgii v Rossii XVIII veka: zavody i zavodovladel'cy. M., 1962. 568 s.]

Рецензия поступила в редакцию 27.08.2014 г.

УДК 811.111-26 По + 7.036.45

О. А. Кравченко

**«ТЕНЬ И СУЩНОСТЬ, ВЕЩЕСТВО И СВЕТ»:
ЭДГАР ПО В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА****Рец. на кн.: Колчева Т. В. Эдгар По и русский символизм. — Тула : Тульский полиграфист, 2012. — 196 с.**

В рецензии на монографию Т. В. Колчевой «Эдгар По и русский символизм» отмечается роль творческого наследия Э. А. По для русских писателей-преемников, прослеживается духовная связь индивидуальной мифологии американского поэта с творчеством Н. В. Гоголя и художественной практикой русского символизма.

Ключевые слова: Э. По; романтизм; символизм; авторская мифология; компаративистика; онтологическая поэтика.

Феномен русского символизма предстает как сложная система эстетических отражений и влияний. Это многогранное явление вовлекает в себя глобальные культурные пласты от греческого трагического дионисийства до современной трагедии утраты духа музыки. Развивая мысль А. Белого, трактовавшего символ как аналог химической реакции, можно говорить о том, что и собственно символизм возникает как специфическая реакция на бытийно-активные сущности, воплощенные, в частности, именами Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Ф. Ницше, Э. По. В монографии Т. В. Колчевой осмысливается тот неотъемлемый компонент формирования идеологии и стиля русского символизма, который связан с творчеством американского поэта-романтика.

Данное исследование является по-настоящему новым словом в отечественном изучении творческого наследия Эдгара Аллана По. Продолжая постсоветскую линию эдгароведения, намеченную работами [см.: Пахолкина, Коноваленко], монография Т. В. Колчевой сопрягает аспекты компаративной и онтологической поэтики, комплексно прослеживая экзистенциально-творческую связь американского поэта и его русских преемников. В то же время монография «Эдгар По и русский символизм» может быть рассмотрена как продуктивное развитие традиции изучения «формантов» русского символизма, ярко представленной работами Л. А. Сугай, и, в частности, ее книгой «Гоголь и символисты» [Сугай].

Характерной чертой рецензируемой монографии является строго выдержанный межкультурный баланс: она равным образом углублена в контекст американской литературы первой половины XIX в. и русской литературы начала XX столетия. Повествование задано не только изучением влияния Э. По на русский символизм, но и осмыслением ситуации встречи — через годы и расстояния — родственных духовных интенций. Как и Ш. Бодлеру, творческая личность Э. По видится автору как «планета без орбиты», и потому характер его влияния принципиально не может быть исчерпан набором сюжетов и поэтических техник. Речь идет о множественности смысловых траекторий, о непредсказуемом пути кометы, озаряющей собою далекие исторические ландшафты.

Как нам представляется, структура монографии задана логикой биографического очерка первооткрывателя Э. По для русской аудитории — К. Бальмонта. Подобно символично-тематической рубрикации эдгаровской биографии в его изложении (такие, к примеру, названия глав: «Любовь, Борьба», «Смерть Любви, любовь к Любви, Смерть» [Бальмонт, с. 43, 61]), Т. В. Колчева выстраивает собственное научное высказывание с опорой на те сущностные доминанты, которые предопределили множественность валентных связей Э. По и русского символизма. Так, генеральная линия Жизнь — Смерть — Миф является структурной осью монографии, репрезентируя, соответственно, название трех ее частей. Внутри же каждой части акцентирована смысловая полярность: хаос и космос, уродство и красота, мгновение и вечность. Как подчеркнуто автором в предисловии, структура монографии «...отражает символическую противоречивость, которая определила судьбу великого американского поэта и судьбу русского символизма» [Колчева, с. 12]¹.

Бинарность, лежащая в основе структурной схемы монографии, задает ее разновекторную проблемность, стремление мысли по расходящимся радиусам в круге обозначенной темы. Этот тип движения обнаруживает глубинную родственность с «Эврикой» Эдгара По. Он охватывает «физическую и метафизическую вселенную» поэта-философа и позволяет исследовательнице актуализировать широкий спектр научных тем и методологий. Это и изучение особенностей биографического дискурса, и сопоставительный анализ поэтических переводов, и специфика осуществления культурных связей; в монографии обретают специфическую символистскую окрашенность категории героя, жанра, ритма, мифа.

Остановимся подробнее на содержании каждой главы. Как уже было сказано, открывает книгу глава «Жизнь», первый раздел которой знакомит читателя с исполненной драматизма биографией Э. По, получившей различное освещение как в автобиографической заметке «Memorandum» самого поэта, так и в работах Р. Грисволда, Ш. Бодлера, Д. Инграма, в очерках К. Бальмонта и В. Брюсова. Диаметрально противоположность взглядов на жизнь великого американского романтика косвенно объясняет деление главы на разделы «Хаос» и «Космос». «Сумасшедший, безумный, страшный, неврастеник, алкоголик, наркоман» (с. 14), — подобным характеристикам хаоса противопоставляет космичность, утверждение гармонии как квинтэссенции эдгаровского существования. Этот тезис, выражающий общую настроенность «Очерка жизни Эдгара По» К. Бальмонта получает в монографии Т. В. Колчевой такую нюансировку: «Жизнь Эдгара По была творчеством, а творчество — выражением Космоса, всегда ритмического, всегда гармоничного» (с. 31). Таким образом, жизненность поэта — это преодоление инерции расхожих штампов силой поэтического воздействия, обнаруживающего духовную высоту. Т. В. Колчева подчеркивает, что поэзия для Эдгара По была «синонимом “жизни”, но только жизни, полной гармонии» (с. 12).

Гармонические закономерности поэзии Э. По вскрываются автором монографии в скрупулезном анализе ее ритма, не сводимого без остатка к метроритмическому уровню, а понимаемому философски широко, как особого рода

¹ Здесь и далее ссылки на этот источник даются в круглых скобках с указанием номера страницы.

пульсации человеческой судьбы, раскрывающиеся в звуковой тональности, динамике тембра, композиционной изысканности стиха. Чуткость к эдгаровскому смыслообразующему ритму предопределяет ход анализа стихотворения «The Bells» и двух его символистских переводов — «Колокольчики и колокола» К. Бальмонта и «Звон» В. Брюсова. Показателен итог проведенного анализа: «...ритм в этом стихотворении создается во многом благодаря фоническому повтору <...> ритм изменяется от радостно-легкого через тревожно-рваный к мерно-тяжелому. В закономерности: начало — развитие — итог, ритмическая организация повторяет ритм человеческой жизни: быстро мчащиеся молодые годы, полная забот, трагедий и тревог зрелость, а за ней — забвение, всегда мистическое и всегда неизбежное» (с. 47–48). По мнению исследовательницы, К. Бальмонт улавливает этот экзистенциальный ритм, актуализируя в переводе стихотворения его звуко-смысл.

Отдельный сюжет этого раздела — брюсовский вклад в популяризацию творчества Э. По в России, особенности подхода Брюсова к переводу как к «передаче сознания», анализ различных редакций его переводов.

Концептуальное единство полярных начал, представшее в первой главе, на новом тематическом уровне претворено в последующем изложении. Однако во второй главе сопряжение хаоса и уродства, космоса и красоты дано не в свете Жизни, а в трагико-мистических отблесках Смерти — главного мотива творчества Э. По.

В первом разделе этой главы внимание в основном сосредоточено на новеллистике Э. По, в художественном строе которой осуществляется трансформация традиции готического романа и героя-злодея. Новые закономерности эстетики ужасного в свое время точно зафиксировал В. Брюсов, отметив, что у Э. По страшное не есть «чудесное» нарушение обычных условий реальности, оно дано как естественное и логичное ее состояние. Соответственно, готический злодей у американского романтика — не inferнальный, а скорее рассудочный герой, предстающий читателю в динамике нарастающего внутреннего уродства. Этот тип оказался созвучен эпохе декаданса, и тот же В. Брюсов декларировал в предисловии к сборнику «Земная ось» ориентацию на Э. По, в частности, в новелле «Теперь, когда я проснулся...». Анализируя эту новеллу, Т. В. Колчева подчеркивает, что степень ужасного, воплощенного в произведении, превышает ужас описываемых в нем событий, поскольку композиция новеллы подчинена не линейному временному разворачиванию, а утверждению мировоззренческих постулатов героя. Рассказ об убийстве жены ведется не раскаявшимся преступником, а рефлексирующим о человеческой сущности злодеем-теоретиком.

Влияние созданного Э. По типа героя обнаруживается и в романе А. Белого «Москва». Образ Эдуарда Эдуардовича фон Мандро воплощает то абсолютное и самообоснованное злодейство, которое справедливо может быть названо «бесом извращенности». С уверенностью можно утверждать, что данный аспект исследования вносит существенный вклад в беловедение, расширяя границы интерпретации одного из самых недооцененных романов писателя. Т. В. Колчевой удается показать саму эдгаровскую ауру романа. В незначительном, на первый взгляд, эпизоде, когда Коробкин, жертва Мандро, принимает за шапку лежащего

кота и «надевает» его на голову, — исследовательница усматривает скрытый смысловой код новеллы «Черный кот». В обоих произведениях учинена страшная пытка — лишение глаза, что позволяет по-новому прочитывать и подтекст данного эпизода, предвещающего роковые события, и образную систему романа.

В целом же архитектоника второй главы базируется на романтическом принципе дополнительности уродства и красоты, отлившемся в формулу «безобразное как прекрасное». Это и предопределяет дальнейшее обращение к женскому полюсу поэтики Э. По — образу прекрасной мертвой женщины.

Следует признать, что данный раздел монографии — самый насыщенный по объему привлеченного материала. Образ возлюбленной, оказывающейся в жизни и творчестве Э. По на грани бытия и небытия, обретает почти «месмерическую» притягательность для многих последующих поколений творцов. Т. В. Колчевой многоаспектно прослежены разнообразные тона и оттенки этого символа «конца времени» у художников-прерафаэлитов, О. Уайльда, В. Серова, Г. Чулкова, В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, Вл. Соловьева. Поистине, Морелла, леди Лигейя, Элеонора, Аннабель Ли стали новым мифом о вечной женственности, расцветающей в объятиях смерти.

Обращение к авторской мифологии Э. По логично следует из предшествующего анализа бытийных векторов его творчества. Отметим, что речь идет не об отдельных мифологемах, анализ которых спорадически представлен в научной литературе, и на недостатки которого справедливо указывает Т. В. Колчева: «Критической литературе о мифотворчестве часто не хватает исторической и интернациональной перспективы» (с. 110).

Задачей третьей главы — «Миф» — становится развертывание мифологической систематики мышления американского романтика, краеугольным камнем которой являются идеи написанного за год до смерти сочинения «Эврика: поэма в прозе». Названная В. Брюсовым «проповедью интуиции» и вобравшая в себя родовые черты поэмы и космогонического трактата, «Эврика...» неизбежно оказывается близка философским доктринам Серебряного века. Раскрывающаяся в этом произведении динамика мироздания нашла непосредственный отклик в заметках В. Брюсова и опосредованный — в учении о ритме и в антропософских мыслеобразах А. Белого, оказалась созвучна идее «всеединого сущего» В. Соловьева, учениям Л. Карсавина и Н. Бердяева. Мифология Э. По, сопрягающая мгновение и вечность, осмыслена автором монографии как то мощное «подземное течение в России», пульсации которого намеревался зафиксировать в свое время еще А. Блок.

Подводя итог, хочется сказать об особой заразной силе книги Т. В. Колчевой. Она побуждает к тому кропотливому, порою междисциплинарному научному поиску, который расширяет фокус исследования в диапазоне от сонетной рифмовки до психологических трактовок индивидуальности. Одним из направлений мысли, стимулированной настоящей монографией, видится нам вопрос о сопоставлении силы воздействия на русских символистов Э. По и Н. Гоголя — мистически родственных друг другу и одним годом рождения, и реалистической фантастичностью своего творчества, и фактом его актуализации в эпоху модернизма. Имена Э. По и Н. Гоголя взаимно отражены как самими символистами

(юбилейные гоголевские статьи В. Брюсова и А. Белого), так и литературоведами (гоголевский раздел книги Д. Чижевского «История русской литературы. Романтизм» [Tschizewskij], статья Хелен Мучник «Несчастное сознание: Гоголь, По, Бодлер» [Muchni и др.]).

Ценность монографии, помимо отмеченных моментов, состоит еще и в расширении материала исследования, и во введении в научный обиход корпуса архивных материалов, впервые публикуемых и комментируемых. В заключение особо отметим, что настоящая книга в равной степени глубока и увлекательна, может быть рекомендована исследователям американского романтизма и русского символизма, а также студентам и преподавателям самого широкого круга гуманитарных специальностей.

Бальмонт К. Очерк жизни Эдгара По // По Э. А. Собр. соч. : в 4 т. / пер. с англ. ; сост., общ. ред. С. Бэлзы ; коммент. А. Н. Николюкина. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. М., 1993. [Bal'mont K. Oчерk zhizni Jedgara Po // Po Je. A. Sobr. soch. : v 4 t. / per. s angl. ; sost., obshh. red. S. Bjelzy ; komment. A. N. Nikoljukina. T. 1. Stihotvorenija i pojemy. M., 1993.]

Колчева Т. Эдгар По и русский символизм. Тула, 2012. 196 с. [Kolcheva T. Jedgar Po i russkij simvolizm. Tula, 2012. 196 s.]

Коноваленко А. Г. Баллады Эдгара По в переводе Валерия Брюсова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. [Konovalenko A. G. Ballady Jedgara Po v perevode Valerija Brjusova : dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2007.]

Пахолкина М. В. Эдгар По, литературный критик, поэт и прозаик, и традиции символизма. М., 2003. 106 с. [Paholkina M. V. Jedgar Po, literaturnyj kritik, poet i prozaik, i tradicii simvolizma. M., 2003. 106 s.]

Сугай Л. А. Гоголь и символисты. 2-е изд., испр. и доп. Banská Bystrica, 2011. [Sugaj L. A. Gogol' i simvolisty. 2-e izd., ispr. i dop. Banská Bystrica, 2011.]

Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des XIX Jahrhunderts. 1. (Die Romantik). München, 1964.

Muchni H. The Unhappy Consciousness: Gogol, Po, Baudelaire. Northampton ; Massachusetts, 1967.

Рецензия поступила в редакцию 14.12.2013 г.

УДК 811.163.1 + 27-36

Е. И. Дергачева-Скоп

**СОВРЕМЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА
И ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРООБРЯДЦЕВ**

Рец. на кн.: *Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. — 442 с.

В рецензии на монографию Ольги Дмитриевны Журавель «Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика» отмечается ее новаторский характер, актуальность и современность; анализируется источниковая база, методы исследования, подчеркивается ценность выводов для развития истории русской литературы.

Ключевые слова: старообрядческая литература; братья Денисовы; поморская школа; старообрядческая риторика; агиография.

Монография О. Д. Журавель посвящена изучению литературной культуры старообрядцев. Характер этой локальной, а потому достаточно замкнутой литературной традиции, ее теоретические искания, «смена писательского типа» на рубеже XVII–XVIII вв., оформление «художественного самосознания» в ее литературной практике, сохранение канонических архетипов в жанровой системе и законы их модификаций в творчестве старообрядческих писателей представляют несомненный интерес как для истории русской литературы, так и для типологической исторической поэтики. Проблема старообрядческого литературного наследия в таком аспекте и на таком серьезном временном пространстве (XVIII–XX вв.) обсуждается впервые. В литературном творчестве старообрядцев этого гигантского периода О. Д. Журавель находит объединяющую их каноническую константу и описывает пути ее динамизации, те новации, которые, входя в литературную культуру старообрядческого сообщества, обеспечивают ее связи с основными тенденциями развития русского литературного процесса.

Староверы «в слове» всегда живут в дониконовском историческом времени, уходя подчас в начало Руси и в первые века христианства, но одновременно всегда удивительно современны. Прот. Г. Флоровский, опираясь на замечание Н. И. Костомарова: «Раскол гонялся за стариною, старался как бы точнее держаться старины <...> но раскол был явление новой, а не древней жизни», — отметил важность этой мысли для понимания старообрядчества как особой проблемы русской культуры [Флоровский, 67]. Согласно его мнению, старообрядцы не просто воспроизводили традиции русского православия в дониконовской интерпретации, они были явлением Новой истории. «А. А. Карташев, давший лучшую и наиболее глубоко охватывающую характеристику раскола, замечает, что в старообрядчестве, — пишет в своей “Истории русской философии” В. Зеньковский, — разрядилось то напряжение русского духа, которое сделалось осью его самосознания и сводилось к идее третьего Рима, т. е. к мировой миссии охранения чистоты истины Православия...» Для старообрядчества решался не местный, не провинциальный вопрос, а вопрос

всей мировой истории... Старообрядчество по своим устремлениям было историософично, боялось несправедного обмирщения Церкви... Его положительный пафос, конечно, не в ритуализме, не в простом сохранении старины, а в блюдении чистоты Церкви [Зеньковский, с. 52–53]. Именно потому старообрядцы, с одной стороны, скрупулезно воспроизводили прошлое, а с другой — постоянно приращивая традицию, создавали в каноне новые аспекты. Как нам представляется, эти положения имеют принципиальное значение при интерпретации явлений старообрядческой литературной культуры, воплощенных в «средневековые» формы, ибо мы имеем здесь дело «с перевоплощением старых символов»¹.

В монографии О. Д. Журавель предлагает и реализует новые подходы к исследованию старообрядческой культуры как единой динамической системы: 1) описывает специфику формирования новой концепции писательства, связанной с влиянием на литературное творчество старообрядцев общерусской (возникшей под влиянием европейской) барочной риторической культуры; 2) выявляет «особенности рецепции риторических учений», оформившихся в литературной культуре второго поколения старообрядческих писателей (русское люллианство на Выгу); 3) фиксирует форматы риторических сборников и топику старообрядческой проповеди. В связи с этим в работе О. Д. Журавель освещается не только литературная культура Выга, но и поздняя старообрядческая литература XX в. Фиксируя факт изменения «принципов творчества», автор утверждает, что происходит своеобразный возврат к древнерусской традиции воспроизведения жанровых образцов. В системе таких образцов в позднее время уже фигурирует и литературное творчество писателей Выга.

Из накопленных наукой к данному моменту материалов, относящихся к старообрядческой литературе и письменности, О. Д. Журавель выбран репрезентативный цикл сочинений, обеспечивающих ее исследованию должный уровень. Автором аналитически описаны разработки старообрядцев в области риторики, рассмотрены особенности такого важного источника как старообрядческие риторические сборники барочного типа (около 40 списков) и связанные с ними списки Антологии сочинений Выговского киновиарха Андрея Денисова (7 списков, 5 из которых введены в научный оборот впервые). К исследованию привлечен также ряд сборников пестрого состава, в которых учтены авторитетные в старообрядческой традиции литературные жанры. Впервые введены в науку и опубликованы новые рукописные материалы, описанные ею как «литературные факты».

Избранные методологические форматы, примененные к анализу литературной культуры старообрядцев, сочетают такие необходимые для подобного масштабного исследования методы, как историко-литературный, сравнительно-типологический, культурно-исторический, а также ряд частных методик, связанных с текстологическим методом и герменевтикой, источниковедением литературы, позволяющих осмыслить характер динамики явлений литературной традиции в исторически обоснованных вариациях. Автор использует

¹ «Традиция, прирастая, сама себя корректирует, и этот прирост как таковой образует теологическую диалектику», — пишет П. Рикёр по поводу книги Жерара фон Рада «Теология Ветхого Завета» [см.: Рикер, с. 67–69].

также историко-функциональный подход для описания литературных и вне-литературных «текстов» как динамически и взаимно развивающихся систем. Многозначность характера методологических построений обусловлена не только поставленной теоретической задачей, но также объемом и сложным составом самих источников, требующих разнообразных методик исследования.

В первой главе «Литературная культура старообрядцев: риторика как метод» О. Д. Журавель обсуждает проблему риторики и возникновения у старообрядцев культуры поучения, утверждает появление в сфере литературных штудий старообрядцев первых десятилетий XVIII в. «нового типа творчества», связывая его с Выгом — центром старообрядцев поморского согласия. Автор, как мне представляется, стремится показать принципиальную важность появления старообрядческих писателей второго поколения как ученых. Андрей и Семен Денисовы и другие «выгорецкие большаки» включают в сферу своих литературных интересов риторику, философию (прежде всего как «любомудрие») и христианскую этику («ифику»), диалектику.

О. Д. Журавель вполне обоснованно связывает активную перестройку в системе литературной культуры старообрядцев второго поколения с общими процессами перестройки «филологической культуры» в России рубежа XVII–XVIII вв., отмечает ломку жанровой системы, в поле которой попадает проповедь в разных ее ипостасях (Слова, Поучения, Беседы, Плачи и пр.). Главной возможностью осуществить такую перестройку стало усвоение русской литературной культурой барочной эстетики. Считая, что «новое, барочное в своей основе представление об учености напрямую связывалось с филологической образованностью, с овладением риторическим искусством», являвшимся «главным условием литературного мастерства», автор подробно исследует именно с этой позиции характер творчества Андрея Денисова (в том числе и его теоретические построения), последовательно превращая каждое сочинение киновиарха в «литературный факт». Анализ сочинений А. Денисова «Сотове медови», «О любомудрии», «О девстве» и др. свидетельствуют о ярком литературном таланте киновиарха и об основательном знакомстве с современными ему теориями текста.

Особое место в главе занимают материалы, связанные с рецепцией старообрядцами Выга «люлианских идей» А. Белобоцкого. Анализ рукописной традиции «Великой науки» Белобоцкого в редакции Андрея Денисова ведется с учетом всех известных к настоящему времени списков, в том числе и черновиков.

Важным представляется исследование риторических сборников как четврых книг. Использование такого сборника, обеспечивая воспроизводство локусной литературной культуры (которую заложили на Выгу ее основатели), выполняя функции собраний полемических материалов, являясь своеобразной хрестоматией авторитетных литературных образцов, служило доказательством принципов бережного отношения к традиции творчества и учительства. Могу добавить, что отдельные сочинения из сборника продолжали жить в книжных традициях поморских старообрядческих центров более позднего времени (XVIII — середины XX в., например, на Урале и в Сибири: Таватуй, Тюмень, Васюганье и пр.).

В исследовании, как мне представляется, недостаточно четко очерчена система риторических взглядов, представленная тремя поколениями Выговских

киновиархов. Могут согласиться, что Андрей и Семен Денисовы — это трансляторы барочной культуры и, соответственно, риторических традиций барокко, но Андрей Борисов, на мой взгляд, реализовал преимущества уже риторики классицизма. Более точный, дифференцированный характер различий разных поколений выговской риторической школы мог бы дать дополнительный материал для описания динамических процессов в старообрядческой литературной культуре XVIII в.

Во второй главе «Проповедь старообрядцев: вопросы поэтики» рассматривается жанровая структура проповеди, являющейся одним из реальных литературных жанров старообрядческой культуры. Оценивая риторику как поэтику проповеди, О. Д. Журавель связывает специфические приметы этого синкретического по своей природе жанра со сменой тех эстетических установок, о которых говорилось в предыдущей главе. Описывая старообрядческую Риторику-свод в двух ее ипостасях, включая в сферу теоретических разработок старообрядцев нового поколения Поморскую риторику, Антологию А. Денисова, показывая те динамические изменения, которые характеризовали эти сочинения Выговской литературной культуры старообрядцами разных поколений, О. Д. Журавель приходит к важному выводу: Риторика-свод связана «сложными парадигматическими связями с риторическими и проповедническими сочинениями как заимствованными, так и оригинальными». Выговские риторики обеспечивали формирование стилистики и семантики проповеди, делая ее для своего времени серьезным жанровым образованием.

Приемы барочной проповеди Андрея Денисова, реализующие ее смысловую двуплановость («сене аллегорический»), риторическую изысканность и декоративность, подтверждены анализом одного из произведений Андрея Денисова о встрече в Москве персидского слона. Автор монографии заставляет увидеть в повествовании «сложную герменевтическую процедуру», в результате которой произведение прочитывается как аллегорическое.

Анализ стилистики и семантического поля барочных проповедей на примере сочинений, посвященных концепции человека как «бытия, обладающего свободой и волей» (Андрей и Семен Денисовы), доказывает, что у этих писателей XVIII в. образ человека связан с концепцией его в патристике. Сочинения более позднего времени с той же тематикой и написанные в другом литературном ключе (например: «Что есть человек и какое он получил от Бога благородие», А. М. Запьянцев, 1909 г.) «в эпоху русского духовного ренессанса», «исканий вечности и смысла», в эпоху «разрыва с русским просветительством и позитивизмом» (формулировка Н. Бердяева) также сохраняют у писателя-старообрядца истоковые связи с общехристианской идеей человека-бытия, «мира в малом».

На сочинениях писателя XX в. Афанасия Мурачева, в народно-христианском духе разрабатывавшего евангельские сюжеты, показан еще один тип «проповеди», предназначенной только для чтения, не имевший четкого «риторского» структурирования, но характеризующийся «смысловой двуплановостью», которая и обеспечивает, как считает О. Д. Журавель, жанровую идентичность этой современной модификации проповеди.

Третья глава посвящена старообрядческой утопии, которая предстает как наджанровое образование в целой группе текстов разных жанров, обслуживающих

старообрядческую литературную культуру на протяжении веков. На фоне анализа утопической практики Выга с точки зрения эсхатологической теории, выполненной историками в основном на исторических и автобиографических памятниках (уместно вспомнить таких исследователей, как Роберт Крамми и Наталья Гурьянова), берется вся палитра сочинений, отражающих утопическое сознание старообрядцев. Утопические идеалы, реализующиеся в сочинениях старообрядцев, содержащих разнообразные знаковые элементы, обеспеченные определенным комплексом мотивов, складываются в некий метажанр. Общая концептуальная составляющая придает им динамическое единство и способность к существованию в локальной старообрядческой культуре на протяжении длительного исторического периода.

Весь материал главы свидетельствует о том, что составляющие старообрядческой утопии основаны «на актуализации» эсхатологической символики, «аллегорический сенс» которой составляют мифологемы Церкви, освещенные образом «старообрядческой пустыни», а также основанные на системе ключевых мотивов, обеспечивающих основу утопического текста. Выговские киновиархи связывали образ «старообрядческой пустыни» с цитаделью в мире духовного антихриста. О. Д. Журавель у истоков концепции старообрядческой утопии размещает сочинения А. Денисова: «Об антихристе»; «На книжицу Стефана митрополита рязанского об Антихристе» и др. — и убедительно подтверждает эсхатологический характер теоретических и литературных построений Денисова. Концепция «конца времени» требовала от старообрядцев историософического объяснения, иначе они оставались вне истории. А. Денисов выстроил концепцию «золотого века» (идеальное прошлое Руси, III Рим), обозначил место и время разрыва с историей (Россия в 1666 г.) и пути к спасению (граждане Нового Иерусалима, пустынножители). Эта концепция поддерживается старообрядцами-поморцами до настоящего времени.

Вряд ли стоит делать столь решительные выводы о процессе разрушения агиографического жанра в XVII в. Действительно, мы замечаем усиление личного начала, авторский голос в литературных сочинениях, появление автобиографии, жизнеописаний «обычных людей», но не говорит ли это скорее о появлении иных жанров, еще малознакомых русской литературе и использующих приемы агиографической прозы в своем стилистическом поле, о жанровой дифференциации описаний «бытия» и «святости». Добавлю, что Азбуковники рубежа XVII в. в словарной статье понятие «житие» толкуют как «бытие», а «жизнь» связывают с агиографическим каноном. Ср. с жизнеописаниями выговских «граждан Небесного Иерусалима», живущих «жизнью вечной».

Достоинством работы О. Д. Журавель является (не только в рассматриваемой, но и в других главах) литературоведческий подход к сочинениям старообрядцев, которые с таких позиций исследователями практически не изучались. Она фиксирует, например, аллегория Церкви-Матери как относящуюся к топике старообрядческой прозы вообще, описывает топик старообрядческого литературного образа «райского сада» с его мотивами света, сияния, блеска, красоты, сладости; мотивную структуру утопических сюжетов разных старообрядческих сочинений с их концептами — «век», «непрестанный путь», «связь живых

и мертвых». В главе рассмотрены также поздние старообрядческие сочинения и духовные стихи, сохраняющие практически все элементы ранней выговской утопии в старообрядческой литературной культуре.

В следующей, четвертой главе «Старообрядческие книжные плачи» предлагается их анализ как одного из жанров «проповеднического дискурса», поднимаются вопросы жанровой типологии плачей, обсуждается их место в литературной культуре старообрядцев разного времени. На Выгу формируется своеобразный культ надгробных слов, в структуре своей близких «самоопределившимся похвальным словам» киевской академической школы рубежа XVII–XVIII вв., культивируемым в русской проповеднической практике начала XVIII в., однако испытывавшим сильное влияние народной причети. Автор отмечает разножанровую основу выголексинских надгробных слов, созданных «на пересечении книжной и фольклорной традиций», их умение соединять разные стилистические пласты (библейскую и церковно-обрядовую образность, топику народной причети, барочный ригоризм). Характер синкретизма книжных плачей выголексинской школы О. Д. Журавель описывает на одном из «беседословных» полемических старообрядческих текстов: «Чесо ради ныне мнози нарицают время, достойное плача...». При этом убедительно показывается, что публицистическая проповедь (беседа в форме ответа на вопрос) осложнена образной и ритмической основой, близкой к плачам и духовным стихам, имеет глубокую связь с идеологическими проблемами в старообрядческом сообществе указанного времени. Из поздней традиции присутствует «Плач Богородицы» А. Мурачева и плачи по пустыни матушки Елены, которые свидетельствуют о воспроизводстве в современной старообрядческой литературной культуре моделей плачевой структуры, обнаруживающей свой «креативный потенциал».

В пятой главе О. Д. Журавель обращается к рецепции жанра жития в позднейшей старообрядческой литературной культуре, представляя его через «обширное историко-агиографическое сочинение, созданное в 40-х–90-х гг. прошлого века — Урало-Сибирский патерик». Определив характерные особенности ранней старообрядческой агиографии в системе динамических изменений в этой обширнейшей по жанровым воплощениям древнерусской традиции, она связывает их, во-первых, с особым характером изменений агиографического канона вообще в период перехода от Средневековья к Новому времени; во-вторых, с «осознанием старообрядцами своей особой религиозной миссии» (через осознание места человека в мире, эсхатологические идеи и историософические идеалы). Построение концепции монастыря как сакрального пространства, формирование «круга истинноверующих» послужили основой создания поморскими старообрядцами второго и следующих за ними поколений литературы патерикового типа, агиобиографий («историческое повествование с агиографическим нарративом»). Эти же позиции выговских старообрядцев позволили им теоретически обосновать и закрепить в литературе права старообрядческой литературной культуры на агиографию, которые и оказались воспринятыми в старообрядческой литературе новейшего времени. Урало-Сибирский патерик, о котором идет речь в главе, сформирован на основе жанра «Родословий», важного для передачи преемственности «сакрального» в членах общины пустынножителей, о которых

идет речь в Патерике, агиографической традиции (общерусской и старообрядческой), фольклора². Интерес представляют, на мой взгляд, приемы «адаптации» сочинений «внешних авторов» при компилировании источников, система введения цитат, описание синкретического характера стилевых пластов, устно-поэтическая языковая стихия, формирующие специфический художественный облик Патерики. Жизнеспособность литературной традиции и способность ее сохранять литературный канон столь длительное время справедливо объясняются О. Д. Журавель «актуальностью представлений о святости, свойственных народной культуре и получивших своеобразное преломление в культуре старообрядчества». Подчеркнем также, что рецепция Выговской агиографической традиции в сочинении новейшего времени — еще одно свидетельство модификации принципов творчества писателями-старообрядцами XX в.

Главный важный вывод монографии заключается в доказательстве, что старообрядческая литературная культура соответствует всем характеристикам традиционной литературной культуры и может быть описана как неотъемлемая часть русского литературного процесса, но имеет свои внутренние законы исторического существования.

Гурьянова Н. С., Крамми Р. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. тр. / под ред. Е. М. Юхименко. М., 1994. С. 120–138. [Gur'janova N. S., Krammi R. Istoricheskaja shema v sochinenijah pisatelej vygovskoj literaturnoj shkoly // Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.): sb. nauch. tr. / pod red. E. M. Juhimenko. M., 1994. S. 120–138.]

Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII– начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. 442 с. [Zhuravel' O. D. Literaturnoe tvorchestvo staroobryadcev XVIII– nachala XXI v.: temu, problemy, pojetika. Novosibirsk, 2012. 442 s.]

Зеньковский В. В., прот. История русской философии. Париж, 1948. Т. 1. [Zen'kovskij V. V., prot. Istorija russkoj filosofii. Parizh, 1948. T. 1.]

Крамми Р. Историческая схема выгорецких большевиков // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 90–96. [Krammi R. Istoricheskaja shema vyгорецких bol'shakov // Tradicionnaja duhovnaja i material'naja kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poselenij v stranah Evropy, Azii i Ameriki. Novosibirsk, 1992. S. 90–96.]

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 466 с. [Pokrovskij N. N., Zol'nikova N. D. Starovery-chasovennye na vostoке Rossii v XVII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshhestvennogo soznanija. M., 2002. 466 s.]

Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. 415 с. [Riker P. Konflikt interpretacij. M., 1995. 415 s.]

Соболева Л. С. Исторические сочинения старообрядцев Урала // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М., 2012. С. 263–288. [Soboleva L. S. Istoricheskie sochinenija staroobryadcev Urala // Istorija literatury Urala. Konec XIV – XVIII v. M., 2012. S. 263–288.]

Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. (Фототип. изд. Париж, 1937). 600 с. [Florovskij G. Puti russkogo bogoslovija. Vil'njus, 1991. (Fototip. izd. Parizh, 1937). 600 s.]

Рецензия поступила в редакцию 30.06.2014 г.

² Для жанра «Родословий эта особенность поэтики выявлена в работах: [Покровский, Зольникова; Соболева].

КОНФЕРЕНЦИИ

ТРЕТИЙ СЕМИНАР ПО ФЕНОМЕНОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

19 апреля 2014 г. на базе ИГНИ и Объединенного музея писателей Урала прошел третий по счету междисциплинарный научный семинар по феноменологии и психологии творчества, обращенный к так называемым маргинальным явлениям литературы и искусства, никогда не становившимся предметом системного изучения. Первые два прошли также традиционно в апреле: «Феномен творческой неудачи» (2010), «Феномен незавершенного» (2012).

Нынешний семинар был посвящен **феномену творческого кризиса** и собрал ученых-единомышленников из Екатеринбургa, Казани, Челябинска, Тюмени, Нижнего Тагила, Риги и Одессы.

За годы существования семинара окончательно устоялась форма его проведения: вначале следует общая постановка, описание проблемы, затем — свободная дискуссия, цель которой — выработка по возможности общей методологии и методики исследования, необходимой для написания монографии. Итогом первых двух семинаров, что, безусловно, свидетельствует об их успешности, стали вышедшие в Издательстве Уральского университета и получившие высокую оценку специалистов монографии «Феномен творческой неудачи» (2011) и «Феномен незавершенного» (2014).

Открыл семинар доклад *Т. А. Снигиревой* и *А. В. Подчиненова* ««Мысль не пошла в слова»: феномен творческого кризиса (к постановке проблемы)», в котором были описаны и названы основные «болевые» точки обсуждаемого феномена: кризис как ключевое слово рубежной эпохи; причины возникновения творческого кризиса — биографические, творческие, мировоззренческие, духовные; некоторые формы проявления творческого кризиса — молчание, немота, кризисное письмо, утрата социального и литературного статуса, потеря себя; возможности и художественные результаты творческого кризиса. Особое внимание в докладе было уделено творческому кризису как предмету искусства.

Следующие выступления репрезентировали три различных подхода к обсуждаемой проблеме.

А. В. Перцев в докладе «Переломы в жизни и кризисы в творчестве: философско-психиатрический аспект» со свойственной ему оригинальностью и свободой провел аналогию между творчеством и возрастной психологией. «Кризис» передается в японском языке двумя иероглифами — «опасность» и «возможность». То же самое это слово означало в русском языке XIX в.: сопряженный с опасностью переход к новому состоянию, которое открывает новые возможности. (Ныне это слово чаще употребляется как синоним

упадка). Сопоставив его с теми кризисами, которые описаны в возрастной психологии и в философии, мы сможем выделить разные типы кризисов как переходов от одной стадии человеческого развития к другой, которые можно назвать экзистенциальными кризисами, находящими выражение и в литературе. Следовательно, в литературе кризис выражает состояние перехода и перелома.

В докладе «Тиражирование речевых стереотипов как форма проявления творческого кризиса» *Н. А. Купина* обобщает филологические интерпретации феномена художественности. Особое внимание уделено трактовке художественного произведения как результата индивидуальной креативной речевой деятельности, предполагающей стратегическую установку автора на эстетически значимое творчество. Масштабное тиражирование готовых речевых структур в текстах, ориентированных на коммерческий успех, рассматривается как характерная для текущего литературного процесса форма проявления творческого кризиса. Технологическое внедрение формульного речевого звена в речевую структуру текста одного писателя, текстов разных писателей, повторяемость, шаблонность, отсутствие подлинных художественных находок, ложная образность — приметы кризиса креативной языковой личности.

Л. П. Быков представил поэтологическое и, добавим, поэтическое видение творческого кризиса в докладе «Я в кризисе. Душа нема...», разведя два понятия: творческий кризис и кризис творчества. Кризис творчества сопряжен с деградацией, самоповторами, самотиражированием, и, как следствие, творческой смертью (инерцией стиля). Творческий кризис — это то молчание, которое чревато золотом, это «второе рождение», когда обновляется, перестраивается поэтическая система художника. В последнее время стало модным говорить, подчеркнул докладчик, о кризисе воображения (нон-фикшн), восприятия (читателя, критика), наконец, литературного процесса (литературоцентризма), но литература продолжает жить, творчество не затухает. Мы имеем дело с синдромом пизанской башни, по известному выражению Ф. Искандера: «падает, но не падает».

В последующей дискуссии участники семинара на примере конкретных писателей и произведений раскрывали различные аспекты феномена творческого кризиса.

В докладе «Даниил Хармс в 1930-е годы: симптоматика и попытки преодоления творческого кризиса» *И. Е. Васильев* проанализировал ситуацию творческого напряжения, свойственную второй половине жизни писателя. Если в 1920-е гг. обэриут Хармс полон надежд и амбициозных творческих планов, в нем кипит энергия новатора, он реализует себя, прежде всего, в лирике, то после ареста и ссылки начала 1930-х гг. наступает время испытаний, лишений и творческих переориентаций преимущественно на прозу и драматургию мрачно-алогичных сценок, ироничных скетчей, парадоксальных миниатюр и черного юмора. Действительность представала в зловеще отчужденных формах, демонстрирующих процессы распада и опустошения. Однако художественный талант писателя, трансформирующий ужасное в смешное, умел «переплавлять» эти помехи в креативные творческие результаты.

А. В. Кубасов, перекликаясь с основными тезисами доклада *Н. А. Купиной*, убедительно доказал в своем выступлении, что такое, на первый взгляд, периферийное явление, как языковая игра, может выступать индикатором как творческого подъема, так и творческого кризиса у писателей, для которых задачи текстопорождения важнее задач актуально злободневных, идейно-идеологических. К таким писателям, безусловно, относится *С. Д. Кржижановский*.

В. А. Липатов в докладе «Коллективное бессознательное на творческом подъеме и в период кризиса (на материале солдатского фольклора XX века)», отталкиваясь от терминологии *К. Юнга*, показал, как «высоко организованная искусственная масса» (так называл армию *З. Фрейд*) чаще всего испытывает прилив творческих сил в кризисные

моменты истории, когда оказывается востребованной. Так было не только в Великую Отечественную войну, но и в период афганской авантюры (1979–1989), в результате которой родился огромный блок «афганских» песен, замечательных не столько своими эстетическими достоинствами, сколько откровенностью.

А. В. Миронов в своем докладе показал истоки и исходы творческого кризиса советского поэта В. Нарбута.

Л. А. Назарова в докладе «Кризис как терапия (на примере жизненного пути Дж. Боккаччо)» выделила два типа кризиса на протяжении жизненного и творческого пути писателя, дав им условные названия: «продуктивный» и «непродуктивный». Оба инициированы событиями личной жизни поэта, претворенными затем в творчестве. Первый творческий кризис, сопровождающийся эмоциональным (отвергнут и предан), был связан с изменой возлюбленной — Марии д'Аквино, что не позволило Боккаччо оставаться в рамках традиционной поэтической модели куртуазного служения Даме а ла Данте / Петрарка. Выход из этого состояния — создание глубоко лирического произведения «Элегия мадонны Фьяметты», одного из первых в западноевропейской литературе памятников, считающихся образцом арт-терапии. Результатом кризиса стало появление «Декамерона» — нового слова в искусстве того времени. Второй кризис пришелся на последнее десятилетие жизни Боккаччо, когда им была написана повесть «Корбаччо, или Лабиринт Любви», одно из самых слабых его творений, поводом к созданию которой послужило непорядочное поведение вдовы, в которую писатель был влюблен. Однако в данном случае продуктивного преодоления кризиса не происходит, что обусловлено многими факторами. Одним из важнейших становится противоречие между идейной и художественной составляющими текста (Боккаччо-художником и Боккаччо-схоластом).

А. Н. Садриева в своем выступлении актуализировала давний спор о причинах незавершенности цикла романов Гете о Вильгельме Мейстере: в творческом кризисе писателя или в кризисе литературной эпохи?

В докладе «Кризис поколения восьмидесятников (1880-е годы)» *Е. К. Созина* обосновала тезис, что понятие *творческий кризис* применимо не только к отдельной личности, будь то художник или критик, но и к большим формациям: литературное (писательское) поколение, жанровая форма, творческий метод или стратегия письма, литературная эпоха. Поэтому кризис поколения восьмидесятников следует рассматривать как системное явление в совокупности с кризисом наиболее распространенного в тот период творческого метода, традиционно называемого классическим реализмом, кризисом главного жанра классической литературы XIX в. — романа, кризисом эпохи (в данном случае показателен кризис традиционной идеологии и господствующего на протяжении века монологического или классического типа сознания).

Завершила семинар *О. Н. Турьшева* докладом «Каких чудовищ рождает кризис: “Антихрист” Ларса фон Триера». «Чудовищная эстетика» этого фильма есть свидетельство того расщепления, которое переживает кризисное сознание автора: с одной стороны, он вознамеривается произнести проклятие прежней вере, пересмотреть все ценности (и в этом плане сатанинские смыслы присвоить христианскому переживанию вины), а с другой стороны, неизбежно признает власть прежней веры (и в этом плане сатанинским оказывается глушение вины разумом). Кризис художника выразился здесь в разнонаправленных намерениях. И это позволяет думать, что антихристианский замысел все-таки в ходе работы над фильмом нашел свое развоплощение.

Стеновые доклады семинара дополнили общую дискуссию, рассмотрев феномен творческого кризиса с позиции самоидентификации, поэтической рефлексии, безумия художника (Т. Н. Бреева, Т. Е. Барышникова, Н. В. Пращерук), жанра и национальной идентичности (Е. В. Пономарева, О. Г. Сидорова), поэтики кризисной ситуации

(Н. М. Раковская, С. А. Фокина), кризиса аторской манеры (А. В. Снигирев, О. В. Черкезова), «непоправимо белых страниц» русской лирики (Н. А. Рогачева).

Креативный, творческий, заинтересованный настрой участников семинара позволяет надеяться на скорое появление третьей по счету «феноменологической» монографии, в данном случае раскрывающей феномен творческого кризиса.

*Т. А. Снигирева
А. В. Подчиненов*

ИНФОРМАЦИЯ

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ПО ИСТОРИЧЕСКИМ НАУКАМ Д 212.285.16 В 2013 ГОДУ

Представлены основные итоги работы диссертационного совета по историческим наукам УрФУ в 2013 г. Приводится аналитический обзор защищенных диссертаций, отмечаются наиболее интересные выводы и результаты.

Ключевые слова: диссертации по истории; обзор тем диссертационных исследований.

В 2013 г. диссертационный совет по историческим наукам при Уральском федеральном университете провел 19 заседаний, на которых состоялись защиты трех докторских (по специальности 07.00.02 – Отечественная история – 1; по специальности 07.00.03 – Всеобщая история – 2) и 16 кандидатских диссертаций, в том числе 10 работ по специальности 07.00.02 – Отечественная история, 5 диссертаций по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Новая и Новейшая история) и одной диссертации по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир и Средние века).

Особенностью работы совета в 2013 г. стал особый интерес диссертантов к политической, социальной и социально-экономической тематике (табл. 1). Большинство диссертаций (15 из 19) охватывает период Новой и Новейшей истории Европы и России.

Тематика защищенных работ

Тематические направления истории	Количество диссертаций
Политическая история	6
Социальная история	5, в том числе 2 докторские диссертации
История религии	3
Военная история	3, в том числе 1 докторская диссертация
История экономики	2

Среди защищенных работ следует отметить три докторские диссертации, защита которых прошла очень интересно. Две диссертации были подготовлены по истории Византии и подтвердили высокий уровень Уральской школы византиноведения, ее научный потенциал.

Высокую оценку получила диссертация **Татьяны Викторовны Куц** «Византийские интеллектуалы последней трети XIV — первой половины XV вв.: социокультурное измерение», в которой нашли воплощение многолетние исследования автора по изучению интеллектуальной элиты Византии XIV–XV вв. Защита убедительно показала, что интеллектуальное сообщество в Византии последней трети XIV — первой половины XV вв. представляло собой оформленную социальную группу, которая имела внутреннюю структуру, опиралась на принципы корпоративного этикета и занимала очень важное место в поздневизантийском социуме. Т. В. Куц отметила основные тенденции интеллектуальной жизни империи, уточнила факторы, определявшие состояние культурной среды. Особый интерес вызвала характеристика социального портрета интеллектуалов, их восприятия ключевых проблем жизни Византии в условиях кризиса. Выводы диссертации опираются на исторические источники нарративного и просопографического характера. Предложенная автором концепция формирования поздневизантийской интеллектуальной элиты была оценена оппонентами и членами диссовета как хорошая основа для дальнейших исследований.

Другая докторская диссертация по истории Византии «Византийская армия в середине VIII — середине XI в.: развитие военно-административных структур» была защищена в декабре 2013 г. **Антоном Сергеевичем Моховым** — еще одним представителем Уральской школы византиноведения. Его диссертационная работа была посвящена проблемам военной истории, сегодня достаточно редко обсуждаемым в научном сообществе византиноведов. В своей диссертации А. С. Мохов предложил свой взгляд на эволюцию военно-административных структур византийской армии в середине VIII — середине XI в. как сложной организационной системы, развитие и функционирование которой происходило под воздействием различных внутри- и внешнеполитических факторов. Новизна его выводов связана с попыткой в динамике проследить трансформацию ее структурообразующих компонентов (фемных стратиотских ополчений и регулярных воинских контингентов). По мнению А. С. Мохова, византийская армия периода «фемного строя» не являлась статичной и деградирующей структурой. Напротив, она представляла собой динамично развивающуюся систему. Соискателем было доказано, что военно-административные структуры империи неоднократно подвергались реорганизации с целью приведения их в соответствие с экономическими и социальными возможностями государства. Большую ценность представляют наблюдения автора об основных стадиях развития отдельных компонентов византийской военно-административной системы как на макроуровне (фемы, дукаты, катепанаты), так и на микроуровне (регулярные столичные и провинциальные тагмы, турмы, клисуры). В ходе дискуссий соискателем были отмечены существующие в историографии противоречия в использовании военной терминологии, что не способствует, по его мнению, выработке единой концепции развития вооруженных сил Византии.

Большой интерес вызвала также защита докторской диссертации **Михаила Сергеевича Судовикова** «Купечество северо-востока Европейской России в последней четверти XVIII — начале XX века: опыт социальной эволюции». Подготовленная в русле подходов новой социальной истории, диссертационная работа содержит интересные выводы и наблюдения по истории купечества в последней четверти XVIII — начале XX в. Диссертация основана на тщательном анализе регионального материала и позволяет не только оценить региональный опыт, но и выйти на более высокий уровень обобщения. Сильной

стороной диссертационной работы является междисциплинарный подход, комплексное использование различных теоретико-методологических концепций (теории модернизации, историко-антропологического, системного, регионального и др.). Использование регионального материала, в том числе биографий купцов и истории купеческих родов, позволило автору разработать периодизацию, раскрывающую основные этапы развития купеческого сословия, условия его становления. Особую ценность имеют наблюдения автора по проблемам генезиса социальной организации делового сообщества в условиях полиэтничной среды, а также роли купечества в становлении системы местного самоуправления, благотворительности, меценатства, гражданского общества.

Из 10 кандидатских диссертаций по специальности 07.00.02 — Отечественная история по допетровской Руси (XVI–XVII вв.) была защищена одна диссертация; по социальной истории Российской империи (XVIII — начало XX вв.) — 5; по истории Советского Союза — 4 диссертации. Среди защитивших аспиранты и соискатели Уральского федерального университета, а также вузов Уральского региона — Перми, Тюмени, Башкирии, Оренбуржья.

Допетровскому периоду посвящена диссертация **Евгении Олеговны Морозовой** «Русско-китайские торгово-дипломатические отношения в конце XVI — середине XVII века». Диссертантка выделила несколько этапов в развитии русско-китайских отношений в конце XVI — середине XVII в.: 1) конец XVI — первое десятилетие XVII в.; 2) 1608–1618 гг.; 3) 1620-е гг.; 4) 1630-е — начало 1650-х гг.; 5) 1654 — начало 1660-х гг. В основу периодизации была положена характеристика интенсивности двусторонних контактов и целей, стоящих перед государствами. В ходе защиты было отмечено, что русско-китайские отношения в конце XVI — середине XVII в. непосредственно зависели от военно-политической и экономической ситуации в Западной Сибири и Центральной Азии, также была дана оценка зрелости внутренних и внешних предпосылок развития межгосударственных отношений. Большой интерес вызвал рассказ о посольствах Ивана Петлина и Ф. И. Байкова, их маршрутах в Поднебесную империю, а также достигнутых результатах. Богатая источниковая база и развернутая историография свидетельствует о серьезной проработке основных сюжетов диссертации и научном вкладе диссертантки.

Историю единоверия в России и на Урале представляет диссертация **Александра Сергеевича Палкина**. В ней изложены причины и предпосылки, способствовавшие формированию данного религиозного направления, его основные тенденции развития в XVIII — начале XX в., особенности и распространенность по регионам России. В диссертации показана специфика отношений единоверцев с официальной церковью и старообрядческими общинами. Необходимо отметить сложность проведенной соискателем работы, поскольку региональный материал был очень органично вписан в общероссийский контекст, что позволило получить многомерную картину эволюции единоверия.

Историко-религиозная тематика стала основной и в диссертации **Юлии Фаритовны Сулеймановой** «Государственно-исламские отношения на территории Оренбургской губернии (1744–1905)». На обширном историческом материале диссертанткой были раскрыты основные этапы развития государственно-исламских отношений на территории Оренбургской губернии, условия их становления, выделены региональные особенности и черты. Ю. Ф. Сулейманова подробно рассмотрела политику христианизации в Оренбургской губернии, подразделив ее на следующие этапы: 1) 1744–1763 гг. — массовая и насильственная христианизация; 2) 1763–1773 гг. — смягчение насильственного характера христианизации; 3) 1773–1905 гг. — выборочная христианизация, основанная на соблюдении принципа условной веротерпимости. Диссертантка отметила, что в XIX в. наряду с процессом христианизации на территории Оренбургской губернии проходил процесс реисламизации — обратный переход новокрещенных в ислам. Особое внимание

было уделено деятельности Оренбургского магометанского духовного собрания и его роли в интеграции мусульман в российское общество.

Истории городской семьи была посвящена диссертация **Лилии Владиславовны Юнусовой** «Городская провинциальная семья Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX в.». Тема очень сложная и актуальная, требующая хорошего владения статистическими и нарративными источниками. На защиту было вынесено положение о том, что в результате социально-экономических преобразований, последовавших после проведения либеральных реформ в 1860–1870-х гг., в городской семье произошли заметные модернизационные сдвиги. Анализируя семейные процессы, автор указала на сохранение патриархального характера городской семьи. Об этом свидетельствует всеобщая брачность, ранний возраст вступления в брак, высокая рождаемость, многодетность, а также стабильность семейного союза в изучаемый период. Вместе с тем, были показаны те изменения, которые позволяют сделать вывод о начале демографического перехода. Они выразились в нуклеаризации семьи, упрощении ее поколенной структуры, более равномерном распределении браков, зачатий и рождений в течение календарного года, появлении браков по любви, увеличении числа разводов и неофициальных брачных союзов. В ходе защиты Л. В. Юнусова отметила, что демографическое развитие городской семьи в Тобольской губернии, при некотором отставании, в целом совпадало с общероссийским трендом.

В диссертации **Ольги Сергеевны Уколовой** «Социально-профессиональный облик городского учительства Пермской губернии в конце XIX — начале XX веков» были рассмотрены вопросы формирования городского учительства как социальной группы, изучены особенности профессиональной культуры, формы их общественной активности. На обширном историческом материале автор охарактеризовала правовой, социальный, имущественный, образовательный и брачно-семейный статус городского учительства, половозрастную структуру и карьерные стратегии. Средний Урал как промышленный регион фронтального типа влиял на социальный состав учащихся, педагогов городских учебных заведений. Этнокультурное и экономическое разнообразие региона способствовало вариативности форм образования, сложному переплетению старого и нового в образовательной сфере. Для реконструкции социального портрета учительства были использованы такие источники, как формулярные списки о службе, личные дела педагогов городских средних учебных заведений.

Ольга Михайловна Семерикова защитила кандидатскую диссертацию по теме «Реализация столыпинской аграрной реформы на Урале (Вятская и Пермская губернии) в 1906–1917 гг.». Обращение к достаточно хорошо изученной тематике таило в себе опасность не найти свое место, ограничиться общими рассуждениями о результатах столыпинских преобразований. Однако автору удалось по-новому подойти к изучению этого вопроса. Ценность и значимость диссертации состоит в стремлении раскрыть механизмы реализации реформы и с этих позиций провести переоценку ее результатов. На защите было отмечено, что столыпинская аграрная реформа имела качественную правовую, финансовую и организационную основу, учитывала интересы и потребности разных категорий крестьян, но отсутствие учета местной специфики, должного контроля над расходованием бюджетных средств, бюрократические особенности функционирования местных администраций снизили результативность реформы в Уральском регионе.

Среди защищенных в 2013 г. кандидатских диссертаций четыре были посвящены проблемам советского периода. Дискуссию вызвала диссертация **Павла Игоревича Костокрызова** «Антибольшевистское движение на Урале в 1917–1918 гг.», автор которой попытался соотнести политическую борьбу 1917–1918 гг. с особенностями российской модернизации. Диссертант подчеркнул, что характер участия различных социальных

групп в борьбе с большевизмом был обусловлен мерой их вовлеченности в модернизационные процессы.

П. И. Костокрызов детально реконструировал ход событий, связанных с захватом большевиками власти и организацией сопротивления этому процессу со стороны разнообразных социальных и политических сил. На защите было отмечено, что захват власти большевиками на Урале был не «триумфальным шествием», а ожесточенной борьбой. На начальном этапе антибольшевистские силы потерпели поражение вследствие разобщенности, безынициативности и отсутствия политической силы, которая могла бы их объединить. В дальнейшем политика большевиков, ущемлявшая интересы практически всех социальных групп, привела к эскалации конфликта и расширению социальной базы антибольшевистского движения. Весной-летом 1918 г. оно приняло форму массового вооруженного повстанческого движения. Предпринятая антибольшевистскими силами попытка воссоздания Российской государственности на демократической основе не имела успеха и завершилась становлением диктатуры адмирала А. В. Колчака. Автор уделил внимание региональным особенностям антибольшевистского движения, выделил основные этапы его развития.

Диссертация **Сергея Владимировича Еремина** «Трансформация образа нацистского режима в советской пропаганде 1933–1941 гг.» вызвала серьезные дискуссии методологического плана, поскольку автор обратился к реконструкции образа — явления сложного и в исторической науке пока еще слабо разработанного. В качестве методологической основы диссертантом были использованы наработки в области исторической имагологии. С использованием контент-анализа им были проанализированы центральные периодические издания за 1933–1941 гг. Диссертанту удалось раскрыть механизм функционирования советской пропаганды, показать те инструменты, которые использовались для создания образа нацистского режима, проследить его эволюцию. Особое внимание автор уделил событиям 1939 г. и их влиянию на задачи пропаганды. С. В. Еремин показал, как в период действия договора о ненападении с Германией произошла трансформация пропагандистского образа нацистского режима. Классово-враждебный режим стал представляться как легитимный и партнерский. В дальнейшем, с началом войны между СССР и Германией, те же приемы были использованы при формировании нового дружественного образа союзников по антигитлеровской коалиции.

Большой интерес вызвала диссертация **Алексея Леонидовича Глушаева** «Протестантские общины в городах и рабочих поселках в 1945–1965 гг. (на материалах Молотовской (Пермской) области)». Автор обратился к малоизученной теме, посвященной генезису и эволюции протестантских общин 1940–1960-х гг. в Пермском Прикамье. Активное использование методов устной истории позволило диссертанту реконструировать личностные мотивы обращения советских людей к протестантизму и их повседневные религиозные практики. В диссертации был поднят ряд сложных проблем, в частности была рассмотрена организационная структура протестантских общин, их социальный состав, особенности религиозной субкультуры. А. Л. Глушаев отметил, что формирование данного религиозного течения было тесно связано с такими процессами, как урбанизация, индустриализация, способствовавшими появлению промежуточных маргинальных форм в обществе, большую роль сыграла спецссылка. Теоретическим результатом исследования стало осмысление роли советской модернизации и секуляризации 1940–1960-х гг. в становлении новых типов религиозности, приспособленных к реалиям советского образа жизни. В целом диссертация представляется серьезным вкладом в изучение истории религии в СССР в послевоенное время.

Широкие хронологические рамки диссертации **Василия Сергеевича Белоглазова** «История города Бирска во второй половине XIX — конце XX вв.: проблемы и тенденции

развития малого города в условиях российской модернизации» позволили автору на примере Бирска выделить основные этапы эволюции и проблемы провинциального российского города. Взяв в качестве объекта исследования «классический» малый город, возникновение которого было связано с Губернской реформой Екатерины II, автор показал его адаптационный ресурс и стратегии выживания на разных этапах истории. Он отметил, что расцвет городской жизни приходился на пореформенный период, когда город, благодаря развитию речных коммуникаций, превратился в крупный региональный торговый центр. В советское время период активного развития города приходится на 1960–1980-е гг., когда в результате становления нефтяной промышленности и активного городского строительства он превратился в крупный промышленный центр с развитой инфраструктурой. Автор отметил негативное влияние на развитие города таких факторов, как войны и революции, показал ограниченные возможности административного ресурса для решения задач городского развития. В методологическом плане диссертация основана на междисциплинарном подходе, автором предпринята попытка совместить макро- и микроисторический уровни исследования, т. е. проследить на частных фактах исторические закономерности.

По специальности 07.00.03 — Всеобщая история в 2013 г. было защищено 5 кандидатских диссертаций, в том числе 4 по Новой и Новейшей истории. Следует отметить диссертацию **Алены Александровны Постниковой** «Великая армия Наполеона на Березине: событие — память». В диссертации была предложена методика изучения механизмов трансформации событий в образы исторической памяти и исторические мифы. Автором были рассмотрены факторы и обстоятельства отступления Великой армии из России, проанализированы особенности трансформации образа Березины в историописании и коллективной памяти разных наций. Диссертантка отметила, что память опирается на общую событийную канву, по-разному интерпретируемую на национальном уровне. В результате формируются различные национальные традиции освещения исторического события, в данном случае — сражения на Березине. Наиболее сложный, неоднозначный образ сложился в сознании россиян, что объясняется изначальной противоречивостью результатов березинской операции. В других странах этот образ более целостный и он активно используется в современной жизни. В частности, на рубеже XX–XXI вв. как в культурной, так и в коммуникативной памяти Швейцарии, Польши и Франции происходит реанимация образа Березины и его активное использование.

Более традиционный подход к изучению новейшей истории демонстрирует диссертация **Игоря Викторовича Смольника** «Политика США в отношении Турции в 1939–1945 гг.». В исследовании рассмотрены основные этапы и направления политики США в отношении Турции, конкретные решения и деятельность различных ведомств. В качестве основного вывода автор отмечает, что к концу войны происходит изменение позиции США: слабая заинтересованность в установлении отношений с Турцией и недоверие на начальном этапе войны сменилось более активным взаимодействием и участием в решении послевоенной судьбы Турции. Во многом это объясняется сложившейся в регионе геополитической ситуацией и позицией СССР. К моменту завершения Второй мировой войны традиционное советско-английское соперничество по поводу Турции и проливов было вытеснено американо-советскими противоречиями. США удалось превратить Турцию в своего важнейшего союзника на Ближнем Востоке.

Изучение деятельности Конгресса США в 1941–1945 гг. стало предметом исследования в диссертации **Дмитрия Владимировича Ильина** «Конгресс США и планирование послевоенного устройства мира в 1941–1945 гг.». Диссертант в ходе защиты доказал, что идеи регионализма, которые были частью старой изоляционистской парадигмы, были интегрированы в новую внешнеполитическую идеологию и практику Соединенных

Штатов при непосредственном участии парламентариев. Автором были выделены основные тенденции партийно-политической борьбы в Конгрессе вокруг послевоенных внешнеполитических приоритетов США, раскрыта роль отдельных личностей (сенаторов и конгрессменов) в разработке американской программы послевоенного урегулирования, отмечены особенности планирования в сферах безопасности и мировых финансов. Д. В. Ильин подчеркнул, что исполнительная власть, оставаясь главным центром выработки и принятия решений в годы войны, на ее завершающем этапе была вынуждена действовать с оглядкой на возможную реакцию Конгресса, в котором не было единства взглядов относительно деталей послевоенного устройства мира. Интерес представляет также анализ форм и каналов влияния парламентариев на разработку и принятие важнейших политических решений.

Вопросам внешней политики США в отношении Румынии посвящена диссертационная работа **Марины Анатольевны Росиной** «Политика США в отношении Румынии в 1944–1949 гг.». Автор отметила, что румынское направление американской внешней политики в 1944–1949 гг. было важно с точки зрения давления на СССР. Оно позволяло Вашингтону дискредитировать образ Советского Союза в глазах мировой общественности и поддерживать свой имидж как борца за свободу и демократию, а также свою мессианскую роль в мировой истории. Отсутствие эффективных способов воздействия на Бухарест не позволило США воспрепятствовать просоветской ориентации Румынии. Диссертационное исследование позволяет углубить наши представления о методах и инструментах холодной войны, которые использовал Вашингтон для утверждения своего статуса сверхдержавы.

Диссертация **Джираторн Тривисессорн** «Тайско-российские отношения в конце XX — начале XXI вв.» воспроизводит страницы современной истории российско-тайских отношений в начале XXI в. Автор выделяет два основных периода в развитии тайско-российских отношений, рубежом между которыми стал государственный переворот в 2006 г. В диссертации отмечены основные тенденции сотрудничества, раскрыты факторы, определявшие его динамику в различных областях. Особое внимание было уделено анализу политических, экономических и культурных направлений сотрудничества.

Дмитрий Сергеевич Боровков в диссертации «Система материального снабжения и тылового обеспечения Византийских вооруженных сил в IX–XI вв.» продолжил тематику своего научного руководителя А. С. Мохова, связанную с изучением истории византийской армии. Большое интерес вызвала его гипотеза о причинах возникновения управленческих структур, ответственных за тыловое обеспечение византийской армии к середине IX в. Диссертантом были раскрыты причины постепенной деградации системы материального снабжения армии к концу XI в., а также показана эволюция военных ведомств (логофессии стратиотиков, логофессии стад, ведомства комита конюшен). На основании данных сфрагистики автором была составлена просопографическая база чиновников, занимавших посты в исследованных ведомствах в IX–XI вв. Диссертант отметил, что среди выявленных в ходе исследования персоналий выходцы из военной среды составляли меньшинство. В целом, диссертация представляет собой интересную попытку реконструкции малоисследованных сюжетов военной истории с опорой на массовые источники.

В 2013 г. деятельность совета протекала в сложной обстановке подготовки и проведения реформы диссоветов. Следует отметить непредвзятый живой интерес к защищаемым темам со стороны членов совета, активное обсуждение дискуссионных вопросов, строгое и требовательное отношение к качеству работ.

Ученый секретарь диссертационного совета Л. Н. Мазур

НОВЫЕ КНИГИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА (2013–2014)

Античная древность и Средние века : сб. науч. тр. Вып. 41 : К 80-летию д-ра ист. наук, профессора М. А. Поляковской. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 384 с. + 2 илл.

Сборник научных трудов посвящен 80-летию доктора исторических наук, профессора кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета Маргариты Адольфовны Поляковской. Представлены работы преподавателей высших учебных заведений, сотрудников научно-исследовательских институтов и музеев России, Германии, Сербии. В сборнике рассматриваются проблемы истории и культуры Древнего Рима, Византии и стран византийского культурного круга.

Антошин, А. В. Золото Сеннара: Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX века / А. В. Антошин. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2013. — 175 с.

Книга рассказывает об истории русско-египетских отношений в середине XIX в. В центре повествования — дневник уральского штейгера Ивана Бородина, посвященный его пребыванию в Египте и Судане в составе экспедиции Е. П. Ковалевского в 40-е гг. XIX в. Адресована востоковедам, специалистам по истории горнозаводского Урала, а также всем, кто интересуется связями России со странами арабского Востока. Перевод этой книги на арабский язык вышел в 2014 г. в Каире в издательстве «Амба-Русий».

Антошин, А. В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 — начале 1950-х гг. Т. 4 / А. В. Антошин // Русский мир в XX веке : в 6 т. / под ред. Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева ; предисл. А. М. Рыбакова. — М. : АИРО-XXI ; СПб. : Алетейя, 2014. — 376 с. + илл.

Монография посвящена ситуации в Русском зарубежье в условиях Второй мировой войны и первых послевоенных лет. На основе использования документов российских и зарубежных архивов, периодической печати тех лет, мемуарной литературы и других исторических источников показаны условия жизни русских эмигрантов в Европе и за океаном, их правовой статус, роль в жизни диаспоры Русской православной церкви. Особое внимание уделено отношениям русских эмигрантов с Советским Союзом в 1939 — начале 1950-х гг. В приложении представлены выдержки из документов, характеризующих отдельные аспекты рассматриваемой темы.

Антошин, А. В. От русского Монмартра к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е — начале 1980-х гг. Т. 5 / А. В. Антошин // Русский мир в XX веке : в 6 т. / под ред. Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева ; предисл. А. М. Рыбакова. — М. : АИРО-XX I ; СПб. : Алетейя, 2014. — 376 с. + илл.

Монография посвящена эволюции Русского мира в 1950-е — начале 1980-х гг. Проанализированы изменения в советской эмиграционной политике. Охарактеризованы исторические условия формирования феномена «третьей волны» эмиграции из Советского Союза. Большое внимание уделено проблеме восприятия эмигрантами трансформации советского политического режима в постсталинский период. Книга написана на основе привлечения исторических источников, хранящихся в фондах Архива «Открытое общество» (Будапешт), Международного научно-информационного просветительского центра «Мемориал» (Москва), использования эмигрантской периодической печати тех лет, мемуарной литературы. В приложении представлены выдержки из документов, характеризующих отдельные аспекты рассматриваемой темы.

Бабинцев, В. А. Новейшая история Востока: Япония, Китай, Индия, Турция в 1918–1945 гг. : задачник / В. А. Бабинцев, Т. В. Краева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 80 с.

Данное учебное пособие представляет собой сборник задач, направленных на формирование и развитие у студентов творческих способностей и нестандартного мышления. В учебном пособии рассматривается широкий круг политических, экономических, идеологических, культурных проблем истории Востока первой половины XX в. Авторами представлен нетрадиционный для гуманитарных предметов метод обучения — решение задач. Задачи связаны с работой студентов над историческими источниками

и направлены на формирование навыков поиска и обработки информации, развитие логического и аналитического мышления, активизацию познавательного интереса. Учебное пособие предназначено для самостоятельной работы студентов-историков, может использоваться для интерактивной работы на практических и семинарских занятиях.

Главацкая, Е. М. Забытые образы хантыйских шаманов: каталог фотодокументов начала XX века из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (Г. Дмитриев-Садовников. Вах, 1912) / Е. М. Главацкая. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 154 с.

Книга представляет собой каталог фотодокументов, созданных Г. М. Дмитриевым-Садовниковым в 1912 г. на территории Ваховской волости Сургутского уезда. В ней содержатся не только собственные фотографии и их научное описание, но и информация о том, для чего и как именно создавался тот или иной предмет, изображенный на них. Многие фотодокументы публикуются впервые. Книга посвящена 90-летию Сургутского района. Работа проводилась в рамках проекта «Endangered Images of Ethnicity and Religion in Western Siberia in the late 19th to the early 20th century», получившего поддержку Британской библиотеки в 2009 г.

Григорьев, Э. А. Уникальные памятники истории: Жеребья. Печатки. Штемпели / Э. А. Григорьев, А. В. Черноухов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 288 с.

Функционирование любого металлургического предприятия невозможно без заготовки сырья. В книге на основании архивных документов, литературы и нумизматико-эпиграфических памятников — жеребьев, печаток, штемпелей — отражена история становления и функционирования системы учета поставки угля, руды, других материалов на заводах России в XVIII — начале XX в. Каталог знаков включает все известные авторам на сегодняшний день уникальные памятники истории.

Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 14. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 380 с.

Рассматриваются проблемы источниковедения, историографии и методологии отечественной истории, теоретические и практические вопросы организации архивного дела; публикуются архивные источники, а также статьи начинающих исследователей. Большинство статей сборника посвящены историческим и источниковедческим сюжетам XVIII—XX вв. Исследования связаны как с общероссийской, так и с уральской тематикой. В изысканиях источниковедческой направленности внимание авторов статей привлекли законодательные и правовые документы, материалы периодической печати. Специализированный раздел сборника освещает историю отдельных архивов (ГААОСО, Гуверовского института), здесь опубликованы работы, анализирующие проблемы управления и состоянии архивной отрасли в условиях информационного общества. Публикация исторических источников включает в себя официальные (например, докладные записки) и личные документы из семейных архивов.

Зайков, А. В. Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры : учеб. пособие / А. В. Зайков. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 196 с.

Данная книга является учебным пособием к одноименному спецкурсу, читаемому магистрантам исторического факультета Уральского федерального университета. Тематически это пособие теснейшим образом связано с такой учебной дисциплиной, как «История Древней Греции и Древнего Рима». Кроме того, в книге собран богатый фактический материал, обширная библиография и подробная историография социальной истории Спарты и Древней Греции в целом. Три главных элемента социальной структуры Спарты — сословия спартиатов, периеков и илотов — рассмотрены в пособии в аспекте их политико-правового, военного, экономического статуса и основных функций. Типология спартанского полиса анализируется в пособии не только исходя из внутренних особенностей его социальной организации, но и с учетом природно-хозяйственных условий существования этого полиса, а также исторических факторов, повлиявших на процесс его становления.

Кембриджская история древнего мира. Т. V. Пятый век до нашей эры / под ред. Д.-М. Льюиса, Дж. Бордмана, Дж.-К. Дэвиса, М. Отсвальда ; пер. А. В. Зайкова. — М. : Ладомир, 2014. — 702 с.

Эта книга является частью большого проекта по изданию на русском языке знаменитой «Кембриджской истории древнего мира». Том подготовлен Андреем Викторовичем Зайковым, который осуществил

перевод текста, научное редактирование (исправление ошибок оригинала, исправление ошибок при цитировании древних авторов, дополнение новейшей и неучтенной в оригинале библиографии, пояснения сложных и запутанных мест, зачастую выливающиеся в довольно подробные комментарии, и т. п.), подбор дополнительных иллюстраций, а также расширил и переработал указатель. Большая часть книги посвящена Афинам, в том числе топографии этого древнего города.

Кондинский край XVI — начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях. 2-е изд., доп. / под общ. науч. ред. В. И. Байдина ; авт.-сост.: В. И. Байдин, Е. М. Главацкая, С. А. Белобородов и др. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 390 с. : илл.

Книга включает широкий круг письменных, устных и изобразительных источников по социально-политической истории, хозяйству, религии, культуре и быту населения бассейна р. Конды, начиная с первых русских известий о данной территории и до 1920-х гг. Содержит более 170 цветных и черно-белых иллюстраций. Издание награждено дипломами IV Дальневосточного регионального конкурса высших учебных заведений «Университетская книга – 2013» в номинации «Высокая культура издания» и II Уральского межрегионального конкурса «Университетская книга» 2014 г. в номинации «Лучшее издание по культуре Урала и Западной Сибири».

Комлева, Ю. Е. Европейские университеты в раннее Новое время (1500–1800) : учеб. пособие / Ю. Е. Комлева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 228 с.

Представлена целостная картина развития университетов Европы в 1500–1800 гг. как социокультурного и мультикультурного феномена. Раскрывается влияние общеисторических условий на формирование университетских моделей. Показана эволюция системы внутреннего и внешнего управления, методов преподавания и статуса преподавателя. Характеризируются национальные и региональные особенности культурной истории европейского студенчества.

Кручина, Н. А. Британские политические традиции: либерализм, консерватизм, социализм : курс лекций : [учеб. пособие] / Н. А. Кручина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 168 с.

Курс лекций посвящен истории основных политических течений Великобритании — либерализма, консерватизма и социализма. Вынесенный в заголовок работы термин «политические традиции» чаще употребляется в англоязычной, нежели в отечественной историографии и выбран автором с целью подчеркнуть, что история политических течений не сводится только к истории идей или политических партий. Либерализм, консерватизм и социализм рассматриваются в работе как многогранные явления, включающие в себя философские и экономические теории, партийные программы, историю партий и общественно-политических организаций, политическую практику, политические стереотипы и поведение. Сложная динамика и взаимосвязь этих разных уровней и элементов политической жизни Великобритании прослеживается на протяжении четырех столетий. Основное внимание уделено истории политических традиций в Новое время, начиная с зарождения либеральных идей и движений в XVII в. Лекционный курс рассчитан на студентов, только приступающих к изучению Новейшей истории, поэтому XX в. представлен скорее обзорно, но повествование в книге доведено до начала XXI в.

Мир истории: Новые горизонты. От источника к исследованию : материалы докл. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студ., асп. и соиск. Екатеринбург, 30 ноября — 1 декабря 2013 г. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 162 с.

В сборнике опубликованы материалы VI Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и соискателей, организованной и проведенной департаментом «Исторический факультет» Уральского федерального университета. Работы начинающих историков объединены общей проблематикой — исследованием и интерпретация исторических источников. Хронологически доклады, включенные в сборник, охватывают различные периоды истории — от первобытных культур и древних цивилизаций до современности. Материалы сборника сгруппированы в соответствии с тематикой обсуждения на секциях: война и дипломатия в истории международных отношений; личность и социальная история войны; изучение истории повседневности; религия, культура и быт в традиционных обществах; источники и методы реконструкции древних обществ; история науки и научной мысли и др.

Мосин, А. Г. Династия Романовых в истории России (1613–1917): Уральский взгляд / А. Г. Мосин. — Екатеринбург : Меридиан, 2013. — 144 с. : ил.

В книге уральского историка А. Г. Мосина династия Романовых представлена на фоне трехвековой истории России. При самодержавной форме правления большое значение имела личность правителя и то, насколько ответственно он относился к своей жизненной миссии. Автор показывает историю Дома Романовых и управляемой ими страны как единой целое, развивавшееся более или менее гармонично в различные периоды царствования. Из всех регионов России особое внимание автора, писавшего книгу для читателей-уральцев, уделено родному краю: взгляд с Урала позволит им острее ощутить свою сопричастность историческим событиям, в том числе трагической гибели в Екатеринбурге в июле 1918 г. последнего российского императора Николая II, его жены и детей.

Мохов, А. С. Византийская армия в середине VIII — середине IX в.: развитие военно-административных структур / А. С. Мохов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 278 с.

Книга посвящена исследованию организационной структуры византийских вооруженных сил в первое столетие существования «фемной системы». Автором рассматривается эволюция основных компонентов военно-административной системы Византии в середине VIII — середине IX в.: фемных стратиотских ополчений и регулярных тагм. В монографии особое внимание уделено военным преобразованиям императоров-иконоборцев Льва III и Константина V, а также процессу постепенной трансформации фемных воинских формирований в регулярные контингенты.

Подготовка специалистов индустрии туризма и гостеприимства с учетом перспектив регионального развития Среднего Урала : науч.-информ. изд. / Д. В. Бугров, Н. В. Бугрова, К. Г. Брыляков и др. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 428 с.

Исследуются потребности региональной экономики в квалифицированных специалистах гостиничной отрасли. Анализируются опыт работы по реализации создания Высшей школы отельного сервиса в Екатеринбурге, тенденции развития индустрии туризма и гостеприимства в Екатеринбурге, на Среднем Урале за последнее десятилетие. Рассматривается процесс поступательного (количественного и качественного) роста рынка услуг с использованием богатого фактического материала, с опорой на собственные прикладные исследования в таких областях, как маркетинг, управление персоналом, информационные технологии, образовательные методики. Особое внимание уделяется вопросам адаптации будущих профессионалов сферы обслуживания к высоким стандартам клиентоориентированной отрасли.

Поршнева, О. С. Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман. — Екатеринбург : УрИ РАНХиГС, 2013. — 356 с.

Монография посвящена проблемам взаимоотношений власти и рабочих в условиях Гражданской войны, рассматриваемым как социокультурный феномен, возникший вместе с советским государством и составлявший разнонаправленный процесс влияния леворадикальных программ на рабочих, а также воздействия пролетарских слоев рабочего социума на формирование государственной политики. Особое внимание уделено вопросам численности, состава, политических настроений рабочих в 1917–1920 гг.; реальному представительству рабочих и их участию во властных структурах нового государства.

Поршнева, О. С. Урал в годы Первой мировой войны: взаимодействие власти и общества / О. С. Поршнева. — Екатеринбург : Проспект, 2014. — 144 с. : ил.

В книге уральского историка, доктора исторических наук, профессора О. С. Поршневой рассматривается история Урала в годы Первой мировой войны сквозь призму взаимоотношений власти и общества. Большое внимание автор уделяет показу мнений, настроений уральцев, эволюции общественных взглядов по проблемам войны и мира. Культурно-психологические аспекты тыловой повседневности относятся к числу наименее изученных страниц истории Уральского региона в этот период. Большое внимание в книге уделяется гражданской активности уральцев, их благотворительной деятельности.

Славянские диалоги на границе Европы и Азии. Историческая память: арена войны «национальных историй» или основа для диалога и взаимопонимания: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. с элементами науч. шк. для молодежи. 23–24 ноября 2012 г. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 380 с.

Проблематика материалов конференции посвящена изучению основных тенденций в современной историографии и образовательном процессе, связанных с формированием национальной идентичности, особенностями национального самосознания и роли в этом процессе так называемой «исторической памяти». В центре внимания — вопросы развития исторического сознания и роли исторической науки в современном гуманитарном образовании. В работе конференции приняли участие более ста ученых-историков университетских и академических центров России, Белоруссии, Болгарии, Казахстана, Польши, Сербии, Украины, Германии, а также преподаватели истории средних общеобразовательных школ г. Екатеринбурга и Свердловской области.

Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись, 1926–1927 гг. / ред.-сост.: Е. М. Главацкая, Ю. В. Клюкина-Боровик. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 258 с.: илл.

Предлагаемая монография содержит документы по истории организации и проведения Приполярной переписи на Ямале в 1926–1927 гг. и первичные материалы, собранные участниками Уральской экспедиции, представляющие собой уникальный комплекс этноисторических документов, до сих пор не введенных в научный оборот. Сотрудники экспедиции, многие из которых были профессиональными этнографами, подробно описали «туземные» хозяйства Обдорского края — территории современного Ямало-Ненецкого автономного округа, их состав, экономику и быт, детали материальной культуры и духовной жизни в период, когда социалистические преобразования еще не коснулись народов Севера.

Черноухов, А. В. Исторический факультет Уральского государственного университета: 1956–1970 / А. В. Черноухов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 143 с.

В книге отражен период жизни исторического факультета УрГУ с 1956 по 1970 гг. Это время, вобравшее в себя сложные события в жизни страны, вуза и факультета. Рассматривается учебный процесс, научная жизнь факультета, преподавательская и студенческая повседневность.

Ю. А. Русина

ЮБИЛЕИ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА ГЕНИНГА (1924–1993)

10 мая 2014 г. исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося теоретика и практика в области археологии, этнографии, истории первобытного общества, методологии и теории науки, талантливого ученого и педагога Владимира Федоровича Генинга. Родился В. Ф. Генинг в с. Подсосново Славгородского уезда Алтайского края в семье потомственного земского учителя Ф. К. Генинга. В 1907 г. семья выехала из Поволжья на Алтай, а позже проживала в Казахстане. В 1942 г., по окончании средней школы в Алма-атинской области, В. Ф. Генинг был мобилизован РВК в трудовую армию на строительство железной дороги

Свияжск — Ульяновск. В 1945 г. Владимир Федорович был переведен в Красновишерский леспромхоз Молотовской (ныне — Пермской) области, где он работал преподавателем истории, географии и немецкого языка в семилетней школе. Работа в школе стала отправной точкой формирования его интереса к археологии.

В 1947 г. он поступает на историко-филологический факультет Молотовского (Пермского) университета, специализируясь по археологии. Методику и технику археологических раскопок он постигал в университете под руководством известного уральского археолога О. Н. Бадера. Изучение разновременных памятников Камской археологической экспедиции (КАЭ) во многом определило общее направление исследовательских интересов молодого ученого — железный век Прикамья. Творческая одаренность В. Ф. Генинга проявилась не только в научной сфере. Он всегда принимал активное участие в общественной жизни университета. По окончании университета (1952) В. Ф. Генинг работал преподавателем средних школ в г. Кудымкаре и с. Сива Молотовской области, одновременно сотрудничая с Пермским областным краеведческим музеем.

В 1954 г., по распоряжению Совета министров Удмуртской АССР, в целях планомерного и всестороннего исследования археологических памятников в республике была организована Удмуртская археологическая экспедиция, на руководство которой был приглашен В. Ф. Генинг. Полученный материал позволил ему выделить ряд местных археологических культур железного века. Эти работы В. Ф. Генинг выполнял, обучаясь в аспирантуре Института языка, литературы и истории при Казанском филиале Академии наук (ИЯЛИ КФАН) СССР, куда он поступил в 1955 г.

В Казани (1955–1960) он увлеченно занимается не только археологией, но и философией. Видимо, уже тогда для него стало очевидным, насколько археологической науке необходима серьезная теоретическая база. В это время территория археологических исследований В. Ф. Генинга значительно расширилась за счет обследования ряда районов Марийской и Татарской республик. Итоги археологических работ Владимира Федоровича были изложены им в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Пьянобурская культура на Средней Каме (III в. до н. э. — II в. н. э.)», которую он защитил в 1959 г. в Москве.

В 1960 г. В. Ф. Генинг прошел по конкурсу на должность доцента кафедры истории СССР исторического факультета в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (УрГУ) и переехал с семьей в Свердловск (ныне Екатеринбург). Начался новый период активной научно-педагогической деятельности ученого. В. Ф. Генинг поставил на научную основу обучение студентов. Под его руководством на историческом факультете была открыта специализация по археологии. Именно в нашем университете в полной мере раскрылся неповторимый талант В. Ф. Генинга как лектора. Он был «король аудитории» [Поляковская, с. 9]. Была ли это учебная лекция для студентов или выступление с научным докладом на конференции любого уровня — от регионального до международного, — В. Ф. Генинг всегда умел привлечь внимание слушателя. Можно сказать, студентам исторического факультета УрГУ в 60-е — 70-е гг. прошлого столетия повезло. Уже с первого курса судьба подарила нам блестящего лектора, обаятельного, артистичного,

красивого, а главное, высокопрофессионального педагога. В. Ф. Генинг читал курсы лекций по основам археологии и истории первобытного общества, спецкурсы по археологии Урала и Западной Сибири. Кроме преподавательской деятельности и руководства археологической экспедицией, довольно много времени В. Ф. Генинг уделял общественной работе. Он был то председателем цехкома исторического факультета, то возглавлял группу народного контроля, то жилищную комиссию месткома УрГУ [Ковалева, с. 64].

Вместе с тем, основным делом своей работы в университете, которой В. Ф. Генинг уделял внимание и время, были студенты, и не только специализировавшиеся по археологии. Владимир Федорович являлся куратором всего курса историков выпуска 1966–1971 гг. (в их числе преподаватели и сотрудники нашего университета: В. А. Кузьмин, А. С. Козлов, И. А. Бадалян, Т. Ф. Кардаполова, Н. В. Лоскутова и др.). Студентам-археологам он передавал свой опыт и умение работать как в поле, так и в лаборатории. Уделяя большое внимание междисциплинарным связям в научном исследовании, ученый находил возможность приглашать для чтения спецкурсов и для участия в полевых работах ведущих специалистов из Москвы и Ленинграда. По инициативе В. Ф. Генинга в 1961 г. на историческом факультете УрГУ была создана единая Уральская археологическая экспедиция (УАЭ). Это дало возможность начать исследования в Зауралье и Западной Сибири, что было давней мечтой ученого.

За годы руководства В. Ф. Генингом УАЭ были проведены широкомасштабные исследования на территории Урала и Западной Сибири. Основной задачей этих работ было составление археологических карт, установление хронологии памятников, выделение археологических культур и культурных типов. Все это стало возможным благодаря организаторским способностям и педагогическому дару В. Ф. Генинга. Он сумел вовлечь целую плеяду студентов в очень сложную, трудоемкую профессию — археологию. Его доверие к самостоятельной работе студентов воспитывало у них ответственность: специализирующиеся по археологии студенты получали свои первые «Открытые листы» на право самостоятельного проведения разведок, а позже — и стационарных раскопок. Он также инициировал участие студентов в серьезных научных конференциях как регионального, так и всесоюзного масштаба. Более того, он предоставлял им возможность публикации своих изысканий не только в студенческих сборниках, но и совместно с ним, а порой и самостоятельно, в профессиональных научных сборниках. Не случайно, что в период работы в УрГУ В. Ф. Генинг организовал издание продолжающегося и сегодня сборника «Вопросы археологии Урала» (ВАУ), известного многим археологам страны.

«Свердловский» период в научной деятельности В. Ф. Генинга оказался весьма насыщенным и разноплановым. Именно тогда он начинает работать на междисциплинарном уровне, активно привлекая этнологию, лингвистику, топонимику, социологию, философию, теорию культуры, естественные методы при изучении проблем в области урало-сибирской археологии. Сохраняя приверженность к предшествующей сфере научных интересов, особенно к проблеме Великого переселения народов, он занимался исследованием причины миграции угорского населения на запад, определяя район их исхода. Параллельно ученый

начал разработку теоретических проблем археологии: определение понятия археологической культуры (АК), культурной общности (области). Кроме того, он одним из первых отечественных археологов обратил внимание на этнические процессы в первобытности. К этой проблеме ученый будет обращаться в своих исследованиях постоянно.

В. Ф. Генинг, продолжая дело своего учителя О. Н. Бадера и используя опыт пермской археологии, начал формировать при Уральском университете хозяйственно-исследовательскую систему исследования в области археологии. Эта система давала возможность не только максимального изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия коренных и пришлых народов Урала и Западной Сибири, но и формирования большого и долговременного научного коллектива практикующих археологов из выпускников университета: В. И. Стефанов, Н. К. Стефанова, Л. Н. Корякова и др. В 1968 г. в УрГУ была создана хозяйственная Лаборатория археологических исследований — для ведения аварийно-спасательных работ в районах новостроек, существующая по настоящий день (ныне — ПНИЛ ЦАИ УрФУ). Таким образом, В. Ф. Генинг стал новатором внедрения хозяйственных исследований в области археологии в Урало-Западносибирском регионе. В 1970 г. В. Ф. Генинг обратился к сибирской тематике, впервые представив вместе с учениками культурно-хронологическую периодизацию Ишимо-Иртышской лесостепи от нового каменного века до средневековья [Генинг, Гусенцова и др.; Генинг, Корякова и др.]. Важным вкладом в археологию явилась разработка В. Ф. Генингом эмпирических методов исследования. В 1971 г. ученым была предложена разработанная совместно с учениками «Программа статистической обработки керамики» [Генинг]. Под руководством В. Ф. Генинга в Свердловске оформилась Уральская научная археологическая школа. Своеобразным подведением научных итогов «свердловского» периода явилась защита В. Ф. Генингом докторской диссертации по теме «Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н. э.» (1974).

В. Ф. Генинг никогда не ограничивался описанием археологических находок и памятников, но стремился использовать их как источник для воссоздания характера общественных отношений в глубокой древности. Проявляя особый интерес к вопросам методологии и теории науки, он справедливо полагал, что без этого археология не может быть достаточно эффективной. В дальнейшей своей научно-исследовательской деятельности именно теоретическим вопросам археологии он уделял особое внимание, что нашло отражение в его дальнейшей работе уже за пределами Урала. В 1974 г. ученый был приглашен на должность заместителя директора по научной работе в Институт археологии Академии наук Украины. Здесь он полностью посвятил себя разработке теоретических проблем археологии. По инициативе ученого в 1978 г. в Институте археологии АН Украины был создан Отдел теории и методики археологических исследований, который он и возглавил.

Творческое наследие Владимира Федоровича Генинга грандиозно и значимо по сей день. Оно нашло достойных последователей в лице его многочисленных и благодарных учеников. Авторитет В. Ф. Генинга как выдающегося ученого-археолога высок не только в России, но и за рубежом. Научное

наследие Владимира Федоровича Генинга насчитывает свыше 200 публикаций, в том числе 20 монографий и научно-популярных книг по археологии, истории первобытнообщинного строя, этнической истории древних народов, философии, социо-археологии, а также проблемам методологии, теории и истории археологических исследований.

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок : тез. докл. на секции Пленума по итогам полевых работ. М., 1971. [Gening V. F. Programma statisticheskoj obrabotki keramiki iz arheologičeskikh raskopok : Tez. dokl. na sekcii Plenuma po itogam polevyh rabot. M., 1971.]

Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 12–51. [Gening V. F., Gusencova T. M., Kondrat'ev O. M., Stefanov V. I., Trofimenko V. S. Periodizacija poselenij jepohi neolita i bronzovogo veka srednego Priirtysh'ja // Problemy hronologii i kul'turnoj prinadlezhnosti arheologičeskikh pamjatnikov Zapadnoj Sibiri. Tomsk, 1970. S. 12–51.]

Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 203–228. [Gening V. F., Korjakova L. N., Ovchinnikova B. B., Fedorova N. V. Pamjatniki zheleznogo veka v Omskom Priirtysh'e // Problemy hronologii i kul'turnoj prinadlezhnosti arheologičeskikh pamjatnikov Zapadnoj Sibiri. Tomsk, 1970. S. 203–228.]

Ковалева В. Т. Генинг и археологическая наука в Уральском университете // Летописцы родного края. Свердловск, 1990. С. 59–66. [Kovaleva V. T. Gening i arheologičeskaja nauka v Ural'skom universitete // Letopiscy rodnogo kraja. Sverdlovsk, 1990. S. 59–66.]

Поляковская М. А. Владимир Генинг: штрихи к портрету // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. Екатеринбург, 2005. С. 8–10. [Poljakovskaja M. A. Vladimir Gening: shtrihi k portretu // Arheologija Urala i Zapadnoj Sibiri. K 80-letiju so dnja rozhdenija Vladimira Fedorovicha Geninga. Ekaterinburg, 2005. S. 8–10.]

Б. Б. Овчинникова

Список сокращений

АРАН	Архив Российской Академии наук
ГАГС	Государственный архив города Севастополя
ГАКО	Государственный архив Кировской области
ГАПК	Государственный архив Пермского края
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГИМ	Государственный исторический музей
МГАМИД	Московский главный архив Министерства иностранных дел
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ПНИЛ ЦАИ УрФУ	Проблемная научно-исследовательская лаборатория Центра археологических исследований Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГАВМФ	Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
ЦА ФСБ РФ	Центральный архив ФСБ Российской Федерации
ЦГАООРБ	Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан
ЦДНИКО	Центр документации новейшей истории Кировской области

Сведения об авторах

Барковская, Нина Владимировна (n_barkovskaya@list.ru). Доктор филологических наук (1996), профессор, зав. кафедрой современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета (620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; (343)235-76-66). Сфера научных интересов — литература конца XIX — начала XX в., литература эмиграции, современная поэзия.

Баруткина, Мария Олеговна (lovelymeri@mail.ru). Магистрант кафедры русской литературы XX и XIX веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-94). Сфера научных интересов — поэзия начала XX в., творчество Максимилиана Волошина.

Борщ, Елена Викторовна (ev_borshch@lenta.ru). Кандидат искусствоведения, доцент; профессор Института изобразительных искусств Уральской государственной архитектурно-художественной академии (620075, Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 23; (343)371-33-69). Сфера научных интересов — книжная гравиюра XVIII в.

Вепрева, Ирина Трофимовна (irina_vepreva@mail.ru). Доктор филологических наук (2003), зав. кафедрой риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-94; kafedraris@yandex.ru). Сфера научных интересов — русский язык, культура речи, семантика, социолингвистика, лингвокультурология.

Дергачева-Скоп, Елена Ивановна (e_dergacheva-skop@post.nsu.ru). Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой древних литератур и литературного источниковедения Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2). Сфера научных интересов — древнерусская литература.

Кантор, Юлия Зораховна (kantor@hermitage.ru). Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34). Сфера научных интересов — международные отношения межвоенного периода, история тоталитарных режимов в первой половине XX в.

Келлер, Андрей Викторович (a.v.keller@urfu.ru). Старший научный сотрудник, доктор философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51). Сфера научных интересов — история России.

Кравченко, Оксана Анатольевна (1234oksana@rambler.ru). Доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и художественной культуры Донецкого национального университета (Донецк, ул. Университетская, 24). Сфера научных интересов — эстетика художественного творчества, проблемы онтологической поэтики.

Крих, Сергей Борисович (krikh@rambler.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского ((3812)229800). Сфера научных интересов — советская и англо-американская историография древности, сравнительный анализ мировых и отечественных тенденций в развитии историографии, лингвоанализ научных текстов.

Кулбахтин, Салават Назирович (bbb81@mail.ru). Выпускник Башкирского государственного университета (2002). Кандидат исторических наук (2007), доцент кафедры зарубежной истории Башкирского государственного университета (450099, Уфа, ул. Бикбая, 18; (347)234-99-69). Сфера научных интересов — горнозаводская промышленность Южного Урала в XVIII—XIX вв. и проблемы сохранения индустриального наследия.

Купина, Наталия Александровна (natalia_kupina@mail.ru). Доктор филологических наук (1985), профессор кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-94; kafedraris@yandex.ru). Сфера научных интересов — русский язык, стилистика, культура речи, лингвистика текста.

Куш, Татьяна Викторовна (tkushch@yandex.ru). Доктор исторических наук, зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-38). Сфера научных интересов — история средних веков, история и культура Византии, социальная история поздней Византии.

Лебедева, Галина Евгеньевна (mittelalter@mail.ru). Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5). Сфера научных интересов — социальная структура и динамика ранневизантийского общества, переход от античности к феодализму в Византии, проблемы ранневизантийского законодательства, медиевистика в Ленинградском университете (1930—1950-е гг.), византийское каноническое право в освещении русской до-революционной византистики.

Мангилева, Анна Владимировна (mangileva-anna@yandex.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин Екатеринбургской духовной семинарии (620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; (343)311-99-40). Сфера научных интересов — история приходского духовенства Синодального периода.

Манькова, Ирина Леонидовна (ilman.08@mail.ru). Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; (343)374-53-40). Сфера научных интересов — история России.

Матвеева, Юлия Владимировна (julia-matveeva@yandex.ru). Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX—XXI вв. Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-94). Сфера научных интересов — литература русского зарубежья, русская литература XX в.

Метель, Ольга Вадимовна (olgametel@yandex.ru). Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского ((3812)229800). Сфера научных интересов — советская и французская историография раннего христианства, развитие религиозно-исследовательских исследований в отечественной и французской традициях XIX—XX вв., интеллектуальная история католической церкви в Новое время.

Мехамадиев, Евгений Александрович (mehamadiev@gmail.com). Кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5). Сфера научных интересов — позднеримская-ранневизантийская армия, политическая теория Византии VI в.

Объедков, Иван Валентинович (www.ksumballon@mail.ru). Кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории Московского городского педагогического университета (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4). Сфера научных интересов — история государственных учреждений и общественных организаций, история военной журналистики.

Павленко, Алексей Павлович (pavlenko-09@yandex.ru). Аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-27-08). Сфера научных интересов — революция 1917 г., вооруженные силы России в начале XX в., социально-политическая история морского офицества.

Поршнева, Ольга Сергеевна (porshneva@yandex.ru). Доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51). Сфера научных интересов — история России первой половины XX в.

Приказчикова, Елена Евгеньевна (miegata-logos@yandex.ru). Доктор филологических наук, профессор кафедры фольклора и древней литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-92). Сфера научных интересов — мемуарная проза XVIII в.

Сидорова, Ольга Григорьевна (ogs531@mail.ru). Доктор филологических наук (2005), зав. кафедрой германской филологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-59-22). Сфера научных интересов — современный британский роман, англоязычная мультикультурная и постколониальная проза, имагология, история перевода.

Симян, Тигран Сержикович (tsimyan@googlemail.com). Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Ереванского государственного университета. Сфера научных интересов — история немецкой литературы Нового времени (XVII—XX вв.), семиотика литературы и кино, история методов гуманитарных наук.

Федякин, Сергей Романович (serofed@yandex.ru). Кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. А. М. Горького (123104, Москва, ул. Тверской Бульвар, 25; (495)6940662, novlitteratura@rambler.ru). Сфера научных интересов — русская литература XX в.

Харитонов, Дмитрий Владимирович (kharit@yandex.ru). Кандидат филологических наук, доцент департамента государственной политики в сфере высшего образования Министерства образования и науки Российской Федерации (125993, Москва, ул. Тверская, 11; (495)629-24-25). Сфера научных интересов — литература и культура 1960-х годов, литература русского андегранда 1970-х годов, новейшая русская литература (творчество Виктора Пелевина, Анны Матвеевой, Виталия Кальпиди и др.), функционирование литературного текста в кинотексте, образовательная инноватика.

Хоруженко, Олег Игоревич (khoguzhenko1@yandex.ru). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; (499)126-94-49). Сфера научных интересов — источниковедение, археография, вспомогательные исторические дисциплины.

Храпунов, Никита Игоревич (khrapunov@mail.ru). Кандидат исторических наук, сотрудник Института истории и археологии Крыма Крымского федерального университета (295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т В. И. Вернадского, 4). Сфера научных интересов — история Византии, история и археология Крыма в древний и средневековый период, записки путешественников о юге России конца XVIII — начала XIX в.

Черноухов, Эдуард Анатольевич (echernoukhov@yandex.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; (343)235-76-72). Сфера научных интересов — социальная инфраструктура горнозаводских хозяйств Урала в XIX в.

Шаманаев, Андрей Васильевич (shamanaev@mail.ru). Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени первого

Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343)350-75-36). Сфера научных интересов — археология, история археологии, охрана историко-культурного наследия, история охраны памятников старины.

Язовская, Ольга Валерьевна (yazolga@gmail.com). Ассистент кафедры истории филологии и философии образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; (343) 350-59-20). Сфера научных интересов — японская мифология, религиоведение, система образования, японистика, государственная идеология.

Summary

From the Editors

ON THE 100TH ANNIVERSARY OF WORLD WAR I

Porshneva O. S.

Ural Federal University, Yekaterinburg
porshneva@yandex.ru

The Second Patriotic War: Public Sentiments in Ural Provinces during the Early Stages of World War I

The article considers the influence that Russia's entering World War I had on public sentiments of Ural Region. The author demonstrates how conscious and spontaneous patriotism grew among representatives of different social classes; she also interprets the disorders among the reserve lower ranks, as well as the manifestation of pacifist and anti-war moods. The article reveals the basic ideas that conditioned the perception of the War by the educated part of society and shows the complex of ideas about World War I as a Second Patriotic War.

Key words: World War I; mobilization; patriotic upsurge; manifestations; Second Patriotic War; Germanism; charity; disorders of the reserve.

Kantor Yu. Z.

The State Hermitage Museum, S.-Petersburg
kantor@hermitage.ru

M. N. Tukhachevsky and Ch. De Gaulle in the Ingolstadt Camp during World War I: Unknown Pages in Their Biographies

The article explores the little-known facts in the biographies of two prominent figures of 20th century political history – the to-be president of France Charles de Gaulle and M.N. Tukhachevsky, a to-be marshal of the Soviet Union. Referring to a number of unknown documents from Russian and German archives and memoir sources, the author writes about their life as prisoners of war, their living conditions in the Ingolstadt Camp for officers as prisoners of war during WWI, the peculiarities of their characters and relationships, and the formation of their political views.

Key words: World War I; captivity; Charles de Gaulle; Mikhail Tukhachevsky; living conditions; escape.

Obyedkov I. V.

Moscow City Teachers Training University
www.ksumballon@mail.ru

Propagandists of the Russian Military Department in the USA between 1915–1917

The author studies the activity of three journalists that started working for North and South, an unofficial telegraph agency in the United States of America S. N. Syromyatnikov, A. I. Kalpashnikov-Kamak, and N. N. Serguiyevsky. The article is based on the documents of the Russian State Military and Historical Archive.

Key words: World War I; Supreme Commander General Headquarters; General Staff; Russian propaganda; telegraph agency North and South; I. S. Naimsky; S. N. Syromyatnikov; A. I. Kalpashnikov-Kamak; N. N. Serguiyevsky.

Pavlenko A. P.

Ural Federal University, Yekaterinburg
pavlenko-09@yandex.ru

Conflicts between the Officers and the Lower Ranks on the Black Sea Navy in March, 1917 – March, 1918

The article considers conflicts between the officers of the Black Sea Fleet on the one hand and lower ranks, committees and Soviets on the other during the revolutionary events of 1917 and the beginning of the Civil War. The analysis is made by means of the prosopographic method. The author reveals the most wide-spread charges that officers were incriminated and formulates the reasons for the confrontation between the commanding officers and their subordinates.

Key words: Revolution of 1917; Black Sea Fleet; officer corps; ship committees; Sebastopol Soviet of Military and Workers' Deputies; prosopography.

Simyan T. S.

Yerevan State University
tsimyan@googlemail.com

The Keiser Pseudo-Christian Military Rhetoric of the 1910s through the Prism of Dada and Expressionist Criticism

The article studies the pseudo-Christian discourse of the 1910s as well as the manipulation of Christian values by the Keiser political elite and the reaction to it of expressionists and dada artists.

Key words: pseudo-Christianity; propaganda; expressionism; Dada; Berlin Dada artists; Keiser Germany; Weimar Republic.

CRIMEA AT THE CROSSING OF CULTURAL AND HISTORIC CONTEXTS

Khrapunov N. I.

Institute of History and Archaeology of the Crimea
at the Crimean Federal University, Simferopol
khrapunovn@mail.ru

Alushta as a Crimean Paradise in the Accounts of Foreign Travelers of the Late 18th – Early 19th Century

The author analyzes the accounts of Alushta, a southern Crimean settlement, written by European travelers. The accounts provide evidence of the Western stereotypes connected with Crimea as well as help form an idea of life in Alushta and around it at the turn of the 19th century, as well as the activities and lifestyle of the locals; they also describe a number of archaeological monuments. Owing to the travel diaries, the reader gradually forms an idea of Alushta as an attractive Eden on the southern shore of Crimea.

Key words: imaginative geography; travel diaries; Charles de Ligne; Gilbert Romme; Peter Pallas; Edward Clark; Reginald Heber; Eastern Europe; Crimea; Alushta.

Prikazchikova E. Ye.

Ural Federal University, Yekaterinburg
miegata-logos@yandex.ru

The Mythological Projections of Catherine II's Journey to Taurida in 1787 in the Context of State Utopianism of the 18th century (Referring to Memoir and Epistolary Sources)

The author examines two mythological projections of Empress Catherine II's journey to Crimea (Crimea as an ancient Taurida; Crimea as the garden of Eden) regarded in the context of state utopianism of the 18th century. The analysis is made referring to the memoir and epistolary literature of the authors who took part in the journey (Catherine II, G. A. Potemkin, count L.-Ph. Ségur, prince Ch.-H. Nassau-Siegen, count K. von Liudolf, D. Harris, lord of Malmsbury; Ch. Masson).

Key words: Catherine II's journey to Taurida; mythological projections; state utopianism; memoir and epistolary sources.

Shamanayev A. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg
shamanaev@mail.ru

Catherine II's and Alexander I's Journeys to Crimea and the Establishment of the System of North Black Sea Region Historic Preservation

The article considers Catherine II's and Alexander I's influence on the establishment of the system of north Black Sea Region historic preservation. The study is based on the analysis of official documents, travelers' accounts, and memoirs. The author considers the role historic monuments played in the Russian monarchs' itineraries around Crimea. The author describes how scholarly research was organized as well as restoration works and publication of regulatory legal acts that were meant to preserve the ancient monuments of Crimea.

K e y w o r d s: travel; Crimea; historic preservation; Catherine II; Alexander I.

Borsch E. V.

The Ural State Academy of Architecture and Arts, Yekaterinburg
ev_borshch@lenta.ru

Anatoly Demidov's Crimean Journey of 1837: from Text to Illustration

The article considers the interconnection of text and illustration referring to A. N. Demidov's *Travels in Southern Russia and the Crimea* (Paris, 1840). The author studies the iconography of the Crimean journey referring to the illustrations made by French artist O. Raffet comparing the French and Russian editions of Demidov's book. Contrasting the excerpts of the text with the corresponding illustrations, the author concludes about the similarity and differences in the perception of Crimea by the writer and the illustrator. The article also analyzes the thematic, as well as genre and stylistic peculiarities of the illustrations, revealing the principles of the iconography of travel in the 19th century.

K e y w o r d s: travel iconography; Crimean journeys; French illustrations; text and illustration; A. N. Demidov.

Sidorova O. G.

Ural Federal University, Yekaterinburg
ogs531@mail.ru

The Depiction of the Crimean War in English Literature

The article describes the image of the Crimean War (1853–1856) in the English literature of the 19–20th centuries, analyzing a number of components of this image in different literary genres. The author compares the literary image of the Crimean War with that of the Indian Rebellion of 1857–1859 and explains why Crimean war fiction is scanty, and why the first significant novel on the issue only appeared as late as 1998.

K e y w o r d s: Crimean War; media war; ballads; charge of the light brigade; Master Georgie.

Barutkina M. O.

Ural Federal University, Yekaterinburg
lovelymeri@mail.ru

Genius Loci: Maximilian Voloshin and Cimmeria

The article analyzes the life and creative work of M. Voloshin from the point of view of the unity of a poet's life and their native land. The analysis is made referring to the collections of poems devoted to Cimmeria and the memoirs of the writer's contemporaries in which he is represented as a genius loci. The author maintains that there was a strong interconnection and mutual influence between the poet and his land (its relief, history, and mythology), as Voloshin and Cimmeria were eternal companions. Focusing on the fact that it is impossible for a poet to come into being without a motherland, the author also focuses on the impossibility for Koktebel to exist without Voloshin.

K e y w o r d s: M. Voloshin; Koktebel; Poet's House; Cimmeria; creation of myths; genius loci; landscape.

Fedyakin S. R.

Literary Institute named after M. Gorky, Moscow
serofed@yandex.ru

The Disappearing Shore of Crimea in the Works of Turoverov, Poplavsky, Gazdanov, and Nabokov

The author considers the descriptions of the last moments spent in the homeland in the works of four writers belonging to the young literary generation of the first emigration. The author comes to the conclusion that each of them demonstrates their inimitable traits in the description of the separation from one's motherland. It was not only the a Crimean storyline that become common for the writers, but also the experience of the historical break that forced everyone to seek a response to the changes in the world and in the human mind.

K e y w o r d s: image; tone; music of poetry; memory; imagination; historical vision; theme; motif; creativity; Russian expatriates.

Matveeva Yu. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg
julia-matveeva@yandex.ru

The Crimean Note of the Russian Abroad (Referring to the Works of Writers of the Younger Generation of the First Russian Emigration)

The article studies the multiple variations of the Crimean myth created in their poetry and prose by the younger writers of the first Russian emigration, the ones who fought in Crimea during the Civil War and were evacuated abroad from Crimea. Referring to the creative work of V. Smolensky, N. Turoverov, B. Poplavsky, G. Gazdanov, V. Nabokov, I. Savina, G. Kuznetsova, N. Biberova, and A. Ladinsky, the author analyzes the typical and individual connotations of the Crimean theme which is made up of the following elements: the role of individual choice and responsibility; the place of parting and leaving Russia; the place of elegiac lucidity and catharsis; the place of the final lot (Russian Golgotha); the place of meeting between Russia and the West.

K e y w o r d s: Crimean theme; Crimean myth; Russian abroad; sons of emigration; Crimea; Sebastopol; Yalta; Feodosia; Chersonesus.

Kharitonov D. V.

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow
kharit@yandex.ru

The Most Topical Writing of Recent Time, or Thoughts on a Prophetic Novel

The article studies the phenomenon of Crimea in the creative work of Vassily Aksyonov, a classic of 20th century Russian literature. The analysis is made referring to a most significant work of the master, the 1970s novel *The Island of Crimea*. The *Island of Crimea* focused on the most important issues in the development of Soviet society after the Khrushchev Thaw, maintaining that totalitarianism is senseless and merciless. Additionally, the article analyzes the peculiarities of the main characters and minor characters, their psychological to physical realization. The author also concentrates on the so-called auto-context of the novel (the ideas and images that emerged in the writer's earlier works), and the outer context (connections with texts of Russian and Soviet literature).

K e y w o r d s: myth; psychological basis of a character; Sixtiers; context; cinematographicity of image; literature.

Barkovskaya N. V.

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg
n_barkovskaya@list.ru

The Outskirts of the Ancient World: the Image of Crimea in Maya Nikulina's Poetry

The author considers the poetic image of Crimea in the poetry of Maya Nikulina, a Ural poetess, and reveals the ancient tradition underlying the interpretation of a poet's role. The author concludes that there is an involuntary projection of the perception of the Urals to the Crimean land. The article draws a contrast between Nikulina's poetry and Crimean China in Andrei Polyakov's poetry.

K e y w o r d s: modern poetry; Maya Nikulina; Andrey Polyakov; Crimea; Hellas.

Vepreva I. T.

Ural Federal University, Yekaterinburg
irina_vepreva@mail.ru

Kupina N. A.

Ural Federal University, Yekaterinburg
natalia_kupina@mail.ru

Crimean Sanctions: a Cultural Scenario and Its Development

Referring to extracts from a number of mass media materials that contain the word sanctions, and speech utterances, reflecting the attitude towards the imposition of sanctions against Russia after the annexation of Crimea by the Russian Federation, the article interprets the development of the cultural scenario of sanctions, mostly influenced by the ideas of historic justice, Eurasianism, and independence activated in the public consciousness.

Key words: Crimea sanctions; cultural scenario; development; signal; ideological stubbornness; idea of historical justice; idea of Eurasianism; idea of independence.

HISTORY

Yazovskaya O. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg
yazolga@gmail.com

The Transformation of Mythological Heritage in Japanese Statehood

In this article, the author for the first time works out and uses the method that helps analyze the transformation of mythological heritage by means of the notion of the mythological model of the world. The analysis is made referring to the Japanese mythology of the period when the ancient mythological chronicles *Kojiki* and *Nihon Shoki* were compiled, as well as the interpretation of mythology by National study scholars, namely *Motoori Norinaga* and *Hirata Atsutane*, and the use of ancient myths in the *kokutai* ideology during the period of restoration of imperial power in the Meiji era. For each of the abovementioned periods, the author gives the characteristic models of the world, the comparison of whose content changes allowed to detect stable elements of Japanese mythology.

Key words: mythological model of the world; Japanese mythology; National study; *kokutai* concept.

Lebedeva G. E.

S.-Petersburg State University
mittelalter@mail.ru

Mekhamadiev E. A.

S.-Petersburg State University
mehamadiev@gmail.com

Deacon Agapetus and *Dialogus de Scientia Politica*: Two Concepts of the Byzantine Basileus (part 1)

The concept of Basileus chosen by god and holding unlimited power on Earth is the main point of all the Byzantine political thought but there is a reasonable question concerning the emergence of this idea as a political theory, as a teaching of a state's mechanism and functions. Referring to comparative analysis of three political treatises (*Admonitions of a Duty of a Prince of Deacon Agapetus*, *Dialogue on Political Science and on Strategy*), written between the 6th – the first third of the 7th century AD, the authors trace the changes in the meaning of the notion of Basileus-autocrat that is endowed with unlimited power by God, and this is similar to God. Perceiving political thought as a teaching of the essence and forms of a state, the authors conclude that during the reign of Justinian, contrary to the previous scholars' views, there was only one clearly shaped political theory that consisted in the limitation of the Emperor's power by means of old Roman magistrates, such as Senate or lawful public acclamation. In this sense, all Agapetus's statements about the divine nature of Justinian's autocratic power seem mere rhetorical compilation, a collection of literary clichés, and do not claim to be called precise scholarly study. Only at the turn of the 7th century AD these rhetorical calls took shape, and appropriate reasoning, and, as a result, transformed into an elaborate and unified political theory.

Key words: political theory; rhetoric; Deacon Agapetus; Dialogue on Political Science; Basileus chosen by god; Justinian; senators; Christianity; Greek philosophy.

Kushch T. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg
tkushch@yandex.ru

Works of Demetrios Kydones as a Historical Source on the Zealot Movement in Thessaloniki

The author analyzes the works of Byzantine intellectual Demetrios Kydones (c.1324–c.1397) (Monody on the Fallen in Thessaloniki, his letters and orations) as a source on the history of the Zealot movement in Thessaloniki in the mid-14th century. The article examines the genre peculiarities of Kydones' rhetorical writings, and the peculiarities of his style, as well as reveals some essential details of the Zealot uprising described in these sources. The textual analysis of Kydones' Monody enables the author to adduce some additional arguments for a new dating of Nicolas Kabasilas' Discourse Concerning Illegal Acts of Officials Daringly Committed against Things Sacred.

Key words: late Byzantium; Demetrios Kydones; Zealots; Thessaloniki.

Khoruzhenko O. I.

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow
khoruzhenko1@yandex.ru

Seals of the Obolensky Princely Family of the 13th – 17th Centuries in F. A. Bühler's Work

The article studies the work on Russian seals prepared by M. A. Obolensky and implemented by F. A. Bühler. The article puts forward a supposition and the purposes for the choice during the selection and description of the published sources that went beyond the author's scholarly interest; as he used the publication for the demonstration of his genealogical and class identity.

Key words: sigillography; seals; Obolensky princes; M. A. Obolensky; F. A. Bühler.

Mankova I. L.

Institute of History and Archaeology, Ural branch of RAS, Yekaterinburg
ilman.08@mail.ru

The Recording Book of 1624 as a Reconstruction Source of Tobolsk's Orthodox Landscape

Referring to the recording book of 1624, the author analyzes the locations and names of the parish churches and monasteries in Tobolsk; establishing their connections and peculiarities. The author also considers the icons found in their iconostases, and reveals the most venerated icons. It is certain that Saint Nicholas was the most popular of the saints, along with some local saints that were venerated in the capital of Siberia and connected to particular areas of the region, such as Cyril of Beloozero, Procopius of Ustyug, Leontius of Rostov, and Basil the Blessed. A complex analysis carried out by the author enabled them to reconstruct the Orthodox landscape of Tobolsk in the first fourth of the 17th century.

Key words: recording books of the 17th century; history of Orthodox Christianity; monasteries; Orthodox landscape; parish churches; Siberia; Tobolsk; church icons.

Keller A. V.

Ural Federal University, Yekaterinburg
a.v.keller@urfu.ru

The Establishment and Development of Handicraft Education in Saint-Petersburg between the Early 18th – Early 20th Century

The author reveals a number of tendencies in the development of handicraft education between 1722 and the early 20th century describing the role workshops played in teaching and the establishment of institutes for primary and secondary vocational education for craftsmen.

Key words: workshops; city handicraft; modernization; craftsmen; artisans; apprentices; professional handicraft education.

Manguileva A. V.

Yekaterinburg Theological Seminary
mangileva-anna@yandex.ru

The White Parish Clergy of the Russian Empire: from Estate to Profession

The article considers the process of estate consciousness formation among the white Orthodox clergy and analyzes the correspondence between the estate and professional components in the self-consciousness of the representatives of this social group by the end of imperial Russia.

K e y w o r d s: parish clergy; estate; profession; education; hierarchy; social organizations.

Chernoukhov E. A.

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg
echernoukhov@yandex.ru

Charitable Organizations in Private Ural Mining Enterprises in the 1st Half of the 20th Century

The author analyzes the structure and activity of almshouses, founding hospitals, and orphanages in private mining enterprises in the Urals in the 1st half of the 19th century. The article demonstrates that the establishment of special charitable organizations led to contradictory consequences.

K e y w o r d s: mining enterprises; almshouse; founding hospitals; orphanages; social care; Urals.

Krikkh S. B.

Omsk State University
krikkh@rambler.ru

Metel O. V.

Omsk State University
olgametel@yandex.ru

The Formation of the Marxist Approach to the Study of Religious Phenomena in the Soviet Academic Tradition (1920s – Early 1930s)

The authors analyze the process of formation of the Marxist approach to the understanding of religion as a phenomenon; singling out two main stages in the development of the aforementioned approach, one of which caused a number of interpretations of religion to appear (the 1920s), while the other marked the development of the unified Marxist model whose main principles were largely formed as a result of the changes in the Bolshevik policy line.

K e y w o r d s: religion; history of religions; Marxism; methodology of religious studies.

REVIEWS

Kulbakhtin S. N.

Bashkir State University, Ufa
bbb81@mail.ru

Chernoukhov E. A.

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg
echernoukhov@yandex.ru

Table Books on the History of the Mining Industry of the Urals

Review of: *Ural Manufacturers in the 1st Half of the 19th Century: the Owners and Their Property*. Nizhniy Tagil; NTFSPA; 2004; 600 p.; *Ural Manufacturers in the 1st Half of the 19th Century: the Owners and Their Property*. Yekaterinburg; RIO UrO RAN; 2013. 664 p. by E. G. Neklyudov

This is a review of two books of E. G. Neklyudov, doctor of History, who analyzes the biographies of all the mining enterprises owners of the Urals between the 19th – early 20th century considering different forms of ownership.

K e y w o r d s: mining enterprises; landowners; E. G. Neklyudov; Urals.

Kravchenko O. A.
Donetsk state University
1234oksana@rambler.ru

'Matter and Light; Evinced in Solid and Shade': E. Poe in the Mirror of Russian Symbolism

Review of: Edgar Poe and Russian Symbolism. Tula: Tul'skii poligrafist, 2012. 196 p. by T. V. Kolcheva

The author of the review focuses on the role of E. A. Poe's legacy for the Russian writers that can be considered his successors, and writes about the spiritual connection of the American poet's individual mythology with the creative work of N. V. Gogol and the artistic practice of Russian symbolism.

K e y w o r d s: Poe; romanticism; symbolism; author's mythology; comparative studies; ontological poetics.

Dergacheva-Skop E. I.
Novosibirsk National Research State University
e_dergacheva-skop@post.nsu.ru

The Contemporary Study of the Creative Work and Literary Culture of Old Believers

Review of *The Literary Work of Old Believers in the 18th – Early 21st Centuries: Topics, Problems, Poetics*. Novosibirsk: SO RAN publishing house; 2012. 442 p. by O. Zhuravel

The reviewer praises the innovative character and topicality of Olga Zhuravel's *The Literary Work of Old Believers in the 18th – Early 21st Centuries: Topics, Problems, Poetics*. The reviewer also analyzes the source basis, the methods of research used in the work, and emphasizes the value of the conclusions for the development of the history of Russian literature.

K e y w o r d s: Old believers' literature; Denisov brothers; Pomor school; Old believers rhetoric; hagiography.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2014. № 3 (130)

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

А. А. Макарова
Л. А. Хухаревой

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.10.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 28.10.2014. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 26,66. Усл. печ. л. 26,16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 1596.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

- Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (4 номера в год). Журнал включен в Перечень ведущих научных журналов ВАК и подписной каталог «Пресса России. Газеты и журналы» (т. 1), индекс 43143. Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранному сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков).
- К рукописи прилагается одна официальная рецензия.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста, резюме на русском и английском языках (тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, не более 700 знаков), перечнем ключевых слов на русском и английском языках и сведениями об авторе: фамилия, имя, отчество; год окончания вуза и его название; место работы; ученая степень и звание; сфера научных интересов; средство связи (телефон, e-mail, почтовый адрес):
- Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
- Страницы рукописи нумеруются.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом, с нумерацией и соответствующей распечаткой.
- К статье прилагаются таблицы со сведениями об авторе и сведениями о статье.
- Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, главному редактору серии «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета».
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.

Сведения об авторе

ФИО	
Организация	
Адрес места работы	
Рабочий телефон	
Научная степень, звание, должность	
Код научной специальности	
Сфера научных интересов	
Контактный телефон	
E-mail	

Сведения о статье

ФИО автора	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail	
Наименование статьи	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

Author	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	

- Анонимное рецензирование статей осуществляется ведущими российскими и зарубежными учеными.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал. Рукописи, не принятые редколлекцией к изданию, не рецензируются и автору не возвращаются.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер 14).
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- **Нумерация страниц** (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- **Переносы обязательны** (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- **Межсловный пробел** – один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. н.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995*. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин*.

- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 30-х годов*. **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61*.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, “...” — внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления», — говорил Маршак¹*.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысловозначения контекстов, например: *Всем обо всём*.
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрик) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: *«Неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (**пусть встреча состоится**)»*. Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Библиографические ссылки и примечания

- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5—2008, введенным с 1 января 2009 г., с обязательным указанием общего объема или конкретных страниц цитируемого источника.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1—3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с. 285]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора. Отсылки в тексте на архивные документы оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок.
- Для ссылок на электронные ресурсы вместо слов «Режим доступа» используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса) и ссылку на дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2009).
- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.

Телефон для справок: (343)350-75-92. Электронный адрес: izvestia.2@yandex.ru